Одесский альманах

№52

I / 2013

ДЕРИБАСОВСКАЯ ↓ РИШЕЛЬЕВСКАЯ

PLASKE

ПЛАСКЕ

От редакции

Недавно одному из основателей Одессы исполнилось 250 лет – он лишь ненамного старше нашего города, который 2 сентября нынешнего года отметит свой 219 день рождения. Граф Александр Федорович Ланжерон (так звали этого французского аристократа на русский лад) участвовал во многих сражениях. За взятие Измаила удостоен золотой шпаги, герой Отечественной войны 1812 года, генерал, он был кавалером трех Георгиев и ордена Андрея Первозванного. В 1815 году сменил легендарного Дюка де Ришелье на посту градоначальника молодой Одессы. Граф Ланжерон много сделал для ее (нашего!) процветания – в частности, в годы его правления городом и краем был введен статус порто-франко.

Завещал похоронить себя в любимом городе и упокоился в католическом соборе, что на улице Екатерининской. После октябрьского переворота 1917 года в храме был устроен спортзал, и один из членов нашей редколлегии боксировал на ринге, установленном на могильных плитах…

На юбилейный вечер памяти Ланжерона во Всемирный клуб одесситов пришли не только завсегдатаи, но и молодые люди, впервые заглянувшие в дом на углу Маразлиевской и Базарной. Они со вниманием слушали профессора А. Добролюбского, известных краеведов Р. Александрова, А. Горбатюка, О. Губаря, быть может, некоторые впервые узнали о славных деяниях того, чьим именем названа улица в центре города и пляж, знакомый им с детства…

Вот уже 13 лет мы стремимся рассказывать о знаменитых земляках, о ярких события в истории Южной Пальмиры, о наших самобытных культуре и искусстве, знакомим читателей с литературными произведениями наших современников и их предшественников. За эти годы альманах

стал своим для многих одесситов – и ныне живущих в родном городе, и тех, кто находится далеко от него.

И все же мы понимали – тираж альманаха явно недостаточен, для того чтобы с книгой могли познакомиться все желающие. Ее обладателями становились лишь те, кто бывал во Всемирном клубе одесситов, в Литературном музее – на презентациях новых номеров, которые мы передавали в библиотеки и общественные организации.

Ныне положение изменилось. Наш учредитель и издатель – АО «ПЛАСКЕ» – ОБЪЯВИЛ ПОДПИСКУ НА АЛЬМАНАХ «ДЕРИБАСОВСКАЯ – РИШЕЛЬЕВСКАЯ».

Подробнее об условиях подписки можно познакомиться, изучив подписной купон, который публикуется в этом номере, а также на сайтах «ПЛАСКЕ» (www.plaskepress.com) и Всемирного клуба одесситов (www.odessitclub.org).

Мы приветствуем наших читателей – и тех, кто с нами с первого номера, и тех, кто присоединится к нам, став подписчиком, а может быть, и одним из авторов альманаха «Дерибасовская – Ришельевская».

Михаил Жванецкий

Тяжесть души

Люди убивают людей, поджигают леса.
Чтоб облегчить себе душу.
У каждого на душе тяжело.
От президента до дворника.
Один пьет.
Другой убивает.
Третий пишет доносы.
Четвертый ищет плохое в хорошем.
Пятый болеет.
Просто чем-то болеет и предсказывает нам гибель, аргументированно и доброжелательно.
Шестой иронизирует над всем, что видит…
А мы ищем легких и веселых.
А вокруг тяжелые и обидчивые.
Почему тяжело?
Так человек устроен.
Постоянный сигнал.
Не успокаиваться.
Предпринимать.
Снимать тяжесть действием – физическим, умственным.
Глушить вином, спортом, путешествием.
А она не снимается, эта тяжесть!!!
Заставляет совершать новые и новые поступки.
Кто-то обрушивается на лыжах, кто-то стреляет в других, кто-то в себя.

Огромная сила и терпение, чтобы не употребить во зло другим.

Только себе.

Доброта – это просто шаг в сторону другого.

Ты стал на его место.

И на мгновение взял его тяжесть и добавил к своей.

Что такое злость? Это шаг в сторону себя.

Ты раздал свою тяжесть другим…

Что такое ненависть? Ты обвинил в своей тяжести других.

Даже тех, кто тебя не знает.

Что такое безразличие? Ты не хочешь видеть этой тяжести ни в ком, кроме себя.

Что такое талант? Умение описать свою тяжесть и передать читателю.

Что такое полководец? Снять тяжесть с других и взять ее на себя: «За ваши дела буду повешен я – вперед!».

Вот я и набрел на то, чем снимается тяжесть души, – приказом!

И, как вы заметили, победа в войне через какое-то время пропадает.

Победители – живут не лучше.

Даже сразу после победы.

И устанавливается опять предвоенное состояние.

И опять хочется испытать чье-то поражение больше своей победы.

И снять, снять эту тяжесть с души своей.

Хоть на короткое время.

Их поражением в футболе, на экране, на выборах.

Некоторые даже отращивают бороду, чтоб снять эту тяжесть.

А большинство умирает, так и не узнав, что борода им не к лицу.

Сергей Решетов

Потомки и родственники М.И. Голенищева-Кутузова и Наполеона Бонапарта в Одессе*

Часть 2

Бонапарты и Мюраты

В официальном печатном органе городского совета народных депутатов Одессы – газете «Одесский вестник» – 16 декабря 1995 г. была опубликована статья В. Мороза «Три маски Наполеона (записки моряка)»[1]. Спустя короткое время в той же газете в номерах за 4 и 6 января 1996 г. была опубликована статья с сенсационным названием: «Заговорил праправнук Бонапарта, живущий ныне в Одессе»[2]. В самом начале статьи ее автор Евгений Ривилис сообщил удивленным одесситам: «Если вы думаете, что я еврей, то глубоко ошибаетесь. Я прямой потомок императора Франции Наполеона Бонапарта». По версии автора, своим происхождением он обязан тайному появлению французского императора в 1807 г. в Одессе. Прибыв на секретные переговоры с градоначальником Одессы, французом по происхождению герцогом Ришелье, император намеревался склонить его на свою сторону и сделать главой «Одесского королевства»(!). Что касается родства с Бонапартом, то здесь ситуация обстоит еще интереснее. Впрочем, предоставим слово автору: «…где-то между 20 и 25 июля 1807 года переодетый в женское платье и с документами на имя гувернантки своей сестры император прибыл в Одессу. <…> во время тайного пребывания в Одессе, соблюдая по обоюдному согласию с герцогом инкогнито визита, Наполеон все время безвылазно

* Продолжение. Начало в кн. 51.

находился в резиденции губернатора. Естественно, проведя ночь на женской половине. И как выяснилось, времени зря не терял. Через девять месяцев, 10 апреля 1808 года… девятнадцатилетняя итальянка Луиза Равели родила мальчика». Далее автор описывает полную трудностей и опасностей жизнь его предков в Одессе и Кишиневе – охоту на них со стороны тайной полиции сперва Наполеона III, стремившегося устранить конкурента на престол Франции, а затем уже со стороны Третьей республики. По мнению автора, подлинной целью обстрела Одессы англо-французской эскадрой в апреле 1854 г. и высадки французских войск в помощь Добровольческой армии в 1918-1919 гг. был захват и похищение его предков и доставка их во Францию, угрозу для которой они представляли как подлинные наследники императорского престола. Однако коварные планы французов провалились, и последовательная смена фамилии Равели – Ривилли – Ривили – Ривилис окончательно сбила с толку тайную полицию неприятеля.

Не комментируя генеалогическую составляющую сенсационной статьи, отметим только тот факт, что даже теоретически не было необходимости похищать внебрачного потомка Наполеона I из Одессы ни в 1854, ни тем более в 1918-1919 гг.! В первом случае император Наполеон III, наоборот, старался возвысить чинами, титулами и деньгами всевозможных членов и родственников многочисленного клана Бонапартов, включая и внебрачных потомков своего дяди Наполеона I. Автор книги «Семья Наполеона» Д. Сьюард отмечает, описывая всевозможные милости Наполеона III после его провозглашения императором в 1852 г.: «Никто из тех, кто имел хотя бы малейшее отношение к клану, не оказался обойден: Александр Валевский, сын Марии Валевской от Наполеона, был не только пожалован в графы империи, но стал министром иностранных дел… Множество других родственников (их перечисление заняло бы слишком много времени) неплохо нагрели руки на своей принадлежности к клану»[3]. Что касается пребывания французских войск в Одессе в 1918-1919 гг., то к тому времени во Франции уже почти 50 лет после свержения Наполеона III существовала Третья французская республика (1870-1940 гг.), и вопрос о реставрации монархии не стоял даже близко. Между прочим, «Одесский вестник» в январе 1883 г. опублико-

вал заметку «Французские принцы, которым грозит высылка из Франции»[4] (в августе того же 1883 г. скончался последний представитель французской ветви королевского дома Бурбонов герцог Бордосский, претендент на престол Франции под именем Генриха V). Вскоре, в 1886 г., был принят закон, в соответствии с которым из страны были изгнаны семьи, претендующие на трон Франции. Кроме того, существовало большое число законных потомков свергнутых в XIX веке династий французских монархов – представителей Орлеанской династии (потомки короля Луи-Филиппа) и той же династии Бонапартов. Вопрос об их возможном восшествии на престол в случае провозглашения монархии как тогда, так и сейчас рассматривался только теоретически. «Права» на престол Франции (как королевский, так и императорский) потомков свергнутых династий были крайне малы.

Теперь перейдем к документально доказанному факту пребывания в Одессе ближайших родственников французской императорской династии Бонапартов, основанной Наполеоном I (правили во Франции в 1804-1814, 1815, 1852-1870 гг.).

11 ноября 1873 г.* в кафедральном Преображенском соборе Одессы состоялось венчание князя (так в оригинале метрической записи) Людвига Луцианова Мюрата, состоявшего ординарцем при его величестве короле Швеции и Норвегии, римско-католического исповедания, первым браком, 23 лет, и вдовы княгини Евдокии Михайловны Орбелиани, урожденной Сомовой, православной, вторым браком, 22 лет[5]. Поручителями на венчании выступили: со стороны жениха – городской голова и начальник жандармского управления Одессы, а со стороны невесты – камергер двора и генерал-майор свиты его императорского величества (подробнее о поручителях будет рассказано ниже).

Кем же был заезжий жених, венчанию которого было уделено столь пристальное внимание? Он принадлежал к семье принцев Мюратов (франц. Murat) и по женской линии являлся внучатым племянником Наполеона I и двоюродным племянником Наполеона III Бонапартов, императоров Франции. Французский род Мюрат не принадлежал к старинному дворянству и своим возвы-

* Зарубежные источники обычно приводят дату венчания по другому стилю – 23 ноября, реже двойную – 11/23 ноября.

шением обязан императору Наполеону. Сын трактирщика родом из Гаскони Иоахим Мюрат (1767-1815) отличился на военной службе и был взят Бонапартом в адъютанты. Во время итальянского похода Мюрат получил первый генеральский чин, затем сопровождал Наполеона в египетской экспедиции, а по возвращении во Францию активно участвовал в осуществлении переворота 18 брюмера (9 ноября) 1799 г. В 1800 г. он женился на сестре Наполеона Каролине Бонапарт; это обстоятельство (наряду с несомненными личными боевыми заслугами) способствовало его головокружительной карьере. Участвовал во всех экспедициях Наполеона, проявив себя блестящим кавалерийским командиром. В 1804 г. был среди первых назначенных Наполеоном маршалов Франции, а после коронации своего шурина по императорскому декрету в 1805 г. получил титул принца империи и почетное звание великого адмирала. Два года спустя, в 1806 г., французский император передал ему герцогства Берг и Клеве в Германии с титулом сначала герцога, а затем великого герцога. 1 августа 1808 г. Иоахим Мюрат стал королем Неаполя. Во время похода в Россию в 1812 г. король неаполитанский Иоахим («король Мюрат», как звали его солдаты) командовал кавалерийским корпусом, действовавшим в авангарде, был при Бородине, потерпел поражение под Тарутином, после отъезда Наполеона во Францию командовал остатками его армии. В 1813 г. участвовал в сражениях под Дрезденом и Лейпцигом, а потом уехал в Неаполь. В январе 1814 г., видя поражение Наполеона, Мюрат вступил в контакты с Австрией и Англией, надеясь сохранить престол. После возвращения императора во Францию («Сто дней») Мюрат вновь выступил на его стороне, но был разбит австрийцами и бежал во Францию. С небольшим отрядом он попытался отвоевать Неаполитанское королевство, но был схвачен, осужден военным судом и расстрелян. Его дети и внуки оказались в изгнании. Во время Второй империи во Франции Наполеон III подтвердил за Мюратами титул принцев и в память об их родстве с родом Бонапартов даровал старшему в роду право именоваться императорским высочеством, а остальным – высочествами[6].

Второй сын Иоахима Мюрата и Каролины Бонапарт, Наполеон-Люсьен-Шарль Мюрат (1803, Милан – 1878, Париж), принц неа-

Герб принцев Мюрат (малый)

политанский, 2-й принц де Понте-Корво, после смерти своего старшего брата Ахилла (1801-1847) стал главой семьи. В юности вместе со старшим братом эмигрировал из Венеции в Соединенные Штаты, где в то время проживал их дядя Жозеф Бонапарт, бывший король Испании. Здесь в 1831 г. Люсьен Мюрат женился на богатой американке Кэролайн Джорджине Фрейзер (1810-1879). Автор книги «Семья Наполеона» Д. Сьюард сообщает о нем: «В Соединенных Штатах сыновья Мюрата сохранили все амбиции своих родителей… Подобно своему дяде Жерому… Люсьен Мюрат женился на красавице южанке. Звали ее Каролина Джорджина Фрейзер. Она была дочерью богатого плантатора из Южной Каролины. После того как Люсьен промотал все ее состояние, она была вынуждена открыть школу с пансионом, чтобы как-то поддержать себя и супруга. Временами Люсьен бывал невыносимым. «Ты родился жалким корсиканским крестьянином, – говорил внук трактирщика своему дяде Жозефу Бонапарту. – Я же, в отличие от тебя, появился на свет на ступеньках трона»[7]. После февральской революции 1848 г. Люсьен Мюрат вернулся во Францию, где был избран депутатом в Учредительное собрание, а в 1849-1850 гг. был полномочным послом («министром») Франции в Сардинском королевстве. В 1852 г. после провозглашения его кузена императором Наполеоном III последний пожаловал Мюрату титул высочества и назначил сенатором. О его высоком статусе свидетельствует официальный французский справочник – «Annuaire de l'administration Française». В его первом издании (1858 г.) приводятся сведения об императоре и его ближайших родственниках – «принцах и принцессах императорской фамилии», в числе которых мы находим принца Люсьена Мюрата, его братьев и сестер (всего 15 человек, вклю-

чая императора)[8]. Родословная династии Бонапартов и их родственников, опубликованная в период пребывания при власти Наполеона III, в 1868 г., приводит биографию принца Люсьена: принц неаполитанский с 1808 г., принц де Понте-Корво с 1812 г., адвокат в Нью-Йорке, народный представитель 1848-1849, министр в Турине 1850, сенатор с 1852, принц Франции с 1853 г.[9] Являлся великим магистром масонской ложи «Великий Восток Франции». Во второй половине 1850-х годов Мюрат стремился получить «наследственный» трон Королевства Обеих Сицилий, но Наполеон III его не поддержал. Описывая эпоху правления Наполеона III, упомянутый выше Д. Сьюард сообщал о принце Люсьене Мюрате: «Члены клана получили что ни на есть скандальную известность… Сын Каролины князь Мюрат стал одним из ходячих анекдотов Парижа: будучи сражен подагрой, он, тем не менее, каждый вечер заставлял приносить себя в Фоли-Бержер»[10]. После поражения Франции во франко-прусской войне и свержения Наполеона III Люсьен находился в тюрьме, затем недолго жил в США и умер в Париже. Двое из его четырех детей были связаны с Россией: принц Ашиль (Ахилл)-Шарль-Луи-Наполеон (1847-1895) был женат (венчались в Париже 13 мая 1868 г.) на княжне Саломее Давидовне Дадиани-Мингрельской (1848-1913), а принц Луи-Наполеон женился в 1873 г. на княгине Евдокии Орбелиани.

Герб принцев Мюрат (большой)

Женившись на светлейшей княжне Саломее Давидовне Мингрельской*, дочери владетеля Мингрелии из династии Дадиани, принц Ашиль Мюрат поселился в Зугдиди. Живя в России, их дети

* В 1893 г. ее брат, светлейший князь Андрей Давидович Мингрельский (1850-1910), поселился в Одессе в доме Асвадурова на Новой улице, переехав сюда из своего имения в Абас-Тумане на Кавказе (Одесский вестник. – 1893, 27 марта).

сохраняли титул иностранных принцев и не ходатайствовали о русском подданстве. Лишь 12 июня 1914 г. высочайшим указом было повелено: «Принятой с согласия нашего в подданство России принцессе Каролине-Екатерине-Гортензии-Антонине (Антуанетте) Мюрат всемилостивейше предоставляем права потомственного дворянства с сохранением за нею титула, коим она пользовалась до принятия ее в российское подданство». Таким образом, за принцессой Мюрат было признано в России право на иностранный титул. На других представителей семьи этот указ не распространялся; они оставались и остаются подданными Франции, где род принцев Мюрат продолжается[11].

Принц Луи-Наполеон Мюрат, младший из пяти детей принца Люсьена Мюрата (1803-1878), записанный в метрической книге одесского кафедрального Преображенского собора как «князь Людвиг Луцианов», родился в Париже 22 декабря 1851 г., когда его двоюродный дядя и полный тезка принц Луи-Наполеон Бонапарт пребывал в должности президента Второй французской республики (год спустя, в декабре 1852 г., он совершил государственный переворот и провозгласил себя императором Наполеоном III). Его крестными были, по традиции клана Бонапарт, близкие родственники – вышеуказанный президент Луи-Наполеон и двоюродная тетка, ее высочество принцесса Матильда[12] (1820-1904), княгиня Сан-Донато*. В той же метрической книге собора сообщалось, что жених – «состоящий ординарцем при его величестве короле Швеции и Норвегии». На момент венчания (1873 г.) королем Швеции и Норвегии был Оскар II из династии Бернадотов (1829-1907), вступивший на престол годом ранее, в 1872 г. При этом авторитетный энциклопедический справочник – Британская энциклопедия («Британника») в статье о принцах Мюратах приводит о нашем герое единственный факт, согласно которому он «was for a time orderly officer to Charles XV of Sweden» (был какое-то время дежурным офицером при Карле XV Шведском)[13]. Король Швеции Карл XV скончался в 1872 г., и таким образом фразу «состоящий ординарцем при его величестве короле Швеции и Норвегии» в метрической книге год спустя, в 1873 г., необходи-

* Близкие родственники ее мужа, Демидовы, князья Сан-Донато были хорошо известны в Одессе.

мо понимать так, что на это время жених, принц Мюрат, никаких должностей уже не занимал, ранее являясь ординарцем (дежурным офицером) умершего короля Швеции Карла XV. Каким же образом французский принц вообще оказался в Швеции? Шведская королевская династия Бернадотов была тесно связана с Бонапартами (Бернадот и Мюрат были одновременно произведены Наполеоном в маршалы Франции), впоследствии маршал Бернадот даже «обменялся» с Мюратами титулом принца де Понте-Корво. Д. Сьюард сообщает в своей книге о периоде правления Наполеона III: «Бонапарты наконец-то помирились с Бернадотами. В 1858 году Наполеон III стал крестным отцом будущему королю Швеции Густаву V (сын Оскара II. – **Авт.**)»[14]. Интересные подробности сообщает в своих мемуарах принцесса Каролина Мюрат**, родная сестра нашего героя принца Луи-Наполеона. Будучи второй раз замужем за англичанином, она проживала в Англии и близко общалась с бывшей французской императрицей Евгенией, супругой свергнутого в 1870 г. Наполеона III. Итак, Каролина Льюис-Гарден, урожденная принцесса Мюрат, сообщает в мемуарах (перевод с английского В.А. Турецкого): «Тем временем императрица попыталась прочесть мне несколько отрывков из письма, только что полученного ею от Оскара, короля Швеции. Речь в них шла о младшем из моих братьев; в 1870 году император отправил его к королю Карлу, а тот ввел его в круг своих приближенных военных. Король крепко привязался к моему брату и постоянно призывал его к себе во время своей болезни. Умер король в сентябре 1872 года. Брат рассказывал мне, что не было у него в жизни ничего горше тех двух ночей, когда он стоял в карауле во время прощания с почившим монархом. Когда на престол взошел Оскар, брат покинул Швецию, а вскоре, в ноябре 1873 года, взял себе русскую жену – княгиню Орбелиани. О крещении их первенца как раз и сообщал в своем письме король Оскар, ставший крестным отцом»[15]. Далее принц Луи-Наполеон упоминается в мемуарах в связи с его прибытием в Англию на похороны погибшего в 1879 г. кузена, «prince imperial» Наполеона, сына Наполеона III: «Мой

** Мюрат, принцесса Каролина-Летиция (1832-1902), в первом браке баронесса де Шассирон, во втором – Льюис-Гарден. Ее мемуары были опубликованы в 1910 г. и переизданы в 2005 г.

младший брат, принц Луи, прибыл из России и остановился у Палтни. Его жена ввиду слабого здоровья не могла путешествовать вместе с ним»[16].

Но вернемся к венчанию принца Мюрата в Одессе. Поручителями при венчании в 1873 г. выступили: по женихе – подполковник Карл Герасимович Кноп и одесский городской голова, тайный советник Николай Александрович Новосельский, а по невесте – двора его императорского величества камергер граф Юрий Николаевич Подгоричани и свиты его величества генерал-майор Чавчавадзе. Приведем краткие сведения о поручителях. Карл Германович Кноп, с 1869 г. – подполковник, в 1870-е годы являлся начальником жандармского управления в г. Одессе[17]. Впоследствии он недолго был градоначальником Одессы (в 1880 г.). Николай Александрович Новосельский (1818-1898), тайный советник, городской голова Одессы (1867-1878), впоследствии – член Совета министерства финансов. Граф Юрий (Егор) Николаевич Подгоричани-Петрович, губернатор Волынской губернии (1878-1881), директор Волынского комитета попечительства о тюрьмах, в 1880-1890-е годы в чине действительного статского советника продолжал состоять в звании камергера высочайшего двора. Что касается не названного по имени свиты его величества генерал-майора Чавчавадзе, то это могут быть следующие лица. На 1872 г. среди генерал-майоров было три князя Чавчавадзе, из них двое состояли в свите императора. Это князья Давид Александрович (1817/1818-1884), генерал-майор свиты его величества с 1861 г., состоявший при Кавказской армии, мировой посредник 1-го отдела Телавского уезда и военный начальник Западного Дагестана князь Николай Зурабович (1830-1897), генерал майор с 1871 г., а с 1872 г. состоявший в свите[18]. По нашему мнению, поручителем был князь Давид Александрович, двоюродный брат первого мужа Евдокии Михайловны князя Орбелиани (см. далее примечание к воспоминаниям Берты фон Зуттнер). Таким образом, со стороны жениха поручителями выступили высшие представители одесской администрации, а со стороны невесты – высокопоставленные чины императорского двора.

Обратимся к личности супруги принца Мюрата – вдовы княгини Евдокии Михайловны Орбелиани, урожденной Сомовой.

И российские, и зарубежные источники приводят несколько противоречивую информацию о ней. Так, генеалог М.Т. Яблочков в труде «Дворянское сословие Тульской губернии» (том 7, Тула, 1904 г.) ошибочно показывает, что супруга князя Орбелиани и принца Мюрата, Евдокия Михайловна Сомова, была дочерью Михаила Николаевича Сомова и его супруги Варвары Петровны Измалковой. Это неверно, поскольку принцесса Евдокия Мюрат, согласно Петербургскому и Готским альманахам, родилась 17 февраля 1851 г.[19] (согласно другим источникам – в 1850 г.), и если бы она была дочерью указанных родителей, то должна была быть и сестрой Афанасия Михайловича Сомова, который родился 16 октября 1850, чего быть не может[20]. Выпущенные за рубежом генеалогические издания также вносят путаницу как в сведения о ее родителях, так и в дату и место рождения. Так, «Annuaire de la noblesse de France et des maisons souveraines de l'Europe» (1915 г.) приводит ее фамилию как «Somow-Schirinsky-Schikmatow», а «Les maréchaux du Premier empire: leur famille et leur descendance» (1957 г.) – как «Somow-Skirinsky» (без указания родителей), «Burke's Royal Families of the World» (1977 г.) называет родителями принцессы Мюрат Михаила Александровича Сомова, «The American Genealogist» (том 64-65, 1989 г.) со ссылкой на труд Н.Ф. Иконникова – Михаила Александровича (или Николаевича) Сомова и княжну Марию Павловну Ширинскую-Шихматову.

На самом деле Евдокия Михайловна Сомова была дочерью штабс-капитана гвардии конной артиллерии, предводителя дворянства Славяно-Сербского уезда Екатеринославской губернии (1853 г.), крупного помещика нескольких губерний Михаила Александровича Сомова (1797 – после 1853) и его супруги Марии Павловны, княжны Ширинской-Шихматовой. Это подтверждают не только генеалогические источники. Например, в книге «Решения гражданского кассационного департамента Правительствующего сената. 1889» сообщается: «от имени вдовы гвардии штабс-капитана Марии Павловны Сомовой… был арест на капиталы наследницы покойной Сомовой – принцессы Мюрат»[21].

Первым супругом Е.М. Сомовой был князь Александр Орбелиани, умерший в 1868 г. (или в 1869 г.), вторым – принц Луи-Наполеон Мюрат. Зарубежные источники приводят также разные

даты и места рождения Евдокии Михайловны – 17 февраля 1850 г., 17 февраля 1851, и называют местом рождения в одном случае Харьков, а в другом – некую Александровку или даже Одессу. Вероятно, под Александровкой имеется в виду современный г. Александровск Луганской области, где находилось имение Е.М. Мюрат, которая была крупной землевладелицей Славяносербского уезда Екатеринославской губернии: «г. Александровск. Расположен на р. Лугань. <…> От Александра Юзбаша земля и имение перешли к помещику Сомову, затем к принцессе Мюрат, от нее – к княгине Шахматовой, затем к Л. Голубеву. В своем имении К. Юзбаш построил прекрасный архитектурный ансамбль, который и сегодня является памятником архитектуры. С 1946 г. Александровка становится поселком, а с 1961 г. – городом Александровском. Административно город входит в состав Артемовского района г. Луганска»[22]. Согласно генеалогии Мюратов, в «Alexandrov» (Александровке?) в 1884 г. скончался средний сын Е.М. Сомовой, а в 1887 г. родился младший.

Евдокия Михайловна упоминается и в мемуарной литературе.

Берта фон Зуттнер* в воспоминаниях сообщает, что в 1864 г. на курорте в Германии она знакомится с правительницей Мегрелии княгиней Екатериной Дадиани и ее семьей, в 1868 г. она присутствует в Париже на бракосочетании княжны Саломеи Давидовны Дадиани и принца Ахилла Мюрата (по словам мемуаристки, свадьба состояла из трех отдельных церемоний – сначала гражданской службы в мэрии, утром свадьбы по католическому обряду в Тюильри в присутствии императора Наполеона III и императрицы и вечером в Греческой церкви по православному обряду). В мемуарах приводится адресованное ей письмо княгини Екатерины Дадиани, написанное 12 сентября 1873 г. в Ялте, где, в частности, сообщается (перевод с англ. В.А. Турецкого): «Нико и Андре (дети княгини. – **Авт.**) сейчас в Мингрелии и с нетерпением ожидают меня. Саломея приедет в Ялту 24-го; несколько

* Берта фон Зутнер, баронесса, урожденная Кински (1843-1914) – австрийская писательница, деятель международного пацифистского движения, первая женщина – лауреат Нобелевской премии мира, и вторая женщина, вообще получившая Нобелевскую премию. Выйдя в 1876 г. замуж против согласия родителей супруга, Берта и ее муж вынуждены были уехать в Грузию, воспользовавшись приглашением семьи князя Дадиани, где прожили около десяти лет.

времени она проведет с княгиней Орбелиани [см. сноску] – вдовой моего двоюродного брата** и владелицей небольшого имения неподалеку, – а затем присоединится к нам в Мингрелии ([сноска внизу страницы]: Позднее в результате этой поездки она вышла замуж за принца Луи Мюрата – младшего брата принца Ахилла)»[23]. Как сообщалось выше, венчание вдовствующей княгини Е.М. Орбелиани с принцем Мюратом в Одессе состоялось 11 ноября того же 1873 года.

Юрист, историк и философ Борис Николаевич Чичерин (1828-1904) в своих воспоминаниях сообщает о несостоявшемся женихе Е.М. Сомовой: «Козлов был больше идеалист. За что его особенно любил наследник. Впоследствии он сошел с ума, будучи женихом очень богатой, но некрасивой княгини Орбелиани, рожденной Сомовой, вышедшей потом замуж за Мюрата. Говорили, будто он не мог вынести мысли, что женится на деньгах, явление довольно редкое, которое делает ему честь»[24]. Здесь автором имеется в виду сын генерал-майора, командира лейб-гвардии Измайловского полка Павел Александрович Козлов (1841-1891). Он был ротмистром лейб-гвардии Кирасирского полка, с 1864 г. – флигель-адъютантом цесаревича Николая Александровича, а после его смерти – адъютантом и ближайшим другом его брата цесаревича Александра Александровича (будущего императора Александра III). Друг Козлова, князь В.П. Мещерский, вспоминал, что в 1873 г. Козлова внезапно поразила душевная болезнь[25].

** Правительница Мингрелии Екатерина Александровна Дадиани (1816-1882) была урожденная княжна Чавчавадзе. Она была дочерью крестника императрицы Екатерины II князя Александра Гарсевановича Чавчавадзе (1786-1846), генерал-лейтенанта, выдающегося грузинского поэта и общественного деятеля, и его супруги, княжны Саломе Ивановны Орбелиани, правнучки царя Ираклия II (старшая сестра Екатерины Александровны, Нина Александровна, была замужем за Александром Сергеевичем Грибоедовым, младшая, Софья, – за министром народного просвещения бароном Александром Павловичем Николаи). Княгиня Саломея Ивановна Чавчавадзе, урожденная княжна Орбелиани, была дочерью князя Ивана Давидовича Орбелиани и княжны Анастасии Чолокашвили. Таким образом, поручителем при венчании в 1873 г. в Одессе вдовствующей княгини Орбелиани с принцем Мюратом не названный по имени свиты его величества генерал-майора Чавчавадзе, скорее всего, был князь Давид Александрович, сын Александра Гарсевановича и двоюродный брат первого мужа Евдокии Михайловны.

Мать императора Николая II императрица Мария Федоровна писала в дневниках: «24 октября / 6 ноября [1916 г.]. Приняла кн[язя] Мюрата, произвел весьма приятное впечатление. Он сын у[рожденной] Сомовой, которая в первом браке была замужем за князем Орбелиани, ад[ъютантом] дяди Кости»[26]. Далее, 1 января 1917 г., она сообщает, что приняла князя Мюрата в числе высокопоставленных офицеров[27] (вероятно, здесь ею имелся в виду полковник, с 1917 – генерал-майор российской службы Наполеон Ахиллович Мюрат). Вышеуказанный источник сообщает, что первый супруг Е.М. Сомовой был адъютантом «дяди Кости», то есть великого князя Константина Николаевича (1827-1892). По некоторым сведениям, его адъютантом был штабс-капитан князь Иван Константинович Орбелиани (генерал-майор, умерший в 1892 г.).

От своего отца Евдокия Михайловна унаследовала имение Кучук-Ламбат близ Алушты в Крыму (ныне – село Кипарисное):

«Впоследствии А.Н. Андреев из-за постоянных раздоров с кн. Гагариными продал свою часть Сомову (крупному землевладельцу, хозяину огромного конного завода в Воронежской области), от которого имение перешло к его дочери, в замужестве принцессы Мюрат. Это богатое владение в числе других было проиграно Мюратом и в 1904 г. перешло в Удельное ведомство.

Во время русско-японской войны 1905 г. и первой мировой 1914 г. бывший мюратовской дом использовался под санаторий для высшего командования. Император Николай II неоднократно приезжал сюда. Существовала идея строительства новой летней резиденции в Кучук-Ламбате»[28].

«Петербургский альманах» («Almanach de St-Petersbourg. Cour, Monde et Ville») на 1912 г. приводит сведения о супругах Мюратах: принце Луи Мюрате, указанного с титулом «altesse» – высочество (франц.), и принцессе Евдокии Михайловне. При этом сообщается, что Е.М. Мюрат родилась 17 февраля 1851 г., а также парижский адрес Мюратов – бульвар Flandrin, № 86[29]. Неясно, жили ли супруги в этот момент в Санкт-Петербурге, и по какому адресу, но само их наличие в вышеуказанном издании подразумевало факт проживания в столице Российской империи. Пока документально установлен факт проживания в Петербурге племянника

принца Луи Мюрата – принца Наполеона Ахилловича Мюрата (1873-1943), офицера российской армии, в 1917 г. дослужившегося до генерал-майора.

Принц Луи-Наполеон Мюрат скончался в Париже 22 сентября 1912 г., а его супруга Евдокия Михайловна – 6 мая 1924 г. в Ницце. От их брака родилось трое сыновей, причем старшие умерли еще при жизни родителей: Эжен-Луи-Мишель-Иоахим-Наполеон (1875-1906, был убит во время поездки в Баварию), от брака с Виолеттой-Жаклин-Шарлоттой Ней д'Эльхинген (1878-1936), потомком наполеоновского маршала Нея, имел двоих детей; Оскар-Шарль-Иоахим (1876-1884); Мишель-Анн-Шарль-Иоахим-Наполеон (1887-1914), который был дважды женат (от первого брака имел дочь). В настоящее время эта ветвь принцев Мюрат по мужской линии прекратилась.

Нельзя обойти вниманием факт проживания в Одессе представителей семьи Сомовых, близких родственников Евдокии Михайловны. В 1883 г., через 10 лет после венчания Евдокии Михайловны в Одессе, ее двоюродный брат по отцу, Сергей Николаевич Сомов (род. 1841), родители которого были дворянами и помещиками Ананьевского уезда Херсонской губернии, был назначен управляющим государственными имуществами Херсонской и Бессарабской губерний (эту должность он занимал длительное время), и с этого времени постоянно проживал в Одессе, имел чин действительного статского советника[30]. От брака с дочерью мемуариста, тобольского губернатора Ольгой Александровной Тургеневой (род. 1836) он имел несколько детей[31]:

– Александра Сергеевича (1859-1928, Одесса), дипломата (на 1898 г. – коллежский советник, первый секретарь миссии в Румынии, к 1917 г. – действительный статский советник), от брака (17 мая 1896 г., Покровская церковь г. Одессы)[32] с дочерью австрийско-подданного Марией Георгиевной (Гавриловной) Мюльбауер (род. ок. 1868) имевший сыновей Александра (род. 18 августа 1898 г. в Одессе)[33], Сергея (род. 25 декабря 1906 г.) и еще одного Александра (род. 18 августа 1908) [В метрической книге Покровской церкви в 1898 г. имеется запись о венчании надворного советника Ивана Сергеевича Сомова и Марии Мюльбауер, тогда как у Яблочкова такого сына нет, а Александр указан мужем

М. Мюльбауер. Возможно, это ошибка в метрической книге, и этот вопрос требует дополнительного исследования.];

Николай Сергеевич Сомов

– Николая Сергеевича (род. 10 марта 1866, СПб.), кандидата прав Имп. Новороссийского университета, земского начальника 6 участка Ананьевского уезда Херсонской губ., мирового судьи г. Одессы, от брака (29 сентября 1896 г., Покровская церковь г. Одессы)[34] с баронессой Александрой Федоровной Мейендорф (8 сентября 1868 – 23 мая 1901, Одесса)[35] имевшего сыновей Николая (род. 25 июля 1897 г. в Одессе)[36] и Сергея (род. 1 января 1901 г. в Одессе)[37]. Николай Николаевич Сомов от брака (1932 г.) с дочерью генерал-майора Ириной Дмитриевной Левшиной (1905-1945) имел сына Николая (род. 1933, Касабланка);

– Ольгу Сергеевну;

– Екатерину Сергеевну (ум. 1944, Одесса), члена ряда одесских благотворительных организаций, редактора «Записок Крымско-Кавказского горного клуба» и почетного члена этого клуба, вышедшую замуж за известного ученого-экономиста, правоведа и финансиста профессора юридического факультета Имп. Новороссийского университета Сергея Ивановича Иловайского (1861-1907). Последний скончался от огнестрельного ранения и был похоронен на кладбище одесского женского монастыря на Среднем Фонтане[38];

– Надежду Сергеевну, члена ряда одесских благотворительных организаций;

– Марию Сергеевну (1870-1938), вышедшую замуж за графа Николая Васильевича Стенбок-Фермора (1869-1941);

– Евпраксию Сергеевну, вышедшую замуж за графа Владимира Васильевича Стенбок-Фермора (1866 – ок. 1945).

Примечания

[1] Одесский вестник. – 1995, 16 декабря, № 241-242.

[2] Одесский вестник. – 1996, 4, 6 января, № 3, 4.

[3] Сьюард Д. Семья Наполеона. – Смоленск, 1995, с. 381.

[4] Одесский вестник. – 1883, 22 января, № 17.

[5] Запись о венчании князя Л.Л. Мюрата и княгини Е.А. Орбелиани в метрической книге кафедрального Преображенского собора г. Одессы на 1873 г. // Государственный архив Одесской области (далее – ГАОО), ф. 37 (Херсонская духовная консистория), оп. 6, д. 44, л. 125 об. – 126.

[6] Думин С.В. Принцы Мюрат // Дворянские роды Российской империи / Под редакцией С.В. Думина. Т. 3. – М., 1996, с. 17-18.

[7] Сьюард Д. Семья Наполеона. С. 373-374.

[8] Annuaire de l'administration Française. – Paris, 1858, p. 3.

[9] Bouillet M.-N. Atlas universel d'histoire et de géographie. – Paris, 1865, p. 417.

[10] Сьюард Д. Семья Наполеона. С. 382, 384.

[11] Думин С.В. Принцы Мюрат.

[12] The American Genealogist / Pub. D.L. Jacobus. – Vol. 64-65. 1989, p. 178.

[13] The Encyclopaedia Britannica: a Dictionary of Arts, Sciences, Literature and General Information. 11th ed. Vol. XIX. – New York, 1911, p. 30.

[14] Сьюард Д. Семья Наполеона. С. 387-388.

[15] Murat Caroline. My Memoirs. – Kessinger Publishing, 2005, p. 297.

[16] Там же, p. 329.

[17] Список подполковникам по старшинству. Исправлен по 1-е марта. – СПб., 1874, с. 185.

[18] Список генералам по старшинству. Исправлено по 1-е августа. – СПб., 1872 г., с. 512, 929; Думин С.В. Князья Чавчавадзе // Дворянские роды Российской империи / Под редакцией С.В. Думина. Т. 4. – М., 1998, с. 237, 242, 243.

[19] Almanach de Gotha. 1902. – Gotha, 1902, p. 392.

[20] Сообщено И.Г. Лильп и А.Н. Акиньшиным.

[21] Решения общего собрания первого и кассационных департаментов Правительствующего сената. 1888. – СПб., 1889, с. 17.

[22] Высоцкий В.И. Исторические аспекты топононимов Луганщины. – Луганск, 2003. Интернет-публикация.

[23] Suttner B., von. Memoirs of Bertha von Suttner: the Records of an Eventful Life. Vol. I. Boston and London, 1910, p. 200.

[24] Воспоминания Бориса Николаевича Чичерина. Московский университет / Вступ. ст. и примеч. С.В. Бахрушина. – Москва, 1929, с. 125.

[25] Мещерский В.П., князь. Мои воспоминания // Александр Третий: Воспоминания. Дневники. Письма. – СПб., 2001, с. 70, 74.

[26] Дневники императрицы Марии Федоровны (1914-1920, 1923 годы) / Сост., предисл., коммент. Ю.В. Кудриной. – М., 2006, с. 152.

[27] Там же, с. 169.

[28] Тайна великой княжны: полуденный альманах / Ред. Н. Николаенко. – М.; Симферополь, 1998, с. 191.

[29] Almanach de St-Petersbourg. Cour, Monde et Ville. – SPb., 1912, p. 354.

[30] Яблочков М.Т. Дворянское сословие Тульской губернии. Т. 7. – Тула, 1904, с. 63.

[31] Там же, с. 75.

[32] Запись о венчании И.С. Сомова (так!) и М. Мюльбауер в метрической книге Покровской церкви г. Одессы (далее – Покровской церкви) на 1896 г. // ГАОО, ф. 37, оп. 13, д. 334, л. 246 об. – 247.

[33] Запись о крещении А.А. Сомова в метрической книге Покровской церкви на 1898 г. // ГАОО, ф. 37, оп. 13, д. 413, л. 43 об. – 44.

[34] Запись о венчании Н.С. Сомова и баронессы А.Ф. Мейендорф в метрической книге Покровской церкви на 1896 г. // ГАОО, ф. 37, оп. 13, д. 334, л. 280 об. – 281.

[35] Запись об отпевании А.Ф. Сомовой в метрической книге Покровской церкви на 1901 г. // ГАОО, ф. 37, оп. 13, д. 500, л. 362 об. – 363.

[36] Запись о крещении Н.Н. Сомова в метрической книге Покровской церкви на 1897 г. // ГАОО, ф. 37, оп. 13, д. 382, л. 103 об. – 104.

[37] Запись о крещении С.Н. Сомова в метрической книге Покровской церкви на 1900 г. // ГАОО, ф. 37, оп. 13, д. 468, л. 85 об. – 86.

[38] Запись об отпевании С.И. Иловайского в метрической книге Покровской церкви на 1907 г. // ГАОО, ф. 37, оп. 13, д. 704, л. 397-398.

Александр Третьяк

Коцюбиев, или История фальшивки

Касаясь предыстории основания Одессы и собственно исторического прошлого территории, где ей было суждено появиться, нельзя оставить без внимания вопрос, касающийся своеобразной легенды о существовании в позднее Средневековье и новое время на этом месте некоего польского города Коцюбиева, давшего, в свою очередь, само название Хаджибею. Подобные мало остроумные выдумки, не подтверждающиеся ни одним историческим документом, а потому не подлежащие научной критике и анализу, вряд ли бы стоило рассматривать вообще. Однако, исходя из того, что в литературе последних десятилетий, включая не только ту ее часть, которая преследует чисто идеологические цели, но и в научной, указанным мифом стали оперировать едва ли не как с доказанным историческим фактом, попробуем проанализировать аргументы авторов подобных воззрений, наградивших *post factum* Польское королевство почти за сто лет до его фактического выхода к Балтийскому морю через польскую Померанию в 1466 г. статусом черноморской державы.

Прежде всего, обратимся к официальным польским источникам. Благо в этом отношении, в отличие от других государственных образований Восточной и Центральной Европы, кодификация законов, статусов, королевских конституций и пр. в Речи Посполитой была проведена и завершена еще во второй половине XVIII века в уникальном многотомном издании, охватывавшем государственные документы с XIII по XVIII вв.* Нет нужды говорить, что ни в одном из сотен материалов, касающихся событий

* См.: Inwentarz praw, statutów, konstytucji koronnych, y W.X.L. w chasie bezkrolewia r. 1764 y za panowania nayiasnieysztgo Stanislawa Augusta. – Warsawie,

начала XV в., как и в последующие периоды, нет даже косвенных намеков на черноморские амбиции Польского королевства. Более того, здесь нет вообще упоминания некоего Коцюбиева либо производного от этого названия, которое соответствовало бы его расположению в Северном Причерноморье. Аналогичный результат, кстати, получается и после знакомства с литовскими метриками*. А ведь речь идет о документах, где расписаны не только города и крупные поселения, принадлежавшие либо мнимо принадлежавшие, по шляхетским претензиям, данным государствам, но и самые ничтожные деревушки, мосты, переправы и т. п. Во всяком случае, там, где можно было предъявить свои феодально-ленные права, и где был хотя бы один подданный, способный носить оружие или обладавший конем.

Каким чудесным образом испарился из официального реестра город и, как утверждают, крупный порт на берегу Черного моря, остается только догадываться. Как и о том, почему столь эпохальное событие в жизни не только отдельно взятого государства, но и для всего международного сообщества, каковым являлся бы выход к морю Польского королевства, осталось совершенно не замеченным современниками. Только для людей, весьма смутно представляющих себе, что такое медиевистика, может показаться, что позднее Средневековье являло собой подобие некой анархии. Напротив, это была жестко сконструированная общественно-политическая система. Поэтому гипотеза о появлении польского флота на Черном море в самом начале XV столетия, где в реальности абсолютной монополией на все торговые отношения обладала генуэзская Каффа, выглядит, по крайней мере, абсурдной. Ибо следует заметить, что до настоящего времени в итальянских архивах хранятся документы и подробнейшие росписи всех событий не только непосредственно, но и косвенно касавшихся всех генуэзских коммерческих интересов в акватории черноморского бассей-

1782; а также указатель: Inwentarz praw, statutów, konstytucji koronnych, y W.X.L. Voluminis legume. – Warszawie, 1789.

* См., например: Акты литовской метрики. – Т. 1, вып. 1, 1413-1498; вып. 2, 1499-1507. – Варшава, 1896-1897; Перапіс Войска Вяликого княства Літоўскага 1528 года. Метрыка Вяликого княства Літоўскага. – Мінск, 2003.

на.** Не говоря уже о том, что в соответствующих журналах фиксировался отход и приход всех судов в черноморских портах, включая Константинополь, привилегией захода в который со стороны проливов обладала только Генуя, с указанием владельцев, декларациями о грузах и уплаченными пошлинами.

Впрочем, развивать далее данную тему нет никакого смысла, так как этим мы можем лишь пролонгировать количество примеров неадекватности «коцюбиевской» выдумки подлинным историческим процессам указанного периода. А потому обратимся к фразе, с неизменной ссылкой на авторитет польского историка Яна Длугоша ставшей альфой и омегой для тех, кто с поразительной настойчивостью пытается переписать и отечественную, и польскую, да и европейскую историю: «Доказательством существования на месте нынешней Одессы польского города Кочубея в XV в. служат многочисленные документы, в частности, хроника Яна Длугоша 1415 года». Относительно «многочисленных документов» все совершенно понятно, так как никто и никогда не привел ни одного из них или хотя бы ссылки на таковой. Что касается «хроники», то это уже более чем любопытно, ибо по странному стечению обстоятельств, польский священник Длугош сам родился именно в 1415 г., и в тот момент если и мог что-либо документально зафиксировать, то лишь собственно факт своего рождения. Но это при условии, конечно, что младенец был одарен невиданными способностями, в чем стоит выразить сомнения. Тем не менее, попытаемся проанализировать ту часть истории Яна Длугоша, где идет речь якобы о предшественнике Одессы.

Возможно, на первый взгляд, в указанном тексте польской истории Длугош полностью оправдывает не совсем лестное мнение о себе в научном мире, сложившееся относительно его методов изложения исторических фактов.*** Однако не будем то-

** См. подробное описание итальянских архивных источников по данному вопросу в кн.: Карпов С.П. Итальянские морские республики и Южное Причерноморье в XIII-XV вв.: проблемы торговли. – М., 1990.

*** «Длугош очень свободно обращается с источниками, то обходя молчанием факты, сообщаемые ими, но неблагоприятные для его тенденции, то искажая их показания, иногда до полной противоположности с прямым их смыслом. Другая причина многочисленных ошибок Длугоша лежит в способе отношения его к источникам, общим всему его веку. Прежде всего, у него часты удвоения

ропиться, ибо субъективно передаваемые католическим священником события, хотя и не имеют собственно к территории Одессы совершенно никакого отношения, тем не менее, заслуживают внимания.* Впрочем, нелишним будет заметить, что тем, кто ухитрился в контексте указанной части труда Длугоша увидеть статус Польского королевства в качестве морской державы, нельзя отказать в недостатке воображения. Относительно же последнего положения добавим, что подобные интерпретаторы Длугоша: а) либо его вовсе и не читали, а если и видели текст, то по причине незнания латыни просто разглядывали буквы, дивясь незнакомым начертаниям; б) профессионально являются неподготовленными для понимания излагаемых на этих страницах событий; в) искажают смысл написанного с целью прямой фальсификации факта во имя личных, идеологических, националистических и пр. интересов. Хотя с сожалением следует констатировать, что эти три характеристики чаще всего встречаются не по отдельности, а в совокупности.

Итак, Длугош в нижеследующем отрывке не приводит и не цитирует никакого документа, тогда как сам отрывок выхвачен из нарратива автора, повествующего о феодальной междоусобице в православных Валашском и Молдавском княжествах. Напомним, что именно в 1415 г. Валахия признала свою вассальную зависимость от турок-османов, что, в свою очередь, являлось причиной и следствием последующего вмешательства польского короля Владислава II (Ягайло) в дела этих государств. Ситуация оказалась очень непростой, и не столько с точки зрения государственных интересов, сколько в ее религиозной подоплеке. Отнюдь не все валашские и молдавские феодалы из числа тех, кто решительно отказывался от признания верховенства мусульман, готовы были к принятию помощи и со стороны едва ли не менее

фактов: всякое событие, занесенное в разные источники под различными годами или даже в один и тот же источник дважды, обращалось у Длугоша в два отдельные факта. С другой стороны, побуждаемый стремлением к определенности известий, он часто вносит в данные источников целый ряд новых подробностей, имен, чисел, даже событий, руководясь лишь своими догадками» – Брокгауз Ф.А., Эфрон И.А. Энциклопедический словарь. Т. 10. – СПб, 1893, с. 774.

* Długosz J. Historiae Polonicae libri XII. T. 12. – Lipsiae, 1711, p. 367.

1415 *Sandomiriam*, ex *Sandomiria* in nouam ciuitatem deinde per *Tuchow*, *Krosno*, *Iasło*, *Lancicth*, *Przemisl*, *Iarosław*, procedens, feria quarta ante festum Paschæ venit *Leopolim*. Et Pascha Domini illic celebrato, dies aliquot Maii in *Sanok* absumens, iterum *Leopolim* rediit, & ab inde discedens, per *Glyniani* & *Boszc* transiens, festum Ascensionis Domini apud *Trebowlya* peragit. Deinde per *Luczacz*, *Haliez*, *Colomiam*, in *Snyatbin* pro festo Pentecostes aduenit. Quo cum suam Serenitatem *Alexander Moldauiæ* Voiewoda cum consorte sua, & maxima militum suorum cohorte, accessit, & a *Wladislao Poloniæ* Rege, frequentissimam militum pompam etiam tunc habente, benigne exceptus est, & multipliciter honoratus. Deuotionem autem & fidem erga *Wladislaum Poloniæ* Regem monstraturus, sibi, in corona & maiestate sedenti, vt & tanquam Regi *Poloniæ*, & coronæ Regni *Poloniæ*, fidelitatis & subiectionis, cum omnibus Boiaris terræ *Valachiæ*, solenne præstitit homagium, & fidelitatis corporale iuramentum, proiectis in terram ad pedes Regios banderiis. De quo & literas patentes dedit, quæ in thesauro habentur ad rei memoriam sempiternam. Deinde Regem ipsum & *Annam* Reginam, & omnes Barones & militares Regios, ad prandium inuitans, tractauit oppipare. Munera quoque notabilia Regi & Reginæ obtulit. Sed & inter primores Regni Barones dona largiter distribuit. Venerunt insuper sub eo tempore ad *Wladislaum Poloniæ* Regem Nuncii Patriarchæ & Imperatoris *Græcorum*, cum literis & bullis plumbeis, *quatenus dignaretur eis, a Turcis multifarie lacessitis & oppressis, frumenti tantummodo largitione subuenire. Wladislaus* itaque *Poloniæ* Rex, necessitati eorum satagens pia commiseratione succurrere, petitam frumenti quantitatem dat & largitur, & in portu suo Regio *Kaczubyeiow*, per eos recipiendam, consignat. Datis autem *Alexandro Moldauiæ* Voiewodæ & suæ consorti donis remunerabilibus, & *Annæ* Reginæ *Cracouiam* remissa, processit in *Camyeniecz*, ab inde vero per *Sbroniez*, *Nyesswiez*, *Krzemyeniecz*, *Raisko*, *Sadowie*, *Turzisko*, *Kobrin*, *Mitho*, in *Lithuaniam*, inuitationi *Alexandri Withawdi* satisfacturus, descendit. Quo de *Kobrzin* in *Mitho* agente iter, feria sexta post octauas *Corporis Christi*, tertiarum hora, eclipsis notabilis in Sole causata apparuit. Quæ *Wladislaum* Regem & suos, velut inopinata & ignorata, primum in admirationem & stuporem ad extremum in religionem vertit. Erat enim adeo notabilis, vt alites subita caligine deterritæ, in terram decciderent, & sidera non secus quam nocte collucerent. Rex quoque *Wladislaus*, tenebris arcentibus, cogebatur premere gradum, nec prius procedere poterat, donec obscuratio Solis cessasset. Ex *Mitho* *Wladislaus* Rex, per *Volhoniska*, *Vasilischki*, & *Sebistzky* procedens, in *Troky* venit. Cui Dux *Alexander Withawdus*, cum Magistro *Liuoniæ* dicto *Lander* vnum miliare occurrens, cum suppliciter & hilariter excepit, & in *Castrum altum*, in medio lacus situm, cum omnibus militibus suis recolligens, splendide tractauit. Altera deinde die, Regem in thesaurum Ducalem introducens, viginti millibus marcarum latorum grossorum, quadraginta vestibus iubductis pellibus sabellinis, centum equis, centum purpuris, Regem *Wladislaum*: item omnes Regios milites, alios muneribus donat. Quæ singula sibi donata, Rex *Wladislaus* per Vice Cancellarium suum *Dunin*, & aliquos Barones *Poloniæ* a se remissos, *Cracouiam*, in thesaurum Regium condenda, transmisit; quæ tandem omnia, temporis processu in milites & familiares suos, liberalitate munifica distribuit.

1415 *Magister Liuoniæ Lander Regem Wladislaum tractat & donat cumulat.*

Ex *Troky* *Wladislaus Poloniæ* Rex, comitatus ab *Alexandro Withawdo*, in *Kowno* transiit. Ab inde vero naualiitinere ad castrum *Vidiunya* prædem constructum, Duce *Alexandro Withawdo* in *Kowno* remanente. Ex *Vidunya* vero in castrum *Vilkomyria*, supra flumen *Swyatha* situm, & postin *Dubingy*, vbi *Alexander Withawdus* nouiter arcem nouam erexerat, processit. Ex *Dubingy* in *Nymenizani*, *Biezdam*, *Kossberi*, in venationum loca diuertens, pro festo Visitationis Sanctæ *Mariæ* Virginis *Vilnam* venit. In qua diebus septem exactis, in *Poloniæ* Regnum per *Rudominti*, *Eidam*, *Nowogrodeck*, *Czerosin*, *Kloczko*. A *Kloczko* vero fluuio *Slucha*, vsque ad fluuium *Przypiecz*, per *Grodek*, *Luczko*, *Sadurye*, *Wladimiriam*, *Lubomlya*, *Gbelm*, *Krasnistbaw*, *Zukowyecz*, procedenti, occurrebatur. Festo autem Natiuitatis Sanctæ *Mariæ* Virginis, apud *Sandomiriam* celebrato, per *Visticiam*, vbi ab *Anna* Regina exceptus est, item per *nouam Ciuitatem* in *Preisbkowienitz*, ex *Przisbkow* in terram *Lubliniensem* & *Dobrosiani* descendit. Ab inde vero stationibus solitis in *Russiam* transiit. Rege autem agente in *Dobrosiani*, Ianussius de *Strulischkowo* Castellanus *Calissiensis* ex Concilio *Constantiensi* venit. Et Regi singulis quæ apud *Constantiam* per suos Collegas & ipsum acta sunt, ex ordine relatis, a Rege primum, deinde a *Withawdo Alexandro*, qui in *Lithuania* ex *Dobrosiani* processerat, de sernandis inter Regem *Wladislaum*, & *Alexandrum Withawdum*, ab vna, & *Sigismundum Romanorum* & *Hungariæ* Regem, dudum confectis foederibus, corporale iusiurandum exegit: & in *Constantiam* reuersus, *Sigismundo Romanorum* & *Hungariæ* Regi de consummatione eorundem certificato, & foederis literas, sibi Regis & Ducis nomine traditas, & suas reuersales, iuramento pari exacto, accepit. *Russia* peragrata *Wladislaus* Rex, pro festo Sancti *Martini* Nyssenensem, vbi ab inde iterum

Alexander Moldauiæ Palatinus Snyatbini solenne præstat homagium Regi & Regno Polonia.

Patriarcha & Imp. Græcorum petit bello Turcico magna frumenti copia a Wladislao subministratur.

Eclipsis solis stupenda.

Fœdera inter Wladislaum Regem & Sigismundum Imp renouantur.

Długosz J. Historiae Polonicae libri XII. T. 12. – Lipsiae, 1711, p. 367, 368

ненавистных им католиков. В свою очередь, и польский король, и великий князь литовский искали компромисса со своим русским православным населением, с одной стороны, и с целью вызвать доверие со стороны мятежных валашских феодалов, с другой, обратились к константинопольскому (вселенскому) патриарху с просьбой об установлении двойного митрополичества в русской православной церкви.* В Византии наотрез отказывались вернуть митрополита из Москвы в Киев, но, руководствуясь собственными внешнеполитическими интересами, рассматривали возможность в 1415 г. установить двойное митрополичество, минуя термин «Всея Руси». Причем одно в Москве, для православных Великого княжества московского, другое в Киеве, для русского православного населения Великого княжества литовского и сопредельных с ним государств, включая Польшу, Молдавию и Валахию. Что и было сделано в том же 1415 году, когда Григорий Цамблак был поставлен митрополитом Литовским и Русским в Киеве. Вот об этом и повествует со своей своеобразной римско-католической интерпретацией Ян Длугош:

«Venerunt insuper sub eo tempore ad Wladislaum Polonie Regem Nuncii Patriarchae et Imperatoris Graecorum, cum literis et bullis plumbeis, quatenus Lignaretur eis, a Turcis multifarie lacessicis et oppressis, frumenti tantummodo largitione subuenire. Wladislaus antem Poloniae Rex, necessitati corum satagens pia commiseratione succurere, petitam frumenti quantitatem dat et largitur, et in portu suo Regio Kaczubyeiow, per cos recepiendam, consignat, Datis autem Alexandre Moldauiae Voieuedae et suae consorti donis reuersalibus, et Anna Regina Cracouiam remissa, processit in Camyeniecz, ab inde vero per Sthotricz, Nyeswiez, Kobrin, Krzemyeniecz, Raisko, Sadowie, Turzisko, Mitbo, in Lithuuniam, inuitationi Alexandri Withawdi satisfacturus, desendit».**

Теперь берем наугад любое издание, претендующее на знание вопроса. Совершенно все равно, какое именно, ибо написаны они под копирку, непостижимым образом сподобившихся огром-

* См. письмо по этому вопросу польского короля к великому князю литовскому: Ягайло – Витовту, 18 окт. 1415 г. – Codex epistolaris Vitoldi Magni Ducis Lithuaniae, 1376-1430. Cracoviae, 1882, pp. 331-333.

** Długosz J. Op. cit., p.367.

ный пласт исторического материала четырехсотлетнего периода до основания Одессы поместить в несколько строчек. Вот, для примера к сказанному:

«Історичні документи дуже скупо оповідають про заснування поселення, яке через кілька століть було перейменовано на Одесу. Першою згадкою про цей населений пункт є свідчення польського хроніста XV ст. Длугоша, який вказував, що в 1415 році польський король Владислав Ягайло відправив з порту під назвою Кацюбіїв транспорт збіжжя до обложеного турками Константинополя. У пізніших документах місто стало називатися Гаджибей (Хаджибей)».[***]

Пойдем вначале, так сказать, по простому пути. Любой желающий, хотя бы смутно помнящий латинский алфавит, пусть самостоятельно попытается найти в приведенном выше отрывке истории Яна Длугоша слово море (mare, Pontus) или слово Константинополь, в который якобы была отправлена польская пшеница морем на кораблях, вышедших из славного польского города и порта Коцюбиев. Думается, задача несложная, но все же не трудитесь, таковых слов ни в прямой, ни в их производной форме в доподлинном тексте Длугоша найти невозможно. Следовательно, авторы, ссылающиеся на данный текст, элементарно неточны. Вообще-то, подобные вещи на всех языках мира именуются профанацией науки, другими словами, подлогом текста, на основе которого делаются те или иные заключения. Однако отвлечемся на некоторое время от рассматриваемого отрывка, чтобы понять, насколько непростой была задача для Длугоша описать события этого года.

Для польского католического священника король Ягайло, он же Владислав II, призван был олицетворять не просто идеальный образец польского государя, но, прежде всего, защитника и послушного сына папского престола, эталон ревностного католика и защитника римско-католической веры против неверных и схизматиков. В то же время не упомянуть о столь значительном событии, как обращение к константинопольскому патриарху об установлении самостоятельной православной митрополии

*** Ми – одесити. – Експ. навч. Посібник з краєзнавства для учнів шкіл, ліцеїв, гімназій / За ред. проф. С.В. Козицького. – Одеса, 1997, с. 17.

в Киеве, было невозможно. Сие обозначало бы, что король, якобы поклявшийся перед ликом святого Петра искоренить схизму на подвластных ему землях, обратив русское православное население в правоверных католиков, вовсе и не был столь последовательным верующим, когда дело касалось его личных и государственных интересов. Ибо вряд ли Длугош не ведал о переписке Ягайло с великим князем литовским Витовтом за 1414-1415 гг. Эта переписка, ведшаяся на немецком и латинском языках*, подтверждает, что именно польский король являлся инициатором учреждения митрополии в Киеве. Называя вещи своими именами, этот шаг как бы узаконивал сосуществование католического клира с ненавистными Длугошу схизматиками. Впрочем, нелишним будет заметить, что и в православной церкви, в свою очередь, имя Ягайло, перешедшего в католицизм из язычества, всегда сопровождалось эпитетами «поганый» и «нечестивый».** Не менее «лестной» репутацией в православном мире пользовался и великий князь литовский Витовт, совершивший немыслимый кругооборот в собственных религиозных воззрениях – от язычества к православию, затем к католицизму, и вновь к православию, и опять к католицизму. Вот и попробуйте после этого из подобных личностей попытаться слепить героический образ ревностных католиков. Но Длугошу Витовт и не был столь принципиально важен с точки зрения основ его исторической концепции, а потому он с легкой душой очертил даже путь королевы Анны Краковской от Каменца и далее во владения Витовта ниспадающие, умолчав, естественно, о цели и миссии данного вояжа.

Но не будем более пролонгировать эту тему, уже хотя бы потому, что авантюра Витовта и Ягайло не удалась. Ибо православный мир не принял двойственной формулы митрополита Всея Руси, выразившейся в добровольном отказе от митры Григория Цамблака, а по утверждению православных источников, после предания его патриархом Евфимием низвержению и проклятию с последующим удалением его в монастырь в 1419 г. Нас же в этом отношении инте-

* См. упомянутое издание за 1414-1415 гг.: Codex epistolaris Vitoldi Magni Ducis Lithuaniae, 1376-1430.

** См., например: О побоище, иже на Дону, и о том, князь великий како бился с Ордою / Древнерусские тексты / Сказания и повести о Куликовской битве. – Сер. «Литературные памятники». – М., 1982, с. 16 и далее по тексту.

ресуют не церковные разборки 1415 г., а именно то, почему данные схоластические вопросы вдруг возникли в контексте истории Одессы как таковой.

Предположим, что византийский император действительно бы просил продовольственную помощь от второстепенного государя Европы, дабы прокормить «осажденный Константинополь» в 1415 г., хотя ни в тот, ни в предыдущий, ни последующий год никто даже и не думал осаждать столицу Византии. Предположим также, что по каким-либо причинам эту функцию император не поручил генуэзцам, которые за особые привилегии в торговле через константинопольский порт способны были пополнять город ресурсами богатейших стран черноморского и средиземноморского бассейна, что они, кстати, и делали. Можно допустить также, что у такой бедной страны, как Польское королевство, на тот момент образовался столь значительный излишек продуктов, что она способна была бы предоставить хлеб Константинополю, пусть хотя бы в размере однодневного запаса. Впрочем, нелишним будет напомнить, что если бы была возможность собрать все польские города того времени вместе взятые, вкупе со всеми шляхетскими замками и домами, то они бы вряд ли достигли и половины размеров византийской столицы. Повторимся, все это можно лишь представить. Но вообразить себе, что с подобной «просьбой» мог обратиться вселенский патриарх к католическому государю, – это уже из области совершеннейшей фантастики. А Длугош этого и не делает. Он просто растворил факт получения писем со свинцовой печатью от греческого императора и патриарха, не раскрывая ни их содержания, ни тематики, между описанием событий феодальной смуты в Валашском и Молдавском княжествах, упомянув, естественно, что и Византия терпит великие обиды со стороны турок. Но при этом в конце данной сентенции он честно пишет, что помощь была оказана Александру, воеводе молдавскому, и его братьям, то есть сторонникам Александра.

Хотелось бы при этом заметить. Да, Длугош тенденциозен, он делал все возможное, чтобы спрятать факты, не выгодные папскому престолу, выпячивая и преувеличивая пристойные, да и мало пристойные дела его церкви. Но делал он это, следует

признать, мастерски. С тем шармом средневековой варварской латыни, к которой и близко не приближались последующие творения отцов-иезуитов в XVI-XVII вв. с их жалкими прямолинейно-примитивными фальсификациями фактов и грубыми подменами документов. Тем более недопустимо даже мысленно ставить на один уровень с Длугошем такого мало достойного фантазера, как епископ Кромер, о котором еще будет сказано. Между тем все это пишется для того, чтобы подчеркнуть, что Ян Длугош был одним из наиболее образованных людей своего времени, крупным дипломатом, участвовавшим в выработке статей Торунского мира 1466 г., открывшего Польскому королевству путь к Балтийскому морю. А потому заподозрить его, мягко говоря, в незнании элементарной грамматики латинского языка никак не возможно. Вот теперь и перейдем к окончательному рассмотрению указанной части его истории.

Где и при каких невероятных допущениях в рассматриваемом отрывке можно было прочесть об отпуске зерна из порта Коцюбиев, как мы понимаем теперь, отнюдь не в Константинополь, а в Молдавию, хотя нам здесь это сейчас абсолютно безразлично, если черным по белому пишется: «Wladislaus antem Poloniae Rex, necessitati corum satagens pia commiseratione succurere, petitam frumenti quantitatem dat et largitur, et in portu suo Regio Kaczubyeiow, per cos recepiendam, consignat, Datis autem Alexandre Moldauiae Voieuedae et suae consorti donis reuersalibus…». Каким немыслимым образом союз «и» (et) вдруг превратился в предлог «из», совершенно непонятно, ибо, должно заметить, его грамматические функции остаются неизменными во всех индоевропейских языках, как говорится: Et nunc, et semper, et in saecula saeculorum (И ныне, и присно, и вовеки веков). Следовательно, фраза: «и в порту его величества Коцюбиеве, на гранитной скале расположенном, постановил даровать также Александру Молдавскому воеводе и его братьям подарки заимообразные...», должна читаться так, как она написана, и никак иначе, ибо в каком-либо другом смысловом выражении она становится элементарно безграмотной, а потому и бессмысленной. Вот вам и вся разгадка ссылок проводников коцюбиевской фальшивки на так называемые «темные» и «непонятные» места у Длугоша.

Кому и зачем понадобилась эта фальшивка, известно. Она родилась в недрах польского движения, появившегося до и после поражения восстания 1831 г. в Польше и вспыхнувшего с новой силой после аналогичного результата восстания 1863 г. Теория о происхождения поляков от сарматских племен, столь популярная среди польской шляхты в XVI-XVIII вв., аж никак не подходила для лозунга о восстановлении польской государственности «от можа до можа». В недрах данного движения и зародилась отнюдь не самая оригинальная выдумка о польском городе на Черном море в XV в. Как и другие подобные легенды, она совершенно не нуждалась в каких-либо научных доказательствах, ибо предназначалась для других целей, а именно для пропагандистских, причем среди невежественных слоев населения. В этом случае требовался не столько поиск истины, сколько правдоподобность излагаемых сведений. Парадокс же заключался в том, что из десятков самых разнообразных легенд и мифов, распространяемых в бесчисленных брошюрах, публиковавшихся в Польше и в среде польских эмигрантских кругов во Франции того времени, но которые в образованных кругах никто всерьез не принимал, выжила одна из наиболее нелепых сказок – собственно «коцюбиевская».

Однако важно не это, а то, кто ввел в научный оборот под видом документального источника историю Длугоша. Используя, во-первых, редкость данного издания, так как, напомним, до ее публикации в Германии в XVIII столетии работа Длугоша была запрещена к печати в Польше, ибо не соответствовала интересам правящей шляхетской группировки, победившей ту, интересы которой представлял ее автор, и потому была знакома весьма узкому кругу специалистов. А во-вторых, фактически подменил смысл текста Длугоша, смешав его с текстом вовсе не почитаемого за авторитетный источник в исторической литературе подражателя и интерпретатора польского историка Мартина Кромера, жившего в XVI веке. К стыду умственной жизни Одессы конца XIX в., авторство сего деяния принадлежало профессору Новороссийского университета А.И. Маркевичу.* И тот факт, что за подоб-

* Маркевич А.И. Город Качибей, или Гаджибей – предшественник города Одессы // Записки Императорского Одесского общества истории и древностей (ЗООИД). Т. 17, ч. II, с. 1-68.

ные «вольные» отношения с историей Маркевич был лишен профессорского звания и права преподавать в университете, вряд ли может служить утешением.

Конечно, никто не застрахован от заблуждений, а тем более от ошибок. В конце концов, *errare humanum est*, и правом на ошибку обладает любой человек. Но в случае со статьей Маркевича мы имеем дело не с заблуждением, а с совершенно очевидной сознательной фальсификацией источников и искусственной подтасовкой взаимоисключающих друг друга материалов компилятивного характера. Рассматривать это нагромождение претензий каких-то польских шляхтичей ко всем населенным пунктам с названиями, начинающимися на букву «К», – Коцюбиев, Кочубей, Коцюкленов и т. п., являвшимися якобы предшественниками Одессы, решительно невозможно. Да и нет нужды. А чтобы отбросить сомнения, предоставим слово самому Маркевичу, неожиданно уяснившему себе, что Северное Причерноморье и Подолия это вовсе не один и тот же регион. Через год после публикации своей статьи тот же автор пишет: «В последнее время частью в зависимости от столетнего юбилея г. Одессы, частью по случайному совпадению появилось несколько изданий и сочинений со сведениями, касающимися г. Качибея; кое-какие же указания нашлись и в прежних трудах, которыми мы не успели воспользоваться для нашей статьи ввиду спешности, с которою мы ее печатали».* И что же собой представляли «кое-какие» прежние указания? Всего-навсего существование двух польских городов Коцюбиевых – один подольский, другой – ведь не обманывал же Длугош – черноморский: «Считаем по-прежнему очень вероятным, что один из них был колонией другого, и несомненным, что название Качибей указывает на татарское происхождение старшего из них; но который является старшим? Остаемся пока при мнении, что подольский. Татары владели Подолием до 60-х годов XIV в. (?!!); здесь они имели свои аулы (?!), которые по представляющемуся нам вероятным домыслу Ролле, частью преобразовы-

* Маркевич А.И. Город Качибей, или Гаджибей – предшественник города Одессы (Дополнительные заметки к статье того же названия, напечатанные в Записках Императорского Одесского общества истории и древностей, Т. XVII). – ЗООИД, т. 18, с. 81.

вались в села, и в том числе Kaezebijow».** А теперь скажите, кто ухитрился, к примеру, в следующей сентенции отыскать хотя бы крупицу здравого смысла: «Можно бы привести в доказательство старшинства подольского Качибея над черноморским еще и такое соображение: татары ушли из Подолия в конце 14 в., значит, Качибей был здесь раньше этого времени, тогда как на морских картах наш Качибей в это время не упоминается; но этот аргумент парализуется тем фактом, что при в. кн. Витовте татары селились в Подолии…»*** и т. д., и т. п.

Таким образом, не отдохнув еще после сказки о Коцюбиеве на месте Одессы, историю которого автор изложил более чем на шестидесяти страницах, он ровно через год призывает изумленного читателя начать поиски Коцюбиева подольского, о месте нахождения которого и сам не ведает. Не говоря уже о том, что даже не догадывался, что монголы, включившие все Северное Причерноморье в состав Золотой Орды, вовсе никогда не включали ни Подолию, ни Волынь в качестве тарханных земель, ввиду неудобности их для пастбищ. Другой вопрос, что данные территории были зависимы и более других страдали на протяжении столетий от монголо-татарских набегов. Однако подобный статус носило и Польское королевство, и Великое княжество литовское, и Великое княжество московское, исправно платившие дань и упоминки Крымскому ханству даже тогда, когда сделались Речью Посполитой и Русским царством, вплоть до начала XVIII века. Также здесь нелишним будет отметить, что Ягайло, а затем и его «заклятый друг» и двоюродный брат Витовт**** отнюдь не доблестью своей получили право именоваться великими князьями литовскими, но после получения, вернее, покупки ярлыков на великое княжение в Золотой Орде. Компенсируя, естественно, свои «убытки» увеличением поборов с населения русских княжеств, составлявших подавляющее большинство их подданных. Как раз Подольское княжество дольше других сопротивлялось положе-

** Там же.

*** Там же, с. 82.

**** Любопытно, кому и когда из «исследователей» пришла мысль о «дружбе» сих двоюродных братьев? Не тогда ли, когда Ягайло умерщвлял родственников Витовта, а тот, в свою очередь, на чем свет резал сторонников и родных Ягайло? Впрочем, вопрос риторический.

нию, при котором помимо ордынских налогов нужно было оплачивать и великокняжеские, и, что уж совершенно точно, никак не могло превратиться в польскую территорию ранее 1431 года.

Ну да Бог с ней, с Подолией. Весь этот нонсенс может быть рассчитан лишь на людей, не имеющих элементарных ориентиров ни в пространстве, ни во времени и не способных уяснить себе, что всего лишь одна современная Одесская область превышает всю суммарно взятую площадь Крымского полуострова. Но до какой еще степени деградации нужно дойти, чтобы отрицать самые элементарные факты того, что никогда, ни в один исторический период границы польской и литовской государственности не простирались далее регулярно сжигаемых белгородскими ногайцами Вроцлава и Винницы в Восточной Подолии, и Каменец-Подольского в Западной? Щедрые люди. Не собираются ли они по аналогичной методике заняться поиском Елисейских полей и Сен-Жерменского предместья в окрестностях Берлина? Но главное, каким цинизмом нужно обладать, чтобы игнорировать результаты Катастрофы на Ворскле 1399 г.! Ведь это было не просто сражение, проигранное Витовтом, а самая настоящая бойня, в которой золотоордынцами Эдигея была вырезана подавляющая часть всего боеспособного населения Литвы, Польши и русских княжеств, и это помимо отрядов западноевропейского рыцарства, включая тевтонцев. Подобной мясорубки Европа классического Средневековья даже приблизительно не знала по своим масштабам и последствиям, оказывая влияние на судьбы региона на многие десятилетия вперед. Именно с того времени термин «Дикое поле» (*dzikie pole*) стал олицетворять собой нечто более пугающее и страшное, чем даже термин «чума». Сотни тысяч человеческих судеб, ограбленных, убитых, угнанных в рабство людей, о которых не повествуют, а буквально вопиют анналы отечественной истории с самого начала XV в. и вплоть до разрушения Крымского ханства во второй половине XVIII столетия, вдруг, в одночасье, превратились в пустой звук. И все это только ради того, чтобы с размахом восточного владыки одарить *post factum* каких-то шляхтичей, утративших моральное право именоваться рыцарством задолго до уничтожения их национальной государственности, территорией не существовавшего

города на берегу Черного моря. Да полноте, о какой исторической науке здесь идет речь?

Полунаивная хитрость Маркевича заключалась в том, что он не просто выдал текст истории Длугоша за исторический документ, но и исказил его, поставив точку там, где в оригинале стоит запятая после «conseignat»*. Однако сознавая, что любой человек, понимающий смысл написанного, сочтет данную сентенцию абсурдной, тут же вставил русскими буквами «Кромер» и продолжил компиляцию латинского текста, выдернутую уже из исторической работы Мартина Кромера. Соединив, таким образом, двух совершенно разных историков, принадлежавших совершенно разным эпохам и имевших отнюдь не схожий менталитет, цели и задачи, в единое целое одним абзацем, да еще и снабдив прямой текст источников единой ссылкой на самого себя, указав исходные данные еще на четвертой странице, а текст на тринадцатой. И это не поспешность автора, как можно было бы подумать, а совершенно умышленная уловка, дабы выдать текст единым целым, не разделив его две составные части хотя бы сносками.

Казалось бы, что еще нужно для «новорожденной теории»? Вот вам текст католического епископа с искомыми данными – здесь и порт морской, и Константинополь, и зерно. Только вот почему-то прямые ссылки на ультрамонтана Кромера, как правило, отсутствуют, а если и присутствуют, то как бы мимоходом, но с неизменным приписыванием его слов Длугошу. Помня, сколь вольно интерпретировался текст последнего, усомнимся в добросовестности авторов, цитировавших и работу Мартина Кромера.**

Даже поверхностного взгляда на эту часть опуса Кромера достаточно, чтобы понять, насколько непростой задачей является ее цитирование для ищущих город в 1415 г. Ибо ссылаться на нее равнозначно, по меньшей мере, пользованию отсылками на барона Мюнхгаузена. С той лишь разницей, что барону Карлу Фридриху Иерониму девиз «Mendace veritas» («Истина во лжи») был создан искусственно, а в указанном случае – он, так сказать,

* Маркевич А. – ЗООИД, т. 17, ч. 2, с. 13.

** Martini Cromeri. De origine et rebus gestis Polonorum libri XXX. – Basileae, 1555, p. 409.

peratam, ipſi iterum eriperent, fuſis profligatiſq; Vngaris, Vuladislaus miſſa ad turcas graui & minaci legatione, ſex annorum inducias inter eas gentes, captiuis Vngaris, proceribus liberatis, cõfecit: pacem quoq; perpetuam cõfeciſſet, ni Pipo Florentinus comes Themeſienſis temerè omnia turbaſſet, capto pro exploratore Gregorio Armeno Vuladislai internuncio, qui Turcicæ legationi de pace ueniẽti tutum ad Vngaros acceſſum præſtructurus antecesſerat. Proſperè tamen poſtea rem contra Turcas geſsit aliquoties Nicolaus Petri Macedonis filius, abſente Sigiſmundo, eoſq; Boſna expulit. Interea Vuladislaus rex Lituaniam, Poloniam, Ruſsiam continentibus ferè itineribus obiuit. Et Sniathini cum eſſet in Ruſsia ad Pentecoſten anni ſequentis 1415, uenit ad eum Alexander palatinus Valachorum, permagna & ſplendida nobilitatis ſuę caterua ſtipatus: adoratoq; publicè rege, & uexillo ad pedes eius proiecto, & dato conceptis uerbis iureiurando, in fide & clientela eius atq; Polonorum ſe fore ſemper promiſit, & perampla munera ei dedit, ab eoq; uicisſim accepit. Venit & ab Imperatore atq; patriarcha Conſtantinopolitano legatio, frumentarium ſubſidium petens. Vehementer enim à Turcis infeſtabantur & premebantur. Quorum princeps Mahometes recuperatis in Aſia ijs, quæ Tamerlanes auo eius ademerat, imperij ſedẽ Pruſa Adrianopolim trãſtulerat: & iam tranſalpinos Valachos uexabat, iam Conſtantinopoli ac toti Græciæ ferox imminebat. Vuladislaus rex inopia laborãtibus Cõſtantinopolitanis liberaliter opitulatus, in Cacybeio portu maris Pontici, qui in ditione Polonorum tunc erat, frumentum admenſus eſt: inde in Lituaniam rurſus diuertens, uiginti millia marcarum Pragenſium, quadraginta ueſtes Sabellinas eximias, centum equos, totidemq; aureos pannos à Vitoudo dono accepit. Anno ſequenti cum Annam reginam mortuam Cracouiæ ſepeliſſet, rurſus in Lituaniã profectus, apud Velunã Samagitiæ cum Cruciferis Pruſsienſibus pariter atque Liuonienſibus, de regundis finibus Samagitiæ, ac de pace perpetua conſtituenda conuentum egit: ſed Cruciferis intolerabili faſtu tumentibus, neq; ullam æqui & iniqui rationem ducentibus, re infecta diſceſſum eſt. Augebat autem eis ſpiritus, ut creditum eſt, ſocietas cum Tartaris inita, qua eos ad uaſtandos Ruſsiæ fines excitarant. Nec multo pòſt ingens barbarorum duce Ediga in Kiouienſem tractũ improuiſo effuſa, ferro igniq; omnia depopulata eſt. Vrbem quoq; ipſam Kiouiam diripuit ac diruit. Atque ex eo tempore ea ſplendorem priſtinum nunquã recuperauit. arce quidem, ſumma ui oppugnata, potiri non potuit: & ingentem pecudum hominumq; prædã abegit. Rex pro eo quod hoſtes bello perſequi debuit, Sanoci nuptias celebrauit, indignas illa ætate, & nomine ac dignitate ſua, ducta in matrimonium Elizabetha Pilecia, Ottonis palatini quondam Sendomirienſis filia, uidua prouectæ iam ætatis & eſfœta: quippe quæ uirgo propter magnitudinẽ dotis à Morauo quodam rapta, eiq; aliquanto pòſt ab alio quodam Morauo item erepta, & interfecto priori raptore, in loco iuſtæ uxoris habita: ad extremum Vincentio Granouio caſtellano Naclenſi gente Toporo, deſpondente Spitcone Mel-

1415 ann. Palatinus Valachiæ Alexander iurat in uerba regis Polonorum.

Legati Cõſtantinopolitani Imperatoris ad regem Polonum.

Cacybeius portus in ditione Polonorum.

Dona regi à Vitoudo data.

Anna regina mortua.

Conuentus Lituanorũ cum Cruciferis. Tartari Ruſſiam uaſtarunt.

Rex Elizabetham Pilecian uxorem tertiũ duxit.

Martini Cromeri. De origine et rebus gestis Polonorum libri XXX. – Basileae, 1555, liber XVIII, p. 409

естественен. То, что рассматриваемый отрывок истории Мартина Кромера представляет собой всего лишь своеобразную вольную интерпретацию на тему фантазии из истории Яна Длугоша, становится очевидным сразу. Однако это не какой-нибудь банальный плагиат. Быстрее, создается впечатление, что польский священник, ранее ознакомившись с текстом Длугоша, при написании своей истории припоминал прочитанное, дополняя провалы памяти иногда реальными источниками, взятыми из других опусов, но чаще всего восполняя возникшие пробелы собственной фантазией.

Итак, у Кромера король Ягайло повышается в своем историческом статусе, уже именуется «Vuladislaus rex Lituaniam, Poloniam, Russiam continentibus». Вряд ли стоит говорить, что подобное «ухищрение» случайно накануне подписания унии второй половины XVI века. Но даже и тогда польский король не носил несуществующий титул короля Литвы, присоединив к своему собственному титул великого князя литовского и русского. Относительно же истории начала XV в. это и вовсе выглядит вызывающе нелепо. Ну, это так, только для иллюстрации «беспристрастности» польского епископа. Как и Длугош, Кромер начинает изложение событий 1415 г. с Дунайских княжеств. Только теперь у него переговоры с польским королем о защите своих владений ведет не Александр молдавский воевода, а «Alexander palatinus Valachorum». Зачем понадобилось путать молдавского сюзерена с валашским, ведомо только польскому епископу. Хотя это и не принципиально важно, так как ряд средневековых авторов допускали подобные неточности регулярно. По этой же причине совершенно понятно, почему опускаются любые упоминания о важнейшем вопросе для оформления вассально-ленных отношений между православным Александром Добрым Молдавским и католическим Владиславом II. Но опять-таки, нас интересует именно тот отрывок, который касается якобы предшественника Одессы. Приведем его в том виде, в котором он предстает в оригинале, без изменения орфографии и пунктуации. Причем в пределах собственно тех предложений, которые предлагаются нам Маркевичем и его последователями в качестве канонического текста:

«Venit et ab imperatore atque patriarcha Constantinopolitano legatio, frumentarium subsidium pitens. Vehementer enim a Turcis infestabantur et premebantur. **Quorum princeps Mahometes recuperates in Asia ijs, quae Tamerlanes auo eins ademerat, imperii sede Prusa Adrianopolim transtulerat: et iam transalpines Valachos uexabat, iam Constantinopoli ac toti Graeciae ferox immenebat.** Vuladislaus rex inopia laborantibus Constantinopolitanis liberaliter opitulatus, in Cacybeio portu maris Pontici, qui in ditione Polonorum tuncerat, frumentum admensus est**: inde in Lituaniam rursus diuertas, uiginti millia marcarum Pragensium, qudraginta uestes Sabellinas eximias, centum equos, totidem que aureos pannos a Vitoudo dono accepit».**[*]

Выделенные жирным шрифтом предложения есть не что иное, как опущенные Маркевичем при цитировании слова. Повторимся, никакой это не документ, и даже не интерпретация такового, а всего лишь вольная фантазия на историческую тему церковника-монаха. Тем не менее, извольте. Из контекста видно, что в 1415 г., с вторжением в Малую Азию Тамерлана магометанские князья вынуждены были перенести свою резиденцию из Прусы в Адрианополь. В этих условиях взятому в подобные клещи Константинополю уже вряд ли удалось бы уцелеть, ибо одно имя Тамерлана, заставлявшее трепетать всех европейцев, являлось гарантией исполнения худших опасений для его противников. Только вот для воплощения в жизнь данного действия в указанном году хромой Тимур должен был воскреснуть и десять лет пробираться от китайской границы до Анатолии, так как умер на пути в Китай еще в 1405 году. В реальности войска Тамерлана нанесли сокрушительное поражение туркам в битве при Анкаре еще в 1402 г., отведя тем самым угрозу от столицы Византии, тогда как турки на протяжении нескольких последующих десятилетий не могли полностью оправиться после страшного разгрома их армии во главе с султаном Баязетом. Впрочем, Кромер нигде и не пишет об осаде, говоря только об обидах и притеснениях от турок Константинополю и всей Греции. Да и то, делает это только после того, как указывает, что турки «et iam transalpines Valachos uexabat» (uexabat = vexabat), то есть «и уже трансальпийских

[*] Ibidem.

валахов подвергли гнету, уже Константинополь, а также и всю Грецию необузданностью своею тревожили». Следовательно, если мы правильно понимаем употребляемый Кромером термин «transalpines Valachos» (видимо, «закарпатские валахи»), дамоклов меч турецкой опасности навис не столько над Константинополем, сколько над прикарпатской Молдавией, Венгрией, Трансильванией и литовской Подолией. Другими словами, над той территорией, сюзереном которой по династическим, вассально-ленным и прочим причинам желал стать польский король. Вы спросите: а при чем тут Северное Причерноморье? Вот и мы о том же.

Но самое неприятное для новоявленной «теории» Маркевича заключалось в том, что Кромер о ней ничего не знал. Казалось бы, вот она, заветная фраза, отысканная среди сотен тысяч страниц анналов польской истории: «in Cacybeio portu maris Pontici, qui in ditione Polonorum tuncerat, frumentum admensus est», и искомый в нужном месте «Кацюбейо» найден. Ан нет, не поставил в «нужном месте» польский историк точки. За него это сделал собственно Маркевич. Тогда как Кромер продолжил фразу: «inde in Lituaniam rursus diuertas, uiginti millia marcarum Pragensium, qudraginta uestes Sabellinas eximias, centum equos, totidem que aureos pannos a Vitoudo dono accepit»[**], начисто убив саму возможность столь желанного факта для «коцюбиевской» легенды. Таким образом, Маркевич дважды пользуется одним и тем же приемом, ставя точку там, где ее быть не может, в тексте Длугоша, и там, где она желательна для него, в тексте Кромера. А если это не умышленная фальсификация цитируемого материала, то что же?!

Конечно, для людей конца XIX столетия уже было трудно себе представить, что на месте первоклассного европейского города и порта, каким стала Одесса в означенное время, всего лишь за столетие до этого не было ничего, хотя бы смутно напоминающего о ее будущем величии. И входить в объяснение сложной проблематики специфичности различных исторических эпох, равно и социально-экономических систем при ответе на элементарный вопрос людей, не понимающих разницы между терми-

** «откуда в Литву взаимообразно вернуть двадцать тысяч пражских марок, сорок шуб соболиных отменных, сто коней, столько же кусков материи, золотом обшитых, Витовту дарением полученных» – ibidem.

нами «народность» и «национальность», «а что же здесь было до этого?» не столь просто, как это может показаться. Это присуще далеко не только исторической науке, где для подобных вопросов создаются «правдоподобные», но совершенно невежественные ответы. Вспомним в этой связи формулу «*procul este profani*», когда под видом школьного образования сложнейшие вопросы мироздания преподносятся в таком виде, чтобы едва научившийся читать мальчик или девочка смогли произнести заветную фразу: «теперь мне все ясно».* Тем не менее, сказанное вовсе не служит оправданием профессору Маркевичу, но лишь какой-то долей позволяет хотя бы понять мотивацию столь грубой профанации науки. Однако совершенно другой вопрос, когда порожденная и сразу же высмеянная новоявленная теория панславизма конца XIX века вдруг сделалась составным элементом государственной идеологии большевизма в середине века двадцатого.

Теперь уже мало кто может понять, зачем коммунистической пропаганде уже после второй мировой войны понадобилось реанимировать это нелепое порождение панславизма конца XIX века.** Но не вдаваясь в рассмотрение данной псевдонаучной идеологической доктрины, усомниться в постулатах которой уже не смел в то время никто, невзирая на чины, научные звания или

* Кстати, формула выведена классиками идеально: «А вдруг они не золотые?» – спросил любимый сын лейтенанта, которому очень хотелось, чтобы Паниковский возможно скорее развеял его сомнения. – «А какие же они, по-вашему?» – иронически спросил нарушитель конвенции. «Да, – сказал Балаганов, – теперь мне ясно».

** Одесса. Очерк истории города-героя. – Одесса, 1957, с. 11. Эти «пламенные борцы за идею» даже совершенно очевидные хронологические нестыковки не удосужились припрятать: «К концу XIV в. – началу XV в. (вот ведь где верх цинизма, ибо еще и начальной датой собственно Катастрофу на Ворскле выбрали. – **А. Т.**) Северо-западное Причерноморье из-под владычества татар перешло на одно столетие под власть Великого княжества литовского, подавляющее большинство населения которого составляли украинцы и белорусы». И тут же, через несколько строчек совершенного абсурда, добавляют: «В состав Крымского ханства, выделившегося из Золотой Орды в XV в., вошла и часть причерноморских степей. Плодороднейшие земли Причерноморья обращены были в пастбища, которые хищнически эксплуатировались в условиях кочевого скотоводства татарскими феодалами. Здесь сложились четыре орды. Одна из них – Едисанская – своими кочевьями заняла степь между Днестром и Южным Бугом, то есть значительную часть нынешней Одесской области». – Там же.

национальную принадлежность, скажем, что ее фразы и составные положения живы и процветают до настоящего момента, даже не поменяв окраски. Ибо национализм и большевизм суть понятия тождественные. Насколько эффективна подобная подмена исторического самосознания идеологическим доктринерством, говорит уже хотя бы тот факт, что более чем шестисотлетнюю историю региона, превышающего своими размерами Францию, растворили в небытии. И уже не только «широкие слои» населения, но и преподаватели истории одесских школ не смогли при анонимном анкетировании правильно определить название государственности, к которой до основания Одессы принадлежала территория будущего города. Да в подобную пустоту не то что мифические польские города можно вбрасывать, а будет на то желание, хоть афроамериканские.

Вообще, как только чисто исторические вопросы приобретают великодержавный или шовинистический оттенок, их рассмотрение если и возможно, то в лучшем случае исключительно в академической науке, а при ее отсутствии заменяются некими подобиями символов веры. Подобные символы совершенно не требуют напряжения умственных сил, ибо рассчитаны на образность желаемой картины, где убогость интеллектуальной жизни сегодняшней ищет себе оправдание в примитивности представления о прошлом. В конце концов, Гегель был совершенно прав, разделяя народы на исторические и не исторические, то есть на те, которые могут позволить себе реальное историческое самосознание, и те, которые заменяют таковое мифическими образами, а то и словоблудием. Чисто для того, чтобы проиллюстрировать, при каких условиях и на какой почве произрастали семена «коцюбиевской фальшивки», приведем фрагмент статьи коллеги и соратника Маркевича профессора Кочубинского:

«Как во времена Геродота греческий, так теперь купеческий дух западный подымался местами далеко вглубь страны: величественные башни генуэзцев высятся не только на Аккерманском мысу у устья Днестра, но и глубоко к верховью в Сороках.

Что было бы с ними, русскими, задунайскими славянами и вообще Юго-востоком Европы, если бы открытое итальянскими торговцами экономическое движение Запада на Восток продол-

жалось беспрепятственно и далее XV столетия, представить себе нетрудно. Гвоздь за гвоздем вколачивался бы в сердцевину нашей земли рукою западного человека, и наш Юго-восток, Камерум того времени, стал бы давно неотъемлемою частью интересов Запада, его землею, поприщем его свободной эксплуатации. Не нам бы привелось жить по побережью Черного моря, не русского поэта вдохновляла бы лазуревая свободная стихия!

Но – этого не случилось. Провидению за благо было остановиться на избранном сосуде, для возвращения Востока Востоку, своего своему. Этот необыкновенный посланник имел своими руками извлечь западный гвоздь, освободить закрепощаемые края.

Этим избранным сосудом были – турки. Глубокими чертами отмечены их шаги в общей истории Европы. Ужас сопровождал эти шаги; кровь полилась широкою рекою. Общий вопль, негодование… Но эти страшные варвары своим вторжением в Европу спасли, сохранили Юго-восток ее для него самого».[*]

А ведь эта и ей подобная чушь с годами сумела остановить развитие перспективнейших направлений в отечественной исторической науке. Да и иные, выходившие за рамки простой констатации фактов, например, соперничества Венеции и Генуи на Черном море в XIII-XV веках. Более того, данные суррогаты стали своеобразным прологом для разрушения подлинно великой научной исторической школы Одессы, основы которой закладывали еще в XIX веке Скальковский, Мурзакевич, Григорович, Трачевский, Надлер, Успенский, Афанасьев и целый ряд других, при произнесении имен которых до наших дней в научном мире принято «снимать шляпу». Ибо представлять без фундаментальных трудов, скажем, профессора Григоровича славяноведение, или профессора Трачевского новую историю Европы, либо академика Успенского в византиноведении просто невозможно. Впрочем, все это пишется лишь для того, чтобы подчеркнуть, что отнюдь не маркевичи с кочубинскими управляли научными деяниями Новороссийского университета, но, напротив, они сами стали заложниками собственных фантазий и фальсификаций в руках далеких от науки сил, говорить о которых здесь не время и не место.

* Кочубинский А. Лапидарные надписи XV столетия из Белгорода, что ныне Аккерман. – ЗООИД, т. 15, с. 509-510.

Ну, хорошо, могут возразить, пусть «документальная хроника» Длугоша и Кромера – примитивная подтасовка конца XIX столетия относительно событий 1415 года. Но ведь есть помимо этого сумма других доказательств, свидетельствующих о польском городе в Северном Причерноморье, на месте будущей Одессы. И здесь нестыковка. Не только «суммы», но ни одного даже скольнибудь правдоподобного свидетельства нет, да и быть, по понятным причинам, не может. А вот удивительным как раз представляется составление базы источников, предлагаемой в качестве доказательств некой мифической трансформации Коцюбиева в Хаджибей. Ибо является она ничем иным, как перевертышем, то есть суммой свидетельств прямо противоположного утверждаемому, и по характеру, и по смыслу. Проще говоря, когда белое представляется черным и наоборот.

Сразу же оговоримся, что во всем этом сумбуре «исторических свидетельств» решительно невозможно рассматривать «доказательства» абсурдного характера. Как то, например: вероятного впадения вод реки Днестр в Одесский залив. Или, скажем, претензии некоего польского шляхтича на Пересыпь во второй половине XVI в., то есть тогда, когда таковая не могла существовать по геологическим причинам, ибо Куяльницкий лиман до XVII в. вообще не был отделен от моря, да и то, вплоть до начала XIX столетия представляла собой исключительно песчаную косу. Поэтому ввиду отсутствия документов официальных как таковых, примем во внимание только те возможные свидетельства современников, которые могли бы реально воочию узреть либо прослышать о городе на берегу моря Черного, польской короне принадлежавшего.

Первым и, без сомнения, самым значительным источником в указанном списке мог бы стать отчет о своей дипломатической миссии в Восточную Европу фламандского рыцаря Гильберта Ланнойя (Guillebert de Lannoy).** Оставив после себя одно из первых подробных описаний Литвы и Польши, он в 1421 году волею своей замысловатой дипломатической миссии пересек та-

** Voyages et ambassades de messire Guillebert de Lannoy, chevalier de latoison d'or, seigneur de Santes, Willerval, Tronchiennes, Beaumont et Wahenies, 1399-1450. – Mons, 1840.

тарскую степь (parmy ung grant desert de Tartarie. – ст. фр., **А. Т.**) от Монкастро до Крыма за 18 дней.* Описание данного путешествия любопытно уже хотя бы тем, что оно явилось единственным письменным свидетельством европейца первой половины XV в., оставшегося в живых или не проданного в рабство. Впрочем, последнее не произошло только случайно, так как плененного рыцаря, уже после того как пытались продать, доставили в Каффу, а там его ожидала та часть его спутников, которая из Монкастро отправилась в эту генуэзскую колонию морем. Повторимся, его записки крайне любопытны, и гораздо более, чем это принято думать. Но, кажется, никто сильно и не настаивает, чтобы у данного рыцаря, имевшего на руках письма шести европейских государей, а именно: королей Англии, Франции и Польши, великих герцогов Бургундии и Литвы, вместе с бумагами молдавского господаря, вдруг не оказалось ни одного свидетельства о затерявшемся в степи польском городе. Да еще и настолько значительном, чтобы обеспечивать жизнедеятельность византийского Константинополя в период опасности. Что касается упоминания рыцаря Белого Руна относительно строящегося замка в степи при его прохождении из Подолии в Монкастро**, то это и вовсе как корове седло, так как свидетельствует об обратном, а именно: Подолия к моменту данного описания, то есть 1421 г., не была защищена никакими укреплениями от причерноморских степей, то есть от татарских набегов.

Как ни крути, но Гильберт Ланной слыхом не слыхивал ни о польских владениях, ни о славном граде Коцюбиеве, столь прославившемся в 1415 г. в Северном Причерноморье. А вот почему он здесь оказался, совершенно другой вопрос. Для тех, кто не понимает, подскажем. Рыцарь направлялся через Константинополь с миссией в Святую землю. До Константинополя он мог добраться только через генуэзцам подконтрольные морские пути, и отнюдь не из-за препятствий несуществующего «польско-молдавского черноморского флота». Монополия Генуи обуславливала перевозку со всех портов Черного моря в Константинополь исключительно через Каффу, а следовательно,

* Ibid., p. 40.
** Ibid., p. 39.

из генуэзского Монкастро он мог достигнуть города на Крымском полуострове менее чем за сутки и затем еще через два дня оказаться в столице Византии. Однако рыцарь выбрал, казалось бы, странное решение, подвергнувши себя и часть своей свиты смертельной опасности, отправившись сухопутным путем вдоль Северного Причерноморья, где он чудом избежал смерти, а затем был ограблен и пленен. При этом все свои ценные бумаги, включая письма английского и французского королей и герцога бургундского, он заблаговременно отправил в Каффу морем, то есть великолепно понимал рискованность своего путешествия. Впрочем, дабы не дать себя отвлечь от темы, просто констатируем – Коцюбиева тут нет и в помине.

Далее следует некий хронологический провал «свидетельств» длиною в сто пятьдесят лет. За это время европейцы сумели совершить Великие географические открытия, создать национальные государства, покорить Мексику и Перу, изобрести книгопечатанье, – а о Коцюбиеве ни слова. И вдруг, *deus ex machina*, прорывается набор записок и дневников путешествовавших в Северном Причерноморье дипломатов второй половины XVI – XVII вв., ни один из которых даже не намекает о прошлом либо современном ему польском городе на берегу Черного моря. То есть от польского дипломата Мартина Броневского и вплоть до турецкого путешественника и историка Эвлия Челеби никто не видит славный град Коцюбиев, и даже самые смелые догадки и истолкования никак не смогли «придвинуть» его к черноморскому побережью. Отнюдь не исключением здесь представляется и отчет Михалона Литвина, который хотя и употребил термин, напоминающий «Коцюбиев», но совершенно в другом контексте, да и в противоположном смысле. А именно в том, что в Киев доставляется «соль из Таврических лиманов (ex lacunis Tauricensibus), называемых Качибичов (Kaczibiciow)»[***], а это звучит быстрее

*** Михалон Литвин. О нравах татар, литовцев и москвитян. – М., 1994, с. 97. – Кстати, здесь явно усматривается этимология слова *koczowisko* и его производные. В русском и украинском языках соответственно оно обозначает кочевье, происходящее от тюркского «коч». И, естественно, никакого отношения к тюркскому «хадж» не имеет, термином которого и обозначалась территория «Хаджибей» между Куяльником и Днестром. Отсюда наименование Хаджибейского лимана, а во второй половине XVIII в. наименование турецкой

в качестве насмешки, чем доказательства «предшественника Одессы», так как Михалон четко выделил территорию Белгородской орды от Перекопской, то есть Таврической. Но это так, между прочим, дабы задать единственный вопрос – а к чему все это? Зачем к тому скудному списку тех, кто не упоминал в творениях своих город славный на берегу Черного моря, не прибавить еще и сотни других авторов того времени? И по иронии судьбы, того же Мартина Кромера, сделавшего уже не мифический экскурс в историю, а реальное описание географических, подлинных или мнимых, границ Польского королевства своего времени, где и близко нет польских претензий на побережье Черного моря, тем более упоминания о существовании здесь польского города и порта.*

Таким образом, на руках «страдальцев по Коцюбиеву» остается исключительно один аргумент – так называемая карта Боплана середины XVII столетия, на которой за «Диким полем» имеется топонимический знак замка и обозначение Кацюбиев. Отбрасываем тот факт, что ни в одном из прижизненных изданий книги Боплана с описанием Украины** подобный вариант карты, а их было несколько десятков, собственно в его книгу не вошел. Как и то, что ни на одной из десятков карт предшествующего периода данное наименование не присутствует.*** Выделим только лишь то, что и на сей раз мы имеем дело с чистым «перевертышем».

Никогда исторические карты, изданные до середины XVIII столетия, вне географически обоснованных масштабов и без соот-

крепости Ени-Дунья в документах запорожцев, а затем и в официальных русских бумагах как Хаджибейская крепость. Имея такой первоклассный исторический источник, как тарханный ярлык конца XIV века, данный ханом Золотой Орды Тохтамышем роду Хаджибеев (см.: ЗООИД, т. 1), нетрудно убедиться, что данный род чингизидов в Северном Причерноморье вовсе не выдумка, ибо подделать такой редчайший документ, каким является тарханный ярлык, пока еще не удавалось никому. Впрочем, это тема отдельного разговора.

* Martini Cromeri. Polonia. Sive de situ, populis, moribus, magistratibus et Republica regni Polonici libre duo. 1578. – Krakow, 1901.

** Beauplan G., marquis de. Description d'Ukranie qui sont plusieurs provinces du royaume de Pologne contenues depuis les confins de la Moscouie, jusques aux limites de la Transilvanie, ensemble leurs mœurs, façons de vivre et de faire la guerre. – Rouen, 1650.

*** См., например: Вавринич М., Дашкевич Я., Кришталович У. Україна на стародавніх картах. Кінець XV – перша половина XVII ст. – К., 2004.

ветствующей экспликации не принимались в качестве источника. В противном случае по схематическим рисункам можно с легкостью доказывать, что границы, например, Речи Посполитой проходили по рубежу Северной Африки, близ Египта. Однако в том-то и все дело, что собственно издание Боплана как раз и представляет собой развернутую, если не исчерпывающую экспликацию. Не говоря уже о том, что являет собой один из ценнейших источников по отечественной истории XVII столетия, с публикацией которого впервые было введен в западноевропейские языки собственно термин *Украина*. Следовательно, мы берем для удобства академическое издание с репринтным французским текстом и с параллельным русским переводом, а затем читаем описание автора. А именно – всего значимого в Северном Причерноморье с точки зрения французского военного инженера, почти двадцать лет отдавшего строительству приграничных крепостей на службе польской короне.

Итак, самое южное польское укрепление со стороны Днепра, согласно Боплану, располагалось со стороны Савранского леса, или, как пишет автор: «Усть-Саврань (Oucze Savram), или Новый Конецполь – это последнее поселение поляков со стороны Очакова, основание которому я положил в 1634-1635 годах. Здесь я построил королевскую [крепость] в форме четырехугольника, полагаю, что на этом месте можно было бы возвести хороший арсенал против турок».**** Ну, а далее приводятся уже интересующие нас сведения о Северном Причерноморье, которые мы для краткости изложим по первым предложениям каждого абзаца: «Но возвратимся к Очакову и заметим, что этот город принадлежит туркам, лежит в устье Днепра и по-турецки называется Джанкрименда (Dziancrimenda)… Приблизительно в одном лье от Очакова (Doczakow) к юго-востоку находится хороший порт, называемый Березань (Berezan), его ширина в устье насчитывает около 2000 шагов…; Озеро (Iezero), то есть озеро Телигул (Teligol) длиной 8 лье и от седьмой до восьмой части лье в ширину…; Озеро Куялик (iezero Kuialik) отстоит от Моря на расстояние не ближе 2000 шагов и также богато рыбой, как и предыдущее… Белгород (Bielegrod) расположен на расстоянии одного лье от Моря

**** Боплан, Гийом Левассер де. Описание Украины. – М., 2004, с. 199.

на реке Днестр (Niestre). Турки называют его Аккерман (a Kierman). Этот город также находится под владычеством турок. …Килия (Kilia) – также турецкий город, полностью укрепленный стеной с контрэскарпом».*

Таким образом, расположение «польского причерноморского города» в татарских степях, да еще и в окружении турецких крепостей, выглядело бы, согласно Боплану, элементарным безумием. Что касается так называемой «Генеральной карты Украины», то ни в одном из первых изданий, во всяком случае, прижизненных, у Боплана искомый объект не обнаруживается. Хотя, может быть, он и появился в каком-либо из десятков вариантов данной карты в различных картографических атласах указанного времени, но не более чем искусственной вставкой в гравировальную доску новых, подчас произвольно вписываемых объектов. В любом случае в данном контексте нас это не интересует, ибо экспликация Боплана суть есть документальное подтверждение «небытия» Коцюбиева, а не наоборот.

И последнее. Вероятно, со времен «Книги Страшного суда» Вильгельма Завоевателя в Англии XI в. ни одна страна Европейского континента не подверглась столь тщательной ревизии, как многострадальная Польша в XVIII столетии. Первый, второй и третий разделы Польши наряду с ликвидацией Крымского ханства дали европейским юристам, политикам, картографам, литераторам, просветителям, журналистам, историкам тему, которую современным сленгом именуют глобальной. При этом ни одна европейская страна, даже второстепенная, не смотрела равнодушно на процесс «дележа польского пирога» между Австрией, Пруссией и Россией, чтобы не попытаться понять смысла происходящего на их глазах самого крупного территориального перераспределения на континенте за всю историю нового времени. Сотни карт, изданий полемического и исторического характера, появлявшиеся в Лондоне, Париже, Мадриде, Риме, Стокгольме и т. д., даже косвенно не затронули, казалось бы, столь притягательную тему, как возможность предъявить «исторические» права на Черное море Речи Посполитой. И это в условиях кризиса, поставившего Европу на грань общеконтинентальной

* Там же, с. 201.

войны.** Здесь нет нужды говорить также о том, что сотни документов, сосредоточенных в архивах Петербурга, Вены и Берлина, до мельчайших деталей, иногда крайне циничного свойства, учитывали не только любые поселения, подлежащие дележу, но и количество людей, домов, голов скота и т. п. Как и каким образом удалось бы от указанной международной ревизии ускользнуть славному граду «Коцюбиеву», на Черном море стоявшему, одному Богу известно.

Конечно, нет ничего страшного в том, что определенной части населения представилась возможность вволю пофантазировать на тему генезиса Одессы. И нет абсолютно никакой необходимости в том, чтобы все поголовно оперировали категориями из области международного права. Вполне достаточно, дабы каждый из сограждан понимал, что ордер, скажем, на квартиру, без печати и подписи не есть юридический документ. А если не понимает, то за будущность детей и близких его именно тогда становится страшно. Неужели же кто-то не осознает, сколь пагубна игра с фальшивками в исторической плоскости, когда она самым непосредственным образом соприкасается с самосознанием огромного региона, которому вместо реальных международных документов и фактов ежедневно подбрасываются пустышки румынско-молдавско-польского образца, помноженные на доморощенные националистические? И, главное, есть ли смысл прятать убогость нынешнего исторического самосознания за «новоявленным» доктринерством? Впрочем, вопрос риторический. Ибо не было бы уверенности в том, что «Одесса и не такое пережила», то и не было бы смысла в написании данной статьи. А там – как Бог даст.

** См.: Третьяк А.И. Северное Причерноморье в политико-правовом пространстве Европы конца XVIII века. – Одесса, 2004.

Олег Губарь

Пушкин на берегу Черного моря

Речь пойдет не о популярных одноименных полотнах Айвазовского и Пастернака, но о сюжете тоже довольно известном. Я говорю о морских купаниях, входивших в распорядок одесского дня знаменитого пушкинского героя.

Бывало, пушка зоревая
Лишь только грянет с корабля,
С крутого берега сбегая,
Уж к морю отправляюсь я.
Потом за трубкой раскаленной,
Волной соленой оживленной,
Как мусульман в своем раю,
С восточной гущей кофе пью.

Я назвал известным этот эпизод «Путешествия Онегина», но не уточнил, что лежащие за ним реалии как раз совершенно неизвестны. Из контекста видно: купальни находились под обрывистым одесским плато и были достаточно комфортабельны – здесь под легкий шум волны можно было насладиться хорошим турецким мокко, приправленным затяжкой элитарного македонского табака дюбек. Мне показалось любопытным разобраться в том, когда, где, при каких обстоятельствах, кем, на каких кондициях устроены эти купальни, как и насколько долго они функционировали. Как вы убедитесь ниже, оная «разборка» дает чрезвычайно полезную информацию, непосредственно касающуюся пребывания поэта в Одессе.

Начнем все же с «пушки зоревой». Поэт говорит здесь об орудии на военной брандвахте, стоявшей в Карантинной гавани.

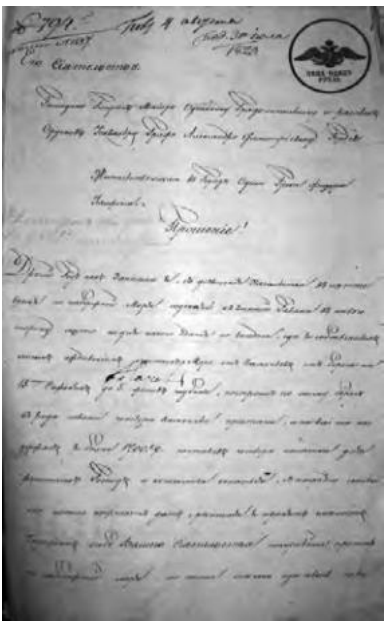
В те годы залп заменял куранты – сигнализировал о восходе и заходе солнца, полудне, об открытии и закрытии навигации, наконец, об опасности. Таким образом, утренний выстрел сообщал о начале рабочего дня, полдневный – о наступлении обеда, по нему горожане сверяли часы. В дальнейшем стрельбу с брандвахты заменили единичным полдневным выстрелом маленькой сигнальной пушки с бульвара. В данном случае Пушкин подчеркивает раннее время купания.

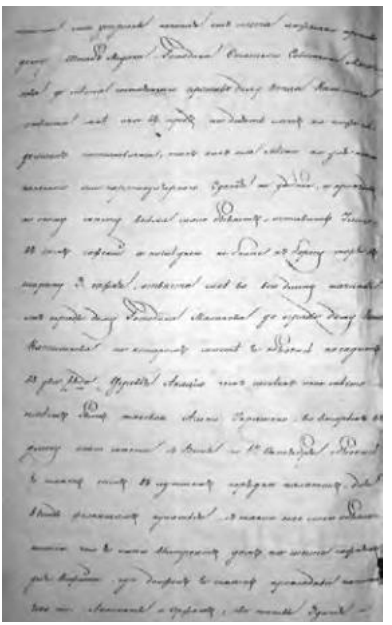
Первичное устройство морских купален для благородной публики в Одессе относится ко времени управления городом и краем герцога Ришелье. Дело это было поручено им адъютанту и родственнику графу Леону Рошешуару[1]. Местоположение означенных купален упомянуто в публикации журнала «Сын Отечества» под заголовком «Письмо к господину NN об Одессе. 30 октября 1816 года»: «Для купанья в морской воде ездят за несколько верст за город на залив: там видел я разбитые нарочно для сего палатки; но многие купаются между *военною* и *купеческою* гаванями. Тут также хорошо: отмель идет на большое пространство; песок и вода чистые»[2].

Это означает, что высшие классы принимали морские ванны в районе так называемого Малого (Рашковского) Фонтана, близ дач (хуторов) Рено, Феогности и др., небезызвестных пушкинских мест[3]. Военная (Купеческая, Практическая) гавань примыкала к Военной балке, естественному спуску в порт, важнейшей транспортной артерии, тянувшейся отсюда вдоль так называемой Гаваньской (Гаванной) улицы и ее продолжения, Александровского проспекта, до Старого базара, крупнейшего городского торгового центра. Разумеется, благородная, да и состоятельная публика не позволяла себе купание в порту, без малейших удобств, да еще у всех на виду; в гавани «пляжилось» простонародье и матросы. Однако такое положение вещей не могло продолжаться долго: поездки за город были связаны с потерей времени и немалыми издержками на извозчика. Кроме того, в связи с изменением военно-стратегической ситуации «военный городок» на территории будущего Приморского бульвара постепенно ликвидировался, и окрестности Военной балки стали активно застраивать имущие граждане, которым не с руки было ездить для купаний

за тридевять земель. Скажем, из письма графини Е.П. Гурьевой (от 20 июня 1823 года), супруги одесского градоначальника, пушкинской знакомой, следует, что морские ванны она с дочерьми и челядью принимала неподалеку от дома Кошелева, который Гурьевы арендовали.

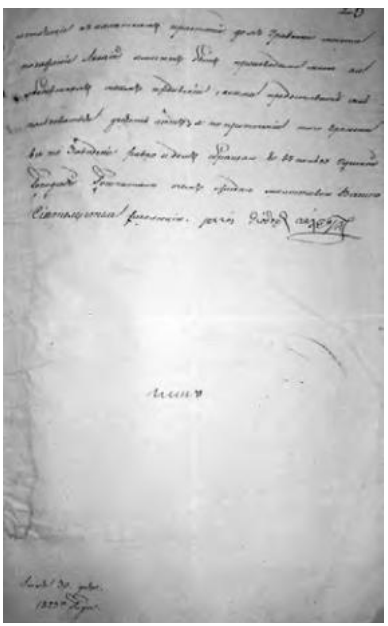
Одесский 1-й гильдии купец, питейный откупщик, крупный муниципальный деятель Василий Егорович Кошелев владел одним из лучших в городе домов, располагавшимся на углу улиц Херсонской и Конной[4]. С 20 сентября 1822-го это колоссальное по тем временам строение за 9.500 рублей в год арендовал граф А.Д. Гурьев[5]. В сказанном письме его супруга пишет: «Я встала сегодня в 6 часов утра, и в 7 была в море…»[6]. При таком раскладе абсолютно исключена поездка к Малому Фонтану: даже поспешные сборы и дорога заняли бы значительно больше времени. Другое дело – коротенький маршрут от угла Херсонской и Конной: несколько кварталов до Военной балки, а затем с горки в гавань.

Нижняя хронологическая граница появления городской купальни вполне фиксируется – 1822 год. Это явствует из любопытного дела, хранящегося в фонде Одесского строительного комитета Государственного архива Одесской области, под заголовком «По прошению грека Федора Калфогла о позволении ему занять на берегу моря от военной гавани до пересыпа по набережной место для построения купальней»[7]. Заключенный здесь корпус документов свидетельствует о том, что устное дозволение на устройство купален было дано еще графом А.Ф. Ланжероном[8]. А поскольку граф с 20-х чисел июня 1822 года находился в отпуске, а далее был смещен[9], постольку купальни функционировали несколько ранее – с мая или же с самого начала июня. Граф М.С. Воронцов пролонгировал это разрешение также «изустным приказом»[10].

30 июля 1823 года «иностранный грек» Феодор Калфогло (Калфоглу) подал следующее прошение на имя одесского градоначальника, графа Александра Дмитриевича Гурьева: «Другой год, как занимаю я с дозволения начальства в летнее время по набережной моря, спускаясь к военной гавани в левую сторону, место ни для кого не выгодное, где я собственным моим иждивением очистил море от каменьев от берега на 18-ти саженях до 5 футов глубины, построил по оному берегу вроде гавани четыре каменные пристани, и на все то издержал я более 1.700 р., поставив четыре палатки для желающих господ и купечества купаться, с наградою, сколько кто охотно пожелает дать, решился я принять смелость утруждать особу вашего сиятельства покорнейше просить по набережной моря то самое место, где ныне

оные палатки мои устроены, начиная от места, лежащего противу дому штаб-медика, господина статского советника Малахова, до места, состоящего противу дому купца Католикова, отвести мне оное впредь на десять лет по нижеследующем постановлении, так как оное место ни для какого казенного или партикулярного здания не удобное, и проездов по оному месту весьма мало бывает, оставить улицу – в семь саженей, а последнею, не более к берегу моря в ширину 3 сажени, отвести мне во всю длину, начиная от ограды дому господина Малахова до ограды дому купца Католикова, на котором месте я обязуюсь посадить в два ряда деревья акацию, чем самым оное место имеет быть таковою аллеею украшено, во-вторых, в длину оного места с весны по 1-е октября обязуюсь я иметь семь в лучшем порядке палаток для выгоды желающим купаться, с такою еще моею обязанностью, что я имею выстроить дом на шести саженях для кофейни, где должен я иметь прохладные напитки, яко то лемонаты (лимонады. – **О. Г.**) и оржат (оранжад. – **О. Г.**), все таковы здания и состоящие к палаткам дом, уравнении места посажение акаций имеют быть производимы мною на собственном моем иждивении, коими предоставить мне пользоваться десять лет: а по протечении того времени все то заведение, равно и дом, обращаю в пользу Одесской городской гошпиталь (то есть Одесской городской больницы, в пользу которой в ту пору поступали все штрафы с предпринимателей. – **О. Г.**), о чем ожидаю милостивого вашего сиятельства резолюцию»[11].

Все тут ясно, комментировать остается лишь местоположение. Приморский участок, вскоре получивший название «Купальный берег», как было сказано, находился слева от спуска в Военную гавань, меж оградами домов Малахова и Католикова, то есть по берегу меж нынешней улицей Торговой и Одесским художественным музеем. Территория последнего тогда принадлежала купцу-лесоторговцу Мартину Католикову[12], а дом с флигелями штаб-лекаря Василия Малахова стоял над обрывом, первым по нечетной стороне Торговой улицы[13]. Таким образом, Пушкину доставало каких-нибудь 10-15 минут, для того чтобы очутиться здесь, «с крутого берега сбегая», от Клубной гостиницы, через Театральную площадь, прямиком в ответвление Военной балки, выходящее ныне от Сабанеева моста к Екатерининской площади.

Неизвестный. Дом Воронцова в Одессе. Эрмитаж. 1830-е. Рисунок

Летний сезон 1823 года купальни Калфогло функционировали на прежних «изустных» основаниях, а в начале 1824-го Одесский строительный комитет (ОСК) изучил предложение содержателя. 11 февраля в заседании ОСК отмечалось: на участке, о котором идет речь в прошении Калфогло, грунт такой, что нельзя ни кофейню строить, ни деревьев высаживать[14]. Таким образом, во все время пребывания Пушкина в Одессе почтенные пользователи купален проводили досуг в четырех полотняных палатках на выдвинутых в залив «пристанях». И теперь становится очевидным, что поэт-реалист нисколько не преувеличивает, говоря об оживленном волной потреблении арабского кофе и турецкого табака. Тут нет никакой метафоры, ибо публика отдыхает не за каменными стенами кофейни, а непосредственно под сенью волн.

Полагаю, небезынтересна дальнейшая судьба этого заведения и его устроителя, пушкинского знакомца. Вскоре после отъезда Пушкина из Одессы, 8 сентября 1824 года, произошел довольно сильный шторм. 6 октября Калфогло обращается уже

непосредственно в ОСК с прошением, в котором описывает сложившуюся ситуацию. Стремительным «половодьем» снесены и испорчены все палатки и находившееся там имущество, общий убыток простирается до 3.000 рублей. Для компенсации просит утвердить за ним содержание купален на четыре-пять лет[15]. Согласно резолюции графа М.С. Воронцова, Калфогло получил официальное, документированное право содержание общественных купален на два года, однако с оговоркой, запрещающей строительство какого-либо капитального сооружения[16]. Таковое же решение, подтвержденное градоначальником графом А.Д. Гурьевым, находим и в журналах заседаний ОСК от 16 октября 1824 года[17].

По прошествии двух дозволенных лет, 7 октября 1826 года, Калфогло вновь ходатайствует о более продолжительном сроке содержания купален – на 10 лет. При этом повторяется просьба о дозволении возвести прочную постройку, ибо ему приходится ежегодно возобновлять временные сооружения, что связано с расходами на материалы до 2.000 рублей. В свою очередь, ОСК обращается в городскую Думу с предложением рассмотреть выгодность подобного контракта[18]. Но тут возникает другое препятствие: промысел содержания общественных купален в любой момент может попасть в акцизную сферу, хотя бы содержатель и готов был через десятилетие передать муниципалитету сделанные им постройки[19]. Поэтому Калфогло дозволили продолжить содержание купален в 1827 году, но с оговоркой, что при возможном законодательном назначении акциза ему придется внести соответствующий платеж, по каковому поводу с него даже взяли расписку[20].

«Купальный берег» становился все более популярным в связи с интенсивной застройкой Приморского бульвара, Воронцовского и Театрального переулков, Екатерининской площади, Софиевской улицы, где обитала местная элита, включая генерал-губернатора. 26 марта 1829 года у Калфогло появился конкурент, одесский купец греческого же происхождения Георгий Попович, который, ссылаясь на его опыт, просил разрешить на три года содержание общественных купален[21]. В ответ на такие аллюры коварного соотечественника Калфогло энергично запротестовал,

в архивных записях от 12 апреля того же года снова освещена вся история устройства им заведения, и видна комитетская резолюция: «Позволено содержать купальни по левую сторону военной гавани греку Калфоглу»[22]. Что до конкурента, купца Георгия Поповича, он вскоре (6 января 1831 года) ушел из жизни 44-х лет от роду[23].

Отдав предпочтение прежнему содержателю, городские власти, впрочем, озаботились перспективой переноса купален непосредственно под обрыв Приморского бульвара, дабы потрафить элите. Еще в конце марта 1829 года назначались торги в связи с запланированным перемещением заведения с одной стороны Практической гавани на другую[24]. Охотников не нашлось, и к этой теме вернулись два года спустя, когда в объявлении о торгах было указано, что победитель вместо платежа за летний сезон 1831 года должен будет лишь перенести купальни на новое место, обозначенное ОСК[25]. Этот сюжет живо обсуждается в переписке градоначальника А.И. Лёвшина и генерал-губернатора М.С. Воронцова[26]. В первое лето после перемещения на участок почти против усадьбы Воронцова купальня оставалась временной, а затем замечательно преобразилась капитальною постройкою[27], но к нашим интересам это имеет мало отношения.

Вернемся к Калфогло. Звали его Феодором Панаиотовичем, он был одесским купцом 3-й гильдии, имел брата Георгия, состоявшего в подданстве Оттоманской Порты, супругу звали Евфимией Васильевной. Умер Калфогло 26 января 1847 года 63-х лет[28], то есть он 1784 года рождения, а в «пушкинский сезон» ему было около 40 лет. В 1834 году Калфогло по договору построил кофейню в портовом Карантине, которую содержал восемь лет, а затем срок пользования продлили еще на семь лет, однако Феодор Панаиотович ушел из жизни еще до окончания контракта, и двухэтажная кофейня в 1850-м была передана городу его вдовой Евфимией[29]. Несомненно, братья Калфогло были из фанариотов и навещали свою историческую родину[30], судя по всему, перебрались в Одессу из Константинополя в 1821 году в связи с небезызвестными кровавыми событиями. Это немаловажное обстоятельство, ибо Пушкин мог получать от содержателя занимательную информацию о греческих делах.

М.Н. Воробьев. Купальный берег. 1832 г. Холст, масло

М.Н. Воробьев. Купальный берег. Ранее 1830-го. Из «Отечественных записок»

Конфигурацию береговой линии, элементы рельефа и топографию местности, где функционировали первые в Одессе общественные купальни, можно увидеть на генеральном плане города, составленном архитектором Джорджио Торичелли ближе к концу 1820-х[31]. Внешний облик купален и их местоположение запечатлены на известном полотне академика живописи М.Н. Воробьева. Картина написана в 1832 году по зарисовкам 1828-1829 годов. В виде графики она опубликована еще в январе 1830-го[32].

Примечания

[1] Александр Третьяк. От основания. – Одесса, «Optimum», 2008, с. 137.

[2] Сын Отечества. – 1817, ч. 38, № XXI, с. 51-52.

[3] Обширные материалы и библиографию по этой теме читатель может найти в следующей публикации: Олег Губарь. Функции Одесского строительного комитета в контексте истории градостроительства Одессы. Хутора (дачи). – Дерибасовская – Ришельевская. Одесский альманах. Кн. 50. – АО «ПЛАСКЕ», 2012, с. 6-31.

[4] Государственный архив Одесской области (ГАОО), ф. 59, оп. 1, д. 96, л. 538; Там же, д. 153-б, л. 450 и др.; Олег Губарь. Автографы Одессы. – Одесса, АО «ПЛАСКЕ», 2012, с. 226-230.

[5] ГАОО, ф. 2, оп. 5, д. 282, л. 467.

[6] Антония Глассе. Пушкинская Одесса в письмах графини Е.П. Гурьевой. 1822-1824. Новые материалы. – Санкт-Петербург – Нью-Йорк, 1995. Позднее Гурьева обитала на приморском хуторе генерала Ф.А. Кобле, где могла пользоваться морскими ваннами либо отправляться оттуда на Малый Фонтан, однако это другой сюжет.

[7] ГАОО, ф. 59, оп. 1, д. 279, 21 л.

[8] Там же, л. 15.

[9] Одесса: 1794-1894. – Одесса, 1895, с. 788.

[10] ГАОО, ф. 59, оп. 1, д. 279, л. 3.

[11] Там же, л. 1.

[12] Олег Губарь. Автографы Одессы. – Одесса, АО «ПЛАСКЕ», 2012, с. 208-211.

[13] ГАОО, ф. 59, оп. 1, д. 204, 144 л.; Там же, д. 153-б, л. 254; Там же, оп. 2, д. 589, 125 л.; Список домам и прочим строениям, состоящим в 1-й части города Одессы, оцененным для платежа полупроцентного сбора с 1848 года, подлежащим и не подлежащим оценке. – Б. м., б. г., с. 32.

[14] ГАОО, ф. 59, оп. 1, д. 279, л. 2.

[15] Там же, л. 3.

[16] Там же, л. 4-5.

[17] Там же, ф. 2, оп. 5, д. 287, л. 129-130.

[18] Там же, ф. 59, оп. 1, д. 279, л. 6.

[19] Там же, л. 7.

[20] Там же, л. 13.

[21] Там же, л. 14.

[22] Там же, л. 15, 16-17.

[23] Греки Одессы. Ч. I. – Труды Государственного архива Одесской области. Т. II. – 2000, с. 224-225.

[24] Одесский вестник. – 1829, 23 марта, № 24.

[25] Там же, 1831, 23 мая, № 41.

[26] Архив князя Воронцова. Кн. XXXIX. – М., 1893, с. 21, 27, 51, 56.

[27] ГАОО, ф. 59, оп. 1, д. 1404, 148 л.

[28] Греки Одессы. Ч. II. – Труды государственного архива Одесской области. Т. IV. – 2002, с. 7, 109, 111, 114-115, 255, 329, 343.

[29] Из прошлого Одессы. – Одесса, 1894, с. 340.

[30] Одесский вестник. – 1840, 24 апреля, № 33.

[31] Одесский государственный историко-краеведческий музей (ОГИКМ). – Инвентарные номера К-605, К-620/2.

[32] Отечественные записки. – 1830, январь. Ч. XL, кн. CXVII, № 117.

Галина Семыкина

Одесские очерки П.П. Свиньина

Одесса, основанная в 1794 году, уже в первые десятилетия своего существования стала предметом описания отечественных и зарубежных литераторов, в стихах и прозе выражавших удивление и восхищение быстротой ее роста и процветания. Казалось бы, все, написанное об Одессе, учтено и известно. Но случайный текст, найденный в одном из старинных журналов, показался мне ускользнувшим от внимания как ранних, так и более поздних исследователей истории нашего города.

Очерк «Письмо к господину N. N. об Одессе» неизвестного автора, датированный 30 октября 1816 года, был опубликован в журнале «Сын отечества» (1817, ч. 38, № 20-21). Журнал был основан в 1812 году и выходил под редакцией Н.И. Греча. В первые годы издания в нем помещались материалы, посвященные войне 1812 года. Начиная с 1816 года, в журнале появляются литературные публикации талантливых авторов, в числе которых были и будущие декабристы.

Очерк о юной Одессе (городу исполнилось всего 22 года) был довольно объемным и едва ли не первым сочинением на одесскую тему, напечатанным в данном издании. Эта тема станет привычной для читателей отечественных журналов лишь в конце 1820-х годов, после появления в печати знаменитого пушкинского отрывка из «Путешествия Онегина»: «Я жил тогда в Одессе пыльной…».

Воспользовавшись популярной в литературе начала XIX века эпистолярной формой, безымянный автор очерка сообщает своему корреспонденту, что летом 1816 года совершил путешествие из Москвы в Крым через Одессу, где, по его словам, остановился и жил достаточно долгое время, чтобы составить представление о мало кому еще известном городе («…об Одессе, в нынешнем положении сего города, мало знаем или, по крайней мере, мне не удавалось ничего читать на нашем языке»).

«Письмо» начинается с информации об истории торговли на Черном море, почерпнутой из малоизвестных источников, затем следует рассказ об основании Одессы, ее нынешнем состоянии и о роли порта в развитии Одессы.

Город описан довольно живо: в очерке немало любопытных зарисовок с натуры, например, сцена в католической церкви со сбором пожертвований для бедных, подробное описание одесского карантина и строгих правил содержания в нем; эпизод с воспитанниками Благородного института на обеде у военного губернатора и т. д.

Вперемежку с историческими и статистическими сведениями перед нами проходят живописные картины старой Одессы, увиденные глазами современника. Вот описание нынешней Греческой улицы:

«…Тут видишь греческие лавки с турецкими материями, табаком, сахаром; русские лавки, где продаются сало, свечи, железо, гвозди и проч.; модные лавки с женскими уборами и галантерейными вещами, подле сбитень, квас, калачи и русские харчевни, в которых бородатые соотечественники наши распевают свои песни; напротив греческий кофейный дом, где важные физиономии сидят, поджавши ноги, и в молчании курят табак».

Или, к примеру, следующий отрывок, относящийся к Городскому саду:

«Публичный сад содержится в большой чистоте. Он невелик, но есть несколько густых аллей; есть уединенные беседки и палатки, где можно найти фрукты, мороженое и проч. На воротах сада прибито строгое предписание коменданта, чтобы не рвать плодов».

Завершается «Письмо» своеобразным интервью, взятым у одесского «почтенного чиновника», о трудностях, испытываемых молодым городом, и способах их преодоления.

Кто был автором «Письма»? Судя по содержанию и стилистике, это был человек дворянского происхождения, образованный, причастный к литературе.

Пришлось вновь обратиться к тексту «Письма», в надежде, что разгадка (как и сама загадка) кроется именно там. И я не ошиблась.

После очередного внимательного прочтения несколько фраз, и особенно анекдот о причинах чумы в Одессе в 1812 году, показались знакомыми. Затем припомнился и источник этих отрывков. В 1830 году в журнале «Отечественные записки» (Ч. 41, № 117) был опубликован очерк П. Свиньина «Взгляд на Одессу (Из живописного путешествия по России

изд. «От. зап». 1825 г.)». Он был иного содержания, так как описывал Одессу 1825 года, но некоторые сюжеты и фразы полностью совпадали, да и стилистика двух очерков была схожей. Несомненно, и этот ранний текст – «Письмо к господину N. N. об Одессе» – принадлежал перу П.П. Свиньина.

П.П. Свиньин

Павел Петрович Свиньин (1787-1839) – писатель, журналист, художник, редактор и издатель журнала «Отечественные записки» (1818-1839), был человеком одаренным и любознательным. Будучи дипломатом, служил в Америке, Германии. Совершил несколько путешествий по России. Результатом заграничных и отечественных путешествий явились статьи, опубликованные в журналах (самые ранние публикации появились в журнале «Сын отечества» в 1814 г.), а также книги путевых очерков и исторические романы.

Итак, впервые П.П. Свиньин посетил южный город в период его начального и очень бурного развития (1816 год) и под впечатлением увиденного написал «Письмо к господину N. N. об Одессе». Публикация в журнале «Сын отечества» оказалась первым подходом П.П. Свиньина к одесской теме. (Впоследствии текст, помещенный в «Сыне отечества», не был учтен в дореволюционных библиографиях, полузабыто и первое путешествие писателя по Югу России.)

Результатом второго посещения нашего города (1825 год) явился известный очерк «Взгляд на Одессу», опубликованный в журнале «Отечественные записки» в 1830 году, где одесская тема получила продолжение и развитие. Это была уже совсем другая Одесса, уверенно расцветающая под южным небом: в новом очерке появляются новые названия, имена и сюжеты. Этот текст более известен (хотя ни разу не перепечатывался), на него часто ссылаются пушкинисты при описании Одессы пушкинской поры.

Был еще и третий подход писателя к одесской теме. Очередной очерк «Одесса» вошел в книгу П.П. Свиньина «Картины России и быт ее разноплеменных народов» (Ч. 1. СПб., 1839), изданную уже после смерти писателя. В основу текста легло описание Одессы, опубликованное в 1830 году. Тем не менее, наряду с редакторскими правками в тексте вновь появляются дополнительные сведения об истории Одессы и переменах в ее жизни уже в четвертом десятилетии существования города. Последний очерк завершается упоминанием о пребывании в Одессе А.С. Пушкина, который «сделал верный и прелестный очерк ее в «Онегине», и приводятся начальные строфы пушкинского описания Одессы.

Экземпляр этой редкой книги хранится в коллекции Одесского литературного музея, а очерк «Одесса» был опубликован уже в наше время в сборнике «Южная столица» (Одесса, 2009), составленном и подготовленном к печати сотрудниками музея.

Но вернемся к первому «одесскому» очерку П.П. Свиньина «Письмо к господину N. N. об Одессе» (он приводится ниже). Его ценность – в новизне и свежести взгляда на юный город. Описание Одессы 1816 года, увиденной глазами современника, в данном случае играет роль документального репортажа, то есть первоисточника, и пополняет библиотеку ранних текстов об Одессе.

Для сравнения предлагаем читателям также ознакомиться с более поздним очерком П.П. Свиньина «Взгляд на Одессу», где дано описание города 1825 года.

Это первая републикация текста.

<П.П. Свиньин>

Письмо к господину N. N. об Одессе

30 октября 1816 года

Вы всегда были со мною согласны, что русскому дворянину должно прежде познать и обозреть свое отечество (которому обязан он посвятить всю жизнь свою), и потом уже ездить по чужим краям. Давно хотелось мне предпринять путешествие по России; служба и другие обстоятельства препятствовали к тому; наконец, нынешним летом предстала возможность удовлетворить моему желанию.

Странствие мое началось из Москвы через Смоленск, Чернигов, Киев, Новомиргород, Елисаветград и Николаев в Одессу. Прожив довольно долго в сем последнем городе, который через обширную и выгодную торговлю увеличился и возвысился в самое короткое время на такую степень, что может стоять наряду с первыми европейскими торговыми городами, проехал я через Очаков, Николаев, Херсон в Крым и по обозрении сей очаровательной страны, где почти на всяком шагу встречаешь или чудеса природы, или остатки древности отдаленнейших времен, возвратился в Москву через Мелитополь (или Орехов), Мариуполь, Таганрог, Новочеркасск, Воронеж и Тулу.

У меня было довольно много свободного времени; я делал мои замечания; и теперь, ежели служба или случай заставит меня жить в сих местах, то имею уже некоторое понятие об оных. Не нахожу нужным сообщать вам всех моих замечаний. У нас есть хорошие и подробные описания о тех странах, которые я проехал, но об Одессе, в нынешнем положении сего города, мало знаем, или, по крайней мере, мне не удавалось ничего читать на нашем языке*. Вы то же подтвердили, требуя от меня описания Одессы. Исполняю желание ваше. Я сделаю сперва краткое начертание истории торговли нашей на Черном море и основания Одессы, потом опишу настоящее положение сего порта.

Весьма вероятно, что описание мое неполно и может быть неудовлетворительно, но прошу вспомнить: я ездил как частный человек и, следовательно, не имел возможности вникнуть во все подробности.

Краткое начертание истории торговли нашей на Черном море

По завоевании турками Греческой империи соделались они единственными властелинами над Черным морем. Султан Ма-

* В 1802 году издано на французском языке сочинение поляка Малековского под названием «О выгодах торговли по Черному морю для Франции и России». В 1804 году напечатан на сем же языке «Опыт о плавании по Черному морю». В 1809 году в Британской библиотеке помещено письмо одного француза об Одессе. Я заимствовал из сих сочинений некоторые сведения в описании истории торговли нашей на Черном море.

гомет II одним только венециянам дал дозволение производить торговлю в портах сего моря, но возложил на них обязанность привозить на каждом судне положенное количество пороха и огнестрельного оружия. Когда же сей хитрый Султан приобрел чрез то достаточное число оружия и военных снарядов, то запретил и венециянам вход в Босфор. Потомки его сохранили сию систему, и более трехсот лет одни только турки владычествовали на водах Черного моря.

Торговля совершенно уничтожилась, продолжительные войны, самовластное и сумасбродное правление турков, притеснения их, хищничество правителей, присылаемых из Константинополя, час от часу уменьшали народонаселение на северных берегах сего моря; наконец, земледелие и промышленность исчезли; порты, бывшие прежде в самом цветущем положении, упали, и страны сии соделались убежищем кочующих орд разбойников.

Петр I, сей великий преобразователь России, желая сблизить нас с другими просвещенными народами, призвал торговлю на помощь. Он завоевал и устроил несколько портов на севере; но тщетны были его усилия завести торговлю на Черном и Азовском море. Ему удалось взять у турков Азов, построить при впадении реки Миуса крепость Св. Павла и учредить Таганрогский порт*, но неудачная война и известные происшествия под Прутом положили преграду великим его предприятиям. Екатерине II предоставлено было беспрерывными победами привесть в исполнение начинания Петра, Александру I – довершить их.

Сколько домогательств, сколько усилий употребляла Россия, чтобы приобресть право свободной торговли по Черному морю! Наконец победы в 1773 и 74 годах и мир при Кайнарджи приближили Россию к ее цели; трактатом 1779 года позволено нашим судам свободно плавать по сему морю, производить беспрепятственно торговлю и проходить через Дарданеллы. Екатерина II, не имея ни одного порта, чтобы пользоваться выгодами сей торговли, избрала место при лимане, или заливе, составляющем устье Днепра, для устроения гавани и сооружения флота, который предположено было держать на Черном море. И в 1780 году Херсон восприял свое начало.

* Таганрогский порт устроен вскоре после взятия в 1696 году Азова [...]

Императрица пожаловала сему новому городу большие преимущества, которые вскоре привлекли туда множество иностранцев; открылись торговые сношения прежде с Константинополем и Архипелажскими островами, потом с Марселью, Триестом и другими городами на морях Адриатическом и Средиземном. Привоз к нам и вывоз наших товаров был тот же, что теперь составляет одесскую торговлю. Наши продукты доставлялись в Херсон наиболее водою по Днепру.

Но к успешному производству сей торговли встретились многие неудобства. Днепровские пороги чрезвычайно затрудняли привоз наших товаров; должно было выгружать их из барок, везти сухим путем и потом вновь нагружать на другие суда. Иностранные корабли, за мелководием Днепра у Херсона, не все могли приходить в порт, но те, которые шли в воде более шести футов, должны были останавливаться в 30 верстах у пристани Глубокой и там нагружаться. Сверх того, Днепр иногда в октябре замерзал, следовательно, торговля продолжалась не более семи месяцев в год. Но границы наши простирались только до Буга, и другого лучшего места для учреждения порта не было.

Однако ж, невзирая на сии столь важные неудобства, коммерция наша на Черном море год от году усиливалась; торговый трактат, заключенный с турками в 1783 году, еще более содействовал к тому. В сем же году крымский хан Шагин-Гирей уступил России Таврический полуостров, и у нас открылися на Черном море еще порты: Кефа, или Феодосия, Евпатория и Керчь. Новая война в 1787-м году остановила успехи торговли, но мир 1792 года восстановил, усилил и споспешествовал к приведению оной в то цветущее положение, в котором она теперь находится. Сим миром границы наши распространились от Буга до Днестра. Вскоре за сим и при разделении Польши отошли к нам места, приближенные к Черному морю.

Столь счастливая перемена обстоятельств доставляла возможность устроить новый порт, который бы имел более удобностей, чем Херсон; при том же должно было открыть плодоносным местам Польши, доставшимся России, средства к выгоднейшей продаже хлеба ближе Херсона.

Основание Одессы

Залив Черного моря при бывшей небольшой крепости Гаджибей признан к тому удобным. В 1783-м (1789. – **Г. С.**) году крепость сия была взята адмиралом Рибасом, и при заключении мира Гаджибей вместе с прочими землями, лежащими между Буга и Днестра, присоединен к России. Близкое расстояние сего места от Польской Украйны, загнутые с одной стороны от моря полукружием берега, составляющие тихую заводь, удобность к производству торговли со многими державами – все сие обратило внимание правительства, и на месте бывшей крепости Гаджибей предположено основать город и учредить торговый порт, которому дано имя Одесса.

Но к скорому устроению Одессы встретились некоторые затруднения. Многие представляли императрице, что должно учреждать торговые порты по примеру иностранных европейских держав, при впадении больших рек в море; что кораблям безопаснее стоять в гавани и способнее нагружаться; что продукты наши извнутри государства могут удобнее и дешевле приходить реками, и что, наконец, в случае нападения неприятелей флот их в реку войти не может. Все сие справедливо, только должно бы было сообразить, что наши Днепр, Буг и Ингул не то, что Темза, Гаронна и проч.; что наши реки несколько месяцев в году покрыты льдом и во многих местах по мелководию к судоходству не способны.

Открытие торгового порта в Одессе

Описанная выше удобность местного положения Одесской гавани, которая никогда почти не замерзает и способствует чрез то к производству беспрерывной торговли, побудила императрицу решительно приказать приступить к устроению порта. Назначены были полки для работы, учреждена строительная комиссия, и 1796 года одесский порт был открыт.

В городе построено было уже довольно казенных и частных домов; многие иностранные купцы установили там свои конторы, и в конце того года до 60 кораблей австрийских, италианских, турецких и греческих пришли в Одессу.

Одесса. Рисунок П.П. Свиньина

С 1796 года до вступления на престол ныне царствующего императора торговля в Одессе производилась не с большим успехом; но с 1802 года, после Амиенского мира, когда турки дали право свободного плавания по Черному морю французам, потом англичанам, пруссакам, гишпанцам, неаполитанцам, рагузинцам, голландцам и Республике Семи Островов, коммерция на Черном море час от часу усиливалась, и Одесса соделалась главным портом и средоточием торговых дел.

Распоряжения правительства к распространению и усилению торговли в Одессе

Правительство наше не упустило воспользоваться теми выгодами, которые обещала торговля в Одессе. Употреблены все средства к распространению и усилению сей важнейшей отрасли государственного благосостояния. Уменьшен таможенный сбор, учреждены Коммерческий суд и Карантин, установлены иностранные консульства, предоставлены городу доходы винного откупа и пятая часть таможенного сбора, которые

назначено употреблять «на устроение и расширение порта и набережной, на исправление мола, на заведение и содержание гошпиталей, фонтанов, водопроводов, колодезей и тому подобных общественных устроений. Сверх того, для усиления населения Одессы высочайше повелено градоначальнику всякими выгодами и поощрениями привлечь туда иностранцев»*. Мудрые меры сии увенчаны совершенным успехом; коммерция в Одессе в короткое время усилилась и пришла в самое цветущее положение. Не стану следовать год за годом за чудесным приращением сей торговли и окончу описание мое одним убедительным доказательством. Когда Дюк де Ришелье вступил в управление Одессою в 1803 году, таможенный сбор был не более 28.000 рублей в год; теперь сбор сей простирается более миллиона; откупная винная сумма была 14.000 рублей, теперь 375.000; почтовый доход не более 3.000, теперь с лишком 40.000. (Сведения сии сообщены мне одним почтенным одесским чиновником.)

Нынешнее положение Одессы

Вид города на высокой каменной горе прекрасен. Надобно проехать несколько сот верст по степям, на которых изредка кой-где найдешь небольшие селения и людей, чтобы почувствовать всю приятность быть в многолюдном торговом городе. Необозримое море, множество кораблей в гавани с разноцветными флагами, толпа народу разных наций; все сие после скучного единообразия степей делало мне большое удовольствие.

Осмотр города

Я остановился в итальянском трактире, называемом Новый клуб; мне отвели за довольно дешевую цену, за два рубля в сутки, две комнаты. Отдохнувши, поехал я осматривать город; за дрожки парою взяли с меня 20 р. в день: это дороже, чем в Москве или

* Высочайшие указы на имя бывшего градоначальника Дюка де Ришелье в с.-петербургском журнале 1804 года, месяц март, стр. 12; мес. июль, стр. 3; мес. октябрь, стр. 15.

даже в Петербурге. Было воскресенье, благовестили к обедне, и я велел везти себя в русскую церковь.

Русский собор и католическая церковь

Здешний собор обширен и имеет прекраснейшую архитектуру; внутри иконостас еще не совсем окончен. Католическая церковь невелика, но довольно великолепна; я нашел в ней множество народа. После проповеди прекрасная женщина, одна польская знатная графиня, приближилась к алтарю и, помолившись Богу, пошла по церкви собирать милостыню для бедных; ее вел за руку молодой мужчина; они прошли мимо меня, и я увидел на блюде у них много ассигнаций, червонных и серебряных денег. Нельзя не похвалить сего обряда: кто решится отказать прелестной женщине, испрашивающей пособия бедным?

Гавани: Военная и Купеческая

В Военной гавани стояло несколько транспортных судов, и один фрегат на рейде; в Купеческой же нашел я множество кораблей. В обеих сих гаванях сделаны насыпи, вдавшиеся в море сажен на 200. Сии насыпи обложены камнем и сделаны столь широко, что повозки без затруднения подъезжают по них для нагрузки на суда. Здесь следовало бы описать, каких наций корабли приходят в Одессу, как и чем они нагружаются, но, чтоб не прервать материи, которая началась осмотром города, я помещу о сем после при описании нынешней одесской торговли.

Карантин

Подле Купеческой гавани обгорожено довольно большое пространство земли со всех сторон каменною стеною; здесь находится Карантинная контора и магазейны для складки привозимых в Одессу иностранных товаров, где они проветриваются и обкуриваются положенное время. Тут же у само-

го берега построено несколько небольших так называемых *переговорных* домиков с деревянными решетками. Никто из капитанов кораблей и пассажиров не может выйти на берег, не выдержав карантина; ежели же кто из них хочет видеться со здешними жителями, то, с позволения начальника Карантина, разговаривают с ними в сих домиках через решетки. Подле них обгорожено место, на котором положены съестные припасы, бочки с водою, дрова и тростник; с кораблей приезжают, берут что нужно, оставляют положенные по таксе деньги и возвращаются назад; далее сего места не пускают никого поставленные часовые.

Карантин, где содержатся люди, находится в строениях уничтоженной крепости на горе. Вход туда чрезвычайно затруднителен: надобно просить карантинного начальника, особенно же в то время, когда я был, там содержалось несколько турков, зараженных чумою.

Как никто с кораблей не имеет права сойти на берег, так равно и с берега никто не смеет ехать на корабли. Нагрузка производится посредством карантинных транспортных судов; их наполняют подле описанной выше насыпи, и несколько человек ведут к кораблю, привязывают судно и тотчас съезжают назад на шлюпках. Тогда с корабля идут матросы на судно, выгружают его, дают знак, и те же люди едут, приводят судно опять к насыпи, вновь нагружают и так далее.

Сверх того, стоящая в нескольких верстах в море брандвахта предварительно осматривает суда, и ежели найдет между людьми признаки чумы, то, не допуская до гавани, тотчас берет их и отсылает в Карантин.

Одним словом, приняты все возможные меры, чтобы не допустить чумы до Одессы; но несмотря на сии предосторожности, которые весьма строго наблюдаются, моровая язва возникла в 1812-м году от ужаснейшего злоумышления. Я слышал (однако ж за верность сего ручаться не могу), будто по исследованию о причинах, отчего распространилась чума, открылось, что на улице нашли большой сундук с платьем и другими пожитками, которые простой народ в самое короткое время, прежде, нежели дошло сие до сведения полиции, успел растаскать по домам

своим, и затем вскоре началась чума. Мне сказывали, что в то же время поймали несколько подозрительных людей, которые признались, что они сделали сие по наущению французов. Ежели слышанное мною справедливо (чему, однако ж, легко поверить можно, ибо Бонапарте, как известно по многим прежним опытам, способен был на всякое злодейство), такой умысел достоин быть помещенным в биографии его и сохранен для потомства. Он желал в одно время обременить Россию всеми бедствиями; внутренность государства жег и разорял; на другом конце хотел распространить ужасы моровой язвы; но правительство приняло деятельные меры, чума в Одессе в самое короткое время прекращена и не допущена до соседственных мест.

Улицы одесские

Одесса построена по плану: везде широкие прямые улицы, во многих местах сделаны для прохожих широкие тротуары, обсаженные тополевыми деревьями; дома каменные или из здешней плиты, построены по новейшей архитектуре, и есть несколько огромных зданий.

Одна улица, идущая прямо от Собора к морю, понравилась мне чрезвычайно необыкновенною смесью всего: тут видишь греческие лавки с турецкими материями, табаком, сахаром; русские лавки, где продаются сало, свечи, железо, гвозди и проч.; модные лавки с женскими уборами и галантерейными вещами, подле сбитень, квас, калачи и русские харчевни, в которых бородатые соотечественники наши распевают свои песни; напротив греческий кофейный дом, где важные физиономии сидят, поджавши ноги, и в молчании курят табак; тут же жиды меняют деньги; мальчики и женщины кричат, продавая иной фрукты, другой рыбу.

Улица наполнена разными нациями. Русские, поляки, греки, англичане, голландцы, итальянцы, жиды толпятся там; шум престрашный! Сверх того, беспрестанно ездят дрожки и возы на волах или лошадях. Я часто бывал на этой улице. Ничего не может быть приятнее, как видеть деятельность и живость в народе, которую можно найти только в торговом городе.

Публичные здания: Институт, Гошпиталь, Гостиный двор, Театр и Клуб

По предложению бывшего военного губернатора Дюка де Ришелье, учрежден здесь *Институт*. Дом большой, хорошей архитектуры, с садом. Дюк де Ришелье сам наблюдал за порядком, учением, хорошим содержанием воспитанников и привел все в самое лучшее положение. Нынешний военный губернатор поддерживает в том же устройстве учреждения предшественника его; как и мне кажется, Институт сей есть одно из лучших мест для воспитания у нас в России, тем более что по ходатайству Дюка де Ришелье государь император повелел сравнить его с гимназиями, и выходящим с хорошими аттестатами отличным ученикам предоставлено то же право, как студентам, то есть по вступлении в службу производство в офицеры через 6 месяцев.

Дюк, отъезжая отсюда, показал еще новый опыт расположения своего к истинному добру: он испросил у его величества, чтобы жалованье его, пансион и столовые деньги обращены были для воспитания шести бедных дворян, и в особенности сирот, оставшихся после отцов, которые убиты в сражениях прошлой кампании. Вообще, я должен заметить, что имя Дюка де Ришелье до сего времени упоминается между здешними жителями с признательностию и уважением.

Еще несколько слов об Институте: я был приглашен в воскресенье обедать к военному губернатору и нашел у него между многими генералами, польскими графами, иностранными консулами и прочими почетными здешними чиновниками четырех воспитанников Института, опрятно одетых, с серебряными медалями.

Дюк де Ришелье установил, чтобы воспитанники, отличившиеся в продолжение недели хорошим поведением и успехами в науках, были приглашены к обеду его по воскресеньям. Нынешний военный губернатор сохраняет сие установление. Свежесть лиц, ловкость воспитанников в обращении доказывает, в каком хорошем положении находится Институт. Во время обеда военный губернатор несколько раз разговаривал с ними по-французски; они отвечали ему без робости и остановки на том же языке.

Гошпиталь существует с 1808 года и содержится в том же совершенном порядке, как и все богоугодные и человеколюбивые заведения в России, коими она может славиться.

Гостиный двор – высокое пространное здание хорошей архитектуры, только большая часть лавок заперта: оне, как мне сказывали, служат вместо магазейнов для складки товаров.

Здешний *Театр* имеет большое сходство и, кажется, построен по рисунку древнего храма Минервы или Парфенона, помещенному в Путешествии младшего Анахарсиса по Греции*. Прекраснейшее строение! Зала хорошо расписана и не меньше петербургского Немецкого театра; ложи в три яруса и вверху парадис; только странно, что здесь первые и лучшие кресла в таком месте, где обыкновенно бывает партер; лавки сделаны ярусами одна одной выше, и самая верхняя называется *запертые кресла;* места по нумерам и цена дороже. Партер внизу подле оркестра.

В первый раз, когда я был в театре, представляли русские актеры; ложи, кресла, партер и парадис – все было наполнено; давали две небольшие комедии Коцебу и в заключение балет турецкий. Русские актеры, и в особенности актрисы, весьма плохие; многие из них пожалованы зауряд из поляков в русские и выговаривают очень смешно; балет также посредственный. Через два дня потом давали итальянскую оперу. Я поехал с предубеждением, что все будет столь же прелестно, как в русском спектакле; но очень ошибся: оркестр играл согласно, пели как нельзя лучше; один актер (кажется, фамилия его Замбони) имеет превосходный голос и походит чрезвычайно на петербургского актера Самойлова.

Здесь содержит Театр, Клуб и трактир, в котором я стоял, один италиянец, балы в *Клубе* даются только по воскресеньям и праздникам. Зала довольно пространная, с хорами. В Одессу приезжает много богатых поляков и полячек, иные по делам коммерческим, другие для лечения себя морским купаньем, а прочие затем, чтобы веселиться; говорят, будто не проходит почти ни одного дня, чтобы не было где-нибудь бала.

* Voyage du jeune Anacharsis, Tome 2, chapitre XII. Tab. 10.

Публичный сад и морское купанье

Публичный сад содержится в большой чистоте. Он невелик, но есть несколько густых аллей; есть уединенные беседки и палатки, где можно найти фрукты, мороженое и проч. На воротах сада прибито строгое предписание коменданта, чтобы не рвать плодов.

Для купанья в морской воде ездят за несколько верст за город на залив: там видел я разбитые нарочно для сего палатки; но многие купаются между Военною и Купеческою гаваньми. Тут также хорошо отмель идет на большое пространство; песок и вода чисты.

О нынешней одесской торговле

Торговлю сию составляет пшеница, пшеница и пшеница. Повсюду ее видишь: под многими домами в Одессе сделаны магазейны, которые наполнены пшеницею; там ссыпают ее в магазейны; в другом месте перечищают или *грохотят*; здесь накладывают в мешки и отправляют в гавань. Сверх того, большая площадь вся заставлена фурами, и беспрестанно видишь новые обозы, приходящие в город.

Пшеница идет в Одессу наиболее из губерний: Подольской, Волынской, Киевской, частию Екатеринославской и Херсонской. Из первых привозят ее сухим путем, а из последней более водою на транспортных судах Днепром и лиманом, до самой Одессы. Во время пребывания моего цена ей была: так называемой арнаутки – 38 рублей, простой – 32 руб. четверть. Говорят, бывает иногда гораздо дороже; но купцы, отправляющие пшеницу в чужие края, получают чрезвычайно большие барыши. Один богатый греческий купец, торгующий с Константинополем, сказывал мне, что продает иногда, переводя тамошние деньги на наш курс, с лишком по сту рублей четверть; провоз же стоит очень дешево: при попутном ветре корабль доходит из Одессы до Константинополя менее двух суток. Уверяют, что те, кто отправляет отсюда нынешний год пшеницу в Италию, должны обогатиться: там неурожай, и хлеб чрезвычайно дорог.

В Одессу приходят корабли: греческие, турецкие, италианские, французские, гишпанские, английские, австрийские, голландские. Их груз состоит большею частию из балласта и чистых серебряных или золотых денег, которые оставляют они у нас в Одессе. Не могу утверждать наверное, но мне сказывали, что нынешнего года, начиная с генваря по август (время, которое я был в Одессе), вошло до 30 миллионов серебром и золотом, которые отправлены во внутренность России.

Здесь было уже нынешний год и, нагрузившись пшеницею, ушло с лишком 600 кораблей; при мне стояло в гавани около 300, а еще оставалось более трех месяцев свободной навигации. На каждом судне может поместиться, как мне сказывали, 1200 четвертей: следовательно, ежели положить, что в Одессу приходит ежегодно только по тысяче кораблей, то вывозят они 1.200.000 четвертей пшеницы и оставляют у нас за них серебро свое и золото. Доходы жителей окружных здешних мест с тех пор, как открылась столь важная торговля в Одессе, чрезвычайно увеличились. Едва ли во всей России можно найти места, выгоднее здешних; земля же до сего времени не так дорога в сравнении с ценою, до которой она возвысилась теперь во внутренних наших губерниях. Один знакомый мне помещик, имеющий не в дальнем расстоянии от Одессы 200 душ и с небольшим 2000 десятин земли, сказывал, что прошлого года получил на одном хлебе до 18.000 руб. дохода.

Сверх пшеницы отправляют из Одессы: сало, воск, икру, лен, пеньку, парусину, кожу и прочие наши продукты, но не в большом количестве. К нам привозят: виноградные вина, сахар, кофей, турецкий табак и проч., но также немного.

Здешние извозчики, которые нанимаются возить пшеницу из магазейнов в гавань, берут с купцов невероятную цену. Я расспрашивал у них нарочно об этом и узнал, что иногда во время грязи, осенью или весною, платят по рублю серебром с четверти. Накладывают они по четыре четверти на лошадь и успевают иные обернуть 5 раз в день, следовательно, вырабатывают по 20 руб. серебром или по 80 руб. ассигнациями на лошадь ежедневно. Я не поверил бы, ежели б не слыхал об этом после от самих извозчиков. Я был в удобное и лучшее для них время; погода была сухая,

но и тогда получали они по 35 копеек с четверти и вырабатывали рублей около 10 в день на каждую лошадь. Правда, им содержать себя здесь дорого: четверть овса – 10 и 11 руб.; куль ржаной муки – 17 руб.; но в Петербурге почти всегда такая же цена, а там извозчики вряд ли ежедневно могут вырабатывать по десяти рублей на каждую лошадь. Должно бы постановить и здесь таксу, как в Таганроге, сколько в какое время платить извозчикам; но купцы сами получают иногда с лишком двойные барыши, так беда невелика, ежели от них наживаются извозчики.

Вообще работники здесь очень дороги, каждый человек без лошади может выработать рублей пять или шесть в день.

О неудобностях одесского порта

Я объяснил выше, что об Одессе в нынешнем положении знаем мы весьма мало. Желая иметь истинное и настоящее понятие о сем порте, старался я перед отъездом моим собрать нужные сведения в разговорах с людьми, которые там были. Многие рассказывали мне о больших неудобностях, часть которых я действительно видел, но видел также, что к отвращению их приняты все нужные меры.

Сообщаю вам от слова до слова разговор мой о сем предмете с одним почтенным чиновником, который почти с самого основания Одессы занимает одну из главных должностей в управлении сего порта. Почитаю нужным тем более сообщить вам мой разговор, что вы сами и многие общие наши знакомые заключали по слухам весьма невыгодно о торговле одесской; предполагали, что по многим важным неудобствам никогда не может она возвыситься на ту ступень, на которую местное положение и близкое расстояние от плодоносных и изобильных мест должны бы возвести ее. К опровержению сего представляю разговор наш:

– Мне сказывали, что здешний порт ненадежен: корабли с двух сторон защищены горами от бурь и ветров, но с одной стороны и сзади – открытое море. Я думаю, когда оттуда ветер, то суда подвержены большой опасности.

– Правда, эта неудобность точно есть; иногда осенью во время сильных восточных ветров разбивает корабли, однако это случается очень редко и против сего предприняты нужные меры: предположено устроить прочную и обширную гавань, для чего ассигнована из казны сумма; сверх того, и городские доходы будут употреблены на то же. Вспомните, как недавно существует Одесса, можно ли было все вдруг сделать?

– *Говорят, здесь чрезвычайная дороговизна на съестные припасы, на лес и дрова, потому что город окружен со всех сторон необитаемыми степями.*

– Съестные припасы, конечно, довольно дороги от большого стечения народа, но вы можете найти все что угодно. Что ж принадлежит до степей, то попечением Дюка де Ришелье они почти все заселены колонистами. Вы с которой стороны приехали сюда?

– *Из Николаева.*

– По этой дороге мало селений, но поезжайте к Тирасполю и Овидиополю, вы найдете большие колонии дворов по 400 и более; колонисты живут очень зажиточно и доставляют сюда съестные припасы не только для нашего продовольствия, но и для продажи в чужие края. Лес, точно, дорог, его должно привозить из отдаленных мест, но в дровах большой нужды не имеем: зимы здесь почти не бывает; на кухнях жжем мы кизяк и торф, для строения же у нас есть множество прекрасной плиты, которая по мягкости своей очень удобна; ее обтесывают и обрубливают, как дерево; вы это, верно, сами видели?

– *Точно видел, но мне сказывали, что эта плита не прочна.*

– Совсем нет: есть строения, которые около 20 лет существуют, и ничего, не обвалились; напротив, чем более плита сия сохнет на воздухе, тем становится тверже и прочнее.

– *Я слышал, у вас так мало пресной воды, что будто множество волов, на которых привозят сюда пшеницу, погибает от недостатка в пойле. Вы согласитесь, что это весьма важная неудобность.*

– Точно, прежде у нас недоставало воды, но теперь сделано много колодезей. Сверх того, вы, конечно, заметили, бывши в гавани, сколько ключей бьет из горы. Эти ключи предположено также разрыть и обделать.

– У вас осенью и весною бывает столь большая грязь, что не только затруднительно, но иногда даже совсем невозможно возить пшеницу из магазейнов в гавань.

– Правда, земля здесь во время дождей очень распускается и бывает большая грязь, но многие улицы, ведущие в гавань, уже намощены, и скоро весь город будет иметь мостовую.

Сведения, сообщенные в сем разговоре, убедительно доказывают, что великий государь наш не оставляет без внимания ничего, что может споспешествовать к распространению и приведению торговли в цветущее положение. Выгоды, которые получит от сего государство, всего же более богатство и благосостояние подданных его, вознаградят за те пожертвования, которые должно для сего сделать.

Но письмо мое сделалось уже слишком пространно. В другое время, ежели вы позволите, я сообщу вам историческое изыскание о торговле древних народов по Черному морю. Известная Колхида; реки: Фаз (нынешний Рион), Кирус (Кур), посредством коих греки, и потом римляне, производили коммерцию с Индиею и Китаем, находятся теперь в нашем владении. Может быть, когда-нибудь откроется возможность установить торговые сношения с сими государствами тем же путем, который указан древними. Нам позволительно желать сего.

Имею честь быть и проч.

Ваш покорнейший слуга

……

Сын отечества. – СПб., 1817, ч. 38, № 20-21

От редакции. Справедливость требует прибавить следующее. Тексты П. Свиньина об Одессе много десятилетий назад анализировались профессором С.Я. Боровым. Об их датировке, в частности, идет речь в его работе «Путешествие Онегина» и одесская тема в русской литературе первой трети XIX века», опубликованной во втором томе трудов Пушкинской конференции Одессы и Кишинева (Кишинев, 1961, с. 265-288). В дальнейшем Саул Яковлевич уточнял датировки вариантов тек-

ста Свиньина, в том числе демонстрируя соответствующие выпуски журналов «Сын Отечества» и «Отечественные записки» из фондов НБ ОГУ на заседаниях Пушкинской комиссии и секции библиофилов Одесского Дома ученых. Эта полезная публикация Галины Семыкиной дает повод вспомнить о замечательном исследователе, нашем предшественнике.

Второй очерк П. Свиньина публикуется в следующей книге альманаха.

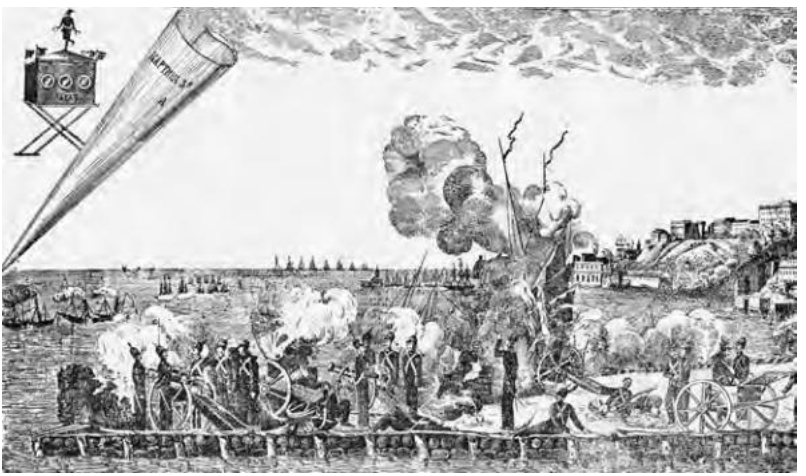
Екатерина Ергеева

Французский взгляд на бомбардировку Одессы

Сюзанна Савари, французская художница, почетный гражданин Одессы, давний друг Одесского литературного музея, вот уже несколько десятилетий дарит музею книги, которые приобретает в антикварных магазинах Франции.

Среди ее подарков – издания одесских авторов, переведенные на французский язык, французская художественная литература девятнадцатого и начала двадцатого века, книги по истории России.

В этом году одной из самых любопытных книг стало уникальное издание французского историка Жюля Ладимира «Война: полная история военных операций на востоке и в Балтике в 1853-1856 гг.», опублико-

Бомбардировка Одессы англо-французской эскадрой. 1854 г.

ванное в Париже в 1857 году. Работа отличается подчеркнуто патетическим стилем, очевидно, что историк испытывает гордость за точность маневров англо-французской эскадры, представляя читателю яркую картину происходящего.

Личность автора загадочна – на сегодняшний день о нем не знают не только на постсоветском пространстве, но и на родине, во Франции, – запросы, обращенные к французским и бельгийским коллегам из музеев и библиотек, пока не увенчались успехом.

Жюль Ладимир

Война: полная история военных операций на востоке и в Балтике в 1853-1856 гг.

Фрагмент, посвященный бомбардировке Одессы в 1854 году, публикуется на русском языке впервые.

В статье, посвященной вице-адмиралу Гемелену, мы говорили о том, как русские в грубой манере нарушили международные права, уничтожая английское судно «Фьюриос», на котором был парламентский флаг. За этим актом варварства последовала кара, не заставила себя долго ждать и вскоре стала известна всему миру. Англо-французская эскадра под руководством адмиралов Напье и Гемелина стала на два якоря перед Одессой и открыла против военных сил этого города сильный огонь, сопровождаемый беспрерывной бомбардировкой снарядами. После этого чудовищного обстрела батарея противников была успешно уничтожена и погружена в молчание. В порту русские корабли стали жертвой крупной смуты; задевали друг друга, так как были охвачены смутой и паническим ужасом. Их мачты падали одна напротив другой вместе с такелажем и разорванными парусами; некоторые из кораблей, чья проводная часть была продырявлена, погрузились в море, где и исчезали. Другие, принимая огонь неприятеля, взрывались, осыпая своими обломками соседние корабли. Наконец, ядра достигли военного порта; одна из бомб долетела до порохового склада, который взорвался с невероятным

шумом, и огромный факел пламени, похожий на взрыв вулкана, поднес к небу обломки зданий, пушек, смешанных с трупами. Во время этого спектакля экипажи обеих флотилий кричали «ура». Англичане выкрикивали: «Да здравствует королева!», французы – «Да здравствует император!».

Огнем руководили с такой превосходной точностью, и все меры были настолько тщательно подготовлены, что экипаж испытал незначительные потери. И следуя благородным интересам короля Франции и королевы Виктории, коммерческая часть города не пострадала. Суда из разных стран, нагруженные пшеницей, стоявшие в торговой части порта, не пострадали; это было важно на самом деле – не разрушить Одессу – этот цветущий город, кормилицу Европы, из которой экспортировали зерно.

К сожалению, английский фрегат «Тигр», руководимый лейтенантом Рейером, сел на мель из-за ложного маневра, и его экипаж, состоящий из 200 человек, был захвачен в плен. Русские воспользовались этим происшествием, в котором они не приняли никакого участия, для того чтобы присвоить себе невероятный успех. Экипаж пострадавшего фрегата прогуливался по улицам Санкт-Петербурга. Лейтенант Рейер был превосходно принят императором Николаем I, который вернул ему свободу. По своему возвращению в Англию он должен был пройти через военный совет. Английские пленные были позднее обменяны в Одессе на русских пленных, взятых в плен по разным причинам адмиралом Дунбасом.

Между тем как осуществлялась бомбардировка Одессы, шла битва между турками и русскими.

Любая война – событие, неизменно затрагивающее минимум две стороны, и среди этих сторон – кто-то нападающий, кто-то обороняющийся, кто-то победитель, кто-то проигравший. Одни и те же события, рассматриваемые с двух разных ракурсов, приобретают не просто иной смысл, но и порой иное значение в историческом контексте. Французский взгляд на бомбардировку Одессы, бесспорно, представляет интерес, но что если оттенить его русской точкой зрения?

Значительные различия проявятся с первых строк. Так, например, автор-француз пишет, что на английском судне «Фьюриос» был парламентский флаг… Но что же говорят по этому поводу русские очевидцы?

Историк Константин Зеленецкий пишет: «Чудовище, вооруженное 16-ю пушками, шло на расстоянии двух выстрелов в залив. На нем не было никакого флага, это и побудило карантинное начальство попросить судно поднять свой флаг и объявить этим, какой нации оно принадлежит». Более того, командир батареи на молу исполнял данное ему поручение: препятствовать военному кораблю подходить ближе пушечного выстрела. Как сообщается в «Бомбардировании Одессы и подвиге прапорщика Щёголева»: «…неприятельский корабль слишком приблизился к берегу, получив предварительно двумя холостыми выстрелами приглашение остановиться. По первому выстрелу пароход повернулся назад и при сильном попутном ветре скрылся».

Превознося смелость и кураж англо-французской эскадры, подчеркивая бравые и точные маневры, автор живописует смуту, охватившую русские суда. Как же вели себя русские войска, действительно ли они поддались панике? Ни для кого не секрет, что силы в этой войне были неравными: англо-французский флот выдвинул для обстрела девять судов, открыв огонь по городу и порту. Первой отразила огонь батарея № 6, руководимая командой 21-летнего выпускника кадетского корпуса прапорщика Александра Щеголева. Н. Дубровин отмечает: «Щеголевская батарея сражалась четырьмя, а потом двумя орудиями под перекрестными выстрелами неприятельских судов в продолжение шести часов, в последнее время против трехсот пятидесяти орудий». Константин Зеленецкий пишет: «Чтобы избежать ударов с нашей стороны <…> пароходы-фрегаты в продолжение всего боя не останавливались на одном месте, а кружились. Эти беспрестанные движения пароходов были причиной того, что прапорщик Щеголев мог стрелять только в те мгновения, когда какой-нибудь из них становился по направлению той или иной амбразур его батареи». Далее канонада с неприятельских судов становилась все неистовее. Батарея Щеголева была расположена вдоль гавани Одесского залива и была объята огнем с двух сторон, некоторые из солдат вынуждены были выйти из амбразуры, однако в продолжение шести часов батарея прапорщика вела обстрел.

Далее Жюль Ладимир пишет о том, что был взорван пороховой склад. В действительности же, как сообщает историк Н. Дубровин, когда пароходы зашли в тыл щеголевской батареи, неприятельское ядро упало вблизи порохового погреба; там находилось порядка двадцати мешков

с лавровым листом, которые тут же загорелись. Но поскольку пожар не распространился, сам погреб не загорелся.

Французский автор с гордостью сообщает нам, что коммерческая часть города не пострадала, тогда как русские авторы сообщают об обратном: после длительного обстрела города неприятельские пароходы направились в сторону Пересыпи, где находилась коммерческая часть порта, и снаряды с эскадры уничтожали русские коммерческие суда.

Подводя итоги, Н. Дубровин делает выводы: «Неприятельская артиллерия, несмотря на превосходство калибровать, не имела удачи. Батареи наши, отлично устроенные, нисколько не потерпели, исключая шестую. Убито всего у нас: нижних чинов – 44, ранено – стоящий по артиллерии подполковник Мещерский, и нижних чинов – 45».

Представляет интерес стилистика подачи событий с различных точек зрения. Бесспорно, на форму повествования накладывает отпечаток сама личность авторов, историческая эпоха. Рассматриваемые авторы – Жюль Ладимир, Константин Зеленецкий, Николай Дубовин – современники. Однако же стиль француза отличается подчеркнутой патетикой, живописанием происходящего, тогда как тексты русских авторов отличаются более тщательной прорисовкой деталей, приверженностью фактическим и статистическим данным.

Перевод данного фрагмента показал нам новый взгляд на, казалось бы, привычные события, а именно, что в боевом эпизоде, посвященном бомбардировке Одессы, каждая из сторон приписывала победу себе. Говорит ли это о том, что нет незыблемых исторических фактов? Отнюдь, просто указывает, что любой исторический вопрос лучше рассматривать с разных ракурсов, ведь только тогда мы будем иметь целостное представление.

От редакции. Как видим, сообщения о ходе событий крайне тенденциозны с обеих сторон, что не только неудивительно, но даже закономерно. Как было на самом деле? Не претендуя на истину в последней инстанции, мы предполагаем поместить аналитическую статью на этот счет в одном из ближайших номеров нашего альманаха.

Евгений Деменок

Одесские пассажиры философского парохода

17 сентября 1922 года от Платоновского мола одесского порта отошел пароход, направлявшийся в Константинополь. Среди многочисленных его пассажиров двое были необычными. Это были историк Антоний Васильевич Флоровский и физиолог Борис Петрович Бабкин. Именно с них началась массовая высылка из Советской России ученых и преподавателей, названная впоследствии «философским пароходом».

Через шесть дней, 23 сентября, поездом Москва – Рига была отправлена следующая партия «инакомыслящих», в числе которых были А.В. Пешехонов, П.А. Сорокин, И.П. Матвеев. Следом за ними поездом Москва – Берлин отправились в числе прочих Ф.А. Степун, Н.И. Любимов.

29 сентября 1922 года из Петрограда в Штеттин отплыл пароход «Обербургомистр Хакен», пассажирами которого были философы, литераторы и ученые из Москвы, Казани и других городов Н.А. Бердяев, С.Л. Франк, И.А. Ильин, С.Е. Трубецкой, А.А. Кизеветтер, М.М. Новиков, Н.А. Цветков, Б.П. Вышеславцев, В.В. Зворыкин, В.И. Ясинский и многие другие. На борту находилось более 30 ученых, с семьями – около 70 человек. 16 ноября 1922 года из Петрограда вновь в Штеттин отплыл пароход «Пруссия», на котором в изгнание отправились Н.О. Лосский, Л.П. Карсавин, И.И. Лапшин и другие (всего семнадцать человек, с семьями – 44).

Отдельные ученые, врачи и другие «инакомыслящие» выехали из Советской России в изгнание в течение зимы 1922-23 годов. Так прошла беспрецедентная акция по высылке за границу лучших умов страны, которых большевики посчитали неблагонадежными. Как цинично прокомментировал эту акцию Троцкий,

«мы этих людей выслали потому, что расстрелять их не было повода, а терпеть было невозможно».

Всего по Московскому, Петроградскому и Украинскому спискам было репрессировано 225 человек, из них за границу выслано 67. Кроме высланных за границу сорок девять человек были отправлены в административную ссылку в отдаленные районы России, тридцати трем высылка была отменена, о дальнейшей судьбе сорока шести сведения на сегодняшний момент отсутствуют. В списках этих были врачи, педагоги и профессора, инженеры, юристы, журналисты и литераторы, экономисты и агрономы, политические и религиозные деятели, и даже студенты.

Феликс Дзержинский писал в своих заметках после разговора с Лениным об организации работы по высылке интеллигенции (4-5 сентября 1922 года):

«Директивы В. И. [Ленина]. 4 сентября. Продолжить неуклонно высылку активной антисоветской интеллигенции (и меньшевиков в первую очередь) за границу. Тщательно составлять списки, проверяя их и обязуя наших литераторов давать отзывы. Распределять между ними всю литературу. Составлять списки враждебных нам кооператоров. Подвергнуть проверке всех участников сбор[ников] «Мысль» и «Задруга».

Необходимо выработать план. Постоянно корректируя его и дополняя. Надо всю интеллигенцию разбить по группам. Примерно: 1) Беллетристы; 2) Публицисты и политики; 3) Экономисты (здесь необходимы подгруппы: а) финансисты, б) топливники, в) транспортники, г) торговля, д) кооперация и т. д.); 4) Техники (здесь тоже подгруппы: 1) инженеры, 2) агрономы, 3) врачи, 4) генштабисты и т. д.); 5) Профессора и преподаватели; и т. д. и т. д.».

3 августа 1922 года председателем Госполитуправления Украины в городе Харькове был утвержден «Список профессоров и преподавателей вуз и общественных деятелей, ведущих антисоветскую политику, подлежащих ссылке или внутри страны, или за границу» – так называемый Украинский список. Как указано в документе, «списки и характеристики согласованы с губкомами, а в отношении профессоров с Наркомпросом. Утверждены ЦК КП(б)У». В списке сделана разбивка по городам – указаны «инакомыслящие» из Харькова, Одессы, Киева, Екатеринослава

и из Подолии. В одесском разделе списка – восемнадцать человек. Это профессора ИНО (Институт народного образования – бывший университет. – **Е. Д.**) Н.П. Кастерин, Фроловский, В.Т. Бабкин, Е.П. Трефильев, Е.Д. Буницкий, ассистент ИНО Б.С. Фролов, преподаватель ИНО Ф.Е. Александров, профессора медакадемии Д.Д. Крылов, А.М. Самарин, бывшие ассистенты медакадемии Соболь и Добровольский, ассистент медакадемии А.Ф. Дуван-Хаджи, профессора Инархоза Михайлов и А.С. Мулюкин, преподаватели Инхоза Ф.Ф Конев, Пясецкий, Г.А. Секачев и Х.Н. Хроневич (все фамилии приведены так, как указаны в списке, – с ошибками).

Каждому была дана уничижительная характеристика – я приведу их позже, когда буду рассказывать о судьбах каждого из приговоренных. Уже 22 августа на имя завгубнаробраза Внукова последовало предписание ОГПУ с просьбой уволить всех преподавателей высшей школы из губнаробраза – как подлежащих высылке за границу.

Первым в прессе упоминанием о депортации из Советской России интеллигенции осенью 1922 года является интервью В.А. Мякотина берлинской газете «Руль». Вот что он говорит об изгнанниках из Одессы: «…Из Одессы высланы профессора Б.П. Бабкин (физиолог), А.В. Флоровский и ассистент Г.А. Скачков (эти лица уже прибыли в Константинополь), затем профессора Н.П. Кастерин (физика), К.Е. Храневич (кооперация), А.П. Самарин (медик), Е.П. Трефильев (русская история), А.С. Мумокин (государственное и административное право), Д.Д. Крылов (судебная медицина), П.А. Михайлов (уголовное право), Ф.Г. Александров (языковедение), ассистент Ф.Л. Пясецкий (агрономия), ассистент С.Л. Соболь (зоолог), А.Ф. Дуван-Хаджи (хирургия) и Г. Добровольский (невропатолог)».

Как видим, в интервью по одесскому списку указаны те же фамилии – опять с небольшими искажениями, но присутствует пятнадцать человек вместо восемнадцати – нет Буницкого, Фролова и Конева. Зато можно с полным основанием утверждать, что на том самом первом одесском «философском» пароходе в Константинополь отплыли не двое, а трое изгнанников, – помимо А.В. Флоровского и Б.П. Бабкина был еще и ассистент Г.А. Секачев, которого Мякотин ошибочно назвал Скачковым (возможно, это

была ошибка наборщика) – инициалы не дают в этом усомниться. Да и не только инициалы – в «Списке высланной за границу интеллигенции IV отделением СО ГПУ» от 20 января 1923 года помимо имен по Москве и Петрограду указаны трое «по Украине»: «…профессора (!) Секачев, Баткин и Флоровский».

В.А. Мякотин, давая интервью, не знал о том, что часть людей из одесского списка за рубеж так и не попадут. Да и не только из одесского. Ряду лиц высылка была отменена, и они остались в Советской России. Не пожалели ли они впоследствии об этом? Кто знает… Многим высылка за рубеж была заменена ссылкой в отдаленные районы России.

Интересная информация относительно высылаемых из Одессы содержится в докладной записке № 82263 зампреда ГПУ Уншлихта о причинах задержки высылки украинской интеллигенции, направленной на имя Сталина в Политбюро ЦК РКП 19 декабря 1922 года. Вот что пишет Уншлихт: «Высылка за границу украинской антисоветской интеллигенции задержалась до сих пор, главным образом, вследствие затруднений с получением виз для выезда. <…> Это, несомненно, затруднит и затянет на неопределенное время высылку, во-первых, потому, что часть высылаемых (одесская группа) еще раньше категорически отказалась заполнить анкеты, необходимые для затребования заграничных паспортов; во-вторых, потому, что приговоренные к высылке до сих пор оставались на местах постоянного жительства по разным городам Украины и затребование новых заявлений и анкет (соответствующие меры нами приняты) отнимут много времени. Ввиду изложенного ГПУ ставит на разрешение Политбюро следующий вопрос: либо заменить украинской антисоветской интеллигенции высылку за границу – высылкой в отдаленные пункты РСФСР, либо же указать ГПУ другой путь к разрешению этого вопроса».

В свете этого письма становится понятным, что добровольное согласие на выезд за свой счет за границу было в этой ситуации, пожалуй, лучшим выходом. Как пишет А.Н. Артизов, дальнейшая судьба ученых, включенных в Украинский список, небольшая часть которых была выслана в сентябре-октябре 1922 г. и встретила в Праге радушный прием, оказалась более трагичной. После письма Политбюро КП(б)У о нежелательности «укрепить

за счет эмигрантов украинское националистическое движение» в Политбюро РКП(б) они были сосланы в отдаленные губернии РСФСР – Киркрай (Киргизию), Узбекистан, в Тюмень и другие районы Севера.

К опубликованному в интервью В.А. Мякотина списку следует добавить тех, кто в силу обстоятельств «по своей инициативе» покинул Россию. Изгнанники «добровольно» покидали Россию разными путями до весны 1923 года.

Что же произошло в совсем молодом советском государстве такого, что заставило власти избавиться от целой плеяды выдающихся ученых и преподавателей, фактически потеряв их для страны? Что послужило толчком к этому беспрецедентному событию? Ведь многие из высланных ученых имели к тому моменту широкое признание в мировых научных кругах, а попав за границу, стали фигурами поистине мирового масштаба! А произошло вот что. После окончания гражданской войны большевистской власти было жизненно необходимо стабилизировать обстановку в стране. И если в экономике они были вынуждены пойти на временные послабления – 15 марта 1921 года X съездом РКП(б) была принята «Новая экономическая политика», сменившая политику военного коммунизма, проводившуюся в ходе гражданской войны, – то в политической и идеологической сфере была принята политика постепенного закручивания гаек. Ведь значительные послабления в сфере рыночной экономики вызвали оживление предпринимательской инициативы, а наличие определенной свободы в экономике неминуемо повлекло за собой и всплеск требований свободы политической.

Все началось с преследования оппозиционных политических партий. Уже в начале 1920 г. перед ВЧК и его органами на местах была поставлена задача вести гласный и негласный надзор за политическими партиями, группами и лицами. В августе того же года по указанию руководства страны в связи «со значительным расширением числа антисоветских партий Чрезвычайная комиссия серьезно приступила к точному учету всех членов антисоветских партий».

Собственно операция против «инакомыслящих» представляла собой не одномоментное действие, а серию последова-

тельных акций. Можно выделить следующие основные ее этапы: 1) аресты и административные ссылки врачей – участников 2-го Всероссийского съезда врачебных секций и секции врачей Всемедикосантруда – 27-28 июня; 2) репрессии против вузовской профессуры – 16-18 августа; 3) «профилактические» мероприятия в отношении «буржуазного» студенчества – с 31 августа на 1 сентября 1922 года. Началом борьбы с «буржуазной интеллигенцией», пожалуй, можно считать репрессии против членов Помгола (Комитета помощи голодающим) в августе 1921 года. Опыт сотрудничества советской власти с интеллигенцией не удался. Поэтому не случайно первыми за границу еще в июне 1922 года отправлены известные общественные деятели, активные члены Помгола С.Н. Прокопович и его жена Е.Д. Кускова.

А 10 августа 1922 года появился основной документ, регулирующий высылку инакомыслящих, – декрет ВЦИК «Об административной высылке», в первом же пункте которого указывалось: «В целях изоляции лиц, причастных к контрреволюционным выступлениям, в отношении которых испрашивается у президиума Всероссийского центрального исполнительного комитета разрешение на изоляцию свыше двух месяцев, в тех случаях, когда имеется возможность не прибегать к аресту, установить высылку за границу или в определенные местности РСФСР в административном порядке».

Наверное, лучше всего о событиях тех дней может рассказать очевидец. Давайте посмотрим на события глазами выдающегося русского философа Николая Онуфриевича Лосского. Вот что писал он в воспоминаниях: «Семья наша, голодавшая в течение двух лет, вся была обречена на гибель, как и многие другие семьи интеллигентов. Спасла нас от смерти американская организация ARA (American Relief Association), устроившая в 1921 году свои отделения по всей России. Лица, желавшие помочь голодающим, вносили в эту организацию десять долларов, указывая адрес, кому они хотели послать продовольствие. ARA доставляла по данному ей адресу трехпудовую посылку, содержащую в себе муку, рис, жиры, жестянки с молоком и т. п. драгоценные продукты. Наша семья, имевшая друзей в Западной Европе, стала полу-

чать ежемесячно такую посылку. Мы и многие другие интеллигенты были таким образом спасены от гибели».

И далее:

«Благодаря улучшившемуся питанию силы русской интеллигенции начали возрождаться, и потому явилось стремление отдавать часть их на творческую работу. <…> До осени 1921 года большевицкое правительство мало вмешивалось в преподавание, по крайней мере, философских наук. <…> В течение трех лет большевицкое правительство подготовило кадры «красных профессоров» для многих наук, и осенью 1921 года в Москве состоялось заседание Государственного ученого совета для решения вопроса, каких профессоров следует удалить из университетов. <…> После этого заседания кафедра философии Петербургского университета была совершенно разгромлена: были удалены все приват-доценты и два профессора, Лапшин и я».

Но увольнения большевикам мало. За ним последовали аресты:

«На следующий день (16 августа. – **Е. Д.**) мною было получено извещение о том, что я должен явиться на Гороховую улицу в помещение Чека. Думая, что меня вызывают ради какой-либо формальности при получении заграничного паспорта, я пошел в Чека, не испытывая никакой тревоги. Но как только я вошел туда, мне стало ясно, что я арестован. <…> Она (следователь. – **Е. Д.**) предъявила мне, как и всем арестованным 16 августа интеллигентам, обвинение, сущность которого состояла в следующем: такой-то до сих пор не соглашается с идеологиею власти РСФСР и во время внешних затруднений (то есть войны) усиливал свою контрреволюционную деятельность. <…> В действительности… правительство знало, что мы не участвовали в политической деятельности. К тому же было предрешено, что нас приговорят к высылке за границу. В это время большевицкое правительство добивалось признания de jure государствами Западной Европы. Арестованы были лица, имена и деятельность которых были известны в Европе, и большевики хотели, очевидно, показать, что их режим не есть варварская деспотия. Говорят, что Троцкий предложил именно такую меру, как высылка за границу.

Меня, как и всех нас, допрашивали о том, как я отношусь к советской власти, к партии социалистов-революционеров и т. п.

После допроса меня отвели в большую комнату, где находилось около пятидесяти арестованных… Здесь находились Карсавин, Лапшин, профессор математики Селиванов и другие лица из нашей группы.

Через неделю нас перевели из Чека в тюрьму на Шпалерной улице. Она состояла из камер для одиночного заключения, но была так переполнена, что в каждой камере было помещено по два или по три заключенных. <…> Большевицкое правительство обратилось к Германии с просьбою дать нам визы для въезда в Германию. Канцлер Вирт ответил, что Германия не Сибирь, и ссылать в нее русских граждан нельзя, но если русские ученые и писатели сами обратятся с просьбою дать им визу, Германия охотно окажет им гостеприимство. <…> Едущим за границу разрешалось в то время брать с собою очень мало белья и платья; на человека полагалось брать только одну простыню; нельзя было вывозить книг, особенно словари считались национальным достоянием, которое должно храниться в России».

Тем временем аресты прошли и в Москве, и в других городах России и Украины. Хочу вновь предоставить слово Н.О. Лосскому:

«Пока мы хлопотали о визах и условиях переезда за границу, в Петербург приехала из Москвы партия высылаемых оттуда ученых и писателей. <…> Наконец, наступил и наш черед ехать за границу. Вечером 15 ноября мы сели на пристани за Николаевским мостом на немецкий пароход, который должен был на следующее утро в 7 часов отплыть в Штеттин. Утром на следующий день на рассвете приехало на пристань много лиц провожать отъезжающих, не только родных, но и знакомых. <…> На пароходе ехал с нами сначала отряд чекистов. Поэтому мы были осторожны и не выражали своих чувств и мыслей. Только после Кронштадта пароход остановился, чекисты сели в лодку и уехали. Тогда мы почувствовали себя более свободными. Однако угнетение от пятилетней жизни под бесчеловечным режимом большевиков было так велико, что месяца два, живя за границею, мы еще рассказывали об этом режиме и выражали свои чувства, оглядываясь по сторонам, как будто чего-то опасаясь».

В разоренной войной Германии прибытие большой группы русских ученых, политических и общественных деятелей вызвал

смешанные чувства. Кто-то был рад этому, вместе с тем в немецкой прессе появились и резко негативные статьи по этому поводу. Прибывшие в большинстве своем с минимальным запасом денег изгнанники с первых дней столкнулись с проблемой выживания и трудоустройства. Кроме этого, перед каждым стоял выбор – оставаться в Германии или искать себе другую страну для жизни и работы.

Давайте проследим судьбы одесских пассажиров «философского парохода», остановившись на некоторых подробнее, – эти люди заслуживают того, чтобы о них помнили.

Родившийся в 1884 году в семье протоиерея Василия Антоновича Флоровского историк Антоний Васильевич Флоровский переехал с семьей в Одессу в десятилетнем возрасте. В 1908 году он окончил историко-филологический факультет Новороссийского университета, избрав своей специализацией историю России XVIII века. С 1907 года он преподавал в Одесском коммерческом училище; в октябре 1911 года становится приват-доцентом и с 1912 года читает лекции по истории в Новороссийском университете. С 1915 года А.В. Флоровский читает курс лекций по истории на Высших женских курсах, в 1916-м становится профессором кафедры русской истории университета, в 1917-1918 годах также читает лекции на экономическом факультете Одесского политехнического института. В Археологическом институте, созданном после реорганизации Одесского университета, А.В. Флоровский заведовал кафедрой исторической географии (1920-1922).

С 1911 года Антоний Флоровский – действительный член Одесского славянского благотворительного общества; он также работал в Одесском библиографическом обществе, Историко-филологическом обществе (1912), Одесском обществе истории и древностей (1911-1922), Одесском областном архивном управлении (1920-1922), в 1921 году – директор Одесской публичной библиотеки, в 1922 году был избран директором главной библиотеки Высшей школы (бывшей университетской).

Вот какая характеристика была дана ему в списке ГПУ: «Кадет и клерикал, активный противник Соввласти и реформы Высшей школы. Активнейшая фигура, нагло выступающая еще против более либеральных профессоров, возбуждал работников мединсти-

тута к забастовке. В свое время поплатился за это арестом. При белых организовывал вечера-балы. Сын попа, брат бежал с белыми. Ездил как делегат Одессы на выборы патриарха. Член правления указанной секции». Просто демоническая характеристика для глубоко интеллигентного человека, всю жизнь преданного науке. Конечно же, получив такую характеристику, оставаться в стране было опасно. Попав вместе с Б.П. Бабкиным и Г.А. Секачевым в Константинополь, Антоний Флоровский связывается с родителями, братом Георгием и сестрой Клавдией, которые жили к тому моменту в Болгарии, эмигрировав из России в начале 1920 года, до окончательного прихода в Одессу большевиков. Прожив недолгое время в Софии, Антоний Флоровский переехал в Белград, но, не найдя работы и там, переехал в 1923 году в Чехословакию и остался в ней до конца жизни. Он преподавал на Русском юридическом факультете, затем возглавил историко-филологическое отделение Русской учебной коллегии (1923-1930). Эксперт, а затем председатель учетной комиссии Русского заграничного исторического архива (РЗИА). Сопредседатель Комитета русской книги. С 1924 года член пражского Русского исторического общества, в 1938-1940 годах – его председатель. С 1929 года Антоний Флоровский был членом Славянского института в Праге. С 1933 года преподавал историю России на философском факультете Карлова университета; затем переведен в научно-исследовательский Славянский институт. Доктор философии и профессор Карлова университета, доктор русской истории, с 1957 года – доктор исторических наук Чехословакии. В 1948-1957 годах – ординарный профессор кафедры русской истории Карлова университета. В 1946 году Антоний Васильевич принял советское гражданство, но остался жить в Праге.

В РЗИА хранятся документы, собранные А.В. Флоровским, в том числе касающиеся подробностей высылки интеллигенции из Советской России в 1922 году. Среди них есть интереснейший документ – план здания Одесского ГПУ, а рядом – список имен арестованных коллег. Там же есть и схема внутреннего помещения, где они содержались: правовед П.А. Михайлов, правовед А.С. Мулюкин, лингвист Ф.Г. Александров, физик Н.П. Кастерин, ботаник Г.А. Секачев и другие.

Большая статья В.Т. Галяса об Антонии Флоровском, с которым он много переписывался, опубликована в 15-й книге альманаха «Дерибасовская – Ришельевская». Я также писал о нем в опубликованной в 45-й книге альманаха статье «Одесситы в Праге».

Физиолог Борис Петрович Бабкин (1877-1950) считается лучшим учеником великого Павлова. Он родился в Курске в дворянской семье и в 1901 году окончил с золотой медалью Военно-медицинскую академию в Санкт-Петербурге. Его студенческая работа «Влияние искусственных швов черепа у молодых животных на их рост и развитие», выполненная под руководством В.М. Бехтерева, отмечена золотой медалью. После окончания академии Бабкин был оставлен для усовершенствования в области физиологии на кафедре И.П. Павлова при академии и уже через три года защитил докторскую диссертацию. После защиты Борис Петрович два года стажировался в Германии в Берлинском и Лейпцигском университетах, и в Италии на Неаполитанской биологической станции. По возвращении из-за границы он продолжил научные изыскания в физиологическом отделе Института экспериментальной медицины, работая ассистентом И.П. Павлова до 1912 года. В этот период Борис Петрович опубликовал ряд работ по исследованию высшей нервной деятельности. Он обобщил последние работы павловской лаборатории и свои исследования в книге «Внешняя секреция пищеварительных желез» (СПб., 1915). Издание этой книги принесло ему европейскую известность.

С 1912 по 1914 годы Б.П. Бабкин возглавлял лабораторию физиологии Новоалександрийского института сельского хозяйства и лесоводства под Варшавой. В 1914 году стажировался в физиологической лаборатории члена Лондонского королевского общества, профессора Эрнста Старлинга, где участвовал в исследованиях гормона секретина. Встреча со Старлингом в Лондонском университетском колледже стала судьбоносной – впоследствии именно благодаря ему он найдет работу в Англии.

В 1915 году Борис Петрович переезжает в Одессу, где становится профессором Новороссийского университета и до 1922 года заведует кафедрой физиологии. На организованных им семинарах для преподавателей Бабкин устраивал дискуссии на общебиологические и общественные темы. После Октябрьской рево-

люции в этих семинарах участвовали ученые – беженцы Москвы, Петрограда. Борис Петрович принимал активное участие в работе Американской организации помощи голодающим (ARA).

В августе 1922 года Борис Петрович был арестован. Вот какую характеристику получил он в ГПУ: «Правый клерикал, антисемит. Активный противник Соввласти, группирующий вокруг себя эту часть профессуры. Лекции читал очень мало. Служит в АРА, где является крупной величиной. Тип вредный».

Как мы уже знаем, Борис Петрович в числе первых изгнанников покинул Россию. Прибыв в Константинополь, он получил приглашение от Э. Старлинга, уехал в Англию и в течение двух лет работал в лаборатории Лондонского университетского колледжа. Бабкин повторно защитил в Англии докторскую диссертацию, что дало ему возможность читать лекции в западных университетах. В 1924 году он был приглашен на должность преподавателя фармакологии в университет Сант-Луис (Вашингтон), а вскоре переехал в Канаду, где остался до конца жизни. Борис Петрович стал заведующим кафедрой физиологии в университете Далхаузие (Галифакс). Здесь он продолжил свои научные исследования. В 1928 году Бабкин был приглашен на должность профессора-исследователя лаборатории физиологии и экспериментальной медицины университета Макгилла (Монреаль).

Борис Петрович Бабкин стал в Канаде звездой первой величины. Его физиологическую школу прошли 136 учеников. В 1946 году Канадское Королевское общество наградило его медалью Флавелля, а спустя три года Американская гастроэнтерологическая ассоциация удостоила его медалью Фрайденвальда. Борис Петрович являлся членом Королевского общества Канады, Лондонского Королевского общества, членом немецкой Академии естествоиспытателей, в 1939-40 годах был президентом Общества гастроэнтерологов «Сигма Х», а в 1945 и 1946-м годах избирался президентом Канадского физиологического общества.

Третий изгнанник, отплывший на самом первом пароходе в Константинополь, – ботаник Г.А. Секачев, после Константинополя отправился в Болгарию. После трех лет безуспешного поиска работы он перебрался в Тунис, где жил его брат. На этом сведения о нем заканчиваются…

Еще одним одесситом, оказавшимся в результате изгнания в Праге, был математик Евгений Леонидович Буницкий. Родился он в 1874 году в Симферополе в семье военнослужащего, но образование получил уже в Одессе. Окончив в 1892 году Ришельевскую гимназию, он поступает на физико-математический факультет Новороссийского университета. Увлечение математикой в студенческие годы отразилось в результатах обучения – в 1896 году он оканчивает университет с дипломом 1-й степени и остается при университете на два года стипендиатом. Еще со студенческих лет Буницкий начал сотрудничать в издававшемся тогда в Одессе журнале «Вестник опытной физики и элементарной математики» – первом регулярном научно-популярным журнале по элементарной математике в дореволюционной России. Начиная с 1898, он входил в редакцию журнала и на протяжении пятнадцати лет бессменно заведовал трудным и ответственным отделом задач.

Начиная с 1899 года, Евгений Леонидович принимает деятельное участие в работе математического отделения Новороссийского общества естествоиспытателей, на заседаниях которого он многократно выступал с сообщениями и докладами по различным разделам математики. Ряд сообщений он посвятил проблемам школьного обучения, и высказанные им предложения не потеряли актуальности и в наши дни.

В 1900 году Е.Л. Буницкий начал преподавательскую деятельность в различных средних учебных заведениях Одессы. В 1903 году он сдал магистерские экзамены, а в марте 1904-го стал приват-доцентом университета; его научные занятия были, в основном, направлены на теорию дифференциальных уравнений. Два года, 1906-1907, Буницкий провел в Геттингене в научной командировке, где работал в лаборатории выдающегося немецкого математика Д. Гильберта, под влиянием которого занялся теорией интегральных уравнений. Евгений Леонидович не только познакомился с достижениями школы Гильберта в этой области, но и сам получил некоторые результаты, о которых докладывал на двух заседаниях Геттингенского математического общества, и которые были опубликованы в научных журналах.

После возвращения в Одессу Буницкий продолжает свои исследования, много публикуется в одесских изданиях. И конечно же, продолжает преподавательскую деятельность. В 1913 году он становится штатным доцентом Новороссийского университета, защитив магистерскую диссертацию «К теории функции Грина для обыкновенных линейных дифференциальных уравнений». Ученая степень магистра математики позволяла Буницкому занять профессорскую должность, но вакансий не было. В 1915 году министерством народного просвещения он был назначен экстраординарным профессором Юрьевского университета, однако по ходатайству Новороссийского университета его оставили в Одессе. В университете Евгений Леонидович читает лекции по дифференциальному исчислению, теории функции комплексного переменного, вариационному исчислению и теории вероятностей. Кроме того, Е.Л. Буницкий начинает работать на Высших женских курсах, которые в 1911 году были приравнены к высшим учебным заведениям. Одной из его учениц на курсах была Софья Александровна Яновская – впоследствии профессор механико-математического факультета МГУ.

В 1916 году была опубликована большая работа Буницкого «К вопросу о решении обыкновенных линейных дифференциальных уравнений при данных предельных условиях», составившая его докторскую диссертацию; в 1918 году он становится ординарным профессором Новороссийского университета. Параллельно с этим Евгений Леонидович преподает высшую математику во вновь созданном политехническом институте, на интернет-сайте сегодняшнего политеха можно прочесть о том, что на его лекциях аудитории были переполнены.

В списке «инакомыслящих» Е.Л. Буницкому была дана такая характеристика: «Кадетских убеждений, не согласен с реорганизацией и пролетаризацией высших учебных заведений, деморализующий своими выступлениями и действиями, влияет на студенчество и преподавателей». Осенью 1922 года профессор Буницкий уезжает в Чехословакию, где благодаря широкомасштабной Русской акции помощи работу и кров обрели десятки российских ученых. Прага стала постоянным местом жительства для Евгения Леонидовича – он прожил в ней тридцать лет,

с 1922-го и до самой смерти. Буницкий принял участие в организации и работе Русского свободного университета в Праге; с декабря 1925 был членом куратория Общества Русского народного университета. В 1928 при университете было создано Русское научно-исследовательское объединение, в университете стала преобладать научная деятельность, издавались сборники «Научных трудов», в которых печатался и Буницкий.

С 1931 года и до начала второй мировой войны Е.Л. Буницкий преподавал математику на естественнонаучном факультете Карлова университета в Праге в качестве приглашенного профессора. Когда в 1945 году Карлов университет снова открылся, Буницкий вновь приступил к преподавательской работе и читал лекции до 78 лет. За свою жизнь математик опубликовал около 50 работ, последняя из которых вышла в свет в 1950 году.

Среди высланных за границу по одесскому списку был и врач-хирург Исаак Юфудович (Александр Федорович) Дуван-Хаджи. Исаак Юфудович родился в Киеве в 1886 году в семье евпаторийского мещанина, караима Юфуда Исааковича Дуван. В 1895-1903 годах он учился в Ришельевской гимназии в Одессе; в 1903 году поступил на медицинский факультет Новороссийского университета, где слушал лекции с 1903 по 1908 годы (с перерывом, вызванным первой русской революцией), затем перевелся на медицинский факультет Юрьевского (ныне Тартуского) университета. В конце 1908 года сдал государственные экзамены и удостоен степени лекаря с отличием. С 1910 года А.Ф. Дуван-Хаджи состоял врачом-интерном Кишиневской губернской земской больницы, откуда в 1911 году перевелся вторым врачом в Каушанскую земскую больницу (Молдова). В 1913-1914 годах работал в хирургической факультетской клинике Новороссийского университета профессора К.М. Сапежко. После начала первой мировой войны был мобилизован, призван младшим ординатором в 482 полевой подвижный госпиталь на Восточно-прусском фронте, в котором работал до февраля 1915 года. В феврале 1915 года вместе со всем составом госпиталя попал в плен к немцам и находился в плену до мая 1918 г. В плену, как и на фронте, вел хирургические палаты в лазарете для пленных. С октября 1918 года А.Ф. Дуван-Хаджи – штатный ординатор хирургической факультетской кли-

ники Одесских высших женских медицинских курсов; клиника была развернута на базе Одесского военного госпиталя. С 1920 года клиника стала второй хирургической факультетской клиникой Одесского медицинского института, А.Ф. Дуван-Хаджи здесь был уже ассистентом.

В списке ГПУ от 3 августа он получил характеристику «активного врага и участника апрельских брожений. Как контрреволюционный элемент сейчас отчислен и служит в АРА. Тип достаточно вредный». В ночь с 17 на 18 августа 1922 года А.Ф. Дуван-Хаджи был арестован с группой профессоров и преподавателей одесских вузов, квартиры которых были подвергнуты обыску. До 25 августа они содержались под арестом в здании одесского ГПУ. Был приговорен к высылке за границу за участие в антисоветской и контрреволюционной деятельности. Весной 1923 г. А.Ф. Дуван-Хаджи выехал с семьей из Одессы в Варну. Известно, что в 1928 году он работал в Кишиневе, входившем тогда в состав Румынии.

Еще один медик, Дмитрий Дмитриевич Крылов (1879-1945), после окончания Военно-медицинской академии в Петербурге служил в армии и принимал участие в качестве военного хирурга в русско-японской войне. В 1910 году под руководством профессора Военно-медицинской академии А.И. Моисеева защитил докторскую диссертацию. С 1919 по 1922-й год он заведовал кафедрой судебной медицины в Одесском медицинском институте. 19 августа 1922 года Д.Д. Крылов был арестован и 6 сентября приказом по Одесскому медицинскому институту исключен из списка преподавателей. В списке на высылку получил следующую характеристику: «Ставленник Кассо. Принадлежит к числу правых. Активный противник всех начинаний Соввласти. Тип достаточно хитрый, как ученый ценности не представляет, все же является достаточно вредным». В начале 1923 года профессор Крылов был выслан из страны и на пароходе «Анастасия» прибыл в Варну, а оттуда выехал в Белград. В Королевстве Сербов, Хорватов и Словенцев работал на руднике Тресибаба, а в 1925 году вернулся в Болгарию, в Софию, где до 1934 года заведовал кафедрой общей патологии и патологической анатомии в Софийском университете. Затем работал патологоанатомом в Пловдиве, где и скончался в 1945 году.

Д.Д. Крылову принадлежат более 30 научных работ в области экспериментальной хирургии и патологической анатомии.

Экономист и кооператор Константин Ерофеевич Храневич (1870-1941) в списке ГПУ получил характеристику: «Кадет черносотенного толка. Вредный и опасный тип кооператора». После высылки из России он, как и многие другие представители российской интеллигенции, нашел свой новый дом в Праге. К.Е. Храневич читал лекции в Русском институте сельскохозяйственной кооперации в Праге, входил в редколлегию издаваемых этим институтом в 1924-1929 годах ученых записок «Кооперация и сельское хозяйство». Бал членом партии «Крестьянская Россия», одним из сподвижников легендарного С.С. Маслова, участником съездов «Крестьянской России», занимался научной работой.

В результате ходатайств различных ведомств – как одесских, так и московских, – ряд фигурантов «одесского списка» не были высланы и остались на родине. Это, в частности, физик Николай Кастерин, историк Евгений Трефильев, за которого лично ходатайствовал литературовед, профессор, – а тогда член губревкома и начальник губернского архивного управления Юлиан Григорьевич Оксман; биолог С.Л. Соболь.

Физик Николай Петрович Кастерин (1869-1947) был охарактеризован ГПУ как «активный враг Соввласти. В течение 2 лет не выполнял учебного плана. <…> Помимо ИНО Кастерин работает в мединституте, где все время открыто занимается саботажем, за что и был вычищен при чистке и сокращении штатов. Наркомпросом характеристика подтверждается».

Однако в октябре 1922 года из ГПУ в ГПУ Украины была отправлена телеграмма № 15913/Г о высылке профессора Н.П. Кастерина с таким текстом: «Зампреду ГПУ Балицкому. Из Одессы высылается в Екатеринослав профессор Кастерин Николай Петрович. По распоряжению тов. Дзержинского перемените место высылки на Москву и дайте Кастерину возможность самостоятельно выехать в Москву. О данном вами распоряжении уведомите Дзержинского, копия предгосплана Кржижановского. 14 октября 22 года. Секретарь предГПУ Герсон».

После переезда в Москву Николай Петрович Кастерин работал в Институте биофизики; с 1930 года он консультант в ряде

научно-исследовательских институтов и учреждений (ЦАГИ, Ангарстрой, Всесоюзный институт стройматериалов и других). Параллельно с этим он продолжал научную и педагогическую работу в университете, продолжая свои исследования в области вихревого движения. Кастерин – автор более чем сорока научных публикаций.

Историк биологии, доктор биологических наук Самуил Львович Соболь (1893-1960) работал в 1920-22 годах в Новороссийском университете, в конце 1922 года переезжает в Москву, где до 1933 года работает в различных московских редакциях и издательствах; далее в Коммунистической академии ЦИК СССР и в Отделении биологических наук АН СССР (1929-1931), в Институте истории естествознания и техники АН СССР (1938, 1946-1955 годы). Интересно, что в списке ГПУ он был охарактеризован как «активный противник и участник апрельских брожений в институте (медицинском. – **Е. Д.**). Активно выступал. Как элемент вредный – отчислен». Что ж, как видим, вредный в Одессе элемент оказался полезным в Москве.

Не все одесситы отправились в изгнание из родного города. Многие к моменту начала репрессий жили и работали в других российских городах. Так, родившийся в Одессе астроном Всеволод Викторович Стратонов (см. мою статью «Одесситы в Праге» в 45 книге альманаха «Дерибасовская – Ришельевская») в 1920 году возглавил физико-математический факультет МГУ, был одним из основателей Российского астрофизического института (РАФИ) и его директором. В 1921 году он выступил организатором забастовок профессоров МГУ, организованных в знак протеста против вмешательства властей в деятельность университета. В августе 1922 года В.В. Стратонов был арестован, а в октябре 1922 года выслан из Советской России. Вот какая характеристика была дана ему в приложении к постановлению Политбюро ЦК РКП(б) об утверждении списка высылаемых из России интеллигентов от 10 августа 1922 года: «Стратонов Всеволод Викторович. Профессор. Астроном, 49 лет, проживает по Поварской улице, Трубниковский пер., д. 26, кв. 21. Был чиновником особых поручений при наместнике Кавказа и редактором официальной черносотенной газеты. Один из главарей и руководителей февральской

(1922 г.) забастовки в университете. При приеме студентов проводил буржуазию и белогвардейцев. Определенный антисемит. Одно время работал консультантом в академическом центре и считался своим, на самом деле является злостным противником Соввласти. Как научная величина ценности собой не представляет. Произвести обыск, арест и выслать за границу. Комиссия с участием тт. Богданова, Середы, Хинчука и Лихачева высказалась за высылку. Главпрофобр за высылку».

Первое время после высылки жил в Берлине, где принимал активное участие в организации Русского научного института; а в 1923 году перешел в Русский народный университет. В.В. Стратонов читал научно-популярные лекции по астрономии во многих городах Чехословакии, а также в Литве, Латвии и Эстонии. После получения им чехословацкого гражданства начал читать курс лекций по астрономии в Чешском высшем техническом училище в Праге. В 1927 году им был издан на чешском языке сборник «Астрономия», который в 1929 году был переиздан на немецком языке. В.В. Стратонов умер в Праге и похоронен на Ольшанском кладбище.

Родившийся в Балте и переехавший вместе с семьей в Одессу в раннем детстве преподаватель, литератор, критик и переводчик Юлий Исаевич Айхенвальд (1872-1928) к моменту начала репрессий жил и работал в Москве, куда переехал после окончания в 1894 году историко-филологического факультета Новороссийского университета. В 1892 году он получил золотую медаль за сочинение «Эмпиризм Локка и рационализм Лейбница». Переехав в Москву, стал секретарем философского общества и сотрудником журнала «Вопросы философии и психологии». Опубликовал ряд философских работ, перевел с немецкого все основные сочинения Шопенгауэра. Преподавал в университете им. А. Шанявского, на Высших женских историко-филологических курсах В. Полторацкой. Член редколлегии журнала «Русская мысль» (1902-1903; 1907-1908), сотрудничал в журналах «Научное слово», «Вестник воспитания», в газетах «Речь» и «Утро России» (1911-1919).

Настоящая известность пришла к Юлию Айхенвальду, когда он начал заниматься литературной критикой. В 1910 году он создал галерею литературных портретов под названием «Силуэты

русских писателей». Перу Айхенвальда принадлежат литературные портреты Бунина и Пушкина, Гоголя и Чехова. Вышедшие в том же году «Этюды о западных писателях» принесли автору широкую популярность.

В Центральном архиве ФСБ России хранится протокол допроса Ю.И. Айхенвальда от 18 августа 1922 года, где указано, что до войны 1914 года он служил лектором в Народном университете в Москве, где «продолжаю свою деятельность и поныне». В тот же день он написал в Коллегию ГПУ заявление с просьбой выпустить его под подписку о невыезде из Москвы на поруки, указывая, что его сын Александр является членом Коммунистической партии и научным сотрудником Свердловского коммунистического университета. События развивались стремительно – в тот же день Юлию Исаевичу было объявлено постановление коллегии ГПУ о высылке за границу. Он просит освободить его из-под стражи для ликвидации домашних дел, заявляет, что желает ехать свободно и за свой счет (у советских властей не хватало денег для высылки интеллигенции), и на следующий день дает подписку о невозвращении на территорию РСФСР под угрозой расстрела. 19 августа Ю.И. Айхенвальд был освобожден с условием «в течение 7 дней ликвидировать все свои личные и служебные дела и получить необходимые для выезда за границу документы». Какое иезуитство – выбрасывать людей из страны, отрывая от семьи, работы, корней, при этом предписывая выехать за свой счет и закончить все дела в невообразимо короткий срок!

После высылки из России Юлий Исаевич поселился в Берлине, где был соучредителем берлинского Клуба писателей (1922-1923), читал курс лекций в Русской религиозно-философской академии. Был одним из организаторов, а в 1923-1926 годах – преподавателем Русского научного института в Берлине. Его труды публиковались в эмигрантских периодических изданиях. Ю.И. Айхенвальд погиб в Берлине в результате несчастного случая.

Еще одним невольным изгнанником стал родившийся в Одессе экономист, политический публицист, меньшевик Петр Абрамович Гарви (настоящая фамилия – Бронштейн) (1861-1944). Поступив сначала в Новороссийский университет, Петр Абрамович окончил юридический факультет уже Петербургского универси-

тета и с юности стал активно участвовать в политической деятельности. С 1899 года он член РСДРП (меньшевиков); вел свою деятельность в Одессе, Киеве, Екатеринославе, Ростове-на-Дону, Москве и Петербурге. Впервые арестован в 1902, сослан в Сибирь, бежал, эмигрировал. Участник революции 1905-1907 гг., один из основателей и руководителей российского профсоюзного движения. С лета 1906 член Петербургского комитета РСДРП. На 5-м (Лондонском) съезде РСДРП (1907) заочно избран кандидатом в члены ЦК. В 1912 году – участник августовской конференции социал-демократов в Вене, избран членом партийного центра меньшевиков. В годы первой мировой войны – «центрист»; летом 1916 года вновь арестован, сослан в Астраханскую губернию (в целом в царские годы арестовывался 10 раз).

После Февральской революции вошел в партийный центр – ОК меньшевиков, работал в редакции «Рабочей газеты» и в отделе труда при Петроградском совете РСД. Избран членом Всероссийского центрального совета профсоюзов. После Октябрьской революции – правый меньшевик, член ЦК РСДРП (объединенной).

В 1918 году уехал в Одессу, где возглавил меньшевистскую организацию и стал редактором газеты «Южный рабочий». В годы советской власти также неоднократно арестовывался – в частности, 3 июля 1922 года по обвинению в антисоветской деятельности. Затем эти обвинения были сняты. Однако совсем скоро по решению коллегии ГПУ от 18 августа 1922 года Петр Абрамович Гарви был выслан за границу.

В эмиграции труды П.А. Гарви публиковались в рабочей и социалистической прессе, в том числе немецкой, французской, еврейской. В 1928 году в Риге вышла его книга «Закат большевизма: десять лет диктатуры». После 1933 года жил во Франции, участвуя в международных социалистических конгрессах в Марселе (1925) и Париже (1934); позднее переехал в США, где умер в 1944 году. В 1946 году в Нью-Йорке увидела свет его книга «Воспоминания социал-демократа»; затем там же вышли «Революционные силуэты» (1962) и в 1981 году «Профессиональные союзы в России в первые годы революции (1917-1921)».

Нам еще предстоит выяснить детали биографий остальных участников одесского списка: А.П. Самарина, П.А. Михайлова,

Ф.Г. Александрова, Ф.Я. Пясецкого, Г. Добровольского, Б.С. Фролова, Ф.Ф. Конева и А.С. Мулюкина – по изданной в Санкт-Петербурге в 1909 году книге последнего «Приезд иностранцев в Московское государство. Из истории русского права XVI и XVII веков» в России до сих пор защищают диссертации.

Как мы видим, Прага, Берлин, София, Белград стали для многих русских ученых вторым домом. В самой же России о пассажирах «философских» пароходов вспомнили только через семьдесят лет – когда в прессе появились первые публикации и исследования по этому вопросу.

В августе 2003 года в Стамбуле состоялся XXI Всемирный философский конгресс «Философия лицом к глобальным проблемам». Пассажирский лайнер «Мария Ермолова», возвращавшийся с участниками конгресса из Стамбула в Новороссийск, назвали «философским» – как символ возвращения российских философов на Родину. 15 ноября того же года по инициативе Санкт-Петербургского философского общества на набережной лейтенанта Шмидта в Санкт-Петербурге установлен памятный знак с надписью: «С этой набережной осенью 1922 года отправились в вынужденную эмиграцию выдающиеся деятели отечественной философии, культуры и науки».

А в начале 2011 года во Всемирном клубе одесситов начал свою работу философский клуб под символичным названием «Философский пароход».

Владимир Варна

Первые кладбища Одессы

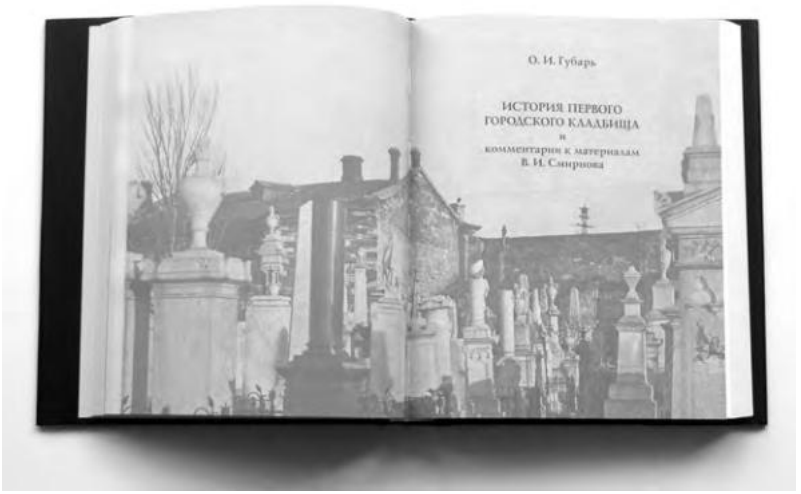
В.И. Смирнов. Одесские некрополи
О.И. Губарь. История Первого городского кладбища
Составитель М.Б. Пойзнер
Одесса, ТЭС, 2012
640 с., илл.

У одессита есть соблазн говорить об этом издании долго и с восхищением. Поэтому для экономии усилий гораздо разумней – познакомиться с ним самостоятельно и непосредственно. Перед теми, кто последует этому совету, ляжет пухлый, тяжелый, добротно изданный и обильно иллюстрированный том со словами «Первые кладбища Одессы» на обложке. Содержание тома состоит из двух, по сути, самостоятельных, но при этом – взаимосвязанных работ. Обе работы посвящены истории старейших одесских захоронений и обе созданы энтузиастами, разведенными во времени существенным историческим периодом.

Работа «Одесские некрополи» создавалась в тридцатые годы прошлого столетия. Ее автор, Владимир Иванович Смирнов (1880-1940), на рубеже двадцатых-тридцатых годов с систематичностью и настойчивостью агента духовного ордена исследовал территорию старейших одесских кладбищ. Изложенное им обобщение этих исследований сопровождается поистине драгоценными материа-

лами – более чем тремя сотнями описаний надгробных памятников и надписей. В издании эти записи В.И. Смирнова воспроизводятся факсимильно. В дополнение к ним прилагается набор сделанных автором тогда же фотографий. Материалы охватывают значительную часть характерных явлений культурной среды старых одесских кладбищ – от наиболее известных и впечатляющих (вроде памятника Ф.Ф. Радецкому или фамильного склепа Новиковых) до грубых, покореженных временем, вросших в землю каменных крестов с надписями либо полуразборчивыми, либо уже почти ничего не говорящими. Уникальная ценность собранных материалов – в том, что они относятся к культурной реальности, стертой с лица города в середине тридцатых годов. Благодаря воле, чувству истории и энтузиазму В.И. Смирнова эти, казалось бы, навсегда уничтоженные фрагменты культурной истории Одессы воскресают. Совсем не просто определить, что представляет бо̀льшую ценность в этом трогательном собрании реликвий – надпись на могиле погибшего в 1790 году при взятии Измаила бригадира Рибопьера или «не изысканные» строчки, помещенные в 1917 году на могильном памятнике женой никому теперь не известного Яна Величко. Неожиданны и интересны маленькие открытия – вроде того, что в былые годы ухоженная и эстетичная кладбищенская среда была

местом прогулок и отдыха горожан. Культурная идиллия, канувшая в забвение после эпохи революционных потрясений.

В работе Владимира Ивановича можно найти некоторые «занозы» той морально угнетенной эпохи, когда она создавалась. Тем не менее, работа уникальна и по своему составу, и по своему культурному значению.

Работа уверенно здравствующего Олега Губаря «История Первого городского кладбища» в контексте данного издания может восприниматься как современное дополнение к исследованию «Одесские некрополи». Тем более что часть этой работы посвящена комментариям к материалам, представленным В.И. Смирновым. По существу, однако, книга Губаря вполне самостоятельна и по содержанию, и по ценности. Она значительно расширяет круг тем, сведений и аналитики, связанных с историей старейших одесских некрополей. В разных ракурсах описывается история возникновения и эволюции христианского, еврейского, караимского и магометанского кладбищ, а также – история чумных кладбищ, карантинного кладбища, «стихийных» захоронений на Молдаванке и «привилегированного» Воскресенского кладбища. Дан краткий обзор существующих по данной теме исследований. Обстоятельно затронута

тема технологии «перехода в вечность» – тема благоустройства кладбищ, организации порядка похорон, функционирования погребальных контор, производства похоронных аксессуаров (включая поставки пород мрамора и работу скульпторов). В повествование гармонично вплетаются разного рода «попутные сюжеты»: практика использования крестов мальтийского типа (они больше являлись особенностью эпохи, чем казацких захоронений); локализация древних захоронений «хаджибейского» периода одесской истории; материалы изготовления надгробий и т. д. В дополнение к основной, документально-аналитической части следует обширный составленный автором (при этом, разумеется, нисколько не претендующий на полноту) Реестр погребенных на Старом кладбище. Реестр, как и основная работа, сопровождается обширным справочным аппаратом.

Особенность публикации (отчасти – вполне в духе «одесской специфики») – то, что грозная похоронная тема интерпретирована в теплой тональности. Оба автора дополняют свои исследования фольклорными вставками – относящимися к области кладбищенских легенд и разного рода курьезам, сопровождающим нешумное бытие «граждан вечности».

Другая особенность публикации – очень ярко и выразительно представленное в ней морально-философское измерение. В форму-

Сохранившийся забор, отделявший христианскую часть кладбища от иноверческих, с калиткой

Так выглядят теперь ворота 1-го Еврейского кладбища

лировках кратких, но точных, оно присутствует в предисловии, написанном Михаилом Пойзнером. Не однажды оно проступает в сопутствующих основному тексту замечаниях Смирнова и Губаря. Авторы оказываются вполне на уровне той сложной и драматически деликат-

ной темы, которой посвящены их усилия. Усилия, достойные и благодарности, и внимания.

Это богатое по представленному материалу, хорошо систематизированное и документированное издание помогает восстановлению очень важных культурных звеньев в духовных основах современной жизни. Если не прямо, то косвенно, оно, безусловно, будет содействовать достойному увековечению памяти первых поколений жителей Одессы. Очень ненавязчиво и очень убедительно содержание этой «книги памяти» подводит к мысли о бесполезности попыток избавиться от прошлого. Избавление от прошлого – это избавление от тех людей, которые множеством неявных способов участвовали в создании нас самих. Покушаясь на избавление от предшественников, мы покушаемся на избавление от себя самих.

Книга будет интересна краеведам, историкам, культурологам, антропологам, философам и, наконец, каждому, кто осознаёт, что идет по тропе бесконечной вереницы людей, – которые шли до него и, надо верить, будут идти после.

Фото Леонида Брука,

Натальи Евстратовой

Юрий Дикий

Новосельского угол Дворянской

Честь бабушки, пострадавшая на Дерибасовской угол Ришельевской, прославила и городскую топонимику, и полукриминальный одесский фольклор, а впоследствии даже литературно-краеведческие устремления местных авторов в одноименном альманахе. Между тем Одессе не занимать известности благодаря полюбившимся криминальным персонажам и их лексике, за специфику которой сражались и сражаются писатели, журналисты и филологи. Впрочем, как и проросшему на особой лексической почве юмору и юмористам прошлого и настоящего.

Новосельского угол Дворянской, как и Дерибасовская угол Ришельевской, в Одессе топонимный ориентир, помимо нетленного – «Как пройти на Дерибасовскую?». Неизменное обстоятельство места – «угол» (street corner – англ.) – порождает исторические, национальные, профессиональные, религиозные, литературные, музыкальные и прочие ассоциации, возбуждая исследовательский и патриотический аппетит местных краеведов, чья благодарная память не стирает мозаику переименованных улиц. Колонистская, Немецкая, Лютеранская, Ямская, Новосельского, Островидова и, наконец, снова Новосельского с 1995 года, образовывала угол с улицей Дворянской. Она же – Графа Витте, Петра Великого, Коминтерна, вновь Петра Великого – и снова Дворянская с 1995, урожайного переименованиями года.

В отличие от Дерибасовской угол Ришельевской, где пересечение именуется «перекресток», пересечение улиц Новосельского и Дворянской перекрестком не является. Эти улицы скорее стыкуются таким образом, что завершение улицы Дворянской, идущей от центра города, образует ложный тупик на улице Но-

Пересечение улиц Ямской и Дворянской до 1895 г.

восельского, в прежние времена исторического колониального и ремесленного района.* В этом месте, самой высокой точке города, высится колокольня Немецкой евангелической лютеранской церкви (кирхи).

Неоднократно переименовывавшийся угол исторически отражал некую систему смены эпох – ее духовных традиций, образа жизни, национальных и профессиональных отличий. Его топонимный образ во всех исторических комбинациях наименований живет среди памятников архитектуры, литературы, искусства и, конечно же, фольклора как некий монумент идентификации «одесского этноса», его генезиса, миропонимания и мироощущения.

Неизменными историческими символами улиц Новосельского угол Дворянской в Одессе были и остаются:

– слияние («средостение») двух первоначальных районов Одессы, центральной его части и порта, с землями ремесленной и интернациональной Верхней колонии;

* Дворянская улица продолжалась до эпицентра Верхней немецкой колонии – незастроенной площади, именовавшейся Немецкой или Лютеранской и обращенной к Внешнему бульвару, второй черте порто-франко. После постройки кирхи справа и слева от нее, естественно, появились переулки: Лютеранский и Инвалидный.

– профиль колокольни кирхи во всем ее историко-культурном, религиозном и образовательном значении;

– профессиональный музыкально-образовательный центр, формировавшийся со второй половины XIX века, – консерватория и музыкальное училище.

Стремительность роста молодого южного города и его градостроительная сетка с театром в прибрежной зоне (как раз невдалеке от Дерибасовской угол Ришельевской), воплощалась интернациональной ремесленной колонией, земли которой за считанные годы слились с центром через улицу Дворянскую. Здесь возникали улицы Немецкая (Колонистская, Лютеранская, Ямская), Торговая, Кузнечная, Дегтярная… переулки Каретный, Лютеранский, Инвалидный… чьи названия говорили и сегодня говорят сами за себя.

Появление среди строящихся жилых кварталов церквей, гимназий, училищ, школ, обществ etc. в течение одного столетия (некий этнографический бум) – следствие исторической миссии «просвещенной власти» города, сделавшей Одессу в небывалые сроки третьим городом Российской империи.

Библейский постулат «вначале было слово» в Одессе нередко опровергался вундеркиндами, среди которых музыкальные притязания развивались стремительнее их речи. Объяснить это явление не составляет труда, если обратиться к той стороне истории, которая длительное время оставалась под пятой диктатуры пролетариата, ревниво относившегося ко всяческим проблемам наследственности (за исключением трудовых династий). Как-то не принято было со стороны Советов уповать на интересы, вкусы, образованность различных интернациональных групп, уже не говоря об аристократизме прежней управленческой верхушки, обеспечившей менее чем за полвека процветание региону, резко контрастирующему всей громадной империи.

Суровые самодержавные ветры России конца XVIII – начала XIX века сносили на юг свободолюбивые стремления наиболее одаренной части высшего общества с европейскими интересами. Здесь же на степной окраине России «лишние» для европейских революций одаренные личности обретали «работу»

Фасад старой кирхи со стороны улицы Дворянской до 1895 г.

(будь то войны или градостроительство), давая миру результат, не имеющий аналогов.

При А.С. Пушкине в Одессе, почти ровеснице поэта (старше его всего на пять лет), начинает воплощаться указание Дюка де Ришелье в его бытность херсонским военным губернатором о месте в так называемой Верхней колонии строительства церкви (кирхи) для немецкой общины. «…Для церкви и при ней двора назначить место на площади у среднего шлагбаума, ведущего к городскому саду Германа, расположив оное так, чтобы церковь была фасадом по Колонистской улице, срединою против Дворянской…» – пишется в определении Одесского комитета под председательством градоначальника Н.Я. Трегубова.*

Первый камень кирхи Новосельского угол Дворянской (в ее первом варианте) был заложен спустя месяц после отъезда из Одессы А.С. Пушкина, в августе 1824 г., образуя встречу улиц

* Цит. По книге Э.Г. Плесской-Зебольд. Одесские немцы 1803-1920. Одесса, 1999, с. 173.

уже не Колонистской и Дворянской, а Ямской и Дворянской, символически соединяя не только два сословия – мещан (колонистов) и дворян, а синтезируя эпохи «барскую» крепостническую и европейскую просвещенную. К последней принадлежат основатели, покровители и меценаты Одессы, придавая городу европейские черты.

Летний приезд поэта в июле 1823 г. исполнен прелести, красочности пока еще южной окраины благодаря духу свободы, веявшей из восставшей Греции, и «европейским удовольствиям», регулярно импортировавшимся через порт, не говоря уже о новых для поэта друзьях и знакомствах, также объединявших различные одесские сословия и национальности.

Где ходит гордый славянин,
Француз, испанец, армянин,
И грек, и молдаван тяжелый,
И сын египетской земли,
Корсар в отставке, Морали.

Музыкально-театральная увлеченность в Одессе 24-летнего Пушкина убедительно воссоздает городские музыкальные предпочтения – где «упоительный Россини, Европы баловень – Орфей».

Домашнее музицирование пронизывает все слои городского населения, а в аристократических салонах выходит за рамки дилетантских увеселений, обретая значимость музыкальных вечеров с заинтересованной аудиторией. В доме генерал-губернатора М.С. Воронцова в музыкальных вечерах участвовали солисты итальянской оперы, которым нередко аккомпанировала княгиня Е.К. Воронцова, будучи недурственной пианисткой, а среди слушателей бывал и А.С. Пушкин.

Повсеместное распространение музицирования, когда дилетантский уровень населения, где «все Европой дышит, веет, все блещет югом и пестреет разнообразностью живой», стал предопределять потребность в качественной музыкальной педагогике, то понятна концентрация воспроизводства вундеркиндов, еще не успевших распространиться по России и миру.

* * *

Но, господа, позволено ль
с вином равнять do-re-mi-sol?
Путешествие Онегина

Для сопоставления стремительности музыкального расцвета молодой Одессы к середине XIX столетия и эволюции музыкальной культуры России, к примеру, древнего Киева, достаточно упомянуть закрытие там в 1852 г. единственной киевской музыкальной школы и роспуск магистратского оркестра, содержание которых, по мнению городского головы, было обременительным.

Ференц Лист

Концертная жизнь Киева с населением около 60 тысяч жителей на тот период была весьма скромной, если не считать гастролей Ф. Листа, А. Патти и еще ряда знаменитостей. Предложение дирекции Императорского Русского музыкального общества в 1863 году открыть в Киеве отделение натолкнулось на мнение вице-губернатора, «что осуществить это невозможно». Все же состоявшееся его создание благодаря местным любителям обернулось сложностями в отсутствие «помещения, денежных средств, нот и инструментов». Только в 1867 году в Киеве начинает действовать оперный театр, и в нем функционировать концертная жизнь.

Бурлящая многонациональная Одесса к этому времени становится международным культурным центром Российской империи (Южная Пальмира), через который в страну направляется мощный гастрольный поток. Концерты в зале Старой биржи (не путать со зданием филармонии, где гораздо позднее разме-

щалась Купеческая биржа), в старом, а впоследствии новом Городском театре, как и в салонах и имениях знати, стали регулярным явлением в Одессе и заслуживают отдельной исторической летописи. Весомость южного гастрольного пути через Одессу и в Одессу можно определить по плеяде имен XIX и XX столетий. Хрестоматийно упоминающийся одесский триумф Ференца Листа в 1847 году был предварен не просто посещением, а и периодом педагогической работы в Одессе знаменитого Карла Черни в 1846 году.

Карл Черни

Ученик Л.В. Бетховена и учитель блестящих виртуозов Европы, в том числе и самого Листа, познакомился с одесскими вундеркиндами. (Повсеместное упоминание о гастролях К. Черни в Одессе нельзя считать достоверными, поскольку его концертная деятельность была завершена (1815 г.) задолго до приезда в Одессу. Но не беремся утверждать, что К. Черни не выступал как пианист хотя бы в узком кругу почитателей, а только преподавал.)

Позднее в Одессе неоднократно гастролировал А.Г. Рубинштейн (в «обетованном городе»), участвуя в благотворительных концертах 1850, 1868, 1870-1871 и 1882 г.*

В 1885 г. им был предпринят цикл выступлений из семи концертов, известный как «Исторические концерты» Рубинштейна с репертуаром произведений трех веков в зале Витцмана для узкого круга музыкантов,. В значительной мере этому содействовало проживание в Одессе его матери и сестры.**

* В письме к Я.И. Вейнбергу 28 декабря 1850 г. А.Г. Рубинштейн пишет: «До свидания этим летом в Одессе, которая отныне станет для меня землей обетованной».

** В Одессе спустя столетие благодаря профессору Л.А. Баренбойму было обнаружено свыше 300 писем Рубинштейна к матери и сестре.

Скрипичный букет гастролеров не менее впечатляющ – Анри Вьетан (1849), Генрик Венявский (1852), Пабло Сарасате (1869). Ближе к окончанию XIX века Одесса принимает весь цвет русской музыки – М.П. Мусоргский и П.И. Чайковский, С.В. Рахманинов и А.Н. Скрябин (мировая премьера его фортепианного концерта в 1897 г.) вместе с учителем В. Сафоновым (в качестве дирижера). Н.А. Римский-Корсаков и Н.Г. Рубинштейн, А.С. Аренский, Э.Ф. Направник, А.И. Зилоти, И. Падеревский. Первые тридцать лет XX века дополняются приездами и концертами А.К. Глазунова, С.С. Прокофьева, Б. Бартока, П. Хиндемита, Д.Д. Шостаковича, Р.М. Глиэра и многих других известных музыкантов.

Музыкальная критика середины XIX века имела все основания для суровой публицистики как в Киеве, так и в Одессе. Оценки гастролей европейских знаменитостей и местного уровня музыкантов резко контрастировали. Формирование вкусов широкой публики, участвовавшей в музыкально-концертной жизни, существовало в двух ипостасях – традиционных салонно-домашних концертов (часто в поместьях) и появившихся публичных музыкальных вечеров в различных городских залах.

Если сопоставлять динамику культурной жизни Киева и Одессы второй половины XIX века, то несмотря на различия в хронологии открытия отделений ИРМО – 1863 (Киев) и 1884 (Одесса), музыкальных школ Киева (1786) и Одессы (1866 г.), – то пульсация культурной жизни этих городов не шла в ногу с развитием музыкального образования, профессиональная база которого в России только начинала формироваться.

Киевский историк Н.А. Богданов отмечал, что «дивишься смелости первых директоров отделения (ИРМО. – **Ю. Д.**), решившихся открыть школу, не имея возможности наделить ее ни постоянным помещением, ни хорошими преподавателями, а с другой стороны – нельзя не поблагодарить их за мужество, ибо без их рискованного почина Бог знает, было бы ли в Киеве музыкальное училище».

Ю. Зильберман, цитируя «Очерки деятельности Киевского отделения Императорского Русского музыкального общества (1863-1913)» И. Миклашевского, отмечал, что «необходимо было постепенно приучать горожан к профессиональной классической

музыке, прежде всего, «поставив на серьезный уровень музыкальное образование в городе».*

Создание Одесского отделения Императорского Русского музыкального общества (ИРМО, 1884) с музыкальными классами (1886), а затем училища и консерватории прошло в сжатый период конца XIX – начала XX века. Открытие в Одессе первых бесплатных музыкальных классов при ИРМО благодаря общественной деятельности композитора П.П. Сокальского предваряло основание музыкального училища (1897) и консерватории (1913), что было естественной необходимостью для третьего города империи. Музыкальные классы при Обществе изящных искусств, открытые в 1866 (директор Ф. Кестлер), все меньше удовлетворяли своими программами запросы быстро растущего населения. Общим знаменателем в попытках организации фундаментального музыкального образования в музыкальной жизни Киева и Одессы были подвижнические сверхусилия музыкальных деятелей, понимающих, что одного расцвета гастрольно-концертной жизни было бы явно недостаточно. Нужны были профессионалы, чьи педагогические знания и опыт были сформированы в высшем учебном заведении европейского типа, которых в России до 60-х годов XIX века вообще не было.

Первые педагоги Одесского музыкального училища, в основном, были выпускниками европейских консерваторий – М.Г. фон Ниссен (класс пения, выпускник Дрезденской консерватории), И.И. Карабулька и Э.К. Млынарский (выпускники Пражской консерватории), И.В. Перман (класс скрипки и альта, выпускник Парижской консерватории), Б.И. Дронсейко (класс фортепиано, выпускник Венской консерватории). Исключением из правила был выпускник Петербургской консерватории Д.Д. Климов, возглавивший школу в 1888 г., а училище в 1897 г.

В 1900-1901 годах новое собственное здание училища было построено на улице Новосельского угол Дворянской по соседству с перестроенным в 1897 году зданием кирхи.

Продолжение следует

* Ю. Зильберман, Ю. Смилянская. Киевская симфония Владимира Горовица. Киев, 2002, с. 28.

Женя Голубенко

Марики

* * *

В «Жигулях» едут двое: молодой человек в очках с сильной диоптрией и девушка лет семнадцати. Он ей рассказывает: я кинорежиссер, приступаю к съемкам нового фильма, вы мне очень нравитесь, но понимаете, фигура должна быть безупречной, мне необходимо вас осмотреть. Я не могу так просто обещать вам роль. Покажите мне вашу грудь…

* * *

Подвал хрущевки, очень низкий и просторный настолько, что углы тонут где-то во тьме. Под ногами скользкая грязь, бочки и бидоны из-под краски сдвинуты в один угол. Тот же человек, что и в машине, но одетый в спецодежду, аляповато-разноцветную от многих слоев налипшей краски, шпатлевки и извести. Рядом напарник – без штанов, прыгает на одной ноге, старается натянуть рабочие, не наступив босой ногой в грязь.

Молодой человек:

– И вот, представь себе, она расстегивает кофточку и показывает свою грудь. Ну, чем я не режиссер? Ведь поверила, ни на секунду не усомнилась! Ты посмотри на мои руки, кожа нежная, гладкая, ни одного мозоля нет, никто не скажет, что я всю жизнь в малярке.

Напарник:

– Просто идиотка тебе попалась.

Молодой человек:

– Ты меня хочешь обидеть, не веришь, что я умную могу снять. А вчера мне как раз умная и попалась. Спрашивает: а как ваша фа-

милия? Какие фильмы вы снимали? Я начал петлять, юлить, недавно, мол, работаю, не здешний. А она мне фамилии называет, не знаком ли с тем, с этим, короче, ловит меня. Пот прошиб – никого не знаю, еле вывернулся, все в шутку перевел. Ну и что тебе сказать? Трахнул ее в машине, она меня отпускать не хотела. Говорит, что такого мужчину еще не встречала. Вот такой я пацан!

* * *

Женщина-кладовщик отпирает дверь подвала. Возле нее четыре человека в спецодежде.

Женщина:

– Алебастр и краска у меня есть, шпатлевки пока нет, но я на днях привезу, заказала. Мела тоже достаточно. Можете взять новую робу, рукавицы, кисти.

Она открыла, наконец, замок, ищет внутри за дверью выключатель:

– Ну что, Марики, пошли. Только учтите, на складе полно блох. Я вам советую штанины заправить в носки.

Марик:

– Я только один здесь Марик.

Женщина:

– А для меня все маляра Марики!

* * *

Известковая яма на пустыре среди трущобообразных новостроек. Жильцы используют ее для свалки мусора. Маляра – их зовут Марик и Алик – выгребают хлам, чтобы добраться до извести. Приподняв полусгнившую раскладушку, Алик прямо под ногами видит труп большой дворняги. Ему плохо, позывы к рвоте. Он выпрыгивает наружу. Марик, снисходительно улыбаясь, надевает рукавицы, берет собаку за задние ноги и выбрасывает прочь из ямы. Извести очень мало, и мороз ее прихватил. Откалывается маленькими кусочками, крошится в пыль, а лопата все время гнется. Рядом с ямой на тачке стоит большая бочка. Постепенно и мучительно остатки грязной смеси ее заполняют.

Алик толкает тачку, Марик придерживает бочку. Медленно едут по проезжей части дороги, огибая сплошные колдобины. На очередном вираже, пытаясь объехать припаркованный автомобиль, Алик цепляет его бампер тачкой. От рывка бочка сдвинулась, центр тяжести трехколесной тачки сместился, она вздрогнула и сбросила бочку прямо на дорогу. Известь вся рассыпалась.

Другой пустырь, но огороженный металлической сеткой-рабицей, тоже известковая яма, но принадлежащая чужой организации. Сверху яма накрыта обычной дверью, обитой железом, и закрыта на замок. С воровскими ужимками Марик и Алик перепрыгивают через сетку, ломиком срывают замок. Внутри полно извести. Подмерз только верхний слой. Нужно пробить слой мерзлоты, а там дальше, внутри, она как паста – тяжелая и жирная, почти без камней. Быстро накидывают ее в мелкую тару: выварки, старые ведра, кастрюли. Перебрасывают через ограждение и грузят на ту же тачку. Лица у ворюг раскраснелись, спины мокрые, азарт легкой добычи движения делает лаконичными, синхронными и точными.

* * *

Пустая комната в детском саду. В углу рояль, накрытый газетами. Играет Осик. Вполне профессионально. А по мнению коллег-маляров, – виртуозно даже. Друзья лежат кто на чем. Умение с комфортом расположиться – предмет особой гордости некоторых. Лежат на досках, на снятых с петель дверях. Марик всегда предпочитает зубоврачебное или гинекологическое кресло, если работа на объекте РСУ Минздрава.

Осик играет что-то из Поля Мориа. Потом еще, еще на бис. Время послеобеденное, сытое и умиротворенное.

Та же комната, туман от пыли из-под шпателей, снимающих набел. Двое на козлах починяют потолок. Осик на полу в старом измятом тазу разводит алебастр. Разводит на троих, но не успевает всем угодить, и они ругают его. Слишком густой, рано застывший раствор счищают на голову Осика. Юра тоже работает «по низам». Тихо ковыряется, заделывает трещины и глубокие борозды-шрамы от старой электропроводки.

Осик рассказывает Юре:

– Скажи, как тебе понравится такой человек. Он мой отец. И он – жирная свинья, поломавшая жизнь мне и моей матери. Скупой тиран, имеющий сорок тысяч на сберкнижке, и при этом – жизнь впроголодь, не во что одеться. Моя мать закончила гидромет, умная и образованная женщина, что он с ней сделал? Она сидит дома с шестью собаками, которых он держит, ходит за ними с тряпкой и веником. Такая картина, к примеру, она стоит и смотрит в окно. Подходит отец, пинает ее ногой в живот и обращается ко мне: «Осик, пойдем, сыграем в шахматы». Мать лежит без сознания. Когда я подрос, то стал защищать ее. Однажды набил ему синяк под глазом. Он ходил и всем его показывал. За всю жизнь он мне не дал и пяти копеек на семечки. Когда я пришел из армии, отец пощупал шинель, осмотрел шапку и сказал: «У тебя отличная шапка, сними кокарду и носи ее». А мать добавила: «И шинель хорошая, только погоны надо срезать». Я следил за ним и однажды обнаружил за сливным бачком две сберкнижки. Он не шутил, когда говорил, что может купить три автомобиля «Волга». Я их бросил, уехал в другой город, где мы прежде жили, и где у нас остались родственники, ради прописки пошел учиться в профтехучилище, потому что он написал всей родне, что я негодяй и аферист. Ни в один дом меня не пустили, и все советовали вернуться домой. А мой младший брат? Ничтожество. Делает вид, что его ничто не касается. Изображает тихую покорность судьбе, надеется вкусить от сбережений жирного скота.

* * *

Трещины ветвятся по стенам, потолку, едва заметные, сходящие на нет и черные, нервно-искривленные, выбирающие путь очень логично (для человека, понимающего внутреннюю конструкцию постройки), возникают на стыках и швах невидимого скелета, скрытого слоем штукатурки и косметикой малярных работ. По ним можно судить о болезни здания. Решать: лечить или не лечить как обреченное. Я понимаю удовольствие хирурга, любопытство его, когда острым концом шпателя, как нарыв, поддеваешь пласт провисшей штукатурки и обрушиваешь на пол.

А затем смачиваешь травмированное место водой, разводишь алебастр и быстро, пока он не застыл, заделываешь рану. Сначала грубо приблизительно, а потом совсем сравниваешь на нет, так, что после побелки и места этого уже не найдешь.

Одна уборщица, для того чтобы поменьше ошметков с потолка сыпалось на пол, принесла мне картонную коробку, и я действительно пытался, чтобы угодить ей, стоя на стремянке, одной рукой ловить в коробку падающую штукатурку. Кое-что поймал. Чуть шею себе не свернул.

* * *

Осик:

– Я закончил музыкальную школу и мечтал продолжать обучение дальше. Подал документы в музыкальное училище. Отец пошел в канцелярию, поднял скандал, забрал мои документы. Я стал студентом строительного техникума. Нас посылали на уборку хлопка, платили неплохо, у всех студентов водились деньги, чтобы отдыхать вместе, развлекаться. Я один не мог присоединиться, потому что все деньги отсылал матери. Меня стали сторониться, а она возмущалась, что я мало заработал. Мать с детства меня презирает. Сколько себя помню, она ругала мою рахитичную фигуру и чрезмерно большую голову. Родился я вопреки ее желанию, все попытки от меня избавиться ни к чему не привели, и я появился на свет. Мать никогда этого не скрывала и всячески подчеркивала мое нежелательное наличие. Отец и его сестра (она жила с нами, ядовитая тварь) были как отдельная каста в доме. Когда она сдохла, я пошел на кладбище на ее могилу и заплевал ее портрет. Я поставил себе задачу: доказать им, что могу жить без них, что достигну успеха и благополучия без их помощи и вопреки всем препятствиям с их стороны. Приехал сюда, никого не знаю, всем чужой. Я начал все с нуля. Спал на пляже до холодов. Затем ПТУ. Они меня с радостью зачислили. Их зарплата зависит от количества учеников. Это была взаимовыгодная сделка, я получил прописку, а на занятия ходить было необязательно. Никто меня не трогал. Теперь все это позади: общаги и прочее. Я женат, и у меня есть дочь. И все надо начинать сначала, потому что я не-

навижу жену и ее родителей. Они меня надули. Им надо было избавиться от засидевшейся в девках дочери, я подвернулся им под руку. Без жилья и с временной пропиской. Они меня взяли лаской, я раскис и попался на крючок. Как меня ублажали до свадьбы! Я подумал, что мир перевернулся! Впервые в жизни столько внимания. Жена мне нравилась сначала. Но это оказался рекламный образец. Она смотрела за собой, была бодрой, живой. Просила меня: «Осик, сыграйте что-нибудь!». А теперь я слышу каждый вечер: «Как ты мне осточертел со своим Челентано!». Или эта омерзительная фраза: «Возьми себе в холодильнике!». А ее отец знает только два слова: «гнусни заразы», да иногда произносит целое предложение: «Когда я сдохну, все будет ваше, а пока живой – я здесь хозяин». Случай дежавю – он же точная копия моего отца.

* * *

Сооружение, точное название которому есть в украинском языке, – льох, погреб, отдельно стоящая постройка во дворе. Глубоко в земле, покрытая дерном, только вход приподнят на высоту человеческого роста. Крутые ступеньки в полутьму. На них рассыпаны тысячи пузырьков аптечных. Битые и целые, закопченные. Хрустят и перекатываются, когда на них наступаешь. И внизу метровым слоем на полу стекло. От края и до края. И следы огня. И запах гари, и чего-то знакомого, медицинского. Некоторые пузырьки стеклянные потекли от высокой температуры, слиплись в причудливые скульптурные комбинации.

Сколько помещений даже в самой захудалой аптеке? Два? Три? Что видит посетитель, когда заходит по необходимости? Зал и нечто непонятное за открытой дверью в глубине просматривается. А там лабиринты больше чем из десятка комнат. И подвалы, заставленные стеллажами.

В какой цвет красить аптеку? Заведующему нравятся очень яркие цвета. Он двадцать или более лет в городе живет, а вырос в селе. Городским нравятся оттенки выцветшего, вылинявшего белья – это благородно и изысканно. Малярам нравятся оттенки остатков от предыдущей покраски (их надо использовать, иначе пропадут, засохнут). Уборщица любит потемнее

и нейтральнее – не так заметна грязь. Большинству наплевать на цвет, их мутит от сильного запаха. Особенно зимой, когда нельзя открыть окна и двери, чтобы как следует проветрить. Маляров тоже мутит, но они привыкли и к самой мути, и к мерзкому ощущению во рту.

Маляр сидит в закутке, заставленном бутылями и разным аптечным хламом, размешивает краску в ведре. Перед ним топчется пожилая женщина в белом застиранном халате:

– Идите ко мне делать ремонт. Мне нравится, как вы делаете. Я уже сыну сказала, а вы не соглашаетесь. Я вам хорошо заплачу. У меня сын инженер, а я провизорша – не какая-нибудь шмырга. Я вас очень прошу, приходите. Я сыну говорю: «Он не хочет к нам, он занят». А сын мне говорит: «Ну, мамочка, ты у меня такая находчивая всю жизнь, придумай что-нибудь, уговори». Я же вижу, вы не ханыга, порядочный человек. У меня есть знакомый маляр в Севастополе, тоже Марик его зовут, Марк Степанович. Он хотел мне сделать ремонт, но ему отрезали обе ноги, такое несчастье. Может, вы все-таки придете? Не передумали?

Маляр красит потолок. Другая женщина стоит возле козла, задрав голову:

– Вот, представьте себе мою комнату: такой где-то длины (показывает руками), вот такой ширины, а здесь окно. И потолок ужасный – весь провис и местами упал – это соседка меня залила, и он намок. А вот отсюда идет трещина, и рядом трещина, и пятно желтое, сколько это будет стоить?

Маляр:

– Да откуда я знаю? Вот так не глядя вам сказать? Это надо потрогать руками.

Женщина:

– Но я же вам рассказываю! Вот так идет трещина, и здесь трещина, рядом пятно, а чуть в стороне – совсем отвалилось!

* * *

Мне нравится вид развалин. Голых, расчлененных, лишенных косметики и совершенно беззащитных. Вот такая некрофилия. Чистишь стены в общежитии и находишь под многими слоями

покраски фрагменты церковных орнаментов. Вся история здания, как перед археологом, открывает свои тайны. Чем белили, в какие годы на какие оттенки мода была. Есть цвета бедности, встречаются и следы ушедшего благополучия. Это очень часто в дореволюционных постройках. Под слоем дешевой покраски можно найти следы дорогих алфрейных работ. Интересно прочитать обрывок газеты, наклеенной сорок лет назад под обои, чтобы скрыть неровности стены. А потом приходится все зашпатлевать, выровнять, покрасить, и только в твоей памяти навсегда отпечатывается, гравируется знание о прошлом. Я не всегда могу вспомнить время и последовательность работ на объектах, но иногда абсолютно отчетливо возникают в голове изображения стен дырявых, с трещинами, как реки на контурных картах, облупившейся побелкой, и не какие-нибудь абстрактные, нет, абсолютно конкретно виденные и неповторимые в другом месте. Ничего более безликого, чем свежеотремонтированное помещение, я не встречал. Но ведь жильцам и необходимо получить пространство без биографии и чужих запахов. Особенно без запаха чужой смерти. Хуже всего выглядит квартира после того, как жители затащат в нее все свои жалкие манатки.

* * *

Обеденный перерыв, середина дня, двенадцать часов.

Алик достает бутылку молока и хлеб с колбасой.

Марик достает сверток с едой.

Юра достает сверток с едой.

Осик достает сверток с едой.

Гарик собирается в столовую, ищет кусок газеты или картона. В прошлый раз был скандал с «последним предупреждением» из-за перепачканных спецовками стульев. После маляров, дескать, люди в чистом садятся. Имейте совесть и все такое.

Марик:

– Да не ходи ты в эту забегаловку, желудок испортишь. Садись с нами. Сейчас посмотрим, что мне моя девочка положила. Вот, смотри, огурчики, курочка. На, попробуй и скажи, чем моя Светочка не умница. Юрик, твоей идиотке до нее далеко.

Юра:

– Опять завел свою волынку, не надоело?

Марик:

– Нет, Гарик, не дай соврать, ну кто может с моей Светкой сравниться! Вот, посмотри, что я с собой принес, и что ему любимая всунула? Я б ее прибил за это! Спит она у тебя до обеда, вечно у нее что-то болит – какая-то недоделанная, когда ни зайдешь – все время лежит.

Юра:

– Меня она устраивает, жри и помалкивай.

Марик:

– Я тебе клянусь, меня бы она на руках носила. Я же ей нравлюсь. Помнишь, как она ко мне целоваться полезла, когда я к вам зашел? Она меня хочет, это сто процентов!

Юра:

– Хватит пиздеть, я же твою Светку не трогаю! Заткнись уже.

Марик:

– Хотел бы видеть, как ты ее потрогаешь со своей противной рожей!

Осик:

– А моя ничего не умеет готовить, и ее мать тоже. Кинули кусок мяса в кастрюлю, сварили и вынули. Я на Востоке вырос, привык к вкусной еде. А им все равно что жрать. У тестя свой отдельный холодильник. Он держит в нем деликатесы. Жена и дочь без спроса туда даже заглянуть боятся. Сижу вечером дома, захотелось мне пить, знаю, что у него «Боржоми» в заначке есть, но никто не решается взять.

Марик:

– Моя Светка хозяйка отличная. Я мог жениться на ней, а мог и на другой. Они были обе беременные, срок приблизительно одинаковый, и надо было решать, кому из них делать аборт. Я дал им денег, одинаковую сумму, и попросил накрыть стол – каждую у себя. Мой день рождения, так совпало, что пришелся. И Светка оказалась несравнимо лучше. Вы бы видели, какой белизны пеленки она потом вывешивала на балконе. Все соседи диву давались: как можно так выстирать?

Осик:

– Так какого ты таскаешься с кем попало?

Марик:

– Дело в том, что в постели она никуда не годится. Она этого не любит: там ее не трогай, так ей не нравится.

Осик:

– Моя тоже не сахар, каждый день одно и то же слышу: «Ты уже? Ну, слезай уже!». У нее вообще скудный словарный запас.

Марик:

– А Гарик свою Людку как огня боится, она его и по морде бьет, правда, Гаричек?

Гарик:

– Она ревнивая, ей все время мерещится.

Марик:

– Ну как же, ты у нас образцово-показательный семьянин. Юра, кончай чавкать, вечно ты какие-то звуки издаешь животные.

Юра:

– Мне твои шутки плоские уже остопиздели.

Он встает и собирается начать работу: чистит шпателя, заглядывает в ведра.

Гарик:

– Ты чего вскочил, посиди, покури, на тебе же лица нет.

Юра:

– На часы посмотри, уже два часа идет треп, а потом сам гнать будет, как на пожар.

Гарик:

– Пока бригадир не встал, – можешь сидеть хоть до вечера.

Юра:

– А мне неинтересно просто так сидеть здесь до вечера.

Гарик:

– Позавчера мы в аптеке были без тебя, Марик с Аликом сели играть в «Телефон» после обеда – на этом работа и закончилась.

Алик:

– Да ну его в задницу, Марику лучше сразу проиграть, он же пока не отыграется, – из-за стола встать не даст. А мне, как назло, камень идет и идет. Я себе говорю: все, сейчас поддамся, и эта мутная дурь прекратится, так нет – везение невероятное!

Марик:

– Вот именно – везение. Играть с умом ты не можешь.

Алик:

– А ты проигрывать научись, старый хрыч, пора уже. Вцепился, как клещ: еще одну партию, еще одну партию. И на что играли, главное: если я проиграю, – то даю трояк, а если он, – везет меня домой.

Марик:

– При чем тут деньги? Это вопрос чести. В конце концов, я ведь отыгрался, доказал, что играть ты не умеешь.

Алик:

– Не умею, не умею, успокойся. Ты бы с Фимой сел играть. С Фимой, который вдвоем с рыжим Петей работает. Он тебя бы на раз вставил.

Марик:

– Петя – это тот, который на квартире у барыги в шкаф с ведром водоэмульсии провалился? Полез на шкаф с ведром краски, а верхняя крышка его не выдержала?

Алик:

– Ну да, все в краске было: полы, полки с книгами, ну, и шмотки в шкафу дорогие ему застирывать пришлось – он с пустым ведром вывалился через дверь шкафа, но себе ничего не сломал.

Гарик:

– Я его тоже знаю, мы с ним на выезде как-то были. Это сексуальный гигант. Клянусь здоровьем своей дочки! Поставь перед ним семь незнакомых разных баб – он мог их всех по очереди трахнуть, а одну два раза подряд – никогда не осилит.

Алик:

– Главный гигант у нас Марик, в этом никто не сомневается, скажи, дорогой, как много вы с Гариком на квартире у Галочки заработали?

Гарик:

– Галочка умница, очень практичная девочка, она мужу за год на мотоцикл заработала, я только не врублюсь, и спросить ее неудобно, в курсе ли муж, чем она на жизнь зарабатывает?

Марик:

– Может, и в курсе, с виду спокойный такой, уравновешенный.

Гарик:

– Марик вчера чуть не попался. Стоит, шпатлюет потолок, и вдруг ему приспичило. Пошел с Галочкой в другую комнату, она ему не успела брюки расстегнуть, как является муж.

Марик:

– По-моему, он ничего не заметил.

Алик:

– И как вы с ней договорились о расчете?

Марик:

– Как всегда, за свои услуги она высчитывает из общей стоимости нашей работы.

Юра:

– У меня такое предчувствие, что при твоей сексуальной активности этот ремонт ей ничего не будет стоить.

* * *

Помещения жилые, подвалы и чердаки живут в моей памяти. Есть один забор, который я штукатурил, а потом белил, мимо которого я часто езжу на автобусе. Уже давно другого цвета (его белят два раза в год: на майские и октябрьские), латаный-перелатаный, местами обвалившийся. Но некоторые свои заплатки я еще узнаю сквозь набел.

Пока замажешь все надписи в парадной, успеваешь проникнуться чужой жизнью. В фантазии формируется образ таинственной девушки, чье имя украшает все стены в округе. Один объясняется ей в любви, – другие, отвергнутые, ругают матом. Парадные десятка домов посвящены директору ближайшей школы. Иногда из любознательности спросишь жильца, высунувшегося из двери, о какой-нибудь настенной знаменитости, – он подарит историю. Лет десять назад весь город украшало имя Будиловской Клары. И версии у интерпретаторов причины такой известности всегда были совсем разными. Самые скучные тексты – декларации-заклинания, состоящие из названий рок-групп. Глубоко и безапелляционно процарапанные, тупые и безнадежные, как крик в пустыне, они встречаются в подвалах и даже на чердаках, предназначенные для чтения, вероятно, крысам и голубям. Закраши-

вать их бессмысленно – авторы все равно возобновят надписи. Писать это им так же необходимо, как животным метить свою территорию, чтобы распознавать своих среди чужих множеств. Но как все культовые занятия, ремесло маляра тоже обладает своим тайным ритуальным смыслом, где значение имеет не результат, а только процесс. И пока этого не поймешь, обречен на унылое, кажущееся бессмысленным повторение однообразных действий.

Люди, которые профессионально занимаются ремонтом, любым, неважно, стен ли, часов, или обуви, – понимают и ценят только процесс. У них нет тоскливой беспомощности от жизни среди разрушающихся вещей – непрерывность разрушения дает им гарантию на постоянный кусок хлеба. Я не видел огорчения на лицах маляров, когда спустя год-два они возвращаются делать ремонт в то же самое место и видят, что от их труда уже мало что осталось. Им не жаль своих прошлых усилий – они не борются с разрухой. Это не касается случаев, когда обои отлетели до расчета с хозяином, и потолок валится на голову, до того как успели уйти с объекта. Есть такие учреждения, где ремонт никогда не прекращается. Помещений так много, что пока маленькая бригада доберется до последнего, – первое уже просят освежить.

* * *

Осик:

– Я хочу встать на ноги, хочу быть независимым, иметь престижную профессию. Я уже не могу быть музыкантом – время упущено. Чувствую призвание к торговле, думаю, что мог бы там развернуться. Сейчас поступил на заочное отделение в холодильный институт. Это совсем не то, что мне нужно, но я переведусь, главное сейчас – зацепиться покрепче. Люблю коммерцию, у меня в голове все время прокручиваются торговые комбинации, много идей, совсем не сложные и доступные в реализации. Нужны компаньоны. Малярка мне противна и физически, и морально. Грязь вокруг и люди… Послушай, как они говорят. Им достаточно десяти слов. Мне осточертели их тупые шутки типа: «Не хватит – так останется», – или: «Сядь, покури, на тебе лица нет». Все время следят друг за другом – кто сачкует, – обличают

и придираются. Если у тебя маленький разряд, а работа получается отлично, – никогда не скажут доброго слова, молчат, как в рот воды набрали. Похвалить боятся, чтобы не потребовал прибавки к зарплате. А если у тебя что-то не получилось, так, мелочь какая-нибудь, которая у всех случается: обои слегка отошли или побелка меловая пузырится, – они набрасываются радостно и остервенело. Еще одна хитрость – до некоторых работ человека с маленьким разрядом стараются как можно дольше вообще не допускать. Это дает возможность в случае, если начнет возбухать и настаивать на прибавке денег, всегда заявить ему, что как можно тебя повысить, если, к примеру, ты еще никогда не стелил линолеум? Обрати внимание на Марика. Когда у него назначено свидание или другие дела побочные, как он умеет красиво свалить с работы. Он в этом деле великий актер. Весь день планирует, подгоняет дела таким образом, чтобы ко времени, когда ему нужно уйти, все работы, нуждающиеся в напарнике, типа побелка из пульмана, уже были закончены. А потом он неожиданно вспоминает, что у него встреча с прорабом, и быстро исчезает. А тебе оставляет такие доделки, которые ты никак не можешь бросить и сбежать следом: потому что если сегодня все не загрунтуешь, то назавтра нельзя покрасить начисто, и ты сидишь на объекте и час лишний, и полтора. Если с утра его долго не было, а причину серьезную поленился придумать, тогда он обаяние свое включает: улыбка до ушей, всех рад видеть, обниматься лезет и в глаза заглядывает. Ну, а если ты игру не принимаешь, сердишься, – он напускает на себя деловой вид и начинает сходу работой интересоваться, в детали входить. Если не сдержишься и спросишь, где он два часа пропадал, – иголки на спине у него сразу дыбом, и все промахи твои в работе припомнит за последние два года, и рот тебе заткнет. На днях пришла моя очередь угощать всю бригаду в «Восточной кухне». К моему второму добавили еще полразряда. Большие для меня деньги. Гнусность обычая в том, что я именно обязан всех накормить цыплятами табака и напоить водкой, накормить до отвала и потратить на это всю месячную прибавку. Никто не спрашивает, хочу ли я поить и кормить их за свой счет. А Марик – тот вообще за гранью каких-либо понятий о приличиях. Пить со всеми не пьет – он же

за рулем, но свою долю на дне бутылки забирает с собой, чтобы выпить дома в одиночестве. Из принципа, потому что стоимость выпитого для него ничтожная.

Меня никто не любит. И сейчас, и раньше, в школе, у меня не было друзей. Я рос в Баку, а евреев там немного. В классе я был один. Помню, идет политинформация, учитель зачитывает сообщение об очередной победе арабов над евреями в Палестине. Весь класс поворачивается ко мне и аплодирует торжествующе.

С некоторых пор меня начал навещать Гриша. Гриша – наш «висячий», или «мертвая душа» бригады. Ты его еще не видел. Он числится по той конторе, в которой тебя не оформляли. Приходит в день получки, расписывается в кассе и отдает деньги на «хежим» бригадиру, вот и вся его забота. Ему даже процент с висения не нужен, он работает на дому с отцом меховщиком, а эта официальная у нас работа – отмазка от ментов. Неприкаянный он какой-то. Все у него есть: деньги, машину опять поменял. Недавно начал проявлять беспокойство по поводу своей полной некомпетентности в малярке. Вдруг менты прихватят, захотят проэкзаменовать, а он ни в зуб ногой. Пришел на объект, взял интервью, получил устную консультацию, разгорячился и под настроение покрасил радиатор. Гриша приходит ко мне вечерами. Сидит молча. Говорить не о чем. Если у меня нужда ехать куданибудь по делу, – он оживляется. Рад услужить, и ему все равно, куда ехать. Я вижу, что он одинок, но мне с ним скучно, и он это чувствует. У него, как будто, есть невеста, русская. А отец уперся – подавай ему еврейку, наверное, это его и гнетет. А без отца Гриша шагу ступить не умеет – боится, что пропадет.

* * *

Униформа любая или спецодежда радикально меняет поведение человека. Не нужны предисловия и объяснения: кто вы, зачем явились. Если на вас заляпанная краской роба, вы без стука заходите в кабинет начальника главпочтамта и, не обращая внимания на его посетителей, можете залезть с ногами к нему на стол, плюнуть на стену, чтобы узнать, меловая побелка или известь. Обсуждать с товарищем план работы, игнорируя хозяина. И что

удивительно – он и сам ваше поведение воспринимает как норму. Лебезит и заискивающе интересуется, когда ему выметаться из кабинета.

* * *

Контора. Типичная. Девичник. Гарик расхаживает между письменными столами. Смотрит на потолок, ковыряет ногтем старую краску панелей.

Бухгалтер заискивающе улыбается:

– Мальчики, что, пожитки собирать? Вы уже у нас начинаете? Неужели и в этом сарае будет красота!

Гарик:

– Да, после обеда уже и до вас доберемся, уже можете собираться.

Женщины рады развлечению, суетятся, рассовывают по столам папки, канцелярские мелочи. Дамы посолиднее делают вид, что недовольны. Ворчат. Изображают умудренных опытом матрон:

– Ну, сейчас грязищу развезут, за неделю не отмоешься. Столы выносить или сдвинуть можно? А шкафы кто будет таскать? У нас мужчин нету!

Мебель сдвинули, и обнажились углы, в которые давно не ступала нога человеческая, и глаз туда тоже не заглядывал. Тоже человеческий. Пауки и сороконожки не в счет. Мелкий мусор за шкафами, конфетные обертки внутри радиаторов отопления, пара копеек денежной мелочи.

Бухгалтер:

– В какой цвет будете красить?

Гарик:

– А вам в какой хотелось бы?

Кассир:

– Что-нибудь нежно-сиреневое, для глаз приятное.

Бухгалтер:

– Нет, Катя, надо в абрикосовый покрасить – это моя мечта!

Гарик:

– Цвет какого сорта абрикос вы предпочитаете?

Кассир:

– Абрикосовый это абрикосовый, вы над нами насмехаетесь?

Гарик:

– Ладно, будем красить в зеленый.

Бухгалтер:

– Мальчики, вы так не шутите, зачем же нам зеленый, как в уборной?

Гарик:

– А никто и не шутит – нам бочку зеленой, двести литров привезли. А другой не будет, пока эту не выработаем. Можем белил добавить, осветлить.

Кассир:

– Может, в голубенькую покрасите, если сиреневой нет? Мы здесь целый день сидим, глаза устают, а вашу зеленую я в отделе кадров видела – она же болотная!

Гарик:

– Не болотная, а серо-зеленая. Серый цвет сейчас самый изысканный и модный. И практичный, конечно.

Кассир:

– Ты нам не заливай, я сейчас к начальнику пойду и посмотрю, чем у него покрашено!

Гарик:

– А пожалуйста, идите и смотрите, у него то же самое. Краску развели одну на весь этаж. И шефу вашему абсолютно наплевать, какого цвета у него стены.

* * *

Гарик:

– Породы такой или национальности – «маляр» – в природе нет. Никто маляром не рождается. Хотя и встречаются асы своего дела, настолько вросшие в него, что кажется – этот человек родился со шпателем в руках, и мозги его ни для чего другого не приспособлены.

Я случайно в малярку попал. В армии шофером был, тоже нечаянно. Лейтенант оказался евреем. Он только глянул на меня одно мгновение, но так, как только еврей еврею может посмот-

реть в глаза, понял, что я зеленый, ничего не рублю. Спросил, где я хочу служить, и сам же меня в учебку направил, на водителя учиться. Он меня от строевой части спас – это я потом понял, когда уже за руль сел. Там же, в части, духовой оркестр был. Я в музыке дуб полный, но ребята говорят: «Не валяй дурака, барабан ты осилишь». Ходили мы в деревню по свадьбам, и «жмура» приходилось играть. Бывало, конечно, – не там стукнешь, а иногда все перепьются так, что непонятно вообще, что играем.

В малярку пошел на сезон, белить фасады на выезде. Из Белоруссии тогда много народа шабашить в Сибирь ехало. Зимой сидят дома в тепле, каждый по своей специальности, а как солнце чуть пригрело, – берут расчет на работе и айда за Урал. Мне понравилось, втянулся. А теперь, когда двое детей, трудно что-то менять. Чтобы новую профессию освоить, надо иметь большую заначку денег. Пока привыкнешь, приноровишься, в учениках, само собой, дадут побегать – платить сразу никто не спешит.

Вот Алику двадцать три года. У него уже третий разряд, и в месяц, по-бедному, три сотни выходит. А его отец, мастер на заводе, зарабатывает едва двести, а со мной не разговаривает, потому что я сына его с завода сманил. Хотя он сам же меня уговорил взять пацана к себе в бригаду, чтобы тот до армии не шлялся по улице. Нам тогда попалась хорошая шмырганинка на заводе – километры побелки почти без починки, подходит мастер и говорит: «Сыну до армии полгода, может, в учениках у вас перекантуется?». Он хотел после армии взять его на завод. Типа рабочая династия. А Алик через три месяца у нас вышел на разряд, а домой приносил деньги ученические – не стал хвастаться, что больше папы стал зарабатывать, – на гулянки все спускал. Пошел в армию и опять же в стройбат на малярку попал, руку набил, насобачился. Дембельнулся, вернулся домой. Того, кто воли понюхал, заводская проходная, работа от звонка до звонка на одном и том же месте уже не привлекает. Сейчас смешно вспоминать, как папа после первого рабочего дня его в бочке солярки от краски отмывал.

Юра – портной. Техникум заканчивал. Может, хороший портной, может, плохой – не мне судить. Наши жены дружат. Моя попросила: устрой, говорит, в бригаду. Я и взял. Марик с ним работать не любит. Тупым его считает, медлительным, и руки, говорит,

не оттуда растут. А я с ним работаю, привык, приспособился, мне с ним удобно – полно занятий, которые ему в самый раз. Пульман покачать, побелку закалампуцать, песок просеять, раствор развести. На квартиру его одного, конечно, не поставишь, растеряется, засрется. Боится сам работать, не любит решать, с какого конца начинать. Потолки ему трудно делать – голова у него болит, ревматизм. На козел лезет – кряхтит, живот ему мешает. Своим небольшим заработком у нас он доволен, две сотни чистыми ему больше нигде не заработать, но в малярке это его потолок – выше второго разряда ему не подняться. Недавно на главпочтамте он упал с пятиметровой стремянки. Я думал, ему хана. А он ничего, оклемался.

Игорь от нас скоро свалит. Он свой разряд перерос, но в нашей бригаде он больше не получит. Если дать ему третий с половиной, то при «хежиме» будет меньше ста рублей на разряд выходить. Бригада должна быть правильно укомплектована: парочка учеников, по второму разряду человека три, один третьеразрядник, ну, и бригадир по пятому работает. Образуется ядро бригады из ветеранов, его основной состав и обновляющаяся часть из молодежи. Если всех держать при себе и платить по пятому разряду, – можно по миру пойти. Молодые, подрастая в ремесле, уходят, ищут себе другую бригаду, где вакансия есть на мастеров. Или собирать вокруг себя бригаду, с нуля. Это для Игоря неплохой выход. Но у него связей с прорабами нет. Поэтому он в бригадиры и не рвется. Раньше печником был, а до того – пекарем. У нас в РСУ два прораба, и мы им отстегиваем одну месячную зарплату за свои «мертвые души». Иначе нельзя – им с нами неинтересно без этого. А нам без «висячих» не заработать. Система идиотская: с одной стороны, есть расценки на производство работ, а с другой – потолок в заработной плате. Мы вчетвером реально можем за месяц выполнить работу восьмерых человек. А чтобы снять эти деньги, приходится оформлять в бригаду и своих жен, и цеховиков, которым нужно где-то числиться официально, – иначе они попадают в разряд тунеядцев. Я имею в виду тех надомников, у которых нет шансов на лицензию по инвалидности. Прикинь, сколько имеют в месяц наши прорабы Сеня и Миша, если у них пять таких бригад, как наша!

Есть люди, особая такая порода, которые чем не займутся – все делают лучше других. Брат мой младший (а нас пятеро братьев) до армии со мной работал и, должен сказать, что на шпатлевке он меня обставлял, и Марика, и всех прочих. Мы были молодые тогда, любили соревнование устроить. Заходим в корпус: окна высотой метра четыре. Каждый берет по окну, и начинаем красить – кто быстрее. Алик тоже быстро красит, но так вокруг насрет, что заказчики просили на покраску его не ставить. В армии брата отравили чечмеки, что он с ними не поделил, – не знаю. Выжил с трудом, сожгли ему пищевод. Дышать краской теперь он не может, так он сапожником стал, и поверь, то, что я здесь имею пятьсот в месяц, – ему на семечки. Сейчас стал брюки шить, взял патент как инвалид. В сезон (весна-лето) каждый день стольник в кармане. Конечно, и отстегивать кому надо приходится. Фининспекторам и всякой швали. На рынке место тоже не бесплатно, но я говорю, что руками он может все…

* * *

Марик:

– Наша работа такая – наперед загадывать нельзя. Можно и заработать, а можно и подзалететь. Тут к гадалке не ходи. Необязательно искать очень дорогой ремонт на хате у частника. Иногда на копеечной побелке складов (если метраж огромный) выручка отличная, и еще апельсины можно вынести в бачке от побелки, слегка мусором их присыпав. Даже аптеку выгодно делать за недорого, но с заведующим подружиться и доставать через него дефицитные лекарства.

Вот однажды делали одному барыге ремонт. Сначала все шло нормально. А когда дело подошло к концу, к расчету, – он начал придираться: и то ему не так, и это не так, как он себе представлял. Вижу, ищет повод для ссоры, чтобы не платить. Выравниваю все, шпатлевку шкурочкой прошел три раза. Обои наклеили – любо-дорого смотреть. Закончили, и он заявляет: «Валите отсюда побыстрее, пока милицию не привел». И свалили – куда денешься? Что мы можем доказать? Все договоренности устные,

на бумаге ничего… С прорабом не поладишь – он на такой объект поставит, что цена за метр двадцать копеек, а сделать быстро невозможно. Однажды загнал на квартиру к своим родителям и платил по госцене, а вылизывать заставил, как на халтуре, – «под яичко». И он еще не самый большой пуриц – над ним еще главный инженер висит, а над тем начальник РСУ. И им всем мы делаем ремонт по госрасценкам. А этот садик детский? Уже год сидим. Метраж – считать нечего. Алик в подвале пятый раз красит. Вода со стен течет, и на валик наматывается плесень и труха. Окон нет, дышать там нечем. Прошлой осенью угорели все в этой норе. Сначала легкий кайф по мозгам ударил, смех разобрал – хохотали, как придурки, а потом живот заболел, и тошнота. Стасик сантехник рассказывал, что однажды ему пришлось откачивать маляра после угара. Я слышал, что решили в подвале строить ложную стену из ДВП. А я им, мудакам, еще полгода назад говорил, что красить там бессмысленно. Сырость вечная. Теперь прораб пришлет Витю поденщика, и тот не спеша будет месяц мудохаться с этой стенкой – он на ставке и спешить ему некуда. А после нам опять придется грунтовать и красить изделие, которое этот алкаш слепит с похмелья. Раньше он стармехом плавал. Списали его, и теперь в РСУ прозябает за червонец в день, но на бухло как раз хватает. В монастыре работали – с завхозом ихним споры: все время хочет цену сбить. Проходил мимо батюшка, прислушался к нашим перебранкам и говорит своему, так величаво: «Заплати мастеровым, сколько они просят!».

Иногда тянет прошвырнуться на халтуру за город. Проветриться. Позвонил нам с Гариком товарищ и говорит, что в Троицком, это километров сто пятьдесят отсюда, нужно покрасить крышу старой мельницы. Его кровельщик не может поехать, заболел, так не возьмемся ли мы. Кровля не наш профиль, но я столько раз видел, как ребята квачом размазывают краску по жести, что решил – мы управимся без проблем. Приехали, у крестьянина переночевали, подышали деревенским воздухом и с утречка полезли на крышу, пока не разогрелась. Закрасили небольшой кусок (скат градусов тридцать без ограждения), перекуриваем. К нам поднялся завхоз и зовет пройти на чердак. Спустились на чердак, и он нам показывает крышу изнутри – она

как Млечный Путь. Как мелкое решето. Солнце попадает в микроскопические дырочки, и на полу они уже увеличиваются до размера пятикопеечных монет. Хозяин требует, чтобы залатали эти отверстия. Мы поднялись наверх, смотрим под ноги – ничего не видно, крыша целая. Догадались: один остался на крыше, а другой изнутри стучит по жести палкой в те места, где светится. Заклеили тряпками, вымоченными в краске, штук двадцать булавочных проколов. Пошли обедать. После обеда поднялись на чердак и обомлели – на окрашенном участке крыша снова вся светится дырочками, только в других местах. До меня дошло: солнце движется и под новым углом высвечивает новые группы. Пошли на крышу, оценили мизерную производительность труда – за полдня покрасили всего ничего, и по-английски, даже не попрощавшись, сели в машину и уехали домой.

* * *

Цех на ювелирной фабрике. Чистенько все выметено: ничего нигде не торчит, не валяется. Станки шлифовальные для камней накрыты бумагой. Алик и Осик починяют стены и потолок для побелки. Осик расшивает трещину, счищает шпателем старую починку, потом алебастром пробует выровнять. Алик презрительно смотрит на его деятельность. Алебастр уже прихватил, застыл буграми.

Алик:

– Осик, замой то, что ты сделал.

Осик:

– Алик, а ты сам чувствуешь, сколько презрения ко мне в этой твоей фразе? Вслушайся: «Замой то, что ты сделал!». Будто я кучу наложил.

Алик:

– А ты и наложил, из алебастра.

Над каждым станком вытяжка вентиляционная из жести. Осик засовывает в одну из них руку по локоть и вынимает целлофановый пакет.

Осик:

– Смотри, что я нашел, мне кажется – это чья-то нычка.

Алик:

– Кидай сюда, сейчас посмотрим, что ювелиры прячут на рабочем месте.

В кульке полно полудрагоценных камней: кусочки бирюзы, кораллы, топазов пару недообработанных, фианиты и невесть что еще, малярам непонятное.

Алик:

– Сразу видно Осик, кто из нас в детстве ел говно. Мне бы даже в голову не пришло руку совать в эту трубу!

Осик:

– Проку от находки никакого. Во-первых, ничего очень ценного тут нет, а во-вторых, как вынести камни через проходную, если даже местные не решились?

Алик:

– Местных шмонают по-настоящему, а я вынесу на раз, если сам ссышь. Заверну в грязную робу и пройду через охрану. Они же уверены, что там, куда нас запустили, ничего взять нельзя. Но я падаю в долю. Заберу себе камешки, которые понравятся, для аквариума.

* * *

Алик:

– Я очень прилично зарабатываю. Грех жаловаться. И одеться нет проблем, и не голодаем с женой (она не работает – нужды в том нет). Но откладывать не получается. Куда-то все уходит. А хочется купить машину. Пусть и не новую. Самый простой способ заработать много сразу – это поехать на халтуру. Куда-нибудь в Сибирь или в Среднюю Азию, на сезон. Гарик с Мариком так и заработали, но их уже ломает ехать в далечину. Возраст. И здешних заработков им хватает. Мне одноклассник предложил поехать неподалеку, в райцентр, поработать годик в кооперативе, который плетет железные сетки-рабицы. Гарик, конечно, злится. А с другой стороны, понимает, что мне это нужно. Вопрос – когда. Не хочется бригаду подводить – просто сорваться и свалить. А если поддаваться на уговоры поработать еще чуть-чуть, – не уедешь вообще, тут работа никогда не кончается.

* * *

Двор детской микологической больницы. Полно детей. Играют веселые. Раскрашены, как персонажи у Анри Матисса: у одного половина лица цвета индиго – у другого в изумрудно-зеленых пятнах. Есть и такие, будто в чернильнице выкупались. Это лечебные мази разноцветные от кожных заболеваний.

Один корпус в ремонте. Возле деревянного сарая на улице обедают сантехники Миша и Стасик.

Стасик:

– Когда не было этих долбаных телевизоров в каждой хате, люди после работы любили посидеть во дворе на воздухе, поговорить за жизнь, в домино поиграть, в конце концов. И в картишки посидеть барбутчики собирались. А мы, пацаны, возле них крутились – интересно же. Иногда до глубокой ночи игра шла. Лампочка над столом, на кону деньги, как говорят в прокуратуре, нажитые не совсем честным трудом. Я однажды, не знаю, что мне в голову стукнуло, наверное, нечистый попутал, вынул из кармана рогатку и стрельнул по лампочке. И попал. Мгновение тишина стояла, все замерли от неожиданности, а потом ссора и жуткая драка до поножовщины. На кону деньжищи собрались огромные, момент, когда надо карты открывать, и тут такое… Два дня я по подвалам от отца прятался – боялся домой идти, думал, убьет.

Посреди двора на нескольких кирпичах стоит бочка со смолой. Под ней разведен огонь. Юра кочегарит. Алик ему жалуется:

– Я опять остался без обеда. Хоть обратно в гастроном возвращайся. На секунду всего зазевался, и Жулька выхватила из рук сверток с колбасой. Вчера я как-то мимо нее проскочил, а сегодня…

Юра:

– Я же тебя учил – просишь в магазине колбасу нарезать, а когда собака выскакивает – бросаешь подальше по кусочку. Пока она найдет, проглотит, – ты уже за дверью.

Стасик:

– Я забыл ей сегодня косточек принести, а у нее щенки, голодная очень, они ее выедают крепко.

Огонь под бочкой усилился, поднялся выше отверстия, и в одно мгновение разогретая смола внутри бочки вспыхнула. Юра

быстро накрыл отверстие куском жести. Огонь без кислорода задохнулся, но все вокруг заволокло черным дымом.

Стасик:

– Юра, кончай это черное дело, сядь, перекуси, дай хоть полчаса посидеть на воздухе с удовольствием. Обед дело святое.

Юра:

– Не могу, сейчас Марик подъедет, будем линолеум стелить. Если смола остынет, – он свой рот на меня откроет.

Стасик:

– Ты и вчера весь день варил, спалил кучу дров, а Марик так и не приехал, может, и сегодня зря доски переводишь?

Юра:

– Я человек маленький. Он мне позвонил вечером домой и велел сегодня прямо с утра варить, я и варю.

Под громкий собачий лай во двор въехали белые «Жигули». Из машины вышел Марик и высокая женщина лет сорока с застывшим на лице выражением полубрезгливости-полудосады. Марик суетится, забегает вперед, что-то доказывает. Эта женщина – прораб. Они зашли внутрь и идут по коридору. Справа и слева пустые больничные палаты. Заходят в первую. Прораб смотрит на побеленные стены, потолок. Заметила на стенах маленькие синие пятнышки.

Марик:

– Они не забеливаются, три раза белил, какая-то химия, все равно проступают.

Прораб молча выходит и продолжает обход. В половине помещений линолеум уже лежит. Она зашла в первую попавшуюся, уставилась в пол глазами. Линолеум слегка вздут. Потрогала ногой, подняла глаза на Марика. Он, избегая ее взгляда:

Марик:

– Клеили целиком, это кусок деформированный, плохо вылежался.

Женщина нагнулась, подцепила край линолеума пальцами и сильно рванула. Под оторванным листом смола только на стыках.

Прораб:

– Сволочи, обнаглели совсем, все будете переклеивать, суки ленивые! Я вам устрою черные еврейские похороны!

В коридоре свернула, зашла в бытовку. За столиком сидит Витя, разнорабочий из поденщиков, спокойно пьет вино. Витя не успел с ней даже поздороваться, женщина схватила бутылку и вылила вино в раковину, не обратив внимания, что та еще не подсоединена к сливному колену – вино течет на пол.

Витя опешил и шевелит губами:

– Не имеете права, такого права, чтобы выливать, не имеете…

Прораб:

– Ты, блядюга, когда закончишь? А? Я тебя, алкаша, уже месяц держу здесь! Сколько ты с этой стеной ебаться будешь?

Все затихло так же внезапно, как и началось. Хлопнула дверца машины, пыль улеглась, и стало тихо. Собаки попрятались, не вышли провожать.

Миша:

– Как говорил один актер Русского театра, наблюдая ссору двух баб: «Фи, какие женщины грубые!».

Стасик:

– Так он же голубой, этот артист, конечно, ему неприятно, а как ты думаешь, почему Веру прорабшу все боятся? А я тебе отвечу – потому, что она со своими подчиненными не ебется, не дает им, не допускает интима. Есть всего две женщины прораба, так вот ту, другую, все работяги имеют, как хотят, и соответственно, они на ней верхом сидят. Она и тявкает на них, а повиновения нету.

Вышел во двор Витя. Лицо почти черное от горя. Витя:

– Я этот корпус сам строил. Привезли бутобетон. Я залил фундамент. Если бы я тогда мог знать, что мне придется через десять лет в нем пробивать сквозную дыру, чтобы трубу снаружи завести, я бы черта с два сюда бутобетон заливал!

Стасик:

– Не расстраивайся, тут все через одно место сделано. Без проекта. Электрик уже три раза проводку укладывал, и все поразному, – творческий процесс. Юра позавчера спросил его: «Можно штробы замазывать?». Тот говорит: «Валяй». Приходит утром – опять вся проводка вырвана с мясом. Оказывается, маэстро забыл одну линию завести. А начальство имеет гнусную привычку приезжать всегда в обед. Не успеешь кусок проглотить, они уже тут как тут. Вера однажды вот так же прилетела

на объект, за столом сидят ветераны: Фима и Славик стекольщики, Гриша облицовщик, плотники, всего человек шесть играют в домино. А под столом девочка без ничего ублажает их по очереди. Вера схватила ее за волосы и голую потащила на улицу. Вернулась – и мужиков по морде бить. Ругалась очень.

Алик и Юра сидят со всеми вместе. Приезд шефини расстроил все планы, чем заняться, сразу не сообразишь. Костер погас. Смола остыла. Дети вокруг резвятся. Бегают между деревьями, прячутся в кустах, роются в куче строительного мусора возле туалета-скворечника. Хотят что-нибудь интересное добыть из свалки, но она очень скудная в смысле отходов. Туалет покосился и вот-вот обрушится, но детей это не пугает – они им почти не пользуются. Большинство писают на его стенки снаружи, выводя сложные узоры мокрым по сухому. Иногда дети подходят к рабочим и рассматривают их в упор, не стесняясь своего любопытства. Тогда Стасик или Миша беззлобно их шугают. За забором трамвайная линия, а дальше – поле. Маленький трактор почти не виден в столбах пыли.

Алик:

– Гарик вчера письмо получил от брата из Калифорнии, тот пишет, что посылку ему послал два месяца назад.

Юра:

– Опять какую-нибудь ерунду пришлет. Они там быстро забывают, в чем здесь нужда есть. И пошлина большая, никакой пользы – одни убытки от посылки.

Стасик:

– Я бы этих, которые родину не любят, к стенке ставил. Учили гадов бесплатно, столько сил государство на них тратит, а они, сволочи, к врагам переметнулись.

Алик:

– Сашке тут ничего не светило. В институт его не приняли из-за пятой графы, а голова у него варила будь здоров! Он за всех своих товарищей сдал вступительные экзамены: брал чужую зачетку и шел к экзаменатору. А под своей еврейской фамилией больше трояка он не получал…

Миша:

– Я тоже один раз в загранке побывал, в сорок пятом.

Стасик:

– Миша как истинно русский человек за границу только на танке.

Миша:

– Нет, я в пехоте служил. Война к концу шла, все как пьяные ходили. Зашли в один дом. Молодуха сидит, и родители ее, видно. Затащили ее в другую комнату, втроем пропустили по кругу. Приходим в себя – что с ней делать? Если она пожалуется, нам всем расстрел на месте по законам военного времени. Завели в погреб, пришлось и стариков прихватить, а там очередью из автомата…

Стасик:

– Миша настоящий военный преступник.

Миша:

– Другой раз, ближе к вечеру, мне и сержанту одному приказали пленных отконвоировать. Человек пятнадцать. До города далековато было, да на ночь глядя идти через лес. Отвели их подальше в поле и из двух стволов по обойме в них выпустили. Я в первом эшелоне был, насмотрелся всякого и сам почудил.

Стасик:

– Миша сейчас притих, а когда в милиции служил, любил бабок на базаре пистолетом попугать. На старости лет из милиции и поперли. Каким человеком надо быть, чтобы даже из ментовки прогнали! Сейчас новую специальность осваивает – учится гайки завинчивать. У нас с ним полная гармония: и я, и он уже лет двадцать без четвертушки водки обедать не садимся. И я эту привычку менять не собираюсь. Конечно, наглеть, как Витька, не надо. Вы молодые, учитесь у нас, берите пример. Умрем – учиться не у кого будет. Выпил стопарик, закусил – и тихонько иди работай.

Все расползлись. Витя подкопался под фундамент и пытается пробить отверстие снаружи здания. Рядом, в пяти шагах, куча извести, побелочная бочка. Юра разводит известь для фасада. Погружает лопату на дно и резко, с разворотом, как веслом, тянет на себя. Известь грязная (песок с камнями), мешать трудно, после каждого рывка образуется воронка и глубокий утробный чавкающий звук. По дну перекатываются булыжники.

Узкий спуск в подвал, ступенек десять. Из двери торчат две ноги. Когда глаза привыкают к темноте, – виден Стасик. Он лежит на земляном полу крохотного сарайчика. Это котельная. Труба, которую он варит, проходит на уровне пола. В черных очках, прижавшись щекой к земле, Стасик пытается подлезть горелкой снизу и никак не может изловчиться: то мешают собственные руки (их негде выпрямить), то затекают ноги, высунутые на ступеньки. Он лежит на ватнике, но ватник уже, как губка, пропитался влагой.

Во дворе суматоха: крики, беготня. Пронеслась машина странной конфигурации. За кабиной водителя, снаружи, сидят два человека с сачками на длинных палках. Машина делает круг по аллеям двора. Перед ней мчится большая дворняга. Стасик, Миша, Витя – все бросили работу и бегут наперерез машине. Собака скалит зубы, вся дрожит, но будучи в шоке, не соображает свернуть в кусты. Алик пугает ее свистом, машет руками. Собака дергается в сторону и выходит из заколдованного круга, скрывается в зарослях. Машина остановилась, собралась толпа. Орут на гицелей, ругают матом. Прижав к груди какой-то сверток, подошла сестра-хозяйка, быстро сунула его в руки собачника, и они тут же сорвались с места – в пыль за ворота. Они уехали, и до всех дошло, что сестра-хозяйка отдала им щенков. Она будку и вызывала.

* * *

Юра:

– Я учился в ПТУ на закройщика. Туда заманивают обещанием широких перспектив. Профессия, конечно, отличная, но найти работу после окончания практически невозможно. Сколько их надо, тех закройщиков? Обычное трудоустройство – конвейер на швейной фабрике. Зарплата мизерная, и с утра до ночи посадят пришивать рукава. Или пуговицы. Для этого и учиться нет необходимости. Можно пойти ишачить на частника, цеховика – на брата Гарика, например. Работа такая же, но платить будет побольше. Но тут есть проблема – я не инвалид. Кто мне даст лицензию? А сидеть ночами после основной работы – сил нету.

* * *

Осик:

– Когда я женился, состояние такое победное было. Наконец доказал им (отцу и матери), что сам могу жить, устраивать судьбу по собственному усмотрению, как сам считаю нужным. Послал им телеграмму, приглашение на свадьбу. Ждал, волновался, как они среагируют. Думал, обрадуются, приедут, и мы помиримся. Все-таки событие в жизни их сына… Даже не поздравили, как будто меня на свете нет. Ну, не выродки они после этого? Я таких, как мои родители, людей в жизни не встречал. А больше всего меня пришибло, что брат мой с ними заодно. Родители жены удивились, конечно. Прошел год – у меня родилась дочь. Я опять телеграмму, думаю, ну, свадьба – ерунда, поженились – разбежались через год, но это же их внучка родилась, неужели этот факт их не проймет? Черта с два – хоть бы звук, хоть бы полслова. Про таких, как я, очень точно говорят: жертва неудавшегося аборта. Я всю жизнь, всякую минуту это чувствую. Я всегда хотел, чтобы мать меня полюбила, у меня к ней смешанное чувство, очевидно, несмотря ни на что, я ее люблю. Иначе как объяснить, что, зная, что они с отцом из себя представляют, вместо того чтобы плюнуть на них и забыть, я все, что ни делаю, хочу видеть их свидетелями. Мне их доброжелательность уже не нужна, просто внимания хочу – даже отрицательного, хочу назло им все делать. Хочу процветания – чтобы от зависти подохли.

* * *

Кран-вышка рывками с разворотом поднимает маляра, он стоит в люльке, крепко сжав ногами ведро с краской, чтобы не расплескать. Кран поднимается выше, выше, описывает полукруг и останавливается возле верхушки флагштока. Последняя поправка, дрыжок кузнечиковой ноги. Маляр макает кисть в ведро, двумя мазками окрашивает звезду на мачте, и вышка опускает мастера вниз.

* * *

Побелка и покраска туалетов. Новички обижаются, когда их заставляют красить полы вокруг унитазов. Приходится лечь

на пол, скрючившись, просунуть руку за и вслепую закрашивать. Иногда по мокрому, – если трубы подтекают. Красить мокрый кафель совсем не трудно. Нужно терпеливо, долго-нудно втирать краску в мокрое место, и в конце концов, она прилипает, выдавливает воду поверх себя.

Несколько лет ученик качает ручку пульмана, дает давление на удочку с распылителем. Как автомат, часами не разгибая спины. Собственно белит всегда старший по разряду, и со стороны это кажется легкой забавой: води удочкой туда-сюда, следи, чтобы шланг не запутался, и брызгай известью или мелом. Изредка покрикивай – требуй давления. Первый раз доверяют белить в казенном туалете: квадратный метр площади и высота метра два-три – такой колодец. Отойти некуда, известь заливает глаза, рот. Растерялся, передержал на одном месте на секунду, – и лишняя побелка потекла по стенам вниз. Бригадир ругает безруким. При этом никто ничему не учит. Смотри и сам все примечай. Пока приноровишься, какой длины должна быть палка-«щитник», к которой привязана удочка, чтобы не белить над самой головой, а держать в стороне, подальше, извести и наглотаешься, и умоешься ею многократно. Боль в глазах ужасная не на один день. Даже кран подачи побелки перекрывать мгновенно научаешься не сразу.

* * *

Юра толкает тачку. На ней бочонок с известью и пульман. Гарик идет рядом, припудренный побелкой с головы до ног. Аллея между пятиэтажками-хрущевками. Через каждые сто метров люки теплоцентрали. Ломиком открывают крышку, Гарик спускается, как в танк. Внутри негде повернуться: сплошные трубы, обмотанные стекловатой. Вылезает опять наружу. Запускает удочку внутрь. Юра качает. Гарик делает круговые движения. Так, не глядя, вслепую, забеливают люк за люком. Мимо идут люди. Идет офицер с мальчиком лет четырех. Мальчик показывает на Гарика:

– Папа, посмотри, какой некрасивый дядя!

Гарик и Юра остановились возле лоточницы, торгующей соками. Она наливает сок малярам, долго внимательно осматривает стаканы.

Продавщица:

– Сволочь приезжая, накрасют губы – идут сок пить. Наоставляют следов на стаканах, а как их мыть?! Горячей воды у меня нет. Я ж не имею права мыть руками, я ж за деньги держуся! Мне же до стакана доторкнуться нельзя! Шо потом людям говорить?!

Рядом ореховое дерево, на нем, как обезьяны, висят дети.

– Предъявите документы! – два мальчика с автоматами окружили третьего, щуплого и робкого. Он молча предъявляет сорванный с дерева листок.

– Кричи: я протестую, устраивай демонстрацию, сопротивляйся. Кричи: вива Куба!!!

Дальше между домами возле офицерского общежития в кучу свалили списанное обмундирование: добротные еще шинели с генеральскими погонами, бушлаты, кителя. Гарик примеривает шинель полковника, потом фуражку. Завхоз прекращает этот маскарад:

– Не положено, снимайте.

Солдаты поливают вещи бензином и поджигают.

Гарик:

– Жалко шинель, зимой белить парадные тепло и удобно.

* * *

Легенды. Всякой передышке, перерыву в работе они сопутствуют, как сигарета во рту. На любой случай жизни, по самому ничтожному поводу можно услышать «аналогичный случай». Не обросший подробностями, а наоборот, очищенный от лишнего, рафинированный и законченный, как сказка.

Это рассказы о недюжинной силе и выносливости, о невиданно больших заработках в прежние времена, о сексуальных подвигах, о мастерах редкостной умелости, о хороших начальниках и негодяях, которые не любят платить за работу. Это о стекольщиках, которые на глазок, без шаблона вырезают идеальную окружность стеклорезом. О малярах-алфрейщиках, ремесло которых вырождается, потому что мода на росписи стен под трафарет уже прошла и, видимо, не возвратится. О приключениях на «шабашке». О спившихся героях, которые на спор поднимали

на третий этаж полную бухту линолеума весом в двести килограмм. Иногда история, случившаяся вчера, сегодня пересказывается как сложившаяся за десятилетия – настолько тщательно рассказчик обработал ее, убрав все случайное и лишнее. И даже свидетели происшествия охотно опускают ненужные подробности, потворствуют рождению байки. Бывает, и сам герой истории участвует в творческом процессе, скромно умалчивая о противоречивых обстоятельствах. Но это в том случае, если ничего унизительного и позорного для персонажа не произошло. Если человек опростоволосился и стал посмешищем – он пытается изменить прошлое, возражая болтунам, но успеха это, как правило, не имеет.

* * *

По двору пионерского лагеря зигзагами бегает Осик. За ним на белых «Жигулях» носится Марик. Сначала похоже на игру. Марик смеется, а Осик, уворачиваясь от машины, натужно притворно улыбается. Потом Осик устал и хочет прекратить дурацкую игру. Марик, наоборот, раззадорился, закусил губу, и на лице появилась азартная безуминка. Алик стал между ними и остановил «игру». Он давно знает Марика и понимает, что тот может войти в неконтролируемый раж.

* * *

Троллейбус, час пик. Юра, стиснутый со всех сторон, ничем не отличается от остальных пассажиров. Люди принюхиваются. Толстая женщина с чуткими ноздрями:

– Откуда это краской так несет, не пойму? Задохнуться можно!

Юра стоит с абсолютно невозмутимым лицом, делает вид, что эта реплика его никак не касается.

* * *

Горят ведра, штук десять. Огонь веселый, разноцветный, вырывается изнутри ведра, как из сопла. Близко не подойдешь. Го-

рит краска. Вернее, ее остатки на дне ведра. И на стенках она нарастает постепенно, изо дня в день. Ведра тяжелеют, становятся неудобными…

Горят ведра – значит, на объекте работы закончены. Из разноцветных они становятся серебристо-черными, седыми. Некоторые погасли, а в других, если пошевелить внутри палкой, огонь опять просыпается. Осталось их только почистить от сажи и пепла. Это последняя точка. Без нее нет ощущения вполне законченного дела.

Одесса, 1987

Владимир Наумец

Сколько цветов у боли

Дина Михайловна Фрумина

…пятьдесят девятый год… я на первом курсе… мне четырнадцать… и уже тогда… я знал… что мне повезло… я у Дины Михайловны Фруминой… она была особенная… среди всех… иной… атмосфера… которая окружала ее… вибрации… всё притягивало… элегантный вид… спокойствие… она жила искусством… училищем… учила нас вѝдению мира… его нюансов… оттенков…

– …посмотрите… вот лимон у Веронезе… желтого почти нет… а он желтый и кислый… до ощущения во рту… а вы дàвите на палитру весь стронций и кадмий… а лимона нет… все зависит от окружения… а не толщины красочного слоя… все взаимосвязано… как в жизни…

…тончайший колорит… она лепила свою живопись мазками… мелкими, но точными нюансами… как и свою жизнь…

…всегда безупречно одета (классика – юбка – блузка – брошка)… всегда тщательно причесана… чистое лицо… ни пятнышка родинки… ни морщинки… точеный носик… мраморный лоб… никакой подкраски… губы – глаза – маникюр – это исключено… небольшая… точеная из мрамора фигурка… с легкими… точеными движениями… никаких резких движений… повышенного голоса… но глаза… они жили другой жизнью… более глубокой… в них было страдание… скорбь… личная драма… или трагедия народа… сталинский режим… война… пафос соцреализма… как выжить?.. и кому нужны колористические нюансы?..

– если взять капут-мортуум… смешать с кобальтом зеленым светлым… и с белилами цинковыми… получаются перламутровые оттенки серого… тут все зависит от пропорций…

…запомнил я… одну из ее формул… и только теперь понимаю… что жизнь тогда была – капут-мортуум… и прорываться сквозь нее… через светлый зеленый кобальт… к белому…

…сильный волевой стержень… в хрупкой миниатюрной женщине… как крепкая продуманная композиция каждого ее холста… конструкция, на которой… дышит… вибрирует… переливается воздух… во всех своих оттенках…

…из этого состоялся ее ученик Лев Межберг… тонкий колорист… весь из вибраций серого… и ранний Сычев… его «натюрморт с грибами»… когда грибы пахнут… смотришь на короткие серые мазки… а слышишь запах грибов…

…вся Дина Михайловна – изысканный оттенок цвета… нежный его тон… вибрация сгущенного воздуха… на четкой внутренней конструкции… на ясном понимании своей задачи… судьбы… миссии…

…вероятно, вся внутренняя конструкция ее была… по всем правилам золотого сечения… и эту гармоничность ее… интуитивно… чувствовали все…

…она учила не живописи – композиции – рисунку… а гармонии мира… настраивала глаз наш… на правильное вѝдение его…

…яркий одесский солнечный день… лето… я в темных очках… иду по Пушкинской… навстречу Дина Михайловна:

– как?.. вы в очках?.. снимите сейчас же… художник не должен носить темные очки… они искажают мир…

…вскоре на нашем курсе… появился худой парень… умные глаза сквозь стекла очков… Саша Шевченко – сын Дины Михайловны… весь в своем мире… в книгах… страшно начитан… и неуклюж в этом мире… никаким обучениям не поддавался…

…урок военного дела… все маршируют в ногу – «раз-два, раз-два»… а Саша… идет себе… своей неспешной походкой… немного сутулясь… думает о своем… и ничего с ним не сделаешь… не для войны он… не для военного дела…

…ночами Саша гулял… по пустому городу… по своим маршрутам: «иду по Сабанееву мосту, а внизу… река течет… как Сена… как в Париже…»

…чтобы вытащить его… в филармонию… на Гайдна… или Шуберта… Дина Михайловна покупала билеты… отдавала их мне… чтоб я пригласил… тогда Саша пойдет…

…я уехал в Москву… учиться дальше… как-то написал Саше… эксперимент… сюрреалистический текст… ни о чем… и обо всем… Саша ответил… потом еще… и еще… исписывал листки крошечным почерком… с рисуночками идей… письма-отчеты… письма-состояния…

«…зима в Одессе красива – как почти всегда… (хотя и по-одесскому красива) и весьма акварельна. Дина Михайловна даже очень страдает, что не может как-то полно выразить это в своем даре. Написала небольшой натюрморт: вареный рак и керамическая узорная кружка – цвета рыбьей чешуи – на очень простой деревянной поверхности – такой серо-желто-розовато-жемчужной доске – скамеечке для ног. Очень интересно. Вообще – все получилось в гамме жемчужного сияния. Благодаря свету из окна. Хотя я себе представлял такую натурную тематику – в более классически-рембрандтовских тонах – однако это достаточно хорошо и (очень) красиво по-своему – в духе, может быть, близком Сезанну – несколько, – но хорошо…»

…потом Саша стал приезжать в Москву… останавливался у меня… спал на раскладушке… не раздеваясь… обмотав воротник рубашки носовым платком… на пальцы… на длинные холеные ногти… натягивал черную кожаную перчатку… и говорил, что он Воланд…

…как-то я был в Одессе… зашел к Дине Михайловне… Саша радостно приветствовал меня… убежал в ванную… долго мылся… часа через два он вышел… розовый, чистый… я уже уходил… стоял на пороге… прощался… Дина М. (ему): «что же ты?.. ведь Володя пришел…» Саша: «…да… знаю… поэтому хотел более тщательно вымыться к его приходу…» больше мы не виделись…

…на курсе Дины Михайловны я начал… с рисунка табуретки… и закончил… женской обнаженкой… маслом…

…постановка натюрмортов… это таинство… Д. М. им владела в совершенстве… все в коридоре… томятся… в ожидании незабы-

ваемого переживания… что сейчас будет?.. какой шедевр их ожидает?.. и что они из него сделают?..

…рождение постановки… Д. М. одна… мастерская пуста… только мольберты ждут… происходит волшебство… колдовство… как упадет складка… под каким углом должна лежать скрипка… на какой странице развернута книга… куда откатился лимон?.. его отражение должно упасть в стекло вазы…

…и вот… все входят… замирают… полная тишина… и бросаются к мольбертам… толкают… работают локтями… каждый ищет лучшую точку… с которой всё… сразу… и наилучшим образом… и – находит… каждый свою… особенную…

…так и жизнь – входим – замираем… потом работаем локтями… ищем свою точку… особенную… только постановку делаем сами… каждый свою…

…думаю… Дина Михайловна выстроила прекрасную «постановку»… своей жизни… внешне скромную… спокойную… а внутренне – чрезвычайно насыщенную… принцип жемчужины… в скромных створках раковины… вот только… кто это увидит?.. кому дано… кому раковина раскроется…

Сычик

– Сейчас произойдет нечто ужасающее. Ка-та-стро-фи-ческое! – с такой «приправой» Сычик протягивает мне стопку чего-то крепкого в подвале «У Зоси». – За мой счет.

Выпив, он прочно устанавливал локти на стойку бара, напрягал тело и останавливал взгляд. Начинал ждать. Нечто ужасающего. После ряда стопок напряжение спадало, волосы метались по плечам, и он смотрел уже в разные точки.

– Сейчас время кукол и кукловодов. Вот мы решили выпить. Договорились, кто кукла, а кто кукловод. Кукла имеет право пить безгранично. Кукловод – нет. Он обязан доставить куклу домой.

Нечто от скифской каменной бабы было в обличье Сыча. Такие стояли у стен археологического музея. Каменные бабы с каменными усами.

В пятидесятые годы (и шестидесятые) все стены художественного училища, начиная с уборной, украшались изображением Сыча. Он тогда ходил в гениях (как и Кока, и Мока). Тренировались все. Сначала рисуешь широкий овал, потом бровки домиком, усы домиком. Всё. Если нашел соотношение скупых линий, – попал. Похоже.

Героем знаменитых световых газет училища всегда был Сыч. Еще Помелов («двухступенчатый нос») под хриплые звуки магнитофонной ленты проектировал рисунки на большой экран. Весь актовый зал узнавал и смеялся.

Дина Михайловна Фрумина показала мне как-то «натюрморт с грибами» Сычика. Мерцающий, писанный мелким мазком неуловимых оттенков, окутанный перламутровым воздухом, он издавал явный грибной дух. Я чувствовал ноздрями запах прелых листьев и влажных грибов. И все это богатство оттенков он вытаскивал из примитивных цветов масляных красок. Я видел пример маленького чуда.

Поздний переход Сычика на оранжево-красные тона для меня остался тайной. Это уже был перелом внутри его сознания. В какой-то момент что-то сорвалось, надломилось и увело в сторону.

Увидев на квартире у Асриева (в конце 70-х) холст Сыча с собакой, погруженной в темноту, я воспринял его автопортретом того времени, когда произойдет «нечто ужасающее». Драма-трагедия. Это была не просто собака.

Как в работе Брейгеля «Обезьяны сидят». Там жизнь, там философия. И тогда вся асриевская коллекция показалась мне картинками «Раскрась сам».

Только эта собака была что-то настоящее, крик, комок боли, вся судьба художника. Чувствовалась музыка, а не запах. Что-то тяжелое ворочалось в крупном теле Сычика, переворачивалось, ломалось. Нескончаемые потоки слов обрывались глубоким молчанием.

Художник Валентин Ушачёв вспоминает:

«Был мой день рождения. Пришли человек двадцать. Маринюк, Эдик Павлов, Гаусбранд, Слава Божий, Ануфриев, Стрельников, Асриев с двумя американками. Дом большой, с садом. В подвале бочки с вином.

Все стали уезжать. Последним Сычик. В кондиции.

Мать говорит: «Славик, оставайся здесь, переночуй».

Славик ей: «Мамаша, ежели вы желаете знать, то все, кто здесь был, – ужасающее барахло, а сын ваш – первейшее барахло!».

И ушел. Ночь. Февраль.

Часов в шесть утра приходит.

Волосы смерзлись, стучит зубами: «Миленький, роненький, – полстакана водки».

И спать. Как раз тогда шел фильм «Белое солнце пустыни».

«Ну что, пойдем?» Пошли. Всё.

Самая ходовая фраза того Сычика – «Удивительно-непонятно-ужасающее явление»…».

Гаусбранд оформлял библиотеку, рисовал сказки. Много было героев, но Сычик настаивал: «Ну нарисуй горемыку туда, прошу, нарисуй горемыку», – пока Гаус не психанул и не нарисовал…

«Ну что, ребятишки, по рюмашечке? Шуня, ну не может быть такого, чтобы у тебя в загашнике не было бутылки вина». И действительно, Шуревич тут же ее находил.

Ушачев вспоминал:

«Захожу в бар «Красный». Все красавцы стоят, Сычика выталкивают из бара, он готов.

Бармен Юра (кореец Ли):

– Славик, пора домой!

Все ко мне – доведи домой. Довести нельзя, нужна машина.

– Ах, вы пили-пили, а я должен везти.

Достали бутылку. Выпили по чарке. Такси. Сычик сел спереди. Лохмы опустил на колени. Поехали. Около моста сели две женщины. Продолжают разговор. Судя по всему, преподаватели истории. Одна из них была во Франции, поделилась со студентами. Удивило их полное равнодушие.

Кому это надо – Кай Юлий Цезарь, Верцингеторикс? Ну кому они сейчас нужны?

Вдруг Славик отрывает голову с колен:

– А чего вы думаете, ежели желаете знать, то Верцингеторикс под галльскими знаменами объединил племена, пленил и казнил… и благодарнейшие потомки воздвигли ему монумент, который с такого-то года стоит в таком-то месте.

Женщины обалдели:

– А вы кто, историк?

– Никак нет, но историю должны знать.

И отрубился».

В 80-х годах в Союзе художников состоялась выставка – Сычев, Шопин, Дульфан и другие.

На урок к Оресту Слешинскому пришли студенты:

– Были на выставке, вот видите, как они себе позволяют, Сычев, например…

Орест промолчал. Пошел в музей училища, взял несколько работ Сычика и показал.

– Если вы так сможете сделать, на таком уровне, – тогда делайте что хотите…

Ваган

– Слушай, брат, – я ел краски… Хотели взять в армию… Говорят – не надо есть краски. Стал есть кисти.

– Перестань, здесь все свои.

И повезли в дурдом на трех машинах. Краски, холсты, рулоны. Там свобода. Писал днем и ночью. Потом выгоняли в дверь. Я в окно. И за краски.

– Это первый, кого не выгонишь из дурдома, – явно сумасшедший, – говорили врачи.

Так мне рассказывал «председатель союза художников Городского сада» Ваган…

Напряжение его холстов в гармонии восторга жизнью и ужасом перед ней. Боль. Но не отчаяние.

А боль счастья. Каждый мазок, каждый цвет – это оттенок боли! Крик глубинный. Вековой.

Каждая работа с глубокими корнями. Драгоценная виноградная лоза. На каменистой почве. На горе. Холст-крик. Внутренний. Без звука. Глубокая религиозная живопись художника-бродяги. Знающего и изучившего сверхвзлеты в падениях.

Искусствовед (перед «Распятием» Вагана):

– Как реализовалась работа, что вы думали при этом?

Ваган:

– Забил два косяка, имел восемь женщин и думаю – Господи, прости…

Что-то наивно-детское сквозило в его глазах, темных с матовым блеском тайных глубин. Сквозь них шла нить многих и многих жизней, таких же ярких и насыщенных.

В начале 80-х в Пале-Рояле жужжал рой художников, и все они жалили своей индивидуальностью и самобытностью.

Но центром улья был Ваган – весь в цветных тряпках, бусы на шее и полная свобода в словах и действиях.

Он возлежал на траве в окружении банок с красками, цветных бумаг.

Мы с Ириш приблизились, и он взметнулся: «Привет, брат… Я сделаю ее портрет».

В три минуты было изображено лицо в цветах и лентах… «Что за чушь?» – подумал я.

Потом были наезды на Москву с яркой толпой учеников в поисках свободы. Гуру вывозил своих птенцов в столицу.

Пахло травой. Вихрем появлялся у меня на Солянке, звал куда-то.

Но все это было похоже на попытку самоубийства отверженного. Он шел всегда по краю.

Миллиметр – и конец. Пропасть.

Он смотрел прямо в глаза и задавал прямые вопросы. Так же и отвечал. Все это перешло в холсты. В цвет боли.

Я пришел в шок от увиденного в его эркере-мастерской через двадцать четыре года. Пласты жизни висели на стенах, лежали на полу.

Как, каким образом он сумел пропустить все через себя и выдать с таким зарядом, такой энергетикой, какая и не снилась ни армянским художникам последнего поколения, ни одесским с их «курортным андеграундом»?

Сколько же надо пережить, перечувствовать, быть на краю, чтобы так это написать…

Со временем от болезни глаза его, гипнотически притягивающие – один сплошной зрачок, – затягивало туманом, как черный виноград затягивается пыльцой, и он обесцвечивается, и взгляд уходит внутрь.

Я почувствовал укол, импульс – надо писать его портрет. За две-три недели до смерти. Пусть он будет ужасающим, уродливым криком боли, но за ней стоит чувство исполненного долга.

Поэтому Ваган уходил спокойно, мужественно. С юмором.

Просил, и я привозил шведский табак, пропущенный сквозь виски. И мы набивали трубки…

– Бери, брат, любой чистый холст, любую краску. Бери всё.

И я писал у него, стоя на одной ноге, портрет богатого заказчика.

Ваган немогающими глазами посмотрел на меня, потом на портрет:

– Каждое говно хочет, чтоб из него сделали конфетку. Такой крыса…

Стоя на одной ноге среди всякого навала перед лежащим Ваганом, я пытался сделать его портрет… Последняя возможность… Смерть уже вселилась в его глаза. Тоска, боль, и… спокойствие в них. Ни одного резкого движения.

– Брат, сейчас матушка кофе сделает. Бери холст, вон кисти.

Входит матушка – юная женщина кареглазая, каштановолосая, и с милой улыбкой ставит кофе, и Ваган с нежностью смотрит на нее.

Очень редко это можно было увидеть в Вагане. Его жизнь была крутой, и он был ей под стать.

Я стоял не один
Я обнял свою боль
с улыбкой друга
встретившего
выстрел…

На портрете глаза – пуля в упор, вечный неслышный крик, боль за все поколение.

Я попросил – и Ваган написал свое имя, вернее, процарапал в грунте. Какие-то кружева. Я мазнул по нему густой краской, и капля потекла по лбу.

Но под нужным углом света его имя можно прочесть… По-армянски…

Кельн

Валентина Силантьева

Коррекция любви

На Поварской

Поварская, от Кудринки к Новому Арбату, ложилась под ноги. Сочетание сегодняшнего дня и «скромного аристократизма» усадебной застройки XIX века чуть кружило голову. Представители славных фамилий, способных украсить историю любой страны, проносились в голове. Когда-то они жили здесь и оставили по себе красивую память.

Майе было «после двадцати», она только что закончила московский пединститут. Тонка, хороша собой. В непедалируемой изысканности сквозило нечто от тех, давно ушедших юных барышень. В общем, в раздрае 90-х и неухоженности Поварской она несла в себе легкий шарм благородных дев, закончивших престижные учебные заведения веком ранее. Отсутствие манерности, умение носить все еще советский ширпотреб как наряд – в глазах Вари это делало ее очаровательной.

Конечно, разговаривали о литературе. Вспомнили родных сердцу Пушкина-Лермонтова-Грибоедова, упомянули о Чехове (шли от дома, крещенного им «веселым комодом»), не забыли отметить ампирную простоту одноэтажного особняка Волконской. И вдруг где-то на повороте в один из ассоциативно прекрасных переулков (Скарятинский? Скатерный?), чуть ли не в ожидании зеленого светофорного глаза Варя услышала:

– В этом районе и на этой улице никто не возьмет меня замуж.

Интонация была похожа на левитановскую боль, разлитую в его пейзажах.

– Стоп, Майя, откуда элегия в нашем тандеме?

Майя взглянула грустно, а Варя была ошарашена.

Конечно, она старше на целое поколение. Конечно, пришли иные времена и взошли на царство иные лица. Но ей все равно казалось, что слово «любовь», навсегда прикнопленное к душам изящных дев, живет там постоянно и безотносительно ко времени и месту действия. Оказывается…

– Майя, – растерянно спросила она, – а при чем тут Поварская?

– Эх, Варвара Ивановна, вы с мамой задержались в Советском Союзе…

– От родины не открещиваются, – запальчиво парировала Варька.

– Конечно, только времена меняются, а традиции корректируются.

– Позвольте, это как же?

Иронию она уловила, но ответила собранно:

– В нашем переделе благородству помыслов предпочитают приданое. Ни у вас, ни у нас Поросенок не увяз.

– Хорошо перефразируешь, – все пыталась язвить Варя.

– В духе времени.

Варя прислонилась к стене. Ошарпанной, но с красивым прошлым. Было – как на сквозном ветру. Не к месту, но под стать ситуации в голове запрыгали строчки:

С мужчиной! С молодым! –
Занятье для девицы!
Всю ночь читает небылицы,
И вот плоды от этих книг!

Ну да, Грибоедов живал на Поварской.

* * *

Майя была девушкой из «хорошей семьи»: мама, прошедшая путь от заводской проходной до научного сотрудника Института литературы; папа – достойный ученый из НИИ физики каких-то неведомых сплавов. Семья с трудом и с помощью дедушек-бабушек выменяла комнату в послевоенной коммуналке на неболь-

шую жилплощадь в доме под «банной» плиткой на шоссе Энтузиастов. Бывая у них, Варвара посмеивалась: от этого «скорбного тракта» (Владимирки) советской интеллигенции никуда не уйти. Но в этом доме было тепло и уютно. Чаевничали. Разговаривали. Вспоминали, как любили бывать в чеховском Мелихове. С мягким смешком перебрасывались репликами Павла Егорыча, отца Чехова. Несказанное число лет он был на иждивении сына, но, желая чувствовать себя хозяином дома, занимался его летописанием. Филологическое ухо ловило стилистическое несоответствие рядом поставленных слов, речевых оборотов и фамилий тех, кто бывал в Мелихове. Поэтому, отнюдь не теряя уважения к особе давно ушедшей, они, чуть ерничая, цитировали памятные заметы «дедушки Павла»:

«Лед растаял в пруде».

«Суворин А.С. приехал. Коновицер уехала».

«Деревья распустились. Овес получили от Смагина».

«Сегодня 16 лет как я приехал в Москву жить».

«Привезли молотилку от князя Шаховского».

«Собака Шарик издох. Добрый был и верный сторож».

Наверное, больше всего радовались лексико-стилевым пародиям самого Антона Павловича. В одном из писем он совершенно в духе отца отметил: «Родился баранчик. В пруд текут ручьи. Куры собираются нестись». Ах, эти куры… Давно отошедшие в миры иные, они одарили Варьку поистине золотым яйцом.

Так вот, в этой квартире на улице с очень советским названием «шоссе Энтузиастов» жили нормальные советские интеллигенты и воспитывали двух очень не похожих друг на дружку очаровательных девчонок – мечтательно-нежную Майю и взрывоопасную Галю. Любили хорошие книги, привечали знакомых, переживали беды, служили делу и, сталкиваясь с фактами омерзительной чиновной спеси, умели сохранить достоинство.

Однажды Варя привезла в Москву семнадцатилетнего сына-студента – встал вопрос о возможном его «перемещении» в Ломоносовский университет. В гостиницу было не попасть, осели у родителей Майи. Делились новостями, готовились к гостевому походу в Большой. Вдруг запротестовал Глеб: «Ма, я ж без галсту-

ка-манишки-смокинга, а ты – в Большой, в Большой». Варвара, ответив «Американки в нашем Большом являют себя в белых лосинах», отметала все его «не пойду». Глебке протянули галстук хозяина, и он, в рубашке, привезенной из заморских краев, казался импозантным. Им с юной Галей отдали первые места в ложе бенуара, а Майя с Варей разместились на стульях амфитеатра. Разглядывали зал и потолок, пеняли на «купеческий изыск» излишне алых кресел. Майя, где-то в архивах разыскав интересный материал, взахлеб комментировала его. Хотелось культурного чуда.

Оно случилось. В давно знакомой и вроде бы непритязательной «Сильфиде» танцевал худенький длинноногий и большестопный Николай Цискаридзе. Ох, это потом, говоря о великом даровании и мастерстве этого танцовщика, Варвара разместит его имя в пространстве мадригальной лирики: «экстравагантная изысканность»; «поющее, как дорогая скрипка, тело»; «романтик» и прочее. А в тот их первый приход… Крестьянин Джеймс, оставив дом и невесту ради Сильфиды, сотканной из грез и воздуха, невольно погубит ее. Потому что быт и бытие не смогли разместиться в нем рядом. Потому что мечта и реальность редко подают друг другу руки. Потому что духовный взлет и земная чувственность – разные ипостаси любви. И была бестелесной, с бантиком-бабочкой на спине Сильфида. И в филигранно-изысканном танце неслось по сцене совсем мальчиково-угластое тело Цискаридзе. В восторженном увлечении девушкой-мечтой. В изломе горечи и растерянности. В осознании своей ущербной «недолугости». В красном костюме – факелом, – как будто над бездной. И ярко-клетчатая юбка-килт уже тогда не казалась неуместной и лишней на этом торсе.

После спектакля шли домой двуособными группами. Глебка с Галей ехидничали. Майя с Варей, поотстав, помалкивали. И вдруг, заглянув Варваре в лицо, Майя спросила:

– А что, это всегда так: если Аленький цветочек, то и Чудовище рядом?

– Где чудовище? – не поняла взрослая Варя.

– И в душе, и в жизни, – немного растерявшись, ответила эта девочка.

* * *

В Одессу студентка Майя приехала еще какое-то время спустя. Расплавленный июльский зной казался ей манной небесной. Она приехала с юношей-сверстником, и Варвара решила, что он «*сопровождает ЕЕ*». Разместились в Варькиной хоромине. Пусть в коммунарской, но хорошо прибранной, с высоченными окнами и расположенной «в тихом центре». Ребята носились между пляжами и городскими красотами, Варя готовила одесские изыски типа «синенькие» и, перебравшись на большой эркер, старалась пореже попадаться на глаза. И все бы ничего, но Костю раздражало все: яркое-жаркое солнце, высоченные окна, широкие подоконники, комары-кровососы, отсутствие горячей воды вообще и холодной в ночное время. Он активно демонстрировал свое нетерпение, и Варя, постоянно напоминавшая себе о гостеприимстве, все-таки не удержалась:

– Костя, но в Одессе в июле жарко…

– Ой, в этой провинции…

– Костюшкин, «откуда у хлопца московская спесь?».

– Перестаньте, только вы и можете здесь жить…

– Да, Костя, и еще миллион одесситов.

– Вот я и говорю…

Он смотрел на Варю свысока, и даже полки ее книг («И что, вы все это прочли?»), кажется, вызывали у него небрежение.

Он помыкал Майечкой, и Варя видела это. Он подчеркивал свою мужскую избранность, а Майя смотрела на него влюбленными глазами. Он не хотел ездить «неумытым троллейбусом» к морю, и Варя, успокаивая девчонку, совала ей в руки втихую одолженные рубли.

Потом взыграла и ее гордыня. В какой-то момент и в стороне от «возлежащего Кости» Варька произнесла: «Не смей потакать и унижаться». Майя всхлипнула: «Я не знаю, почему он так себя ведет». С высоты двойного Майкиного возраста, считала тогда Варя, она видит ситуацию лучше и может ее прокомментировать.

– Майя, из какой он семьи?

– Из офицерской.

– А где учится?

– В престижном военном училище.

– Майя, «Служу Советскому Союзу» сейчас часто оборачивается потребительством: многим кажется, что за это «служу» им все обязаны.

– А что, совсем не обязаны?

– А что, они воевали, жизнями рисковали, в Афгане свое отстрадали? Профессия предполагает обязанности, Майя.

– Нет, ни он, ни отец там не бывали.

– Так что же?

– Наверное, время улан-гусар миновало.

– Стоп, Майя, и в рабоче-крестьянской армии бывали свои достойные люди и талантливые военачальники.

Она согласилась, а Варька все удивлялась – но почему, почему же так?

В один из дней, радуясь полосатой арбузной ягоде с херсонских раздольных полей, тихо-мирно беседуя и играя за столом глянцевыми косточками, Варя обронила кусок алой мякоти на колени гостю. Он взвился. Не сдержавшись, заорал. И вот тут, дернув его за руку, Варвара потащила мальчишку в коридор, в ванную, к крану. Там и сказала: «Костя, вы – хам». Он дернулся. Побагровел лицом. Ринулся было в комнату. Варя, успев захлопнуть перед этим носом дверь и перейдя на «ты», строго сказала: «Попробуй вот сейчас обидеть Майю». Надо сказать – он послушался. Но засобирался домой. Варвара поставила на вид: в эту пору билеты на поезд «Одесса – Москва» берут за 40 суток, и потому придется смириться и уезжать согласно давно оговоренным датам и приобретенным билетам.

В оставшийся срок он пытался что-то демонстрировать, но, ударяясь об угластую сдержанность Вари, поутих. Потом вдруг начал менять костюмы, заправлять рубашку в брюки, перетягивать талию кожаным ремнем и глядеться в высоченное трюмо, которое Варе досталось от бабушки. Курортный люд фланировал в свободно ниспадающей «хламиде», а Костя, хоть и с промокшими в жаре подмышками, был показушно подтянут. Перехватив Майю, Варя спросила, что происходит. И услышала: она, эта девочка, сказала будущему офицеру чуть ли не космических войск, что, по-видимому, они расстанутся. А он ответил, что она пожалеет. А чтоб показать, что она теряет, надевает костюмы, которые

подчеркивают его стать и красивую фигуру. Последнее сразило Варвару наповал: «Майка, – сказала она, – а ведь ни одна одесская девчонка – ни на пляже, ни в кафе с танцульками, – оглядев *сие* в костюме, не воспримет его всерьез». Майя подняла на нее глаза, а потом… кивнула – видно, это уже отметила.

В жаркучем трамвае они ехали с чемоданами-кофрами на вокзал. Предвечернее солнце полыхало оранжевым апельсином и косо освещало стоящую у окна задней площадки Майю. Большеглазая, тоненькая, с полудетскими локтями-коленками и так и не загоревшим личиком, в этих лучах-столбах и полутенях, она казалась похожей на девочку-эльфа. Уронила платок. Попыталась поднять – к ней метнулся завсегдатай одесских окраин. И старше, и статусом пониже, и, скорее всего, после длинного непраздного дня. Нагнулся, протянул мятый комочек и вдруг произнес:

– Детка, брось ты эти слюни-слякоть в белых штанах, оставайся с нами.

Варя попыталась побыстрее протиснуться между ним и Костей, а «непарадный мужик», чуть притронувшись к Майкиной руке на поручне, успел сказать ее взрослой дуэнье: «Какая девочка, слышь, не отдавай ее этому…». Он спрыгнул, Майя-Костя-Варя, ошарашенные, проехали еще три остановки. Прощались скупо, разъехались надолго.

Потом, не скоро, Майя сказала, что с Костей они разошлись-распрощались, и что была в их прощании какая-то странная подробность: он вдруг начал просить, чтоб его не бросали, и сказал, что ему хотелось бы пожить с ней, с Майей, «вместе».

– «Хотелось бы», – засмеялась Варя. – А знаешь, Майка, одессит – трамвайный критик был прав, такие мужчины не будут ни мужьями, ни отцами, ни офицерами.

– А кем же? – веселилась Майя.

– Студенистой медузой в брюках, – ответила тогда Варя.

* * *

И вот – «иные времена». О любви не заикаются, сексом развлекаются, о мужских обязанностях перед семьей уже и не заговаривают. «Конечно, – думает Варя, – традиционные браки отживают

свое. Мужчины не могут обеспечить, им подавай приданое. Время потакает ловчилам, и они, «откусив кусок», тешат самолюбие адресом на Поварской». Развивать эту мысль не хотелось, но память ее углубляла и… усугубляла.

Недуг заставил ее искать спасение «на водах». Посмеиваясь над собой, она все повторяла давно прочитанные строчки: «Перед замужеством барышень везли к источникам. Упокоив еще только возможные болезни, отдавали юных дев женихам». В постперестроечном курортном пространстве барышень и дев со скромно опущенными глазами не было. В назначенный час к бювету катилась толпа. В основном, женская. В основном, состоящая из тех, кто на узкой тропе немощного не пропустит вперед. И вдруг, передыхая чуть в стороне от идущих сплошным потоком, Варя стала отмечать молодого мужчину. Подчеркнуто хорошо одет. Припомажен. С выбрито-припудренным лицом. И в серо-белой хорошей выделки арафатке, которая, безусловно, ему очень шла. Эта арабская арафатка-куфия, ставшая модным трендом среди европейцев, на украинском курорте притягивала глаз и заставляла отметить статность и современную выправку молодого человека, так очевидно подчеркнуто дарившего себя миру. Сначала Варя решила, что нечаянно засвидетельствовала парадный, но единичный выход в свет, потом сообразила: этот молодой мужчина пребывает в состоянии охоты: в час «великого шествия к водам» он высматривает добычу. Как оказалось, она не ошиблась, – ей вскоре назвали его внутрикурортную кличку, и она звучала несколько длинно: «Я Альфонс, и не жалею об этом».

«Ахти мне, Господи, – стала думать Варвара, – а в кого же влюбляться девочкам-невестам?» Ответа, в общем-то, не было, а память опять и опять подсовывала теперешних «не пахавших – не воевавших» подкаблучников, которым было тепло и удобно под жениной пяткой, под ее одеялом и в пространстве, организованном эмансипированной женой. Конечно, им нравились и умненькие, и воспитанные девушки, но они, эти барышни, должны были обеспечить и основные деньги семьи, и ее тыл, и культуру взаимоотношений. Быстро «надломившись от перегруза», эти девушки становились «тетками» и вызывали небрежение бывшего сильного пола. Варя помнила: в 90-е трудные

годы новый тип постсоветских мужчин умел демонстрировать свою статуарную избранность по принципу «мы в дефиците», но – но с выражением играющей в скромность шлюхи. «Дефолт, – думала Варя, – не только денежный, но и нравственный. А в общем, – всеразрушающий».

* * *

Спираль времени способна растягиваться и сжиматься. Но всегда – удерживая в памяти самое важное и дорогое сердцу. Их с Майей пути-перепутья постепенно расходились, и разошлись. И связано это было отнюдь не с обидами или шероховатостями характеров. Просто они, прежние добрые знакомцы, утратили общий дом по имени «Большая родина», а теперешняя «малая» Варина обитель всячески препятствовала бывшему общению. Поезда ошарпаны, и дороги, самолеты недосягаемы, телефонные разговоры стоят столько, сколько прежде звонки в Австралию. То ли от тоски, то ли от беспросветности Варвару обсели болезни, из которых нужно было выбираться в ситуации безденежья и почти бесхлебья, и не было сил набрать номер, разжать плотно стиснутые зубы и сказать хотя бы «здравствуйте». Но однажды в Варькином почтовом ящике все же осело московское письмо. Оно было пухло-объемным, и из него выпал десяток фотографий.

Майя писала, что она вышла замуж за того самого Мишу, который когда-то показался Варе похожим на Добрыню Никитича. Высок. Широкоплеч. С хорошей мускулатурой. С нормальной речью. В кудрявом ореоле прически и молодой бородки он напоминал добра молодца из детской сказки и улыбался, как все русичи, вскормленные полбой. Еще в тот, уже далекий свой приезд в Москву Варя осмелилась спросить о постоянстве/непостоянстве его визитов. Майя, сказав «Мы встречаемся», быстро проследовала с Мишей в свою комнату, а Варя с ее мамой, так же быстро переместившись на кухню, старались погромче лязгать крышкой чайника и чашками-плошками-ложками. Происходящее как бы не замечали, вопросов не задавали. И вот…

Пусть через много лет после их последней встречи, но ребята на фотографии выглядели счастливыми. Майя писала, что они

зафиксированы в свадебном вояже по экзотической стране. Что она, кажется, отогрелась в этом богоспасаемом краю. Что море здесь бирюзовое и теплое. Что поездку прочертил-просчитал-организовал и оплатил Миша. Миша выглядел русичем в пальмовом краю: борода в завитушках, загар и рубаха-апаш с красотками по периметру. В голове пронеслось:

С друзьями, в гриднице высокой
Владимир-солнце пировал;
Меньшую дочь он выдавал
За князя храброго Руслана.

Ну что ж, хорошо. И слава богу – женщина должна строить дом, в ней не угасло чувство материнства, к тому же тонкая душа и высокий небосвод Майи, конечно, украсят мир Миши-Руслана. Но почему же, почему так скребется нечаянно оброненная Майечкой фраза: «Миша все время фотографировал меня за едой, он сказал, что я красиво ем».

Нина Данилова

Бебино наследство

Беба уже давно не дружила с датами и не вспоминала своих родных. Ее семьей был серый пуделек Пуня. Она твердо знала, что много лет назад прилетела в Израиль из Одессы. У Бебы была небольшая квартира в приморском городке, неясно кем и когда приобретенная. В молодые годы ее всегда считали славненькой, но с возрастом с ней произошли очень странные перемены – она стала потрясающе красивой. После шестидесяти лет ее облик начал постепенно облагораживаться и приобрел аристократическое изящество, черты лица притягивали взгляды и поражали какой-то нездешней гармонией. Седые волосы, уложенные в высокую замысловатую прическу, прекрасно сочетались с серо-зелеными глазами и смуглым лицом. Даже многочисленные морщины буквально подчеркивали ее непостижимую красоту.

Но характер у Бебы также менялся, и совсем не в лучшую сторону. Чувство раздражения и неприятия людей нарастали. Никаких особенных причин для этого вроде бы не было. Но все ее контакты с окружающими стали заканчиваться размолвками и разрывами. Люди воспринимались ею неискренними, неумными и нелепыми созданиями. И она не находила в себе никакого интереса и сочувствия к их неиссякающим проблемам. Постепенно вокруг нее образовалась пустота, которая ее вовсе не огорчала, а очень даже устраивала. Беба обожала читать романы и воображать себя их героинями. Она совершенно не задумывалась о своей прошлой жизни, это ее просто не интересовало. Дни проходили внешне одинаково и размеренно. Прогулки с Пуней, посещение магазинов и библиотеки, приготовление изысканных салатиков, зеленый чай, немного телевидения, классическая му-

зыка и чтение романов с перерывами на сладостную визуализацию желанных сюжетов. И так продолжалось много лет, пока однажды во время прогулки она не упала и не сломала шейку бедра.

Дальнейшая жизнь очень осложнилась. Дело было даже не в физических мучениях, которые она переносила стоически. Возникла постоянная необходимость в общении с разными людьми, и это было особенно трудно для нее. В дом стали присылать женщин для помощи, так называемых метапелет. Как только очередная женщина заходила в дверь, Пуня начинал яростный лай протеста и не замолкал ни на секунду. Беба могла с трудом передвигаться с помощью специального алихона на колесиках. Метапелет должна была приносить продукты и лекарства, делать влажную уборку и выводить Пуню. Многие не выдерживали напора неприязни и переходили к другим старикам, остальных Беба через короткое время просила заменить сама. Каждая женщина начинала свое знакомство с восхищения красотой Бебы, а заканчивала возмущением ее невыносимым нравом. Качество купленных овощей, по словам Бебы, всегда было омерзительным, уборку она делала сама, несмотря на ограниченные физические возможности. Выслушивать истории жизни своих помощниц ей было невыносимо. Иногда она просила приготовить для нее любимое блюдо метапелет, попробовав которое ледяным тоном произносила: «Вы мне не подходите». Эта же фраза немедленно звучала после первого опоздания на несколько минут. Особое раздражение вызывали те работницы, которые постоянно поглядывали на часы, – она отпускала их сразу и навсегда. В конторе по обслуживанию пожилых людей уже перебрали всех русскоязычных метапелет и передали Бебу в другую фирму, расположенную в соседнем городке. Оттуда без всякой надежды на успех прислали новую репатриантку из Одессы Эллу, которая совсем недавно перенесла операцию на позвоночнике и не имела опыта работы со стариками в Израиле.

Как только худенькая сероглазая женщина зашла в дом, Пуня в прыжке повалил ее на пол и стал преданно лизать в лицо, а она громко и счастливо хохотала, даже не взглянув на насупившуюся хозяйку. Когда Беба предложила ей приготовить любимое блюдо, Элла сказала, что обожает есть абсолютно все, и попросила дать

ей рецепты любимых блюд хозяйки. Она подробно выспрашивала и записывала все секреты, которые Беба неожиданно для самой себя стала вспоминать. Вместе они приготовили икру из баклажан по одесскому рецепту, затем Элла пожарила оладьи из кабачков почти без муки, абсолютно идеальной формы и консистенции. Оказалось, что время работы уже давно закончилось, а метапелет так и не взглянула на часы. Когда Беба спросила, почему она не интересуется рабочим временем, Элла ответила, что часов у нее нет, да и дома ее особенно не ждут. Но вдаваться в подробности не стала.

Вскоре обнаружилось, что им нравятся одни и те же романы, и они могли обсуждать полюбившихся героев и нереализованные возможности их биографий. Через неделю Беба поручила Элле сделать генеральную уборку, что не входило в обязанности метапелет, впрочем, как и приготовление еды. Уборка была проведена тщательно и быстро. Беба положила на стол сто шекелей и сказала: «Впервые я вижу человека, который может делать все не хуже, чем я. Спасибо, Элла». Вместо ответа Элла расплакалась. «Уберите, пожалуйста, деньги. В моей жизни в Одессе был период, когда весь дом был ими завален. Но мой муж так и не полюбил меня – он вообще на это не способен, мой сын не избавился от тяжелого психического заболевания, и мой позвоночник не стал здоровым. Ничего эти деньги не решают. Они не спасают от одиночества, безнадеги и тоски. И если мне удалось хоть чем-то вас порадовать, то поверьте, это для меня лучшая награда».

На следующий день Элла опоздала на полчаса. У Бебы начался сердечный приступ. Пуня забился под стол и жалобно скулил. Когда Элла открыла дверь своим ключом, она увидела синее лицо и страдальчески выпученные глаза. Немедленно дав страдалице лекарство, Элла ринулась к телефону вызывать скорую, но Беба властным движение руки остановила ее. «Что случилось? Почему ты опоздала? Я была уверена, что никогда тебя больше не увижу! Какая тоска…» Элла объяснила, что водитель автобуса, на котором она добиралась из соседнего городка, не затормозил на ее остановке, хотя она махала ему рукой и бежала за автобусом, зная, что он ходит раз в полчаса. Кровь прилила к лицу Бебы. «Ну, он у меня пожалеет, что родился на свет! Этот номер ему так

не пройдет». Через несколько дней Элле позвонили из автобусной компании и принесли глубочайшие извинения за инцидент. Затем посыльный принес подарок от автобусной компании – наручные часы и букет цветов.

В конторе об Элле начали слагать легенды – ее завалили работой. Волшебные супчики, блинчики, рагу и запеканки возвращали к жизни самых завзятых старых пессимистов. Фантастическая доброта, искренность и сопереживание, присущие ей, делали жизнь подопечных похожей на праздник. Она чувствовала себя по-настоящему нужной этим несчастным старикам. Но Беба мучилась ревностью и старалась перехватить инициативу благодарных клиентов. Она стала обучать метапелет ивриту и английскому языку. В день рождения Эллы Беба надела на ее палец кольцо с бриллиантиком и велела никогда с ним не расставаться, как с талисманом.

«Сколько раз ты была в Париже?» – спросила она однажды. «Множество раз, но только в мечтах, как и во всех остальных прекрасных местах». «Мы с тобой будем путешествовать», – объявила Беба. Ей давно предлагали сделать операцию, вставить штырь в шейку бедра, чтобы она могла передвигаться с палкой. Теперь она решилась пойти на это, чтобы иметь возможность показать Элле Европу. Перед операцией Беба передала метапелет на хранение резную деревянную шкатулку и сказала: «Этих бриллиантов нам хватит, чтобы объездить весь мир. И мы это непременно сделаем! Это мое одесское наследство, которое пережило эвакуацию и каким-то чудом сохранилось в стене нашей старой квартиры на Короленко». Пуня перешел к Элле домой безропотно.

Вечером позвонили из больницы и сказали, что сердце Бебы не выдержало наркоза и внезапно остановилось. На похоронах кроме непрерывно плачущей Эллы и ее мужа никого не было. Через несколько дней к Элле пришли за бриллиантами. Пуня лаял громко и непрерывно. Молодая женщина, рядом с которой переминался с ноги на ногу немного смущенный мужчина, назвалась племянницей Бебы, спросила о шкатулке и сразу уставилась на кольцо на пальце Эллы. Та, не говоря ни слова, сняла кольцо и протянула его племяннице. Затем вынесла шкатулку с Бебиным наследством и отдала. «Что там осталось?» – последовал ехидный

вопрос. «Я не открывала. Для меня это не имеет значения, я носила кольцо по ее просьбе, как талисман», – вспыхнув, сказала Элла. Племянница начала что-то понимать и объяснила, что Беба настолько была уверена в своем бессмертии, что даже не удосужилась оставить завещание. И теперь квартира и все, что есть в ней, отойдут к родственникам только через длительные судебные процедуры. Открыв шкатулку, она долго и внимательно изучала ее содержимое. Затем вздохнула и протянула Элле подаренное Бебой кольцо. «Возьмите на память о Бебе. Соседи говорят, что вы очень с ней спелись, а ведь она всех выгоняла – и родственников, и метапелет. Чем-то вы ее очаровали, не представляю». «Меня принял Пуня», – тихо ответила Элла и снова заплакала.

Она думала о том, что непременно выполнит завещание Бебы и объедет все те прекрасные места, о которых они столько мечтали. О том, что всегда будет больше всего любить стариков и собак, и что только они могут отвечать ей такой же искренней любовью. Душа тосковала по внезапно ушедшей красавице Бебе, такой уверенной в скором исполнении надежд. Как хорошо, что нам неведома истинная глубина наших заблуждений! Предвкушение желаемого – вот миг счастья. Все дальнейшее – путь разочарований. Но ведь надеждам и очарованиям несть числа! «Спасибо тебе, Беба, за искренность, любовь и науку воплощения изысканности, избранности и подлинности чувств. Мы еще обязательно встретимся, ведь любящие души расстаются лишь на время», – Элла была уверена в этом. И это давало силы жить и надеяться.

Бат-Ям

Анатолий Контуш

Тени

Тени окружают меня прямо у начала дороги.

Автобус взвывает двигателем, разворачивается и исчезает в пустоте улицы Амундсена.

Я вздыхаю, поворачиваюсь спиной к одинокому фонарю и шагаю в темноту.

Последние пассажиры быстро исчезают во тьме возле закрытого на ночь магазина, и тени тут же появляются невдалеке.

Постепенно расширяясь, дорога спускается вниз. Справа темнеет овраг, слева поднимается склон, над головой висят звезды, а впереди, над черными садами, угадывается море. Здесь просторно, и тени пока не решаются подойти близко, прячась в придорожной траве.

Дорога упирается в обрыв и уходит влево, а я беру правее, перехожу овраг по гулкому мостику и осторожно схожу вниз по шаткой деревянной лестнице. Лампа на высокой стене освещает закрытую дверь, надпись «Посторонним вход на причал строго воспрещен» и несколько квадратных метров дороги. Я спрыгиваю с последней ступеньки, минуя лампу и тут же вижу четкую тень прямо под ногами. Я отскакиваю в сторону, чуть не вскрикнув, но когда замечаю, что тень следует за мной, повторяя все движения, то с облегчением выдыхаю: это же моя собственная!

Дорога исчезает вдали, вытянувшись между дачами и причалом, и я перевожу дыхание, оглядываюсь и шагаю дальше. Здесь совсем темно; звезд не видно за густыми деревьями, фонарей больше нет, и я едва различаю землю под ногами. Тени подбираются ближе, обступают со всех сторон, тянутся, пляшут в странном танце. Я опускаю голову, стараясь не глядеть на них, но они

не отстают, раззадоренные своей пляской; одна, самая дерзкая, царапает меня за руку придорожной веткой, а когда я наконец замедляю шаг, чтобы посмотреть, кто это, быстро прячется у обочины. Я смотрю ей вслед и замираю на месте: там, в глубине кустов, стоит пожилой доктор из детской поликлиники на Подбельского, которого я боялся больше всего на свете, когда ходил в детский сад. В руках у доктора какой-то металлический инструмент, который тускло блестит под луной, а немного дальше, среди ветвей, блики света дрожат на чем-то непонятном и остром, похожем на лежащий на столе шприц. Доктор делает шаг мне навстречу, всматривается в лицо и медленно поднимает руку с инструментом. Я отпрыгиваю, разворачиваюсь и стремглав бегу к неровному пятну света возле далекого фонаря.

Поравнявшись с фонарем, я прихожу в себя, сбрасываю скорость и решаюсь оглянуться. Вокруг ни души: наверное, доктор поленился бежать за мной в такое позднее время, и я успокаиваюсь, поправляю ремешок и иду дальше.

Вскоре дорога раздваивается; я поворачиваю налево и оказываюсь перед огромным деревом с ветвями до самой земли, которое закрывает чуть ли не все пространство. Я останавливаюсь, вглядываюсь в густую листву и вижу, как из-за широкого ствола выходит Быка. Он иногда приходит к нашей школе, прячется за углом и ждет, когда мы, младшеклассники, выйдем на улицу после уроков. Быка выше нас на две головы и старше на три года, и мы сразу замолкаем, сбиваемся в кучу и отдаем ему сэкономленные на завтраке копеечки – кто 5, кто 10, а кто даже 20: целое состояние, на которое, если добавить всего 2 копейки, можно купить «Ленинградское» мороженое на палочке в настоящем шоколаде. Школа – это совсем другая жизнь, но я не удивляюсь, увидев его здесь; Быка тихо выходит из ветвей, поднимает голову и пристально смотрит мне в глаза. Его лица не видно среди листьев, но я точно знаю, что он смотрит на меня, и поэтому поворачиваюсь так быстро, как только могу, поскальзываюсь на гравии, падаю, вскакиваю и бегу вперед изо всех сил.

У треугольной развилки путь мне преграждает большая лужа, растянувшаяся от края до края дороги. Я с разбега перепрыгиваю через лужу, пробегаю еще метров тридцать и останавливаюсь,

потому что знаю: за следующим поворотом меня ждет эта безобразная старуха с Островидова. Я не понимаю, как она попадает сюда, но каждый раз, когда я прохожу здесь в темноте, она сидит у калитки на маленьком стуле, и ее седые волосы торчат во все стороны ужасными мохнатыми космами. Завидев меня, она страшно улыбается, наклоняется вперед и пытается встать; она похожа на смерть, не ту, с косой, которую рисуют в книжках и которой на самом деле нет, а настоящую, ту, которая есть, – я это понял на углу Подбельского и Петра Великого, когда мне было семь лет и я вышел на улицу в первый раз после полуторамесячной болезни. Опираясь на толстую палку, старуха пытается встать каждый раз, как видит меня, но удается ли ей это сделать, я не знаю, потому что, увидев ее, тут же закрываю глаза и мчусь вперед по дороге.

Я бегу.

Тени гонятся за мной.

«Вот почему эту улицу над теплым морем назвали именем полярного исследователя, – думаю я на ходу. – Ему, конечно, тоже было страшно в его путешествиях на Северный полюс, но он не боялся. И я не буду».

Я замедляю ход, осматриваюсь и вытираю лоб.

Никого нет.

Я один в этом царстве теней.

Стрекочут цикады, шумит море, издалека доносится музыка.

«А может, эти тени совсем не страшные, – говорю я себе. – Может, они добрые, а пугают меня просто от скуки». Пока меня нет, они, наверное, в ожидании сидят под черными густыми деревьями, играют в карты, жмурки или лото, а потом, когда я пройду, уходят к себе в темноту и дремлют, дожидаясь следующего прохожего. Наверное, им скучно, как нам с Людой, когда родители уезжают в город на целый день, и мы остаемся до вечера с бабушкой и дедушкой. В саду жарко, на море без старших нельзя, и мы раскладываем на столе игры, ловим кузнечиков и строим запруды, пока наконец не зашуршат листья внизу, не зазвучат шаги, и знакомый голос не произнесет весело: «Ну, добрый вечер!».

В этот момент на дорогу откуда-то сбоку выскакивает огромная черная собака и с рычанием несется прямо ко мне. Я отскакиваю в кусты, срываю с плеча сумку и кричу страшным голо-

сом, размахивая сумкой перед собой; от неожиданности собака шарахается в сторону и исчезает так же быстро, как появилась. Осмотревшись, я выхожу из кустов и двигаюсь дальше. Внезапно справа от дороги, чуть впереди меня, у обочины раздается какой-то шорох. Он очень похож на звук приближающихся шагов, и я застываю на месте, вслушиваясь, и вижу, как среди черных веток возникает тень огромного дядьки ростом не меньше футбольных ворот. «Здравствуй, мальчик, – говорит дядька ласково. – Ты знаешь, твоя мама послала меня проводить тебя домой. Она беспокоится, что ты один, а сейчас ночь: мало ли что может случиться с маленьким мальчиком ночью на темной дороге». Я не отвечаю, мне почему-то не удается открыть рот и хоть что-то произнести. «Ты любишь конфеты? – спрашивает дядька, улыбаясь. – У меня дома очень много конфет. Идем, я тебе дам». И он делает шаг в мою сторону, пытаясь взять меня за руку. Я вздрагиваю, как будто меня ударило током из дедушкиного трансформатора, когда мне было четыре года и я сидел на полу перед столом с разобранным на части радиоприемником; я вздрагиваю, отдергиваю руку и убегаю в ночь, успев только выкрикнуть: «Я не верю вам, дядя!».

Дорога поворачивает вправо, потом сразу влево; я перехожу на шаг, спускаюсь немного ниже, туда, где ветви деревьев смыкаются над головой, закрывая небо, и вдруг оказываюсь в полной темноте.

Свет далеких фонарей, свет редких окон и свет тусклых звезд исчезают одновременно, выключенные одним выключателем. Вокруг не остается ничего, кроме прикосновений, звуков и запахов.

Шорох ветра, шелест листьев, плеск волн.

Теплая нежность воздуха, душистый аромат жасмина, легкий запах моря.

Грустная мелодия Шопена, бравурный ритм Брамса, голос, похожий на папин.

Я оглядываюсь по сторонам и вдруг понимаю, что здесь не страшно, потому что здесь нет теней.

Дороги больше не видно, и я не знаю, куда иду, но меня это больше не беспокоит.

Неизвестно какое время спустя я замечаю, что где-то далеко на краю темноты возникает тусклый огонек. Постепенно разгораясь, он освещает старый стол, деревянные скамейки, летнюю кухню, утоптанные дорожки, самодельную лестницу, заросший сад, пыльную дорогу, безлюдные причалы, узкий пляж, темные дачи и черное море.

Я сворачиваю с дороги, поднимаюсь по ступенькам и подхожу к дому.

– Бабушка! – кричу я. – Бабушка! Это я!

И бабушка открывает мне дверь.

Одесса, 1970 г. – Париж, 2012 г.

Игорь Потоцкий

«Опять случилось чудо...»

* * *

Есть грусть во мне – она не от простуды,
есть сумерков очерченное действо,
есть груды слов, оставленные детством,
где ожиданье музыки и чуда.
Есть март, где снег и мартовские всплески
отчаянья, когда вновь ветер резок,
лицо твое напоминает фрески,
и вновь страшит случайный перелесок.
И все твои заклятья и проклятья
не стоят неба синего, где снова
не солнце убегает от объятий,
а только верно найденное слово.

* * *

Мой старенький отец перед смертью читал с балкона
стихи, его голос звенел, как соловьиное соло.
Его голосу подпевала деревьев крона,
и он, казалось, был снова наивен и молод.
Он читал Пастернака и Михаила Светлова –
стихи о ребе, он забыл стихи о Каховке
и Гренаде, и четким было каждое слово,
как будто отпечатанное на листовке.
Голос его звенел над Таирово, достигал Молдаванки,
в такт ему пели платаны на Пушкинской звонко.
Его небритое лицо не было лицом задаваки,
а ликом улыбающегося ребенка.

Он уже ничего не помнил – только поэтов строчки,
только гул морских волн, совсем не воинственный.
И строчки стихов сплетались в цепочки –
ради самой главной, ради единственной.

* * *

Ты обещала показать свой дом,
где все твое – обиды и печали,
где часто по ночам светло, как днем, –
все лампочки в особенном накале.
Я верю в то, что ты – прекрасный гид,
недаром жду твоих я объяснений.
(Подумаю, какой прекрасный вид –
там, за окном, где фонари и тени.)
Вот твой диван, вот стол, вот книг ряды,
вот вздох мой о тебе – он еле слышен,
как будто рыбы открывают рты,
а волны плавники едва колышут.
Я рыбою опять скольжу по дну
и весь уже настроен я на чудо,
что все увидел я в твоем дому,
хоть в нем я не был и не скоро буду.
Там чучела не ведают мытарств,
там чудеса, как призраки, летучи,
там ты меня излечишь без лекарств
и музыку сыграешь без созвучий.

* * *

Опять случилось чудо:
мир менее жесток –
грохочет ниоткуда
стремительный поток.

Мне ничего не надо,
шуми лишь, как ветла,

под этим водопадом,
чья музыка светла.

В ней каждая октава
из солнечных лучей,
листва, кусты и травы
заместо трубачей.

И ты, лицом светлея
и доверяя снам,
становишься добрее
ко мне и небесам.

* * *

Господи, в этом городе все наоборот –
лжец стал политиком, паяц начальником,
красивая девушка принца уже не ждет,
потому она такая печальная.

Город живет прошлым – он весь в тенях:
Бабель и Паустовский, Ильф и Катаев.
Расстрелянного налетчика тень на всех углах
семафорит и медленно-медленно-медленно тает.

Некто мастерит стишок, некто лепит горшок,
некто несет в банк золотые червонцы.
Философ на голову больше не сыпет песок,
газетчик – никому не нужен – более не продается.

Игрок несет взятку, мечтая разбогатеть,
некто стоит на страже, о себе заботясь.
Смех идиотам полезен. Город на треть
из идиотов, у которых свое болото.

Нет великих артистов, художников и плутов,
для культуры наглухо закрыты ставни.

Актеры на сцене разыгрывают дураков,
они и сидят в зале, один из них главный.

Он вместо чтения предпочитает бокс,
он не признает оперы и не любит балета,
он, в сущности, совсем маленький божок,
но себе кажется Большим Богом в два с лишним метра.

Господи, в этом городе…

* * *

Хорошо, что ты играешь разные роли,
и пускай твой театрик провинциален,
ты на сцене погибаешь от 200-процентной боли,
а еще оттого, что твой режиссер бездарен.
Он дает советы о мимике и сценречи,
а потом уходит в свой кабинет с бутылкой,
и когда он уходит, ты видишь: горбятся плечи,
а еще – на губах его злая-презлая ухмылка.

Я твоим любовником не был и, верно, не буду,
хоть о нас распускают сплетни две-три актрисы,
что красивы, печальны, доступны блуду,
все им кажется, что я от любви к тебе задымился.
Распускают о нас они нелепые слухи,
что тебя я недаром в своих стихах прославляю,
что с тобою одною изведал любовные муки,
а потом полетел (я, увы, до сих пор не летаю).

Если честно, мне на днях эротический сон приснился:
ты летала по комнате, была абсолютно нагою,
и твоей красотой, как летней грозою, упился,
а потом надо мною ты заговорила листвою.
Все в стране моей плохо, исковеркано и нелепо –
богатеют пройдохи, нет денег у прочего люда,
а правительство дарит надежду, как звездное небо,
где летают кометы с надеждой на новое чудо.

Ты не стала моей. Мне близки твои роли. Засмейся
удивительным смехом, приди ко мне в платьице летнем
с оголенной спиною, на бурный роман не надейся,
но отринь поскорее все мрачные слухи и сплетни.
Подари мне прогулку и свет фонарей молчаливый,
состоящий из множества пылких сонетов Петрарки,
и один поцелуй, и один только жест суетливый,
и деревьев ряды, что застыли, как стражники, в парке.

А потом ты уйдешь. Ночь покажется сразу чернее.
Город вытоптан ратью чужою, летевшей незримо,
словно ветер, по всем площадям и безлюдным аллеям…
Мне спасти тебя надо, поверь, это необходимо!
Я бегу к тебе, только унынию не поддавайся…

Эвелина Шац

Proemio, или Возможное *не*

1.

Я – не еврейка:
ни по религии
ни по традиции
ни по воспитанию
ни по культуре
разве что только
по преследованию

Я – не немка:
ни по отечеству
ни по традиции
ни родом
разве что только по дозе
лингвистического участия
то есть культуры
а значит – истории
и в этом случае тоже
по преследованию

Я – не американка
разве что только
по рождению в
Филадельфии
моей матери
и по бесконечному обаянию
города Нью-Йорка

2.

Я – не венгерка, ну… может быть совсем чуть-чуть: внешне некая взрывная смесь цыганского и еврейского: волосы рыжие, кожа молочно-белая-веснушчатая, но главное – характер: пироферальный и неистовый, цирковой наездницы и бедуина: этим последним качеством кочевой сосредоточенности отличалась моя бабушка венгерка.

Я – не австрийка, разве что только по воспитанию австро-венгерскому: империя мелкобуржуазная, но еще дисциплинированная, а значит, вполне королевская: дисциплина воспитания, а не принуждения, присуща великим имперским цивилизациям. Последняя была уже предемократической.

Я – не русская. Если бы я не была ею кардинально, своей манерой быть, философией родного, то бишь эмоционального пейзажа, принадлежностью к определенной материнской утробе – суть язык русский (культура) со своим необъятным комплексом славяно / персидско / монголо / турецко / китайско / кочевнической и прочей части Европы. Разве этого так мало, быть русским?!

Я – не итальянка. Если итальянский не был бы вторым чревом, избранным, желанным. Рационализирующим мою русскую иррациональную манеру быть: некая графическая структура моей анархической непринужденности. И, наконец, – рукопашная, в которой собственная свобода утверждает себя в ожесточенной схватке с принуждением власти имперской или с демократическим низведением к посредственности. Влияния всегда взаимны по закону противодействий, утомительному, но, надеюсь, конструктивному…

Вечно тоскующая по родному языку – Поэзии.

Вариации с итальянского

1995

3.

Я – не художник – иные науки и прочие ремесла, если бы только не жила я и не дышала искусством с тех пор, как помню себя, и еще потому, что в венах моих штормом плещется кровь двух творителей, двух чужестранцев: встреча / столкновение родите-

лей у самого Черного моря, там, где Восток встречается с Западом, а море – море схлестнулось со степью, наделяя меня двойным зрением кочевника.

Я – не ученый, и не философ, если бы не была рождена и не была баюкана шаманским камланием и аполлонским духом Ольвии-Одессы, – детство на море среди глиняных дощечек, исписанных мистериальной гераклитовой мудростью; быстрый бег родных мест, пока я умирала… Сократ – уже больше не совершенное божество, и даже Чжуан-цзы не тревожит мое Ничто, пока я умирала… танцуя с Гераклитом, озвучивая Парменида и воспевая в расстраниченном многообразии пространства пустоту, что вовсе не суть пустота, – слово Поэта.

Я – не поэт, если бы не подпольная деятельность в авторском самиздате, требующая лихорадочной неустанной работы, пока стихи не станут чем-то вроде второй натуры, необходимой для продолжения жизненных функций.

Я – не поэт, если бы не писала *И звездная материя – каннибальна*, так вот, когда ребята одной сицилийской школы решили, что это слова Данте (в то время как я была просто художником, хотя, пожалуй, не только), так вот, их высокая ошибка меня настолько убедила, что с тех пор, шагая по миру, повторяю: я – Поэт.

Между *poena insularis*[*] и ризоматическими расстояниями – стансы Эвелины.

Вариации с итальянского
2006-2012

Post scriptum

Я – не одесситка. Если бы память о Черном море не являла мою принадлежность к Средиземноморью, если бы не хранила образы кораблей и первой любви к сыну капитана, обольстительному будущему капитану дальнего плавания, если бы Одесса не была местом моего не всеми желаемого рождения, если бы не память

[*] Лат. наказание островом, ссылка на остров

запахов каштанов и акаций, полыни Каролино-Бугаза, настоянной на морской соли, лиманной грязи, плотной, как черное коровье масло, что пахнет пронзительно серой, и если бы не наблюдательный пункт в бурьяне над обрывом, что оползнями вгоняет в море высокие берега, сбегающие к *Ланжерону*, а дальше – шаланды, первый бычок и мидии, что спасали от голода южнорусское детство и юность, когда под доверительный зов *свежая камбала*, уже живописались первые строчки о море, и если бы не звучали в памяти арии Верди на украинской мове и не рвался гортанно чувственный смех из горла по любому поводу и без повода, ибо юмор жил под кожей с гормонами, с вирусами и бактериями, питая либидо и неукротимую волю к творчеству – суть духа многонационального города у моря. *Совсем Италия*, писал в стихах Багрицкий.

Я – не сицилийка, если бы не опьянение звуками и запахами вулканов и островов Сицилии, если бы не множество стиший лучшей моей книги *Загара, или Сицилийская странность*, впрочем, я сама суть сицилийская странность, и если я родилась в Одессе и не хотела бы поменять место рождения, то умереть мне хотелось бы в Сицилии – genius loci страсти как таковой.

2012

Милан

Александр Мардань

«Остаться бы самим собой...»

Высота

Летать хотим, а высоты боимся.
«Фауст» Гете

Когда меня поднимет лифт
Над суетой воды, что в море,
Над равенством поющих в хоре,
Над жадностью погрязших в споре,
Я захочу спуститься вниз.

Когда меня поднимет лифт
Туда, откуда видно всех,
Где простота есть тяжкий грех,
И нужен каждый день успех,
Я захочу спуститься вниз.

Когда меня поднимет лифт
Над ложью малой и большой,
Над правдой ровной и кривой,
Над славящей меня молвой,
Я захочу спуститься вниз.

Я захочу спуститься вниз
К тем, кто не врет, когда поет,
Кто слов чужих не украдет
И тишину трубы поймет,
Что больше к бою не зовет.

Я захочу спуститься к тем,
Кто не знаток запретных тем,
Кто не возьмет высоких нот,
В чьей жизни всё наоборот –
Вещают руки, внемлет рот.

Они немы, чтобы не врать.
Они слепы, чтобы страдать
От темноты, но без брехни,
Что ярче всех горят огни,
Которые зажгли они.

Я захочу спуститься вниз,
Но не спущусь… Не торопись,
Скажу себе я, оглянись,
Тебе всегда хотелось ввысь,
Твой лифт ушел, теперь держись.

Дыши ровней, не оступись,
Захочешь сесть – не промахнись.
Забудь про детский свой каприз
И не смотри так часто вниз,
В подвалах тоже много крыс.

Держись за крышу, за карниз,
Если не хочешь рухнуть вниз.
Вниз не спускаются, летят.
Спуститься можно только в ад,
А ты же хочешь в райский сад.

Тут до него рукой достать,
Осталось только не предать
Оставшихся внизу друзей,
Когда-то правильных идей
И верящих тебе людей.

Всех тех, кому успел подать
Все то, что не сумел продать,
Осталось только не предать…
Остаться бы самим собой
И Бог с ней, с этой высотой.

Известной актрисе

То ты девушка, то ты бабушка,
То ты мать-перемать.
А случится – сыграешь воробушка,
Чтоб чириканьем нас обаять.

Лицедейка, актриса, артисточка,
Сколько судеб впустила в себя.
Ты портреты рисуешь не кисточкой,
А собою, себя не щадя.

Когда холодно, когда муторно,
Плакать хочется, а смеши!
И уснуть сможешь только под утро ты,
Сняв чужую одежду с души.

Роль сыграть, как суглинок распахивать,
Лечь в него и цветком прорасти,
Как горбатые версты отмахивать,
Чтобы чьи-то слова донести.

Помню девушкой, помню бабушкой,
Очень помню и мать-перемать.
Ты в рассказе у Брэдбери – бабочка,
Без которой наш мир не узнать.

Леонід Якубовський

«Легкой не була дорога...»

* * *

От поранок на підвіконня
чисте світло своє пролив,
і каштан за вікном від безсоння,
ніби зморений, зажурив.
Вже упала остання думка
з голови його, як роса,
і остання зоря-чаклунка
вже полишила небеса.
Тиша, тиша, яка навколо,
і в душі відчуття мети
доторкнутись до видрокола
й зазирнуть в таємничі світи.

Жовта хвиля

Це божевілля –
жовта хвиля…
(Це божа милість –
божевілля.)
Вона томилася
в полоні
гаїв зелених.
В темнім лоні
землі. Ця хвиля
схвилювала

тебе? Її намалювало
лише уявлення свавільне,
і спів лунає:
«Хвиля вільна!»
Й поринула у божевілля
ця жовта жовтня
нестримна хвиля
і оповила очі.
Обіч
вона собі шукає здобич.
Вона,
немов душа зболіла,
вогнем
все листя запалила.
Полум'яна
ця хвиля жовта –
величне божевілля
жовтня!

Тіні

Ліхтарями-птахами освітлений вечір,
оживає мережними тінями час,
і каштану закохано зорі на плечі
опустилися сяйвом небесних прикрас.

І в повітрі рахманному місяць яскравий,
ніби прапор землі золотий, майорить.
Тінню білою на позолочені трави
чи то ангел зійшов, чи схилилася віть.

І торкнулася уст оксамитова тиша,
полонивши і голос, і слово, і слух.
Вже нічого не чути крізь тишу цю, лише
ледь підсвітлених тіней повітряний рух…

* * *

Тебе нагу я ніжно загортав
в свої обійми, цілував у скроні,
і перси твої вабні я торкав,
і пестив поцілунками долоні.
Лилось з твого волосся світло зорь,
летіла ніч за нашими плечима,
і в світ кохання місяць на дозор
ввійшов, і ти дивилася очима,
в яких палала палкість, і цвіла,
немов пелюстком, вся земна чарівність,
у небуття, здавалось, відійшла
жахлива смерть, і ми відчули вічність.

Ніч

Ніч вигаптувала зорями
вогневими весь небосхил,
аж кружить голову з нетями,
й дивитися немає сил
в золотозоряний цей купол,
мільйонне палахтіння свіч,
і вся земля, як лункий рупор,
викрикує свій тьмяний клич,
мережаний журбою й болем,
в безмежний всесвіт самоти…
І сиплять блискавки над полем
глухі й збайдужілі світи.

* * *

Не варто піклуватись про добу, –
саме йде сонце, і сама добру
простелиться дорога. Про одежу
не треба піклуватись. Світлі стежки
самі до щастя серце приведуть,
а втрутишся – закламутиш путь.

Як затурбуєшся – загубиш серце,
і затьмянілий час ввійде в люстерце.
Не треба піклуватись ні про що,
нехай природньо родиться і квітне
високе почуття і ніжна квітка,
і вічність в смерті доторкнеться щок.
Не варто силою продавлювати світ,
і своє «я» підкреслювати в світі,
дажд Боже кожному зростити цвіт
духовності, і хлібом будем ситі.

* * *

Жовте листя на узбіччі –
це минуле. Леле світ!
(Подивлюся в твої вічі,
де весняний цвіт.)

Жовте листя – це рахунок
сподівань моїх і мрій.
(Попливе мій поцілунок
в хвилі твоїх вій.)

Легкой не була дорога,
і не буде, – світ такий.
(Хай за мене молить Бога
цвіт твій весняний.)

* * *

То не твої суми
у годину судну –
ластівчині сльози
і весняні грози.

То не твої суми –
краї неозорі,

то безсонні думи
линуть поза зорі.

То було кохання
ластівки з змією –
у однім зітханні
неба із землею.

Світло й тінь у сумі
сутінки приносять, –
то не твої суми
сині хмари носять.

Нікого картати
за тугу-недолю,
краще не кохати
та не знати болю.

Серце сум відсуне –
серцю милі грози.
То не твої суми –
ластівчині сльози.

* * *

День добігає кінця –
Ніч до вікна мого лине.
Зорі, неначе перлини,
блискають біля лиця.

Тіні лежать на вікні,
ніби мереживо сонне.
Неба далекого дзвони
чує душа уві сні.

Син Ричи

Размышления о себе и о других

Син Ричи – литературный псевдоним, под которым публикует свои эссе и рассказы в Сети 16-летняя ученица 10 класса одесской 94-й школы.

Внимание! Речь идет о внимании!

Мне приятно, когда меня слышат. Не просто сидят, уставившись в одну точку, и изображают умные лица, а действительно слышат. Я начинаю понимать, что все мои слова – не зря, что они могут что-то изменить. Пускай самую малость, пускай что-то незначительное, но все же могут.

Мне приятно, когда меня понимают. Когда смотрят в мои глаза и истерически кричат: черт возьми! Да что ты несешь? Казалось бы, полное противоречие пониманию, а ведь оно и в этом представлено. Казалось бы, что нас понимают только самые близкие люди… но не всегда так. Порой даже самому скрытому и скованному человеку хочется остановиться посреди огромной улицы и закричать во всю глотку, до боли в гландах, до зверского рева, только бы кто-то услышал.

А еще мне приятно, когда меня ценят. Когда человек готов вытереть ноги о собственную гордость и самооценку, дабы не потерять самое важное. Не упустить ту искру, которая может зажечь хоть целую жизнь.

Да цените таких! Цените не по часам и дням, а по секундам. В свои девяносто лет, лежа на смертном одре, просуммируйте эти секунды и скажите самому себе: да, я бы хотел на бис!

Мне приятно, что есть такие люди, которые, прочитав эти строки, все же сделают какой-то вывод. Пускай небольшой и незначительный, но стоящий.

Я не говорю сейчас о максимализме или о психологии. Я говорю о самом важном: внимании.

Без внимания нашего и окружающих мы бы не были признаны миром. Мы были бы не мы.

Будь собой. Люди обращают на это внимание…

Монолог наедине с собой

Вечно я перегибаю палку! Я слишком люблю, слишком доверяю, ценю. Моя проблема в том, что я нахожу счастье не в делах или вещах, а в людях. Да. Как бы это ни звучало неправильно, но оно так и есть, и я с этим ничего не могу поделать. Почему они думают, что могут вторгаться в мою жизнь, что-то менять в ней или рушить? Затем снова строить и снова разрушать. Господи, за что вы так обращаетесь со мной? Может, я и не такая снаружи, как внутри. Может, и вы не такие, какими я вас вижу. Не спорю, я не лучшая. И вы не лучшие. А может, так и должно быть, что в мире нет идеалов. Вот представьте только на минутку, если в мире существовали бы идеалы. А знаете что? Это выдумка! Маленький фрагмент из области фантастики. Даже само слово выдуманное. А хотя… речь ведь не об этом.

Я просто хочу сказать, что я боюсь стать такой, какой меня невольно пытаются сделать. Я не хочу обижать лишь потому, что меня когда-то обидели. Я не хочу предавать и делать больно. Я лишь хочу, чтобы меня действительно кто-то любил, и кого-то я любила. Нужна лишь взаимность. Я тоже хочу быть для кого-то счастьем…

Мосты

Глупо собирать по кусочкам то, что разрушено, в надежде что-то снова построить. Значит, я глупая?! Постоянно хочу и стараюсь вернуть то, что навсегда потеряно. Моя логика не исходит из здравого смысла и реальных возможностей, я живу своими иллюзиями. Это и плохо, это и хорошо. Посмотри на тот мост: он разрушен? Ах, точно, его сожгли люди в тридцать пятом году. Люди, они покорители и уничтожители природы и всех ее прелестей. Но мост –

это не природа, и речь сейчас не о людях. Этот мост сейчас свисает с небес и давит своей массой на эту шумную реку. А знаешь, что будет через пару дней, месяцев, лет? Его снова построят. На этом же месте, над этой же рекой. Но все уже будет не так… или даже если будет все то же, – всегда останется что-то такое, что они не смогут в точности повторить. Так же и в жизни с нами. Мы пытаемся возобновить то, что когда-то пропало или было уничтожено. И пускай, да, мы что-то сможем сделать так же, но в идеале – мы ничего никогда не повторим. Никогда не уничтожай. Не сжигай мосты… в жизни…

Монолог из повести «Я тебя вижу»

Сегодня, когда я шла в школу, я споткнулась и упала. Я почувствовала, как мои колени ударились о землю. Мне было больно, и если честно, я не хотела вставать. Я слышала голоса прохожих. Знала, что они сейчас рядом. И каждый из них мог бы протянуть мне руку. Я не просила помощи никогда. Ни в жизни, ни в какой-либо работе. Но всегда надеялась, что мне кто-то поможет. Ведь именно такие поступки делают искренне, а не для галочки. Я сидела на холодной земле и чувствовала боль в ногах. Мне больно, я не могу встать и пойти дальше. И тут я поняла одну вещь: а ведь так и в жизни. Падаешь. Больно. Не можешь встать. Но я не из тех людей, кто сдается. Нельзя ждать вечно какой-то помощи, зная, что ее не будет. Надо надеяться лишь на свои силы. Ну, чем вам не жизнь? Я оперлась на одну ногу, затем с трудом подняла вторую. Мне было тяжело. Но что-то держало меня. Не давало ни упасть, ни присесть. Я выпрямилась. И с гордостью, не видя мира, и пускай, я встала, сама, без этой помощи. Да, слепая, да, неполноценная. Но я сильная и никогда не сдаюсь. И это намного лучше, чем видеть то, чего не хочется видеть. Этих людей, которые так и не протянули руку, когда это было нужно…

Эгиз в гостях у Айвазовского

Б.И. Эгиз

Мои воспоминания об И.К. Айвазовском

Впервые я увидел И. К. в Одесском художественном училище.* Обойдя учеников и знакомясь с их работами, он каждому сказал ласковое слово поощрения. А в классе, где мы писали Nature morte, И. К. обратился к нам со словами: «Внимательно наблюдайте рефлексы, происходящие от окружающей среды изображенных вами предметов. Рефлексируйте вашу живопись, побольше рефлексируйте!». Лишь значительное время спустя я мог понять всю ценность этого совета, так как в то время для меня еще не были доступны ощущения тончайших нюансов от рефлексов.

Поиски и наблюдения рефлексов были тогда новым веянием в живописи, они исходили от художников-импрессионистов Pleine airist французов.

Удивительно, как этот большой мастер, убеленный сединами, считался с этим новым течением, еще между тем как оно тогда еще многими, даже большими художниками, не признавалось, а подчас и высмеивалось.

В следующий день И. К. снова посетил наше училище. В большом зале со сценой были поставлены стулья рядами для членов совета Общества изящных искусств с преподавателем Н.П. Кон-

* Это 1886 год. В Одессе проходила его персональная выставка. Весь сбор, около 1000 рублей, поступил в пользу рисовальной школы. Директор художественного училища А. Попов сообщил, что в присутствии учеников И.К. Айвазовский напишет картину. «Ночь на Черном море». – Из статьи в газете «Одесские новости». – 1900, 20 апреля.

даковым во главе, для преподавателей и учащихся. На сцене стоял мольберт с 1,5-метровым холстом, на котором И. К. обещал написать картину на наших глазах и преподнесть ее в дар училищу.

С большим энтузиазмом готовились мы к этому редкому зрелищу и были словно наэлектризованы.

Встреченный нами громом аплодисментов, И. К. заявил, что будет изображать: ночь на море при лунном освещении.

Как сейчас помню: он сначала наметил луну кружком и провел по линейке линию горизонта. Затем жидким маслом написал все 4 угла холста темными тонами и стал приближаться к луне и блеску на морской зыби. И. К. писал широкими массами, делая таким образом предварительную подготовку всей картины. После этого сухим флейцем (широкой пушистой мягкой кистью) флейцуя, т. е. растушевывая, И. К. стал придавать форму облакам, освещенным луной. Закончив облака и луну, он ловким взмахом кисти изобразил красивый блеск луны на море.

Затем И. К. отошел от картины на некоторое расстояние, чтобы лучше судить об общем впечатлении. Внеся некоторые дополнения и поправки, он подписался в нижнем правом углу картины. Все это продолжалось часа 2-2,5.**

Довольно часто я встречал И. К. в Феодосии, где нередко (он) проводил лето.*** Его картинная галерея представляла собой

** Картина находится в экспозиции ОХМ. «Ночь над Черным морем». Х., м. 100×76. Спр. вн.: Айвазовскій.

*** Речь идет о 1889 годе. Из письма Айвазовского – Г. Эзову от 5 мая 1889 года: «Завтра мы предпринимаем морское путешествие на неделю, едем до Батума и обратно с этим же пароходом. Я уже знаком с этим берегом, но жена увидит кавказский берег в первый раз. Мне, кстати, теперь еще раз надо осмотреть

огромный зал с верхним светом и была сплошь увешана картинами только кисти И. К.

Я стал там копировать: «Поход аргонавтов». Картина эта изображала момент приближения аргонавтов к берегам Колхиды: рассветало; небо уже зарделось нужными оттенками восходящего солнца. Вдали голубели горы, на синем море была зыбь. Красиво украшенный корабль был заполнен аргонавтами в шлемах, с пиками и щитами в руках.* С небом и кораблем я скоро справился, но зыбь на море мне никак не давалась. «Молодой человек, – услышал я как-то раз голос за спиной, – небо и корабль вышли у вас отлично, а вот море не так надо писать. Дайте мне палитру». За мной стоял приветливо улыбающийся И. К. В течение нескольких минут, не смотря на свою картину, он ловко переписал зыбь на море, и не вполне ее закончив, сказал: «Ну вот, теперь продолжайте». После его ухода от пережитых волнений я в тот день уже более писать не мог. В следующий день, сличая мою копию с оригиналом, я пришел к заключению, что на большой картине море лучше написано. Поколебавшись немного, я с юношеской горячностью решительно дерзнул снова переписать зыбь. Увы! У меня ничего хорошего не получилось, и я горько раскаивался, что поступил так опрометчиво. Конечно, гораздо благоразумнее было сохранить нетронутыми все те места, которых коснулась рука этого большого мастера.

Несколько дней спустя И. К., стоя на антресолях, соединявшихся с картинной галереей красивой дубовой лестницей,

берега, так как по возвращении оттуда начну картину, изображающую поход аргонавтов в Колхиду». После путешествия художник сразу же начал писать полотно, впоследствии названное «Аргонавты». – Книга Минас Саргсяна «Жизнь великого мариниста. Феодосия. Москва. Изд. дом «Коктебель». 2010.

* Местонахождение картины неизвестно.

звал меня: «Молодой коллега, идите сюда, вы мне сейчас очень нужны». Я был смущен таким его обращением ко мне и мигом взбежал наверх.

Ласково поздоровавшись со мной и взяв меня за талию, И. К. сказал: «Идите ко мне, мой дорогой, сегодня вы дадите урок Айвазовскому!». Я полагал, что он шутит, и широко улыбнулся. Меня очень удивило, когда в его студии я на мольберте увидел вместо обычной марины неоконченный портрет дамы. Тут же в удобном глубоком кресле сидела Гуса И., славившаяся в то время в Одессе своей красотой, которую И. К. и изображал.

«Так вот, дорогой, прошу, укажите ошибку на портрете, мне бы очень хотелось добиться хорошего сходства этой дивной красавицы, а оно, как видите, мне пока не дается. Слова эти меня очень меня смутили. «Что вы, что вы, глубокоуважаемый И. К., да как это можно, чтобы я, еще заурядный школьник, осмелился делать вам, такому знаменитому художнику и исключительному мастеру, свои жалкие указания! Нет, нет, это невозможно, увольте меня от этого!»

«Не скромничайте, молодой человек, я видел ваши рисунки и, наконец, я ведь известный маринист, но портретов не пишу».

Далее отнекиваться было бесполезно, так как И. К. стал задавать отдельные вопросы: «Как, по-вашему, правильно ли я расставил глаза? Не велик ли рот? Не бледен ли цвет лица?» и т. д. Сначала очень нерешительно и робко отвечал я на его вопросы, а затем, войдя в свою роль, осмелел и порядком раскритиковал портрет. Как мне казалось, И. К. очень внимательно слушал, иногда переспрашивая и задавая новые вопросы.

В заключение он поблагодарил и пригласил меня и Гусу И. позавтракать у него. Нас приветливо встретила миловидная брюнетка средних лет – его супруга. В столовой повсюду в красивых вазах были расставлены цветы, а на стенах висели небольших размеров картины известных художников. И. К. за столом очень оживленно и образно рассказывал нам многое из пережитого им богатого прошлого.

Все эти впечатления опьянили меня, я был в прекрасном настроении и чувствовал себя словно на именинах. Года 3 спустя* И. К. пригласил меня с моим дядей С. Ш. Х., у которого я часто гостил в Феодосии, к себе в свое имение Субаши. Там был большой незатейливый парк, в простоте своей очень красивый. Перед террасой дома находился зацементированный пруд, в котором плавали корабли (разных эпох), приблизительно с один метр величиной каждый. Прекрасно исполненные, со всеми парусами и снастями, это были точные копии с моделей, хранившихся в музее Адмиралтейства в Петербурге. И. К. нередко их срисовывал для своих картин.

Всю неделю, проведенную нами у чрезвычайно любезных и гостеприимных хозяев, по ночам светила луна, парк освещался тем таинственным мерцающим лунным светом, который как не добивались художники, еще постигнуть не могут. Зрелище было чудесным. Частое бульканье воды в пруде от прыгавших в воду на разные лады квакающих лягушек, мрачный хохот и выкрики ночных птиц и скрипучий визг медленно проезжавших невдалеке телег с несмазанными колесами оживляли пейзаж звуками.

В этом же имении в сравнительно небольшой студии И. К-ча на мольберте стояли три начатые им картины. И. К. писал еже-

* Возможно, Эгиз ошибся. Это 1892 год.

дневно по нескольку часов. Я с восторгом наблюдал, как они со дня на день нарастали.

К концу недели все эти три картины были закончены. И в это время И. К. было уже за 80 лет, но он выглядел гораздо моложе, и слава его была в своем зените.

Удивительно картинно и красочно рассказывал он нам о своих путешествиях и о своих встречах с выдающимися людьми того времени.

Таковы были мои встречи с И. К., которые никогда не изгладятся из моей памяти.

Публикация Марины Верховецкой

Ирина Озерная

Для тех, «кто разбирается в нашей словесности»*

С самого начала 1936-го власти с новой силой взялись за литературу с искусством. Появилась серия статей, обрушившихся на «мелкобуржуазное новаторство», на «левацкое уродство и трюкачество» в литературе, музыке, театре, кинематографе, живописи, педагогике, науке и требующих «простоты, реализма, понятности образа, естественного звучания слова». Так начиналась санкционированная лично Сталиным кампания по борьбе с формализмом.

Потому, несмотря на череду удач Олеши того периода (кроме «Избранного» в ГИХЛ в издательстве «Советский писатель» вышел сборник «Эдуард Багрицкий» с воспоминаниями об умершем друге, а на сцене Большого театра с прошлого года с аншлагами шел балет Виктора Оранского «Три толстяка» в постановке Игоря Моисеева), состояние писателя было очень тревожным.

В конце января газета «Правда» опубликовала редакционную статью «Сумбур вместо музыки», громившую оперу Шостаковича «Леди Макбет Мценского уезда»**. Это был сигнал травли многих деятелей культуры во всех ее областях.

Из справки секретно-политического отдела ГУГБ НКВД СССР об откликах литераторов и работников искусства на статьи в газете «Правда» о композиторе Д.Д. Шостаковиче, составленной не позднее 11 февраля 1936 г.:

«Опубликование в «Правде» статьи «Сумбур вместо музыки» большинством московских литераторов было встречено положительно.

* Фрагмент предисловия «Линии судьбы попутчика Занда» к готовящемуся однотомнику Юрия Олеши в серии «Библиотека всемирной литературы» изд. «Эксмо».

** Во второй редакции (1963 г.) – «Катерина Измайлова».

Но наряду с этим нами зафиксированы отрицательные и антисоветские высказывания отдельных писателей и композиторов».

(И в последующем списке первым номером идут слова, сказанные кому-то Олешей: «В связи со статьей в «Правде» против Шостаковича я очень озабочен судьбой моей картины («Строгий юноша». Реж. Абрам Роом. – **И. О.**), которая должна со дня на день поступить на экран. Моя картина во много раз левей Шостаковича. Как бы меня не грохнули из всех орудий. Мне непонятны два разноречивых акта: восхваление Маяковского и унижение Шостаковича. Шостакович – это Маяковский в музыке, это полпред советской музыки за границей, это гениальный человек, и бедствием для искусства является удар по Шостаковичу. Если это новый курс, то он ни к чему не приведет, кроме того, что авторы этой статьи дискредитируют себя. Большое искусство будет жить вопреки всему»[***]. – **И. О.**)

Далее в той же справке очень любопытно на сей счет и «антисоветское высказывание» Исаака Бабеля – о том, что не всеми еще достаточно серьезно воспринимались эти правдинские разгромы в начале 1936-го: «Не нужно делать много шуму из-за пустяков, – говорил Бабель. – Ведь никто этого не принял всерьез. Народ безмолвствует, а в душе потихоньку смеется»[****].

Тем не менее, Шостакович посетил с покаянием председателя Комитета по делам искусств при СНК СССР П.М. Керженцева, изложившего этот факт в докладной записке:

«7 февраля 1936 г.

Тов. Сталину

Тов. Молотову

Сегодня у меня был (по собственной инициативе) композитор Шостакович.

На мой вопрос, какие выводы он сделал для себя из статей в «Правде», он ответил, что он хочет показать своей творческой работой, что он указания «Правды» для себя принял»[*****].

Вскоре и писательский «народ», руководимый Коммунистической партией, перестал безмолвствовать. Для обсуждения дирек-

*** Власть и художественная интеллигенция. С. 290.

**** Там же.

***** Там же, с. 289.

тивных статей «Правды» и других газет, призывавших к борьбе с формализмом и натурализмом в литературе и искусстве, с 10 по 31 марта семью заседаниями проводилось общемосковское собрание писателей, на котором 16 марта было поручено выступить по поводу Шостаковича Олеше. Критика в адрес «Правды» полностью исключалась.

Олеша написал свою речь* на эзоповом языке, тщательно загримировав ее, создав дипломатическую систему защиты Шостаковича. Он путал следы, уводил от темы и называл формалистами Бодлера с Верленом и Джойсом, которых Сталин не мог упрятать за колючую проволоку, не выдавая, в отличие от большинства выступавших, никого из современников, так называемых формалистов. И напрасно некоторые литературоведы из нелюдоедских времен, по сравнению с серединой тридцатых, обвиняют Олешу в конформизме, считая эту речь выступлением против Шостаковича. В 1936-м невозможно было говорить прямо. За три дня до выступления Олеши, 13 марта, это попытался сделать Пастернак. Его выступление не планировалось руководством, но он попросил слова и наивно выступил против самой постановки вопроса о формализме. Его речь, конечно же, вызвала самую негативную реакцию. 15 марта в «Литературной газете» появилась статья «Еще раз о самокритике», где было сказано: «Пастернаку предложено задуматься, куда ведет его путь индивидуализма, цехового высокомерия и претенциозного зазнайства». И 16 марта Борису Леонидовичу пришлось выступать вторично, извиняться за свои слова, отшучиваться. Возможно, что именно реакция на прямой протест Пастернака и повлияла на выбор формы защиты Шостаковича Олешей.

Он прочел свою речь, как всегда, артистично, начав с того, что немножко боится «сегодняшней аудитории, потому что она настроена несерьезно и ждет каких-то аттракционов». Таким образом, сняв тему софистских фокусов, он продолжил свой – именно! – аттракцион:

«Должен признаться, что когда я прочел статью «Сумбур вместо музыки», где прорабатывали Шостаковича, я растерялся.

* Опубликована в сокращенном виде под заголовком «Великое народное искусство» в «Литературной газете» 20 марта 1936 г. и впервые полностью под заголовком «Стиль великой державы» в журнале «Огонек», 1991, № 31.

Первым ощущением был протест. Я подумал: это неверно, Шостаковича ругать нельзя, Шостакович – исключительное явление в нашем искусстве. Эта статья сильно ударила по моему сознанию. Музыка Шостаковича мне всегда нравилась. <…> Я знаю Шостаковича лично, он производил всегда на меня впечатление необычайного человека. Это настоящий артист, от него исходит огромное обаяние, – это личность, которой охотно увлекаешься, и внимание которой хочется заслужить. <…> И вдруг я читаю в газете «Правда», что опера Шостаковича есть «сумбур вместо музыки». Это сказала «Правда», то есть голос Коммунистической партии. Как же мне быть с моим отношением к Шостаковичу? Если я восторгался Шостаковичем, а «Правда» говорит, что опера его есть сумбур, то либо я ошибаюсь, либо ошибается «Правда».

Статья, помещенная в «Правде», носит характер принципиальный, это мнение Коммунистической партии, – значит: либо я ошибаюсь, либо ошибается партия. Легче всего было сказать себе: я не ошибаюсь, и отвергнуть для самого себя – внутри – мнение «Правды». Другими словами, оставшись с убеждением, что в данном случае партия говорит неверные вещи, я бы допустил возможность того, что партия ошибается. К чему бы это привело?»

В преддверии 1937 года уже хорошо понималось, и «к чему бы это привело», и «куда ведет <…> путь индивидуализма», как говорилось в статье о Пастернаке, опубликованной накануне.

«И потому, – продолжал Олеша, – я соглашаюсь и говорю, что и на этом отрезке, на отрезке искусства, партия, как и во всем, права. И с этих позиций я начинаю думать о музыке Шостаковича. Как и прежде, она мне продолжает нравиться. Но я вспоминаю: в некоторых местах она всегда казалась мне какой-то… я не могу подобрать термина… какой-то пренебрежительной. К кому пренебрежительной? Ко мне».

Далее Олеша прямым текстом, но в том же «стиле великой державы», по его определению, говорит, что Шостакович – гений, сравнивая его с Моцартом, а мы знаем, что для Сталина, решавшего в 1934-м судьбу арестованного Мандельштама и в связи с этим консультировавшегося по телефону у Пастернака, «мастер» ли Мандельштам, большой ли поэт, – подобные оценки ценимых им художников были очень важны для принятия известных решений.

«Внешне гений, – говорил Олеша, – может проявляться двояко: в лучезарности, как у Моцарта, и в пренебрежительной замкнутости, как у Шостаковича. <…> Вот причуды, которые рождаются из пренебрежительности, и названы в «Правде» – сумбуром и кривлянием. Мелодия есть лучшее, что может извлечь художник из мира, – я выпрашиваю у Шостаковича мелодию, он ломает ее в угоду неизвестно чему, и это меня принижает. И наоборот, когда из-под тех же пальцев льется ясная мелодия, тогда Шостакович, сидящий за роялем, юный, во фраке, с растрепанными волосами, – является образом той лучезарности, которая так дорога людям и за которую люди так любят настоящих художников».

Далее Олеша как бы дает Шостаковичу шанс исправиться, представляя его «композитором очень плодовитым, легко творящим, щедрым, богатым», способным «писать именно так, как это нужно народу». Спасая живого Шостаковича, он жертвует Львом Толстым, приплетая его в союзники «Правды», говоря, что тот, в свое время критиковавший Бодлера с Верленом в статье «Что такое искусство» за непонятные народу стихи, непременно подписался бы под статьями «Правды» (сколько юмора, схожего с обэриутским, в этих вынужденных горьких строках!). И продолжая о написанном Толстым, Олеша резюмировал:

«Читая эту статью, я не отказываюсь от любви к Бодлеру и Верлену, но чувствую великую правоту Толстого, так же, как, читая статьи «Правды», я не отказываюсь от любви к Шостаковичу, но чувствую великую правоту этих статей».

Вовсе не компромиссами была наполнена речь Олеши. Она – очередной классический пример разговора поэта с властями, а поэт с властями во все времена говорит на эзоповом языке. Она сродни уроку Беранже:

Рассудил я здраво, что сатира,
В видах примиренья, не должна
Обличать пороки сильных мира.
Лучше даже в очи им туман
Подпускать кореньем фимиама…*

* Беранже П.-Ж. Действие вина. Пер. В. Курочкина.

Она сродни обращениям к Николаю I Жуковского, постоянно хлопотавшего за писателей и друзей, попадавших в беду, или строкам из письма Пушкина Бенкендорфу: «В 1826 году я привез в Москву написанную в ссылке трагедию о Годунове. <…> Государь, соблаговолив прочесть ее, сделал мне несколько замечаний о местах слишком вольных, и я должен признать, что его величество был как нельзя более прав».

И не случайно эта речь, мгновенно разгримированная писателями, была единодушно воспринята словом в защиту Шостаковича. Одни из них тотчас же в публичных доносах выдают Олешу головой, называя его выступление «психологической новеллой о своей любви к Шостаковичу» (почти в каждом следующем выступлении цитировалась эта речь), обвиняя и самого Олешу в формализме, в «кавалеровщине», вновь и вновь говоря об отсутствии у него реалистических произведений. А другие в неофициальной обстановке выражают ему свою благодарность и восхищение.

Из выступления литературного критика А. Лейтеса: «Но разве тема наших совещаний – тема любви Олеши к Шостаковичу, разве для того мы здесь собрались, чтобы искать оправдания статьям «Правды» в статьях Толстого об искусстве? Совсем нет. В то время как страна требует от нас решительных сдвигов в искусстве, Олеша пишет психологическую новеллу о своей любви к Шостаковичу»[**].

А после публикации текста этой речи 20 марта в «Литературной газете» Олеша получил ее оценку в письмах Михаила Зощенко и знаменитого скульптора Сергея Меркурова:

«Дорогой и милый мой Юрочка! – писал Зощенко. –

Прочитал твою речугу в «Литературке» и вот вдохновился написать тебе сие письмецо <…>.

Наверно, ты эту речугу не сказал, а зачитал по бумаге?

Это очень хорошо написано! Так предельно изящно и с такой высокой грацией, и так божественно умно, что наверно *каждому радостно, кто разбирается в нашей словесности*»[***] (Курсив мой. – **И. О.**).

** РГАЛИ, ф. 634, оп. 1, ед. хр. 178, л. 50-51.

*** РГАЛИ, ф. 358, оп. 2, ед. хр. 730, л. 4.

«Дорогой Олеша! – написал 21 марта Меркуров. –

Всегда с большим наслаждением читаю Ваши умные статьи.

И сейчас в 6 утра из глубины леса пишу вам (явилась потребность): «Я Вас очень люблю!»*.

В период ожидания выхода фильма Олеша, не замахиваясь на объемные жанры, написал ряд коротких рассказов: «Первое мая», «Стадион в Одессе», «Комсорг», «Наташа» и «Эжен Даби», «Полет», «Летом» («Три рассказа»), носящих большей частью воспоминательный, дневниковый, исповедальный характер. Он сознательно бежал от беллетристики, мучительно ища – в пиковый период борьбы с формализмом! – собственные новые формы.

«Мне все думается, – писал ему об этом в цитируемом выше письме Михаил Зощенко, – что если у тебя и бывают «заминки», то это (очень удивительно) – поиски формы, той формы, в которой тебе легко, и будет просто писать.

Из всех наших бесед об этом и из всех твоих отрывков я снова с ясностью вижу, что все твои поиски (возможно и несознательные) упираются именно в это дело – почти формалистское.

Мне почему-то снова думается, что твоя форма – это «Анатоль Франс в халате»**. Это маленькие заметки, отрывки, маленькие куски или что-то вроде новелл, но не новеллы. Это будет неприятно, если у тебя будет так же отшлифовано (сюжетно), как и у меня. Все это с легкостью можно обрамлять той философией, которой ты занят»***.

Но власти, не одобрявшие подобных сентенций, в скором времени пресекли все поиски и находки Олеши с Роомом. Фильм «Строгий юноша» был запрещен именно за «формалистические выкрутасы». К тому же, в постановлении треста «Украинфильм» от 10 июня 1936 года говорилось, что в процессе просмотра законченного фильма была выявлена идейно-художественная порочность сценария, обусловленная проникновением чуждых влияний в советское искусство в виде перепева идей философского пессимизма, направленных против коммунистических идеалов

* РГАЛИ, ф. 358, оп. 2, ед. хр. 775, л. 1.

** Имеется в виду книга «Анатоль Франс в туфлях и в халате» (1925 г.) личного секретаря А. Франса Жана Жака Бруссона, в которой делается упор на человеческие пристрастия, слабости, интимные стороны жизни писателя.

*** РГАЛИ, ф. 358, оп. 2, ед. хр. 730, л. 4-5.

революционного пролетариата. Порочной оказалась и эстетика фильма, в которой были обнаружены грубейшие отклонения от стиля социалистического реализма. 28 июля 1936 года по поводу запрещения фильма газета «Кино» поместила редакционную статью под названием «Поучительная история», безапелляционный вывод, который был приговором и Олеше, и Роому: «Убогое идейное содержание фильма режиссер уложил в крайне эстетизированную форму. И в результате фильм, делавшийся почти два года и стоивший около двух миллионов рублей, оказался идеологическим и художественным браком»[****].

Далее Олеша был подвергнут литературному остракизму, а Роому вынесли строгое порицание с запрещением впредь самостоятельно ставить фильмы.

Но слава Богу, что картину не смыли, и ее премьера все-таки состоялась, но только, увы, через 13 лет после смерти Олеши, в 1974 году. Этот шедевр вошел в коллекцию классических российских фильмов с большим опозданием. «Если бы картина Абрама Роома «Строгий юноша» вышла в 1935 году, а не была положена на полку, – говорил кинорежиссер Савва Кулиш, – то все направление, сделанное Антониони, – съемки длинными кусками, монтаж внутри кадра – появилось бы на четверть века раньше. А так был пропуск, а потом в другом месте это придумывают снова»[*****].

Вето, наложенное на «Строгого юношу», оказалось водоразделом и в жизни, и в творчестве Юрия Олеши, разграничившим их на два равновеликих этапа. Счастливого этапа роста и славы и следующего – больших потерь и обретения мудрости.

Москва

**** Цит. по: Панченко И. Не своевременный утопист Юрий Олеша // Новый журнал. 2008. № 250.

***** Обыкновенный фашизм. Интервью С. Кулиша И. Шевелеву: Курьер (Нью-Йорк). 2001. 14 сентября.

Феликс Кохрихт

Прогулки одинокого мечтателя

Название этих заметок о выставке работ Владимира Стрельникова в галерее «NT-Art» я позаимствовал у великого швейцарского гуманиста, писателя и философа Жан-Жака Руссо. Так он в конце XVIII века озаглавил свою знаменитую книгу-исповедь. На первый взгляд, совпадает лишь одно слово – «прогулки», концептуально отражающее суть и содержание творчества Владимира, но, на мой взгляд, он и есть Одинокий Мечтатель. И вот почему.

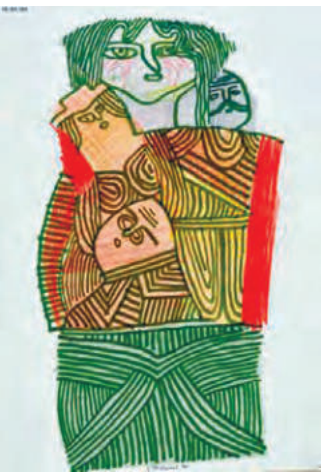
Все его прогулки, начавшиеся в начале 60-х годов минувшего столетия и продолжающиеся в веке нынешнем, изначально не предполагают спутника, бредущего рядом, одолевающего художника вопросами и советами, не поспевающего за шагами его длинных и все еще легких ног.

Что отличает прогулку от путешествия? Предположу, что она не привязана жестко к маршруту. Можно менять направление и цель движения в соответствии с настроением, нежданной встречей, порывом ветерка, смутным желанием… На своем пути Стрельников встречает людей, собак-кошек, дома, деревья, изгороди, луну – мало ли что еще. И все это аккуратно он (внук преподавателя каллиграфии!) складывает в холщовую сумку из мюнхенского супермаркета. Дома же (наконец-то одесского – на углу Елизаветинской и Торговой) сортирует трофеи – фантомы и симулякры – по коробочкам и папкам, где они томятся и ждут своей очереди. Если повезет, то переберутся на листы отменной бумаги и тщательно загрунтованные деревянные дощечки, где оживут и засверкают, и удивят, и обрадуют, и растрогают и нас, и вас.

Многие прогулки завершаются в лабиринте, куда лучше за художником не соваться. Не то чтобы опасно: все же – игра,

но лучше подождать его у выхода, а он – каждый раз в другом месте. Знаю это уже много лет: у меня есть несколько таких лабиринтов конструкции Стрельникова…

Ну, а цвет и форма в его работах, как всегда, – на высоте.

И еще об одной выставке его работ.

«Из дома вышел человек» – так начинается знаковое стихотворение Даниила Хармса, одного из самых значительных и загадочных поэтов XX века. Судьба художника Владимира Стрельникова во многом схожа с той, что выпала на долю поэта, однако, к счастью, хотя и драматична, но не с трагическим, а с хорошим финалом. В отличие от лирического героя стихотворения и самого Хармса, наш Володя все-таки вернулся домой, в Одессу, в дом на улице Транспортной, что некогда была тихим уголком у железнодорожных путей, а нынче окружена масштабными новостроями.

Как и Хармс в 1937-м, Стрельников в брежневские времена не вписывался в советскую систему и был ею исторгнут. 3 мая 1978 года Володя под угрозой расправы был вынужден покинуть родной дом, Одессу, семью, друзей. Вся его вина состояла в том, что он стал лидером группы молодых художников, органично не приемлющих каноны соцреализма.

Персонажи Стрельникова предпочитали стройкам коммунизма неспешные прогулки. Помню, как на работах начала 70-х годов они на живописных холстах выходили из типично одесских дворов, которые и нынче встретишь на Ближних Мельницах, на Пересыпи и Молдаванке. Их провожали домочадцы, глядящие вслед из распахнутых окон и с балконов, завешанных разноцветным бельем… Спустя несколько лет эти пешеходы-романтики обитали уже то ли в гнездах неведомых птиц, сотканных из туши и чернил, то ли в запутанном лабиринте сродни тому, где квартирует Минотавр. Без волшебного клубка из хитросплетения линий отсюда не выберешься…

Стрельников выбрался – он преодолел культурологический шок от встречи с Западом, пытливо оглянулся и стал потихоньку возводить на новом месте жилища для своих путешественников, прокладывать тайные извилистые тропки на карте Мюнхена, где живет с Мирославой уже несколько десятилетий. И что любо-

пытно: их дом на Людвигсфельд – последний в городской черте. Дальше – баварская глубинка.

На выставке в галерее «Ника» были представлены некоторые прогулки – одесские и мюнхенские, а то и галактические. Гуляя по городам и весям в пространстве и времени, Володя, как я выяснил, читает не Хармса, а его выдающегося современника Николая Заболоцкого, одно из стихотворений которого так и называется: «Прогулка». Читайте Хармса и Заболоцкого, отправляйтесь с Владимиром Стрельниковым в дальние странствия и обязательно вместе возвращайтесь в Одессу.

Наталья Панасенко

«Обыкновенная буржуазная семья»

Об одесских корнях Георгия Адамовича

19 апреля 1892 г. в Москве родился Георгий Викторович Адамович – поэт, критик (по определению Бунина – первый критик литературного зарубежья), эссеист и переводчик.

Во всех его биографиях, говоря о происхождении, вспоминают только об отце-генерале. Что же до материнской линии, то известно определение самого Адамовича: «обыкновенная буржуазная семья»[1], да воспоминания И. Одоевцевой, больше касающиеся сестры матери: «Семья Адамовича совсем особая семья, – до крайности чопорная, снобистская и церемонная. Ею правит его тетка – миллионерша. <…> Мама, как Адамович по-детски называет свою мать, милая Елизавета Семеновна совсем не похожа на свою властную сестру <…> ».[2] Однако история просматривается дальше.

В 1815 г. в Одессе поселилась большая семья Вольфа Вейнберга. Один из его сыновей, Исайя (ок. 1791 – 1865), – прадед поэта. В Одессе он овдовел, ушел из дела отца, организовал собственное и опять женился. А в 1825-м «должен был объявить себя несостоятельным» и переехал в Николаев. Там в 1830 г. он принял православие, в 1831 вернулся в Одессу, через два года (14 апреля 1833 г.) вступил в должность публичного нотариуса и пробыл в ней до конца своих дней.[3]

Известно о девяти его детях: от первого брака – Сусанна (ок. 1813 – ?), от второго – Яков (ок. 1824 – 1899), Иосиф (ок. 1828 – ?), Петр (1831-1908), близнецы Андриан и Семен (1835 – ?), Анна (ок. 1837 – ?), Николай (? – ?) и Павел (1846-1904). Самые известные из них – Петр и Павел.

Павла – актера, автора и исполнителя юмористических рассказов из еврейской жизни – ругали и как литератора, и как акте-

ра, но он был популярен в обоих качествах и, раскритикованный, попал все же в литературную энциклопедию.[4]

Петр – напротив, фигура почтенная. Поэт, переводчик, историк литературы.[5] О его приездах в Одессу из Петербурга сообщают газеты, его чествуют в Литературно-артистическом обществе[6]… Когда он умер, Короленко писал: «<…> жаль. Красивая была архаическая фигура <…>».[7]

Другие два сына пошли по стопам отца. Но по разным. Яков стал нотариусом, Семен – неудачливым коммерсантом.

Яков был женат на сестре композитора и пианиста Антона Рубинштейна – Любови Григорьевне.[8]

По одному делу с другой сестрой, Софьей, народоволкой, арестовывался в 1880 г. Андриан, служивший бухгалтером в Городской управе.[9]

Дед Георгия Адамовича, Семен Исаевич, был приписан в купцы 3-й гильдии. Не обнаружено никаких следов его деятельности, кроме одного эпизода: он организовывал концертное турне Антона Рубинштейна по городам России в октябре-декабре 1870 года.[10] Притом, что сам он человек незначительный, в дошедших до нас документах, относящихся к нему, фигурируют весьма заметные личности.

26 апреля 1859 г. Семен Вейнберг обвенчался с дочерью майора Ольгой Федоровной Марьяновой. Поручителями жениха были его братья Андриан и Николай, а со стороны невесты – видный одесский архитектор Каэтан Осипович Даллаква, его сын Гектор и Эммануил Антонович Янопуло.[11]

У родившейся в 1860 г. первой дочери Семена и Ольги, Александры, крестной стала жена Каэтана Осиповича Элеонора Антоновна Даллаква.[12]

20 октября 1861 г. родилась Вера[13] – тетка Георгия Адамовича, «миллионерша», о которой писала Одоевцева. (И у нее, и в книгах еще нескольких мемуаристов рассказывается, как тетя Вера дала Георгию денег на покупку квартиры, а он проиграл их в казино.[14])

И наконец, в 1867 г. появилась на свет мать Г. Адамовича Елизавета. В метрической книге Покровской церкви за этот год записано: «11 апреля рождена, 18 июня крещена Елисавета. Родители: маякский 2-й гильдии купеческий сын Симеон Исаев Вейнберг и законная жена его Ольга Федорова, оба православные. Вос-

приемники: коллежский секретарь Яков Исаев Вейнберг и вдова маякская купчиха Раиса Аврамова Вейнберг».[15] (Раиса Аврамовна – мать Семена Исаевича, прабабка Георгия Адамовича.)

К 1876 г. дела С. Вейнберга были так плохи, что он не мог заплатить за обучение дочек, учившихся в Мариинской гимназии. Сохранилось письмо с неразборчивой подписью, адресованное начальнице гимназии Патлаевской.

«Милостивая государыня Анна Николаевна, обращаюсь к Вам с покорнейшею просьбою повременить до Нового года с требованием денег за учение детей Семена Исаевича Вейнберга, стесненные обстоятельства которого мне лично известны. При том же я намерен войти с представлением в Комиссию об освобождении его дочерей от платы за учение.

Уверенный в исполнении моей просьбы, имею честь оставаться с совершенным почтением Вашим покорным слугою.

/Подпись/ Одесса 25 октября 1876 г.»[16]

Из позднейшего письма С. Вейнберга выясняется, что с ходатайством этим обращался городской голова. (Возможно, что его просил похлопотать Яков Исаевич, который почти 30 лет был гласным городской Думы.[17])

«Милостивая государыня Анна Николаевна.

Николай Александрович Новосельский в письме своем на Ваше имя заявил Вам, что он намерен войти с представлением об освобождении детей моих от платы за ученье.

Так как третьего дня детям моим было приказано внести следуемую с них плату, то я полагаю, что представление его и разрешение не получили надлежащего хода.

Позволяю себе обратиться к Вам, милостивая государыня, с покорнейшей просьбой не отказать повременить несколько дней, чтобы тем самым дать мне возможность получить верные сведения относительно этого дела.

В случае же окажется, что ходатайство его превосходительства не может увенчаться успехом, я внесу всю следуемую сумму непременно 2-го числа марта м-ца сего 1877 года.

С истинным почтением и совершенной преданностью имею честь быть Вашим, милостивая государыня, покорным слугою.

С. Вейнберг»[18]

Какова была судьба ходатайства – выяснить не удалось. Известно только, что девочки доучились. Сохранился аттестат Веры, выданный 13 июня 1878 г., об окончании ею с серебряной медалью семи классов.[19]

Первенец Елизаветы Семеновны родился в 1886 г. Биограф и исследователь творчества Георгия Адамовича О. Коростелев рассказал, что в не публиковавшейся автобиографической повести Дмитрия Викторовича Адамовича (Лухманова), сводного брата поэта, «описывается эпизод, как автор вернулся домой из своего первого плавания и обнаружил, что у отца новая жена, та девочка, с которой он часто играл в эпоху своего московского детства».[20] Из чего следует, что семья переехала в Москву после 1878, но никак не позже 1885 г.

Трудно обойти одно любопытное сближение, хоть оно и не имеет прямого отношения к Г. Адамовичу. В 1861 г. дедушкина сестра Анна Исаевна Вейнберг вышла замуж за Дмитрия Михайловича Левенсона.[21] У Д. Левенсона был брат Соломон. А у Соломона Михайловича – внук, Корней Чуковский.

Примечания

[1] «Когда мы переехали в Петербург, я попал в окружение родных моей матери, это была самая обыкновенная, средняя буржуазная семья. Политикой они мало интересовались и хотели, чтобы все продолжалось так, как было, чтобы все стояло на местах, чтобы сохранялся порядок». http://www.rulife.ru/mode/article/271/

[2] Одоевцева И.В. На берегах Сены. – М.: Худ. лит., 1989, с. 129, 141.

[3] Государственный архив Одесской области (ГАОО), ф. 4, оп. 9, д. 281, л. 1; ф. 4, оп. 7, д. 217, л. 16-16об., 22.

[4] Русские писатели. 1800-1917: Биографический словарь. – Т. 1: А-Г. – М.: Сов. энциклопедия, 1989, с. 401-402; Ф. Миндлин. «Шо вы плотите?» // «Мория», № 12, с. 119-122.

[5] Русские писатели. 1800-1917: Биографический словарь. – Т. 1: А-Г. – М.: Сов. энциклопедия, 1989, с. 401-402.

[6] В частности, 20 апр. 1902 г. «Одесские новости» сообщали: «Вчера в Литературно-артистическом обществе был прочитан П.И. Вейнбергом реферат о Викторе Гюго. При появлении литератор был встречен громкими аплодисментами. Председатель И.А. Смирнов приветствовал П.И. Вейнберга от имени Литератур-

но-артистического общества. Реферат о В. Гюго был прослушан собравшейся публикой с большим интересом. По окончании чтения группа местной интеллигенции, в состав которой вошли литераторы и др. члены общества, чествовали Петра Исаевича в помещении клуба ужином».

[7] В.Г. Короленко. Письма. 1888-1921. – Петроград: Время, 1922, с. 298.

[8] Антон Рубинштейн стал крестным сына Якова и Любови Вейнбергов – Якова. ГАОО, ф. 37, оп. 3а, д. 19а, л. 8об.

[9] ГАОО, ф. 314, оп. 1, д. 41, л. 17об., 69.

[10] А.Г. Рубинштейн. – Литературное наследство в 3-х т. Т. 2. Письма (1850-1871). – М., 1984, с.169, 216.

[11] ГАОО, ф. 37, оп. 3, д. 1307, л. 154об. – 155.

[12] ГАОО, ф. 37, оп. 3, 1343, л. 10об.

[13] ГАОО, ф. 37, оп. 3а, д. 205, л. 107об.

[14] Одоевцева И.В. На берегах Сены. – М.: Худ. лит., 1989, с. 131, 148.

[15] ГАОО, ф. 37, оп. 3а, д. 15, л. 58об. – 59.

[16] ГАОО, ф. 47, оп. 1, д. 1188, л. 1.

[17] Одесса (1794-1894). Одесса, 1895, с. 100.

[18] ГАОО, ф. 47, оп. 1, д. 1188, л. 3 – 3об.

[19] ГАОО, ф. 47, оп. 1, д. 1186, л. 1.

[20] Письмо автору статьи от 19 июня 2007 г.

[21] ГАОО, ф. 37, оп. 3а, д. 205, л. 145об. – 146. Семен, Андриан и Яков были поручителями.

Ростислав Александров

Ночь надвигается, фонарь качается…

Интересоваться жизнью и творчеством Якова Ядова начали после выхода повести «Время больших ожиданий» Константина Паустовского: «У нас в «Моряке» работал под псевдонимом «Боцман Яков» одесский сатирический поэт-фельетонист Ядов». Но жизнеописания его, к сожалению, лаконичны, как строка из стихотворения Маяковского – «жил, работал, стал староват». Немного дополняют их материалы, которые удалось разыскать в Одессе.

Яков Петрович Давыдов, который в Одессе жил в квартире № 15 дома на Пушкинской, 7, так давно принял псевдоним Ядов, что настоящую его фамилию знали разве что те, кто оформлял его на работу в редакции, записывал в профсоюз работников полиграфического производства, принимал в Литфонд, а потом исключал из-за того, что его «литературная продукция не имеет художественной ценности», и работники московского крематория, когда регистрировали печальную церемонию в 1940 году.

В 1875 году он родился в Киеве, считается, что на Подоле, этой «киевской Молдаванке». В 1910-х годах Ядов сотрудничал в газетах «Одесские новости», «Маленькие одесские новости», «Одесский понедельник». В этой газете, редактором которой был Петр Пильский, Ядов вел рубрику «Конфетти» и печатал в ней эпиграммы на известных людей, к примеру, на известного артиста Мамонта Дальского:

Остаток дней былых, – на диво
Он сохранился, жизни рад,
Но бродит Мамонт сиротливо
Средь копошащихся «слонят».

В 1918 Ядов печатался киевских газетах «Последние новости» и «Народная воля», в 1919-1920 годах – в старейшей и самой популярной в Крыму газете «Крымский вестник», которая выходила в Севастополе, а с января 1921-го руководил в Одессе выпуском «Окон сатиры» ЮгРОСТА.

«Окна сатиры» тогда представляли собой плакаты, нарисованные клеевыми красками на картоне или листах фанеры и снабженные короткими рифмованными подписями. Не оставляя работу в ЮгРОСТА, он начал сотрудничать в «Моряке» с первого его номера за 1921 год, вышедшего 17 февраля, и заканчивая последним от 7 октября.

С возобновлением выхода газеты в 1922 году он до отъезда на Кавказ вернулся в «Моряк». Отрывки нескольких фельетонов Ядова Паустовский привел в повести «Время больших ожиданий», остальные остались на страницах газеты. Большинство их было посвящено событиям или случаям, так или иначе связанным с морем. А критичные его замечания типа «Главрыба есть, но нет в помине рыбы», никаких результатов чаще всего не имели, но с понимающей и грустной улыбкой встречались читателями, к которым он иногда обращался напрямую:

Читатель, с вами покалякав,
Добьюсь, быть может, одного:
Представить хочет боцман Яков
Сейчас героя своего.

Всего под псевдонимами Боцман Яков и Жгут он напечатал там около восьмидесяти фельетонов в стихах и несколько больших, строчек на триста, сатирических поэм.

Печатался он и в одесском журнале «Зритель», а в феврале 1922 года приехал в Сухуми. Но где бы Ядов ни жил, он печатался в местных газетах и писал для эстрады.

В 1919 году, еще при белых, в Одессе открылось множество маленьких театров, варьете, кабаре. Респектабельное «Английское казино». Залихватское «Ко всем чертям» на Ланжероновской, 28. Претенциозное «Пале де-кристалл». Многообещающий «Наш уголок» – самое уютное место в Одессе». Комически-устра-

шающая «Синяя борода». Обнадеживающая «Золотая рыбка» – обед за 45 рублей с хлебом и услугами» на Преображенской, 48. В маленьком аквариуме там действительно плавала одинокая золотая рыбка, но посетителей больше привлекали развеселые девушки, которые иногда танцевали на столиках. В кабаре тогда дебютировали злободневными сатирическими куплетами молодые Аркадий Михайлович Гробер и Владимир Самойлович Милич, которые остались в истории эстрады под коллективным псевдонимом «Громов и Милич». Позже они уехали в Москву и так долго работали вместе, что когда я через много лет познакомился с Громовым, он первым делом сообщил, что «сейчас от меня в Москве осталась половина», потому что Милич где-то отдыхал, а они давно ощущали себя единой творческой личностью. Громов вспоминал тогда, как радовались и гордились они тем, что для них начал писать «сам Ядов», который «писал для Леонида Осиповича и Григория Марковича». Уважаемых коллег Громов называл исключительно по имени и отчеству, но тут же пояснил, что «Леонид Осипович – это, как вы понимаете, Утесов, а Григорий Маркович – как вы, скорее всего, не знаете, известный в прошлом эстрадный артист Красавин». Не уверен, что это его настоящая фамилия. Возможно, что он принял такой сценический псевдоним по фамилии Степана Красавина – персонажа пьесы Сергея Александровича Найденова «Дети Ванюшина».

Так или иначе, но имя Красавина неотделимо от имени Ядова, имя Ядова – от Красавина. В 1926 году он оказался в Харькове, где в ту пору жил Ядов. Тогда же к Красавину приехали театральные администраторы Аркадий Вольский и Борис Рейф, которые пригласили его на гастроли в Одессу. Красавин же любил поражать публику каким-нибудь номером, выстроенным на местном материале, и поинтересовался, что сейчас самое такое характерное в Одессе. Вольский и Рейф рассказали, что там по всему городу, от Городского театра на Ланжероновской до Дюковского сада на Молдаванке, с утра до вечера только и можно услышать, что «Купите бублики, горячие бублики…», и об этом очень даже хорошо бы спеть песенку. Зная, что в таком деле лучше Ядова никто не поможет, даже если захочет, они незамедлительно отправились к нему на Сумскую улицу и, пока чаевничали с его женой

Ольгой Петровной, тот отстучал на машинке текст песни на мелодию полюбившегося Красавину фокстрота.

А в 10-х числах ноября на круглых, увенчанных шарами тумбах, которые стояли на перекрестках многих одесских улиц, появились афиши: «Цирк. Мюзик-холл». 19, 20 и 21 ноября. Гастроли любимца харьковской публики юмориста-сатирика Григория Красавина». Ниже буквами помельче были напечатаны фамилии одесских артистов, которые тоже участвовали в этих концертах, в числе коих значились Глед и Гри – дуэт ритмических танцев, как называли тогда чечетку.

Под сценическим псевдонимом Глед и Гри выступали Михаил Давидович Глед, он же Гладштейн, и Григорий Абрамович Вакс, коих мне еще довелось знать в 1960-х годах. Но если с Гледом, который, давно оставив чечетку, стал фотокорреспондентом газеты «Знамя коммунизма», я был знаком, что называется, шапочно, то к Григорию Абрамовичу хаживал частенько. Я приходил к нему на Екатерининскую, 6, и мы отправлялись на бульвар. По пути говорили о каких-то незначительных вещах, потому что он всегда повторял, что «разговаривать можно и на ходу, а беседовать нужно только сидя». По ходу этих «бесед сидя» он и рассказал однажды о том выступлении с Красавиным: «Мы работали эту программу три раза, и Гриша, который всегда знал, что и когда нужно петь, исполнил «Бублики» не первым, а четвертым номером, как всегда аккомпанируя себе на скрипке. Потом ему пришлось повторить «Бублики», потому что его просто не отпустили бы с арены, на которой мы выступали. Цирк был переполнен, и когда публика расходилась, то те, кто имел хоть немножко музыкального слуха, а в Одессе, как вы знаете, все его имеют, уже напевали «Бублики» – я это сам слышал, как слышу вас. А через пару дней я уже видел, как на Пушкинской угол Большой Арнаутской возле аптеки, которая и сейчас там, молодая такая женщина продавала бублики. И она не кричала, как раньше, «Бублики, только сразу из печки!», а напевала «Горячи бублики для нашей публики…». Красавин недаром вспоминал, что после концерта «назавтра «Бублики» пела вся Одесса».

Будь на то моя воля, так я бы поставил на здании цирка памятную доску или даже памятник с надписью о том, что «здесь

19 ноября 1926 года артист Григорий Красавин впервые исполнил песенку «Бублики» на слова поэта Якова Ядова». Ведь открыли же в Петербурге еще 1994 году памятник «Чижику-Пыжику», который, как в той песенке поется, «на Фонтанке водку пил». А «Бублики», право же, не менее известны. И город должен улыбаться!

Ночь надвигается,
Фонарь качается,
И свет врывается
В ночную мглу…
А я, немытая,
Тряпьем покрытая,
Стою, забытая,
Здесь – на углу…

Авторский текст песни мало кто знает, потому что в таком виде ее почти не исполняли. Перво-наперво петь на эстраде все ее десять куплетов было не очень удобно и выигрышно. И очень уж остро звучали социальные мотивы, очень грустной была исповедь «несчастной торговки частной» и как-то не вязалась она с веселой мелодией фокстрота. Разные исполнители сократили текст, приглушили грусть, придумали разные варианты. И так сложилась судьба этой песни, что она оторвалась от автора, первого исполнителя, первоначального текста, города, где впервые прозвучала, страны, где родилась, и даже языка, на котором была написана. Паустовский запомнил и в повесть вставил один вариант ее первого куплета:

Купите бублики
Для всей республики!
Гоните рублики
Вы поскорей!

Леонид Утесов пел: «Ночь надвигается, / Фонарь качается, / Мильтон ругается / В ночную тьму» у нас; Юрий Морфесси, не знаю как, но в Париже, где и записал на пластинку; Алла Баянова – в Румынии. Барбара Рыльска исполняла песню на польском языке, Мари-Луиза

Дамьен – на французском, Катри Хелена – на финском. Сестры Клэр и Марна Берри, чей дед был земляком Ядова, пек бублики на Подоле, а потом эмигрировал с семьей в США, неожиданно для публики спели эту песню в Москве, когда там состоялся большой концерт, коим было отмечено открытие американской выставки в 1959 году.

Ядов за всю свою жизнь в разных городах и при разных властях написал видимо-невидимо песен, куплетов, частушек, эпиграмм. Но если имелся у него какой-никакой архив, то после смерти жены, которая еще в конце 1950-х годов одиноко доживала свой век, куда-то задевался. Из всего написанного им сохранилось немного.

В повести Паустовского есть фраза о том, что «даже всеведущие жители города не могли припомнить, к примеру, кто написал песенку «Здравствуй, моя Любка, здравствуй, дорогая!..». Может показаться, что он имел в виду знаменитую «Мурку», но не хотел напрямую упоминать эту блатную песню и вместо Мурки поставил Любку. Похоже, однако, что Паустовский ничего не менял, а имел в виду широко известную когда-то, а потом начисто забытую песню Ядова о Любке-голубке и случившейся с ней супружеской неверности. Не исключено, что на основе этой песни были написаны бесчисленные варианты «Мурки», у которой от «первоисточника» остался лишь мотив измены, но уже не супружеской, – «Ты зашухерила всю малину нашу…». Подлинного текста Ядова нигде нет, разве что напоминает его песня, в которой Мурка уже заменила Любку:

Здравствуй, моя Мурка, здравствуй, дорогая!
Помнишь ли ты, Мурка, наш роман?
Как с тобой любили, время проводили
И совсем не знали про обман…

Правда, в одном из бесчисленных неизвестно кем сочиненных вариантов «Мурки» автором ее напрямую назван Ядов, но это может быть лишь отголоском расхожего мнения:

Вздрогнула Одесса, закрутилась пьеса,
И гастроль я с Муркой учинил.
Дьявол из-под пресса –
Дочка ты у беса,

Ядов даже песню сочинил:
«Прибыла в Одессу банда из Амура…»

В 1930-х годах он написал песню «Смейся, смейся, громче всех», которую записал на грампластинку легендарный певец Вадим Козин, благодаря чему она пережила и автора своего, и исполнителя:

Ты смеешься, дорогая,
Ты смеешься, ангел мой.
И тоску свою скрывая,
Сам смеюсь я над собой…

Козин пел и песню Ядова «Нет на свете краше нашей Любы», которая не имеет никакого отношения к «Любке-голубке» – прародительнице «Мурки».

Нет на свете краше нашей Любы,
Черны косы обвивают стан,
Как кораллы розовые губы,
А в очах бездонный океан.

Обе песни, что называется, без претензий, но и без назойливой идеологии, ложились на слух и на душу, старые грамзаписи их еще звучат в эфире, и современные исполнители не обходят их своим вниманием.

В бумагах Утесова сохранился листочек с текстом нескольких куплетов Ядова. Один из них написан на часто обыгрываемую им тему еще с одесских времен, когда в газетах печатали извещения типа «Работникам 1-й Советской щетинно-щеточной мастерской на Польской, 18, талоны на баню будут выдаваться…» или добавляющие ко всем прочим бедам: «Ввиду отсутствия топлива бани временно не функционируют. О времени открытия бань будет особое объявление».

От среды и до субботы
В нашей бане нет работы,
От субботы до среды –
В нашей бане нет воды.

Другой куплет появился после советско-китайского вооруженного конфликта на Китайско-Восточной железной дороге (КВЖД) в 1929 году, когда известный в то время композитор, уроженец Одессы Александр Александрович Давиденко написал песню на слова Демьяна Бедного, который всегда знал, что и когда нужно сочинить для благополучия собственной жизни:

Нас побить, побить хотели,
Нас побить пытался,
Но мы даром не сидели,
Того дожидалися…

Этот, с позволения сказать, песенный шедевр так часто звучал со всех эстрад и на всех радиоволнах, что очень скоро опостылел, и Ядов отреагировал на сей факт по-своему:

На эстраде двое пели:
«Нас побить, побить хотели»,
До того они завыли,
Что действительно побили.

Не знаю, рискнул ли кто-то открыто петь эту частушку, но она разошлась и в чуточку измененном виде даже осталась в записной книжке Ильфа.

В романе Ильи Ильфа и Евгения Петрова «Золотой теленок» имеются авторские рассуждения о том, что «параллельно большому миру, в котором живут большие люди и большие вещи, существует маленький мир с маленькими людьми и маленькими вещами». В подтверждение этого авторы сообщают: «В большом мире изобретен дизель-мотор, написаны «Мертвые души», построена Днепровская гидростанция и совершен перелет вокруг света. В маленьком мире изобретен кричащий пузырь «уйди-уйди», написана песенка «Кирпичики»… Время меняет многое. «Мертвые души» остаются «Мертвыми душами», но дизель-мотором теперь никого не удивишь, Днепровская гидростанция давно не являет собой энергетическое чудо и в эпоху космонавтики перелет вокруг света не вызывает интереса. А песенка «Кирпичи-

ки» из «маленького мира» поныне не забыта, и «Бублики», родившиеся в том же «маленьком мире», поют до сих пор.

Человеку не дано знать, какое событие, поступок, эпизод, станет для него судьбоносным. Ядов, наверное, не думал, что если будут помнить его, то исключительно как автора «Бубликов». И даже не снилось ему, что секретарь редакции «Моряка» Паустовский, которому он приносил свои фельетоны, через сорок без малого лет напишет о нем в своей повести.

Паустовский, по-видимому, хорошо относился к Ядову и с грустью понял, что талант его с годами растворился в житейской суете и поденной работе. Правда, иногда он пытался вырваться из рамок сиюминутных тем и веселеньких куплетов. Один из примеров этого напрямую связан с Одессой. В 1914 году Ядов вел в газете «Маленькие одесские новости» рубрику «Гримасы дня», в которой под своим «текущим» псевдонимом «Жгут» ежедневно печатал стихотворный фельетон о последних событиях в мире, в стране, но главным образом, в Одессе. Невзирая на то, что он давно уже писал рифмованные строчки со скоростью, с которой мы пишем обычные, это была изнурительная работа. И во всей этой каждодневной круговерти он вдруг написал на украинском языке и в день столетия со дня рождения Тараса Шевченко напечатал на первой полосе «своей» газеты стихотворение «Кобзарю», в котором юбилейную тему повернул в другое русло. Орфография его, правда, оставляет желать лучшего, но смысла не меняет. Стихотворение было подписано псевдонимом «Я. Д-ов», образованным от первой буквы имени и сокращенной фамилии Давыдов. Если прочитать его слитно, то получится «Ядов» – возможно, так и родился его чаще других используемый псевдоним, который с годами заменил фамилию. А стихотворение это оставалось на газетной полосе почти сто лет:

Тарасе, Тарасе, коли б на годину
Покинув ти темну свою домовину,
Та знов поглядів би на нас,
Та рідну Украйну окинув би оком,
Та в хату мужицьку зашов ненароком,
Чи мало б побачив, Тарас?..

Ядов, по-видимому, видел и понимал многое. И хотя литературные достоинства его стихов оставляли желать лучшего, он все-таки старался не ограничиваться написанием пусть даже популярных песенок и пользующегося успехом у зрителей репертуара для артистов эстрады. Но с начала 1920-х годов он ничего, кроме этого, не писал, потому что не мог или просто боялся, понимая, что слово – влево, слово – вправо уже считается побегом за возведенный властью частокол жестких идеологических догм.

В любом случае, страницы, посвященные Ядову, самые, пожалуй, трагичные в повести «Время больших ожиданий» и самые назидательные, почему и нужно прочитать их с умом в молодости, чтобы с досадой не перечитывать в старости. А то, что оказались там одна-две неточности, так это ровным счетом ничего не значит. Паустовский написал, что в 1922 году встретил в Батуми Ядова, и они обедали в ресторане, где оркестр «заиграл знаменитую песенку Ядова». Но «Бублики» появились четырьмя годами позже. И в дневниковых записях Паустовского о его приезде в Одессу в июле 1927 года осталось: «Бублики». Похоже, что он тогда впервые услышал эту песню, иначе вряд ли бы стал записывать ее название. А в записи о том, как у них дома встречали Новый год, по-видимому, 1928-й, уже отмечено, что перебравшаяся в Москву бывшая машинистка редакции «Моряка» Мальвина Хинсон пела песню «Бублики». Паустовский мог забыть, что песня появилась только в 1926 году, к тому же, по мере течения лет воспоминания как бы «спрессовываются» во времени. А мог и не забыть. В любом случае речь об ошибке не должна идти. Песня нужна была для эпизода, в котором Ядов признается, что «написать по-настоящему» уже не может, а Паустовский отвечает: «Грех вам так говорить, Яков Семенович…». Но Ядова звали Яков Петрович, и тут Паустовский действительно ошибся.

Но это, конечно, можно простить, если понимать, что писатель тоже имеет право на ошибку, поскольку он не небожитель, который является к нам своими писаниями, а такой же, как все, земной человек. Только талантливый.

Михаил Обуховский

Одесса – Париж – Освенцим

Праведники – так называем мы тех, кто спас хоть одну душу в период Холокоста. Праведник – так, думаю, следует называть Айзика Федера, спасшего от небытия и забвения десятки узников Дранси. Еще один талант, человек, праведник, родившийся в Одессе и ставший знаменитым во Франции.

Каталог выставки «Paris – Moscou»

Выставка «Paris – Moscou 1900-1930» готовилась в двух странах уже несколько лет. Но каждый раз инаугурация переносилось из-за идеологических трудностей доступа к запасникам. И лишь летом 1979 года на всех парижских рекламных тумбах появился анонс, который я так ждал. В числе первых посетителей я поднимался по эскалаторам в прозрачных трубах «Нефтеперегонного завода» (так называют французы Центр Помпиду). Предвкушая радость встреч с уже мне известными пророками-«камертонами» искусств XX века, я не ожидал, что эта уникальная экспозиция вызовет настоящее потрясение от увиденного впервые.

В нашей стране «запрещенное искусство» было обречено на хранение в подвалах музеев по обвинению в формализме. Распахнувшиеся двери запасников позволили наконец показать недостающие звенья искусств начала XX века. «Скованные одной цепью», художественные сокровища двух стран воссоздали глобальное видение мировой культуры. Впервые вывешены рядом Кандинский и Шагал, Павел Филонов и Сутин, Хана Орлова и Бранкузи (не выставлявшиеся ранее с издевательской припиской в табличках: «из собрания ГРМ или ГТГ»).

…Было что-то неправдоподобное в представленных рядом волшебных картинах-близнецах: «Итальянский бульвар». Камиль Писсарро и Константин Коровин заманили нас в ночной Париж. Было ощущение, что искусство, сделав полный оборот от начала века, вернулось мифом в ту же отправную точку как основной ритмический компонент джазовой импровизации. Это была не выставка картин и не вернисаж художника, это был синтез художественных ценностей. Что может лучше это подтвердить, чем портрет Оскара Мещанинова, написанный Модильяни, или концерт из произведений Скрябина и Дебюсси?!

Аналогичная выставка «Москва – Париж 1900-1930» должна была открыться через год в Москве. Но ответный визит потребовал большей смелости и дополнительного согласования и смог состояться лишь через два года в московском Пушкинском музее.

А сейчас – правое крыло 2-го этажа, залы 2a («Русские художники в Париже») и 2b («Артистические течения в России до 1917 года») позволяли узнать всю правду об авангардистах всех видов искусств.

Среди пиршества картин великих провидцев взгляд едва задержался на не проснувшихся еще домах. «Утро». Автор был мне не известен: Адольф (Айзик-Исаак) Федер. Что-то зацепило меня. Откуда такое мощное притяжение картины? Вернулся. Перечитал табличку…

Так вот что зазвучало, что отозвалось: начало и конец жизни художника. Родное – «Одесса, 1887», и страшное – «Освенцим, 1943»…

Я «взял след».

Одесса

Взял след…

Интернета в 79-м не было, а вот библиотека Центра Помпиду поражала богатством, возможностями и обслуживанием. Имя не знакомого мне художника вечером, к закрытию библиотеки, уже обросло первой информацией.

Ф. Озиассон. Портрет А. Федера

Адольфа Федера ожидало семейное дело (отец был преуспевающим купцом), но мальчик выбрал Одесскую школу рисования, куда поступил в 1896 году в возрасте 9 лет. Айзик продолжал учиться живописи и после преобразования школы в Художественное училище.

В книге эксперта Парижской школы Надин Ниешавер я с удовлетворением отмечал, что многие из знаменитых мастеров искусств XX века учились в Одесском художественном. А некоторые – в одно время с Айзиком Федером.

В училище он сблизился с Амшеем Нюренбергом, пророком одесских «независимых», и с Оскаром Мещаниновым, впоследствии другом Пикассо и моделью Модильяни.

Филипп Озиассон (Philippe Hosiasson), родившийся в Одессе, написал в 1925 году портрет Федера в его парижской мастерской. Портрет этот, который я обнаружил уже в начале поисков, помог увидеть аскетизм художника, для которого живопись стала главной составляющей жизни.

В первом десятилетии XX века в художественном отношении Одесса была ближе к Парижу, чем к столице Российской империи.

Пройдя курсы Кириака Костанди, ученики одесского училища продолжали образование в Париже, да так и оставались там, внеся свой стиль и тематику в парижские мастерские. Художникам этой новой волны, парижского авангарда, было суждено стать пионерами мировой живописи XX века. Особенно ценима сейчас принадлежность «парижской школе». Как пишет Евгений Голубовский: «В каждом из них были заключены дрожжи, на которых и должно было расти высокое искусство». Genius loci! Вот он, гений места, – загадочная, но очевидная связь человека с местом его обитания, которую отстаивал Петр Вайль. Для Федера, как и для большинства его соучеников, место обитания, Одесса, стала стартовой площадкой.

А. Рилис. Портрет А. Федера. 1929

У них было много общего. Рождение: 1885-1895 годы. Отъезд: 1905-1906 годы (апогей погромов). Учеба: Одесское художественное училище.

Окончательно Федер переезжает в столицу искусств в 1910 году. Исповедует фовизм – еще бы! – он занимается в студии Анри Матисса! Федер прибыл в Париж в годы, когда молодые художники окраин Российской империи вышли из своего «изобразительного молчания».

Есть еще одно место, где сходятся их дороги. Освенцим.

Их поджидала трагичная коллективная судьба: одни и те же пересыльные лагеря Франции. Будучи этническими евреями, они погибли в немецких лагерях смерти.

Я старался узнать, кто из выпускников одесского училища разделил с Федером страшную участь:

Сандро Фазини (Саул Файнзильберг) – Освенцим, 42;

Жак Готко (Янкель Готковский) – Биркенау (тиф), январь 44;
Самуил Грановский («Ковбой Монпарнаса») – Освенцим, 42…

Не могу расстаться с мыслью: общая судьба и всемирное признание «круга друзей Федера» не достаточны ли, чтобы в название «парижская школа» добавить еще одно определение – «одесская»?

Париж

«Улей»

«Одесская» школа живописи теперь, после многочисленных выставок и статей, хорошо известна. А тогда начало XX века стало прекрасной эпохой для молодых артистов всех стран, притягиваемых художественным сиянием города-светоча. Селились они в склеенных, как пчелиные соты, мастерских. Это здание вошло в историю живописи под именем «Улей» и стало нервным центром артистического Монпарнаса. Здесь по совету друзей поселился и Адольф Федер. «Улей» представлял собой живописное и убогое огромное коллективное «гнездо художников – Вавилон № 2», который сооружен из рухляди и остатков винного павильона. Он давал приют доброй сотне молодых художников из разных стран, ведших отчаянную материальную борьбу с жизнью. Жили при керосиновой лампе, вода была во дворе. Штетл на Монпарнасе… Для Федера, как и для его друзей – обитателей «Улья», парижские ателье стали землей обетованной, где их художественная жажда была утолена. Они почувствовали что-то новое в воздухе Парижа и взбунтовались против «многовекового запрета заниматься живописью», не захотели жениться на «хороших еврейских девушках». Интернациональное сообщество художников, живших в районах артистической богемы Монмартра и Монпарнаса, стало называться

«парижской школой». Федер вошел в этот круг молодых художников. К 1929 году, когда Филипп Озиассон писал портрет Федера, те, кто населял комнаты «Улья», сменились уже не раз. Кто-то умер, а кто-то на глазах становился классиком.

Портрет (приписывается А. Федеру)

Искусствоведы говорят о «парижской школе с еврейским акцентом», но как бы ни представляли сегодня «парижскую школу», это всегда будет разговор о живописи как таковой. А на каком именно языке говорили о ней в Париже, – не суть важно. Это была поразительная история о том, как южные окраины Российской империи поставляли столице искусств особых беженцев с жизненной альтернативой – прославиться или погибнуть. Как остроумно назвал это сообщество Борис Носик, «еврейская лимита и парижская доброта»!

Окунувшись в парижскую жизнь, Федер становится одним из завсегдатаев кафе «Ротонда» в квартале Монпарнас, где проводили вечера будущие гении, ставшие его друзьями: Сутин, Кислинг, Модильяни, Липшиц… Они приходили в «Ротонду», потому что просто тянулись друг к другу: их роднило ощущение общего неблагополучия. У меня сохранилась легендарная обложка меню от «Ротонды», имитирующая одну из стен, где расписывались знаменитые посетители: Пикассо, Ленин, Шагал, Модильяни… Каюсь – взял ее со стола. На выходе ко мне подошел официант и (я внутренне сжался…) со словами: «Приходите к нам еще»… – подарил чистую поразившую меня обложку.

«Ротонда» была местом встреч монпарнасской богемы (тусовкой, как сказали бы сегодня), купелью «новой живописи»…

Одна из натурщиц, Кики из Монпарнаса, по привычке раздевалась. Модильяни оплачивал горячий ужин карандашным эскизом. В углу сидел вечно пьяный Сутин. Но не вертеп напоминала «Ротонда» в десятые годы, а «сейсмическую станцию», где люди отмечают толчки, неощутимые для других. В общем, французская полиция не так уж ошибалась, считая «Ротонду» местом, опасным для общественного спокойствия…» (И. Эренбург, «Люди, годы, жизнь»).

В картинах «первого» периода Федер отдает дань цветастому ориентализму (после поездки в Палестину), рыбачьим баркасам (после посещения Бретани). Много живописных пейзажей Прованса и натюрмортов. К вазе с цветами прислонилась африканская маска – жалкое напоминание о разграбленной великолепной коллекции «негритянского» искусства.

Уже с 1912 г. работы Федера начинают выставляться в купели нового искусства, в салонах «независимых» и «Осеннем», что было равнозначно акту признания. В 20-х годах Федер стал, по мнению критиков, «одним из наиболее значительных французских мастеров, прибывших из России». Несмотря на это, Федер и молодые художники, сменившие черту оседлости на мастерские в «Улье», считались на родине как бы несуществующими. Кто-то метко сказал о них: «замолчанные гении».

Обложка каталога выставки 1928 года

Вместе с Ларионовым и Цадкиным в 1928 году Федер организовал в Москве выставку «Современное французское искусство» (у меня хранится истерзанный и зачитанный до дыр каталог выставки «парижской школы», скорее реликвия, чем литература). На выставке 28-го года были с успехом представлены художники «ор-

биты Сутина» (выражение Эфроса). Среди них был и Адольф Федер, вполне сложившийся парижский художник. Именно парижский, потому что назвать «парижскую школу» французской не представляется возможным из-за неописуемого конгломерата национальностей ее творцов: «не то павильон международной выставки, не то черновая репетиция будущих конгрессов мира». Парижский художественный котел, в отличие от американского этнического, не был плавильным – он был готов принять в свой суп любого. Пример тому – наш земляк Адольф Федер.

А потом был Дранси…

Освенцим

Но вначале был Дранси.

После немецкой оккупации Парижа Адольф Федер и его жена Сима вступают в подпольную группу Сопротивления. В июне 1942 года по доносу предателя они были арестованы французской милицией и брошены в старую военную тюрьму «Шерш-Миди» (это в ней состоялся процесс над капитаном Дрейфусом). В сентябре 1942 года Федер с женой были переведены в транзитный лагерь в Дранси. Общая судьба узников концлагерей стала судьбой и Федера.

Лагерь в Дранси

С начала массовых арестов евреев городок Дранси в окрестностях Парижа превратился в «зал ожидания» перед отправкой в концлагерь. Постоянный голод, лишения и отчаяние, невыносимые сцены расставаний с детьми стали повседневной жизнью лагеря. Это отсюда после комплектации «эшелонов

Молодая женщина, сидящая за столом
29.11.42

Мальчик с желтой звездой у накрытого стола
24.12.42

смерти» евреев депортировали в Освенцим и Биркенау. В Дранси не расстреливали, не отправляли в газовые камеры. Узников старались уничтожить морально – ожиданием неизбежной гибели.

И вот в этих условиях Федер начал рисовать своих товарищей по несчастью, каждый день, зная заранее, что его рисунки, как и сами заключенные, обречены на уничтожение. Несмотря на запреты, Федер создает в лагере множество портретов, целый альбом карандашных рисунков, ставший не просто тетрадью, но документом Холокоста, искрой вечно пылающего огня памяти.

Отрешенные лица. Люди будто уже не здесь… При знакомстве с этими рисунками после чудесной истории их частичного спасения создавалось общее впечатление, которое я могу теперь выразить одним словом: «спокойствие»! Спокойствие трагичное и печальное.

«Маленький мальчик с куклой в кровати» – кроватка из железных прутьев, горшок; тремя цветами – синим, черным, желтым – художник нарисовал мальчика, наверное, больного: на табурете пустой стакан. Но кукла?.. И тут в па-

Мальчик с куклой в кровати. 31.12.42

мяти возник четко, будто наяву, детский садик в заснеженном уральском городе Чкалове. Зима 42-го. Мы живем в одной комнате деревянной избы – две бабушки, мама с сестрой, трое детей. Для всех, оставшихся на Украине, пересыльных лагерей не было. Сразу после оккупации Киева на Куреневке был Бабий Яр, сразу же запылало пламя одесских артиллерийских складов…

Миша Обуховский с куклой. Декабрь 1942

В садике нас фотографируют, чтобы отправить отцам на фронт по номерам «п/п» (полевой почты). И чтобы «оживить карточку», фотограф сует мне что-то в руки – кукла! – «переходящая», одна на всех по очереди кукла.

Письмо с фронта

Наверное, мы с мальчиком держали свои куклы в одно и то же время: 42-й, нам по 5 лет. Когда же это было? Под рисунком стоит дата: 31/12/42. Новый год! Всеобщий детский праздник с подарками, песнями вокруг елки. А здесь он был один. С куклой. Я заплакал…

Возможно, ему подарили эту куклу, оставшуюся после уже депортированной сестры? Новый 43 год, год Сталинграда и уверенности, что «мы разобьем фрицев», как писал отец. Нетрудно представить, что в наступающем новом году этого ребенка ожидает… наступающая смерть. И мальчика погонят, раздетого и раздавленного ужасом, туда, к черному дыму из труб… А до Победы было еще два с половиной года, но он останется в 43-м, мой «Мальчик, который отдал свою подушку кукле».

Молодой еврей со звездой Давида с книгой
1942-43

Услужливый Google доставал из немыслимых глубин на экран моего «Макинтоша» все новые и новые рисунки цветными карандашами. Завтра утром я покажу своим внукам такого же мальчика, каким был я…

Имен на рисунках нет. Они лишены названий, просто: (A. Feder, дата, Drancy), будто общая судьба лишила их имен перед лицом надвигающейся смерти, оставив только синие цифры на руке. В названиях ри-

сунков есть только имена нарицательные: «Молодая женщина», «Молодой мужчина», «Мальчик…», «Еврей с желтой звездой»… Позволю себе предположить, что названий и не было, что Федер выделял лишь дату. А впоследствии, подготавливая рисунки для послевоенных выставок, их атрибутировали по сюжету: «Молодая женщина, сидящая за столом с книгой»…

Все узники нарисованы в одном и том же ракурсе – определенном единственным оконцем. В договоренный час они устраиваются вокруг художника, который начинает рисовать. Они почти не разговаривают, будто все самое важное уже сказали, и остался только этот способ передать на волю известие, что они еще живы. Они соглашаются позировать, зная, что им уже не разглядывать рисунок в семье, не выбирать дома место, куда его повесить, не спорить о похожести портрета. Им важно остаться запечатленными такими, какие они есть, и передать сигнал оставшимся на свободе. Не могу согласиться с тем, что на их лицах застыл ужас. Скорее это тревога о тех, кто еще не свезен сюда, доказательство того, что насилие

Старик с желтой звездой и книгой. 16.12.42

Молодая женщина с книгой. 30.11.42

Молодая женщина с платком. 29.1.43

Сидящий еврей с желтой звездой. 30.11.42

и беззащитность их не сломали. Мы видим людей, не потерявших себя в лагере. Трудно догадаться, что чувствовали они, и какова будет их дата, дата отправки сформированного эшелона.

Они сидят вокруг единственного табурета для позирующего или на двухъярусных нарах. В любой момент входная дверь может распахнуться от удара сапога, и они получат наказание – строгое, унизительное и жестокое. Наказание за рисунок, за не разрешенный карандаш! А Федер, обнадеживая, успокаивая их, думал: «Сколько же им осталось до запрограммированной смерти?».

Рисунки в лагере становились равнозначными записи в «Книге жизни», столь значимой для евреев, и продлевали еще на одну душу список живущих. И когда офицер СС выдергивал назначенных в эшелон для отправки, образы запечатленных в альбоме узников Дранси еще долго были живыми для оставшихся.

«Автопортрет с желтой звездой» сделан Федером 6 января 1943 года. Я его «слышу» как завещание, как наказ: «Не забудьте!». Федер носил магендовид не как прокаженные

свою метку, не как секта неприкасаемых, но как знак испытания Всевышним. Такой, он придавал своим товарищам силу и мужество выдержать жестокие удары судьбы. Их молчание было его молчанием. Их глаза – его глазами. Ничего героического в их облике, напротив. «Мужчина с метлой»… Но разве сама жизнь в чистилище – не героизм, такой же, как подняться в атаку?! На их лицах нет признаков страха. «Молодая женщина с платком» чисто поженски, для себя, накинула на плечи платок, и ее немые-кричащие глаза будто спрашивают у нас не о смерти, а: «Ну, как я выгляжу?». Может быть, поэтому ее лицо Федер прорисовал тщательнее других. Узники Дранси были практически отрезаны от окружающего мира. Любого, кто нарушал правила, ожидало жестокое наказание. Но в большинстве названий портретов присутствуют слова: «с книгой», а на одном из рисунков виден ящичек с книгами. Коллективная библиотека? Какое же нужно иметь мужество, чтобы, видя приближающуюся смерть, человек обращался к книге! А может быть, книга способна в безнадежной ситуации подарить человеку чудотворную веру в спасение… Но об этом знают только они, обнявшиеся на краю могилы в свою последнюю минуту.

Автопортрет с желтой звездой. 6.1.43

13 февраля 1943-го года, через пару недель после «Автопортрета», Федер был депортирован в Освенцим в эшелоне № 48. Точные дата и место его смерти неизвестны. «После 13 февраля 1943 года» (в некоторых изданиях «декабря») принято считать датой его гибели.

А Симе, его жене, удалось бежать из лагеря, и она смогла спасти некоторые рисунки художника. После войны, в 1951 году, часть этих портретов («Рисунки из Дранси», как их стали назы-

В память Федера (с выставки «Художники и Холокост»)

вать), 13 работ, были подарены вдовой художника Музею борцов Сопротивления гетто «Бейт Лохамей Ха-Геттаот».

Люди, согнанные вместе под дулами автоматов, войдя в лагерь, выходили не в «эшелон смерти», а в вечность… Такой я вижу судьбу «Рисунков из Дранси».

Лион

Нина Аловерт

Талант в карман не спрячешь

Валерий Михайловский – самобытная личность, яркая фигура русского балетного театра. Ему удалось сделать то, что удается немногим: он продлил свой короткий балетный век, ограниченный для танцовщиков особенностью этой профессии. Продлил не за счет того, что продолжал выходить на балетную сцену в классических балетах вопреки здравому смыслу, а нашел для себя другие формы балетного спектакля, в которых он выступает на достойном уровне, а его творческий дар продолжает развиваться.

Окончив Киевское хореографическое училище, Михайловский семь лет танцевал в одесском театре все ведущие роли классического репертуара. В 1977 году танцовщик перешел работать в театр совсем иного направления, в только что созданную в Ленинграде труппу Бориса Эйфмана. Несомненно, это была огромная удача как для артиста, так и для хореографа.

Эйфман сочиняет хореографию, которая рассчитана на предельную выразительность тела танцовщика, какой обладает Михайловский. Михайловский проработал у Эйфмана с 1977 по 1991-й год. Эйфман поставил немало ролей и концертных номеров, ориентируясь на творческую индивидуальность Михайловского, на его широкий актерский диапазон: Князь Мышкин («Идиот»), Граф Альмавива («Женитьба Фигаро»), Воланд («Мастер и Маргарита»), «Адажио» Альбинони, Камилл («Убийцы» по «Терезе Ракен» Золя), Мальволио («Двенадцатая ночь») и др.

В те годы Эйфман еще только собирал свою знаменитую теперь труппу, поэтому приглашал выдающихся танцовщиков разных театров для «укрепления» состава исполнителей, таких как Алла Осипенко и Марис Лиепа.

Михайловский в жизни всегда элегантен и изысканно вежлив. Но кроме того, что он блистательный актер, он еще и блистательный рассказчик. Когда я приезжаю в Петербург, мои подруги всегда просят: «Пригласи в гости Михайловского!». Когда Михайловский рассказывает свои истории из жизни театра, слезы льются из глаз от смеха, хотя сам рассказчик говорит безмятежным тоном. Чаще всего это мимолетные зарисовки из театральной жизни, иногда довольно язвительные, но рассказанные безмятежным тоном.

Например, такая. Эта история произошла на репетициях «Идиота», когда Михайловский (Князь Мышкин) репетировал с приезжей знаменитостью Марисом Лиепой (Рогожин). В конце балета, после того как Рогожин убивает Настасью Филипповну, хореограф поставил сцену Мышкина и Рогожина, где Рогожин поднимает на руки обессилевшего князя. «Я должен вас поднимать?! Нет, эту поддержку я делать не буду, давайте заменим хореографию», – заявил Лиепа. «Знаете что, – ответил Михайловский, – вы у меня уже второй Рогожин. Потом придет третий и опять захочет что-то менять? Да я запутаюсь в ваших вариантах. Нет уж, давайте делать то, что хореограф поставил». И пришлось столичному танцовщику уступить. После премьеры Лиепа написал Михайловскому на программке к спектаклю (или на своей фотографии, не помню): «Первому Мышкину от второго Рогожина».

Это – театр, и амбиции в нем играют большую роль, но артисты в нем, самые великие, самые капризные, умеют, если у них есть голова на плечах, поставить интересы своей работы выше своих амбиций.

Другая зарисовка. В одесском театре была танцовщица кордебалета, которая постоянно опаздывала на выход. Однажды артистки решили ее проучить. Они собрались на сцене в кружок, не оставляя между собой свободного промежутка для опоздавшей. Танцовщица в воздушном платье с венком из роз на голове вышла на сцену, как всегда, с опозданием и, мелко перебирая ножками в розовых туфельках, приблизилась к подругам. Останавливаясь за спиной каждой из них, она шепотом спрашивала: «Девочки, я здесь стою?» – «Нет». – «Девочки, я здесь стою?» – «Нет». Обойдя весь круг и не найдя себе места, нежная сильфида

сказала внятно, обыденным тоном: «Ну, и идите на…» – и уплыла за кулисы, мелко перебирая ножками в розовых туфельках.

К сожалению, Михайловский не записывает свои истории. Талант рассказчика и талант писателя не всегда совпадают. Какой замечательной рассказчицей была Нора Сергеевна Довлатова! А писателем стал ее сын Сергей.

Но вернемся к Михайловскому. Я впервые увидела Михайловского в роли Воланда в балете Эйфмана «Мастер и Маргарита» в 1988. (Это была такая замечательная актерская работа, что когда Михайловский ушел из театра, Эйфман, по-моему, снял спектакль.) Тот вечер 1988 года вообще был необычным, на нем присутствовала великая балерина Наталья Макарова: бывшая «невозвращенка» впервые прилетела в Ленинград увидеться с матерью и пришла в театр Эйфмана. Посмотрев спектакль, Макарова заволновалась, как волнуются артисты, когда находят интересную для себя роль. Они даже договаривались с Эйфманом, что она станцует в его спектакле Маргариту. К сожалению, из этого проекта ничего не вышло. В тот вечер я и сделала портрет Михайловского в роли Воланда, который включила в экспозицию своей выставки. Лицо Михайловского и само по себе оригинально: огромные глаза с удлиненным разрезом на очень худом лице, резко выступающие, красиво очерченные скулы… Подчеркнув необычную форму глаз гримом, «зализав» вьющиеся волосы, актер придал своему лицу еще большую значительность и необычность: Князь тьмы… Я выставляла этот портрет и в 1994 году на своей выставке в Петербурге во дворце Белосельских-Белозерских. Кто-то из посетителей сделал в книге отзывов возмущенную запись, дескать, какое ужасное лицо, посмотрите только на эти глаза! Это надо же так ненавидеть актера, чтобы сделать такой портрет! Мы с Михайловским нашли, что посетитель, явно не читавший Булгакова, сделал нам прекрасный комплимент, мы поняли, что достигли нужного эффекта.

Уйдя из труппы Эйфмана, Михайловский продолжает поиски своего собственного пути в искусстве. В 1992 году он создал и возглавил труппу «Мужской балет Валерия Михайловского». Актеры театра – только мужчины, которые танцуют на пуантах (то есть на пальцах, в специальных женских балетных туфлях). Поначалу

Михайловский, создавая труппу, руководствовался, по-моему, несколько странной идеей: он хотел напомнить танцовщицам, которые в наше время теряют прежний стиль исполнения классического балета, как надо танцевать. Но исполнение мужчинами женских партий все равно выглядит, как пародия: представьте себе мужские фигуры в слегка утрировано огромных пачках и в туфельках сорок какого-то размера в ролях нежных сильфид и прекрасных принцесс! Публика так и восприняла программу труппы Михайловского – как ироничный веселый праздничный концерт, и полюбила этот необычный для России театр.

Гран-па из «Пахиты» в исполнении артистов-мужчин – этот шедевр жанра балетной комедии или пародии. Публика восхищается при этом и техническим мастерством мужеподобных красавиц: когда мужчины-исполнители, вставшие на пальцы в зрелом возрасте, безупречно крутят фуэте на пуантах, публика всегда восторженно аплодирует танцовщикам. Сам Михайловский, естественно, превосходен, он не только Князь Мышкин, он и комедиант, но с очень тонким чувством комического. Сколько бы раз я ни смотрела «Пахиту» в исполнении Мужского балета, я всегда смеюсь, когда Михайловский танцует свое соло. Когда «балерина», танцуя на немолодых ногах с полусогнутыми коленями и не вытянутыми подъемами, заканчивает вариацию и сама от себя в полном восторге, с улыбкой смотрит в зал, ожидая аплодисментов, я сразу вспоминаю некоторых престарелых балерин прошлого, которые не могли вовремя уйти со сцены и все продолжали танцевать Аврору или Раймонду в спектаклях, которые были объявлены публике как молодежные…

Но не все роли классического репертуара поддаются пародии. Так я не могла воспринять «Умирающего лебедя» М. Фокина в исполнении Михайловского. Артист говорил, что нигде не сказано, что умирает Лебедь-женщина, возможно, что Лебедь – это «он». Но танцевал-то артист при этом в женском наряде! Артист не комиковал, Михайловский танцевал «лебединую предсмертную песню» всерьез, и мне казалось, что номер в мужском исполнении кажется фальшивым. Наверно, не только я говорила ему об этом, потому что Михайловский танцует теперь «Умирающего лебедя» в легких белых шароварах, сохраняя от прежнего костю-

ма только головной убор из белых перьев. И все встало на место: умирает прекрасный Лебедь, пытающийся сильными взмахами мощных крыльев-рук удержать слабеющее тело. В таком варианте «Умирающий лебедь» – один из лучших номеров не только в репертуаре Михайловского, но и одна из самых трагических интерпретаций фокинского балета сегодня. Фотография финальной позы – «мертвый лебедь» со сложенными «крыльями», под сложенными крыльями видна часть лица с «мертвым» застывшим глазом. Артист!

Не все спектакли в репертуаре Мужского балета удачны, но какие бы роли не исполнял Михайловский в дальнейшем, сценическая красота, значительность, благородство артиста всегда покоряют сердце, потому что, как писал Камю, уже только созерцание красоты может насытить человеческое сердце.

Михайловский – из творцов, не вписывающихся в предначертанную судьбу балетного артиста. Он сам свою судьбу и воплотил. Завоевав имя и положение в одном театре, он не боялся его бросить, всем рискнуть и начать новый путь с нуля. И на каждом пути его ждали новые творческие удачи. Как, смеясь, повторял когда-то в 70-х годах в веселых ленинградских театральных компаниях молоденький Михаил Барышников: талант в карман не спрячешь!

Фото Нины Аловерт

Нью-Йорк

Елена Шелестова

Вечная тема

Так первоначально назывался проект, о котором речь пойдет ниже.

В Одесском музее западного и восточного искусства открыта резонансная выставка произведений живописи, стыкующейся с графикой, коллажем и выразительно интонированной видеоинсталляцией. Ее автор – художник из Черногории Божидар Милович (род. 1958 г.). Это его первая персональная выставка в этом музее после той, в которой он участвовал в 2003 году в составе коллектива, одновременно курируя ее. Уже с того времени художник запомнился как яркий «впередсмотрящий» представитель модернизма, форпостом которого Югославия зарекомендовала себя еще в середине XX века, будучи наряду с Польшей «ревизионистской» страной в составе социалистического лагеря, служа своеобразным маяком для диссидентов других соцстран как в области политики, так и в области культуры. Модернизм, это судьбоносное художественное течение, авторитетные западные критики трактовали весьма красноречиво: «искусство лежит, обливаясь

кровью». Советские же искусствоведы видели в нем пресловутую обездушенность и античеловечность…

Дистанция времени показала, кто прав. Явочным порядком выпускник Белградской Академии художеств 1986 года Божидар Милович и по сегодняшний день остается модернистом, хотя на дворе уже давно стоит индифферентно-компромиссный постмодернизм. Перед нами художник неугасимого трагедийного накала, способный брать на себя, принимая близко к сердцу, чужую боль. Такое качество души – поистине Божий дар, наделяются им Господом, в первую очередь, как видно, именно художники и поэты…

Божидар Милович посвятил свою нынешнюю выставку жертвам сталинских репрессий в СССР. Не называя страны (тактичный иностранец!), он назвал свой проект загадочно-нейтрально: «Свихнувшееся пространство», хотя яснее ясного, что дело происходит на конкретном пространстве, известном как «шестая часть земли с названьем кратким Русь». Этот эзоповский прием напоминает нам характеристику того же репрессивного лихолетья Михаилом Булгаковым в «Мастере и Маргарите»: «позиции мнимые, смещенные…».

На выставке нет льющейся крови, но память доносит до нас воспоминание об обостренном, буквально магическом чувстве цвета у этого художника. У меня до сих пор стоит в глазах красный цвет на его женских портретах-фантомах, играющий всеми нюансами рубиновой гаммы.

А на нынешней его выставке уже у зрителя сердце обливается кровью, настолько пронзительна (от глагола *пронзать*) воссозданная художником-иностранцем наша тяжкая историческая память, которой суждено стать вечной…

На стекла Вечности уже легло
Мое дыхание, мое тепло.
Пускай мгновения стекает муть,
Узора милого не зачеркнуть,

– писал гениальный Мандельштам, являющийся одним из персональных фигурантов вернисажа. Этот великомученик ГУЛАГа улыбается нам неотразимо милой (используем эпитет самого поэта) улыбкой. Хотя этот портрет писался с опубликованной совсем недавно фотографии, несущей в себе заряд тревоги и как бы провидение безвременного конца, художник трансформировал фотографию (как, впрочем, это всегда делается, когда живописцы используют фотоматериал, это не возбраняется, а в данном случае это было неотвратимой необходимостью – как же иначе писать ушедших?). Но Мандельштам, так же, как и Бабель, и другие жертвы преступного режима, смотрит на нас светло, более того – просветленно (это надо видеть!).

Божидар Милович, видимо, хотел создать (и добился этого!) особую ауру выставки, которую нельзя назвать иначе как популярным эстетическим термином – катарсис, что значит, упрощенно говоря, очищение души и своей, и зрителя страданием и состраданием… Выставка отличается духовной наполненностью (амплифицированностью – термин введен К. Юнгом), это противоположность «пустотности», столь ценимой в восточном искусстве. Перед нами европейский художник, более того, безусловно выдающийся представитель европейской (а не просто и не только славянской) культуры, которой «дал духовную форму иудео-христианский фермент», по Тейяру де Шардену – знаме-

нитому теологу и ученому в одном лице. Так что художественная масштабность выставки оказывается просто-таки зашкаливающе высокой и емкой, для нас даже не совсем привычной.

Гражданин мира Божидар Милович доносит до украинского зрителя свою гражданскую скорбь по поводу того, что происходило, казалось бы, в чужой для него стране. Но нет! Эта страна волею судьбы вошла не только в биографию художника, но и в его, как говорится, плоть и кровь. На открытии вернисажа говорилось о том, насколько же Божко (уменьшительное от Божидара) «наш» и «свой». Он «свой» и среди тех, кого изображает с такой проникновенной поэтичностью, – людей Закона Божьего, боящихся отступить от него хотя бы на йоту: здесь и старики, и дети, читающие Тору, эзотерическое священное писание иудеев. Сам Божко изображает себя великовозрастным «учеником» – он тоже намерен освоить этот кладезь мудрости. Оно и понятно, он предуготовлен к этому своими генами, ибо рожден женщиной-еврейкой, красивой, как библейская пророчица. Ее портрет центрирует выставку – этого нельзя не заметить, хотя портрет экспонируется в углу зала, являющегося началом выставки, эта позиция называется «во главе угла» и относится ко всей выставке в целом.

Подытожить все сказанное хочется стихами одессита, ныне проживающего в Израиле, Исайи Авербуха:

Хоть и изувечен, скомкан и распят,
Вечен, вечен, вечен на земле талант!

Александр Галяс

Соперница Райкина

Слава Аркадия Райкина велика и неоспорима. Он по праву считается одним из самых «первых номеров» советской эстрады. Однако далеко не всегда, даже в свои лучшие годы, он был абсолютным лидером. Были у Райкина и соперники, когда-то не менее популярные. Самым ярким из них была женщина – Лидия Атманаки, столетие со дня рождения которой так и не отметили в 2012-м году.

Сейчас это имя практически забыто. Настолько, что в трехтомной истории советской эстрады, вышедшей всего лишь через 15 лет после смерти актрисы, ей отведено ровно четыре строчки. А из даты рождения известен только год – 1912. Между тем в 1930-50-х годах Л. Атманаки была очень популярной эстрадной актрисой. Выдающийся кинорежиссер Леонид Трауберг отзывался о ней как о «титаническом таланте», и зрительский успех на лучших концертных площадках Союза подтверждает его мнение. Но сегодня восстанавливать биографию актрисы приходится, что называется, по крохам, пользуясь редкими фрагментами различных мемуаров да рассказами ее многолетнего партнера Аркадия Астахова.

Именно А. Астахов назвал мне точное место рождения Л. Атманаки – город Керчь, хотя и в энциклопедии «Эстрада России. XX век», и в Википедии таковым названа Одесса. Причину путаницы можно понять, поскольку именно в Одессе начался путь актрисы к популярности. Но попала она сюда через Николаев, куда после гражданской войны переехала семья Георгия Атманаки – моряка с греческими корнями. Продолжая семейную традицию, Лидия после окончания школы поступила в судостроительный техникум (на базе которого был затем создан ныне знаменитый Нико-

лаевский кораблестроительный университет), училась серьезно, собираясь стать инженером, – по тем временам весьма статусная профессия. В вузе участвовала в самодеятельной агитбригаде «Синяя блуза» и постепенно поняла, что именно сцена – ее истинное призвание. Тем временем при николаевском Доме Красной Армии появился театр малых форм, получивший пафосное (особенно для такого жанра) название – имени 10-летия Сивашских боев. Туда и пришла 19-летняя студентка с небольшим запасом песенок, куплетов и стихов. Там и осталась. Театрального образования она так и не получила, его заменили природный дар и практическая работа. Вот чего-чего, а работы было много, ибо в преимущественно мужском коллективе Л. Атманаки быстро заняла ведущее положение, и без нее не обходилось ни одно выступление.

Уже с самого начала поражала многогранность ее дарования – актриса пела песенки, читала рассказы и стихи, исполняла пародии, играла с партнерами сценки и интермедии, но излюбленным ее жанром стал музыкальный фельетон. Тут ей было мало равных, тем более что Л. Атманаки блестяще перевоплощалась не только в гротескные маски тунеядок, мещанок, стяжательниц (такими были в сталинские времена основные мишени эстрадной сатиры), но мастерски создавала и героические образы, что вообще удавалось единицам исполнителей. Именно этот, говоря по-нынешнему, «формат» принес ей первую известность. Речь идет о «музыкально-героическом» монологе «Беломорско-Балтийский канал». Тема, после всего того, что нам теперь известно об этой «стройке века», довольно-таки сомнительная, но не будем забывать, что в начале 1930-х канал пиарился властью как одно из главных достижений «страны победившего труда», а о реальном положении вещей знали не многие. Но с чисто профессиональной точки зрения монолог был сделан безукоризненно: за 15 минут, что он звучал, перед зрителями представали целых 20 персонажей, не похожих один на другой.

Самым же любимым в репертуаре Л. Атманаки был рассказ Виктора Типота (один из создателей Московского театра Сатиры, соавтор либретто лучшей оперетты И. Дунаевского «Вольный ветер») «Четыре встречи». «Беспризорная девчонка продает на улицах Одессы букетики фиалок, – описывал этот номер исто-

рик эстрады Евгений Гершуни. – Для привлечения покупателей она даже сочинила песенку «Купите фиалки, купите фиалки». Песенка становится лейтмотивом номера. Это новелла о том, как советские люди помогли беспризорнице стать настоящим человеком». «Исполняя этот монолог, – вспоминал Аркадий Астахов, – Атманаки так вживалась в образ, что зрители пребывали в абсолютной уверенности, будто она рассказывает свою биографию. Лидия Георгиевна исполняла его без малого тридцать лет и всегда – с неизменным успехом».

Но этот номер Л. Атманаки подготовила уже после того, как николаевский театр расформировали. Несколько артистов, в том числе и ее муж Борис Львович, создали эстрадную группу и ездили с концертами по городам и селам Украины. В Запорожье им предложили остаться при заводе авиамоторов: днем выступали в цехах, а вечером – в кинотеатрах перед сеансами. Но весной 1935 года пришла телеграмма из Одесской госэстрады – приглашали на просмотр. Показ проходил на втором этаже здания, где затем, в 1950-70-х гг., находился знаменитый Театр музкомедии. Фурор был полный, и уже на следующий день группа выступала на концертах в честь Первого мая.

Довоенная пора – время расцвета одесской эстрады. В праздничные дни в городе проводилось до 150 концертов – их заказывали предприятия, учреждения, учебные заведения. Местные «звезды» выступали по 10-12 раз в день, причем ездили на концерты на остававшихся еще в городе извозчиках. У них даже было негласное соревнование: кто первый выполнит норму и доложит об этом заведующему оперативным отделом Госэстрады Исидору Курильскому (отец тренера женской сборной СССР по волейболу Юрия Курильского). Но и артистов было немало – одних «разговорников» (рассказчиков, куплетистов, юмористов) насчитывалось 14. Нередко устраивались конкурсы юмористов, где победителя определяли сами зрители. Бригада Л. Атманаки быстро вписалась в этот отряд, став одной из самых популярных в городе, где в эстраде всегда знали толк.

Слухи о незаурядном даровании Л. Атманаки дошли и до столицы. В 1936 году ее пригласили в Москву – на просмотр для участия в программе сада «Эрмитаж». Уже само по себе такое

приглашение означало признание: до войны и еще несколько десятилетий спустя на открытой площадке «Эрмитажа» выступали сливки советской эстрады. Однако узнать о решении просмотровой комиссии актрисе так и не пришлось: муж уговорил ее вернуться обратно в Одессу. По его убеждению, в столице Л. Атманаки не дал бы развернуться всесильный тогда Николай Смирнов-Сокольский. Знаменитый конферансье (и выдающийся библиофил) обладал огромным влиянием, которое нередко использовал, чтобы не пускать на большую эстраду потенциальных конкурентов. В принципе, угроза была вполне реальной – большие мастера к коллегам равного уровня очень часто относятся с предубеждением. Однако существует версия, что Борис Львович поступил так из сугубо корыстных целей: красивый мужчина, артистом он был посредственным, более или менее успешно выступал только в дуэтах (чаще всего – с А. Астаховым) или в общих сценках. И вполне возможно, попросту боялся потеряться в столице, где количество прекрасных эстрадников исчислялось десятками. Так оно было или не так, но факт остается фактом: отъезд Л. Атманаки без объяснения причин оскорбил и отборочную комиссию, и лично Н. Смирнова-Сокольского.

Сейчас можно с полным правом утверждать, что это была страшная ошибка, надолго перекрывшая актрисе доступ на центральные концертные площадки. А ведь, как известно, слава делается в столицах…

Самым печальным последствием этой истории стало то, что когда в 1939 г. с невиданной помпой проходил Первый Всесоюзный конкурс артистов эстрады, Л. Атманаки не пригласили даже на первый тур. Между тем она вполне могла бы не просто составить конкуренцию Аркадию Райкину, который в итоге стал лауреатом второй премии (первую не присудили никому), но и имела все шансы опередить его.

На чем основано столь смелое предположение?

На сравнении репертуара двух артистов.

Райкин на конкурсе исполнял несколько вещей: пародию, в которой представлял зрителю, как бы исполнили пушкинское стихотворение «Узник» актеры различных жанров; комическую сценку «Чарли Чаплин», юмористический рассказ «Мишка», взя-

тый из пионерского журнала «Костер». Между тем, как отмечали члены жюри и критики, в конкурсе «разговорников» практически не звучала «героическая тема», не было политических фельетонистов и куплетистов. Но ведь именно в этих жанрах и блистала Л. Атманаки, а героика вообще была ее коньком. Но даже если брать в расчет сугубый профессионализм, то и тут Л. Атманаки ни в чем не уступала А. Райкину.

«Так же, как Аркадий Исаакович, – вспоминает Владимир Рецептер, – Лидия Георгиевна любила резкую смену костюмов, мгновенные перевоплощения и легко скользила от женских к мужским ролям, щеголяя разными очками, паричками, накладными носами и т. п.

Потому я и берусь утверждать, что тот же монолог «Четыре встречи» как минимум принес бы ей звание лауреата и открыл бы доступ к главным концертным площадкам.

Больше подобной возможности судьба ей не предоставила».

Но все эти проблемы отодвинула в сторону война…

Уже 26 июня 1941 года из артистов Одесской госэстрады была создана фронтовая бригада, которая выступала на призывных пунктах и в госпиталях. В июле артистов отправили по маршруту Николаев – Запорожье – Днепропетровск: это уже была передовая. Из документов, которые сохранились в архиве Аркадия Астахова, следует весьма любопытная вещь. Формально начало легендарной обороны Одессы отсчитывают с 5 августа. Однако иллюзий по поводу того, удастся ли удержать город, руководство не питало с самого начала. Ибо уже 23 июля артисты фронтовой бригады были эвакуированы. Кружными путями они добрались до Ростова, затем оказались в Душанбе, где по приказу Всесоюзного комитета по делам искусств вошли в состав хозрасчетной бригады при Туркменской филармонии.

Бригада была мобильная – всего восемь человек: три «разговорника» (включая Л. Атманаки), певица, танцовщица и трио музыкантов – рояль, аккордеон, балалайка. Ставки утвердили высокие: от 1000 рублей у музыкантов до 2000 у ведущей актрисы при средней зарплате по Союзу – 354 рубля. От прибыли государству отчисляли всего 10%, правда, все расходы несли сами артисты.

Однако с работой в Туркмении не заладилось; в первые месяцы войны было не до концертов, к тому же в этой республике русским языком в достаточной степени владел едва ли один из десяти жителей. И уже в декабре 1941-го бригада Л. Атманаки обосновалась в Алма-Ате, влившись в состав местной филармонии.

Казахская столица приняла одесситов с восторгом. Писатель Владимир Кунин (автор прогремевшей в «перестройку» повести «Интердевочка»), эвакуированный подростком в Алма-Ату, вспоминал, что «мелодекламации Лидии Атманаки сводили с ума санитарок и поварих, нянечек и раненых, врачей и местную казахскую знать:

Но однажды весной
Лейтенант молодой,
Покупая цветы в магазине,
Взглядом, полным огня,
Посмотрел на меня
И унес мое сердце в корзине…

Зайдите на цветы взглянуть –
Всего одна минута!
Приколет розу вам на грудь
Цветочница Анюта…

А после концерта в кабинете начальника – маленький банкетик. И само собой, гонорар со склада ПФС, что значит «продовольственно-фуражирное снабжение»… по килограмму ячневой или пшенной крупы, по бутылке хлопкового масла».

Эти впечатления подтверждаются и официальными документами. Так, когда в театре оперы и балета городской комитет по делам физкультуры и спорта решил провести «вечер-концерт мастеров искусства», сбор от которого шел на строительство эскадрильи «Советский физкультурник», то горком партии просил у руководства филармонии выделить для участия в программе «четырех ведущих артистов», причем трое были названы конкретно – Атманаки, Астахов и Львович. Выбор объяснялся так: «по просьбе физкультурной общественности».

На фронте. Атманаки – с цветами

И когда в конце 1942 года на уровне ЦК Компартии Казахстана было принято решение отправить на фронт концертную бригаду, то наряду с местными «звездами» – народными артистами КазССР Елюбаем Умирзаковым, Жусипбеком Елебековым, писателем Габиденом Мустафиным и другими, в ее состав включили также Л. Атманаки и артистов ее коллектива – Аркадия Астахова, Бориса Львовича, Юзефа Басова и Николая Ткаченко. Бригада выступала на Калининском фронте с 8 ноября 1942 года по 18 января 1943 года – в общей сложности около 300 раз.

Концерты проходили на лесных опушках, на танках, в блиндажах, госпиталях, эшелонах, порою даже в 300 метрах от линии фронта. Репертуар был по преимуществу героический, но на ура шли и лирические, сатирические рассказы и куплеты, которые, что называется, на ходу сочиняли встреченные в поездке драматурги Михаил Червинский и Арнольд Арнольд. А на бис шла песня «Одессит Мишка», которую Л. Атманаки и ее группа исполняли с особым чувством. После возвращения в Алма-Ату актриса получила звание «заслуженная артистка Казахской ССР». А зна-

менитые кинорежиссеры Григорий Козинцев и Леонид Трауберг пригласили ее сняться в сатирической комедии «Юный Фриц» – вместе с такими мастерами, как Михаил Жаров, Максим Штраух, Михаил Астангов, Янина Жеймо, Всеволод Пудовкин. И надо сказать, что кинодебютантка ничуть не уступала своим намного более опытным партнерам.

Летом 1944 года бригада Л. Атманаки приехала с гастролями в Новосибирск, где в то время базировался Ленинградский театр имени Пушкина (Александринский). Мастера этого легендарного коллектива традиционно скептически относились к эстрадникам, считая их как бы артистами второго сорта. Но талант Л. Атманаки признали даже они.

Великая актриса Екатерина Корчагина-Александровская, вспоминал А. Астахов, как-то после концерта зашла за кулисы, долго вглядывалась в Л. Атманаки, а потом произнесла с удивлением: «И откуда ты такая взялась?!». Не остался в стороне от общих восторгов даже сам Юрий Юрьев: если был свободен от спектакля, то неизменно приходил на концерт, дарил цветы и рассыпался в комплиментах. Злые языки даже поздравляли актрису с тем, что она первая женщина, которой удалось влюбить в себя Ю. Юрьева (ориентация знаменитого актера ни для кого не была секретом). А художественный руководитель Александринки Леонид Вивьен предложил ей на выбор три роли – комедийную, драматическую и трагическую; пожалуй, это была едва ли не высшая оценка удивительно разностороннего дарования актрисы. Забегая вперед, скажу, что перейти на театральную сцену предлагал ей и Николай Акимов – руководитель Ленинградского театра комедии. Но Л. Атманаки от этих заманчивых предложений отказалась – и совершенно справедливо. Она была актрисой «ударного момента», и пребывать длительное время в одном и том же образе ей было трудно. Кроме того, Л. Атманаки прекрасно понимала, что в большом театральном коллективе она будет лишь «одной из…», в то время как за годы работы на эстраде привыкла к статусу премьерши и расставаться с этой ролью не имела ни малейшего желания.

Так или иначе, но в апреле 1945-го коллектив Л. Атманаки вернулся в Одессу, горячо встреченный преданными поклонниками. Для выступлений артистам дали здание в Театральном переулке,

где в годы войны размещался ресторан «Норд» («Северный»), одним из владельцев которого был Петр Лещенко. А в феврале 1946 года бригаду направили в Германию – для обслуживания Группы советских войск.

«Едва мы прилетели в Берлин, – вспоминал А. Астахов, – как нам тут же предложили дать концерт для летчиков – прямо в ангаре. После чего летчики посчитали нас своей «собственностью» и решили, что выступать мы будем только перед ними. Но об этом узнали в штабе и нас срочно направили в Бабельсберг, где как раз отбирали артистов для праздничного концерта в честь Дня Советской Армии».

Отбирали придирчиво: ведь на концерте должны были присутствовать прославленные полководцы во главе с маршалом Г. Жуковым. Но увидев программу одесситов, начальник политуправления группы советских оккупационных войск в Германии генерал-лейтенант Пронин, который отвечал за организацию концерта, распорядился отменить все прочие приглашения, с тем чтобы выступала только группа Л. Атманаки.

В Берлине. 1946 год

Утром 23 февраля в гостинице, где жили артисты, первым делом появились парикмахеры, затем портные и реквизиторы, которые придирчиво осматривали одежду и реквизит, на ходу исправляя то, что сочли недостатками. Ровно в 16 часов были поданы автомобили, и артистов повезли на место выступления. Стоит ли говорить, как волновались одесситы?! Но генерал – ответственный успокаивал их: «Сегодня будет по-домашнему, по-семейному». Так оно и оказалось. Выступать пришлось не в зале, а в огромной комнате. Посередине стоял белый рояль, а за столами сидели люди, чьи имена и лица в то время знали все – от мала до велика: Жуков, Буденный, Катуков, Ротмистров, большое количество генералов…

«Принимали нас потрясающе, – рассказывал А. Астахов. – Жуков посадил Атманаки рядом с собой, расспрашивал о фронтовых концертах, говорил комплименты.

А потом зрители как бы поменялись местами с артистами. Жуков и Ротмистров пели, Буденный рассказывал анекдоты, почему-то сплошь дореволюционные. После этого выступления одесситов оставили в Германии не на десять дней, как планировалось, а на целых три с половиной месяца. За это время артисты дали 84 концерта, помогая также участникам армейской самодеятельности. Один из самых памятных концертов – выступление на приеме в честь польского маршала М. Роля-Жемерского – кавалера ордена «Победа», которым награждено всего 16 полководцев.

А с Жуковым и Буденным довелось встретиться еще раз – на проводах маршалов в Москву. Артисты окружили Буденного и запели: «Буденный – наш братишка…». Маршал аж прослезился…»

По возвращении домой потекли будни – подготовка новых номеров, концерты, гастроли. В 1948-м выступали в Ленинграде; целый месяц зрители заполняли Театр эстрады. Видя такой успех, местные администраторы начали уговаривать артистов перебраться из Южной Пальмиры в Северную. Л. Атманаки долго колебалась, но в конце концов дала себя уговорить, и в мае 1949-го ее коллектив вошел в штат Ленгосэстрады. Помимо «стариков» в программах выступали и молодые артисты, ставшие затем известными мастерами: акробат и музыкальный эксцентрик Леонид Маслюков, будущий народный артист РСФСР, воспитатель

С коллегами. Начало 1950-х гг.

многих эстрадных актеров; иллюзионист Анатолий Фурманов; группа «Степановы». Пришел в ансамбль и опытный мастер Г. Карповский – в 1930-х он начинал вместе с А. Райкиным, входил в первый состав его театра, но после войны оттуда ушел. Не исключено, что это была одна из причин, по которой А. Райкин не жаловал Л. Атманаки. Настолько, что ни разу не был на ее концертах, хотя более десяти лет они работали в одном городе, и А. Райкин неоднократно получал от актрисы приглашения на премьеры ее программ.

Понять подобное отношение нетрудно: ведь появление Л. Атманаки в Ленинграде поставило под угрозу бесспорное дотоле лидерство райкинского театра в жанре эстрадных миниатюр. А Аркадий Исаакович был человеком крайне самолюбивым. А тут еще с Л. Атманаки начали работать его постоянные авторы – В. Поляков, А. Хазин, В. Масс и М. Червинский. В довершение всего программу «Каждый день» согласился поставить не кто иной как Георгий Товстоногов; хотя до БДТ и всемирной славы было еще далеко, но режиссер уже был дважды лауреатом Сталинской премии и считался в Питере восходящей звездой.

Подбирая актеров для этого спектакля, Л. Атманаки обратила внимание на выпускницу театрального института Зинаиду Шарко. «Положив глаз на бойкую студентку, – описывает эту ситуацию многолетний партнер З. Шарко по БДТ Владимир Рецептер, – Атманаки сказала Зине: «У меня ты получишь сразу восемь ролей, и мы объедем всю страну!».

Устоять против такой перспективы (выгодной, в том числе, и в материальном отношении) начинающая актриса просто не могла. Благодаря чему встретила «главного режиссера своей жизни», с которым создала немало замечательных образов на прославленной сцене БДТ. Но до этого было далеко, а пока что у постановщика и актрисы разыгрался нешуточный роман. Сама Зинаида Максимовна говорить на эту тему не любит, но очевидцы рассказывали, что через месяц после начала репетиций актриса обнаружила неожиданное пристрастие к шейным платкам; злые языки утверждали, что таким образом она скрывала следы страстных свиданий с Гогой…

Лидия Атманаки со своим коллективом проработала в Ленинграде без малого 15 лет, много гастролировала по стране. Но тогдашняя пресса эстраду не жаловала, отзывов на ее выступления – мизерное количество. Записи концертов отсутствуют. Так что получить представление о мастерстве актрисы можно лишь по крайне редким ее появлениям на киноэкране. Самая известная из ролей – в фильме 1956 года «Она вас любит», где Л. Атманаки сыграла портниху-шляпницу Веронику Павловну – соседку главного героя Канарейкина (Г. Вицин). Нынче если картина и помнится, то лишь благодаря одной фразе, сказанной как раз героиней Л. Атманаки: «У меня назревает новое недовыполнение по шляпам. Я создаю сейчас новую модель».

Возможно, актриса сыграла бы больше ролей, когда б не болезнь. Рак был обнаружен слишком поздно, чтобы оставались хоть какие-то шансы на выздоровление. Лилия Атманаки умерла 5 марта 1963 года, прожив на свете всего 51 год. Две ленинградские газеты поместили некрологи. Больше на это событие не откликнулось ни одно издание.

Руфь Зернова

Иная реальность

Мой первый приход к Ахматовой нельзя назвать удачным. Это было в сентябре 1936 года; за месяц перед тем я приехала в Ленинград из Одессы сдавать экзамены в Институт философии, литературы и истории (ЛИФЛИ), который в том же году стал филологическим факультетом Ленинградского университета. Конкурс туда был большой – человек восемь на место (потом, рассказывая об этом, мы, поступавшие, охотно привирали: десять! двенадцать!). Это был первый год, когда в высшие учебные заведения стали принимать без учета социального происхождения (весной на съезде ударников или стахановцев Сталин обмолвился: «Сын за отца не отвечает!» – и этой обмолвке почти немедленно была придана сила закона). Кроме того, стали принимать без экзамена отличников, то есть тех, кто окончил среднюю школу на пятерки. Вероятно, из-за этого и конкурс становился больше. Так или иначе, я, к немалому моему удивлению, по конкурсу прошла и даже место в общежитии в конце концов получила, и стипендию.

И когда я стала студенткой и ленинградкой, я пошла отыскивать Ахматову.

Я, конечно, совсем не была уверена, что она еще жива. Она принадлежала – и ее беленькие небольшие книжки тоже – к тому времени, от которого ничего не осталось. Ни поэтов, ни титулов, ни гимназий, ни купцов. Никого. Если кто и не умер (мы в десятом классе проходили Бунина, Зайцева и Шмелева – всех вместе), то уехал за границу. Практически это было одно и то же. Я знала, что Блока нет, и Гумилева тоже, и Сологуба, и Игоря Северянина – обо всех о них рассказывалось в учебнике, с цитатами: «Так, что

сыплется золото с кружев, / С розоватых брабантских манжет». Именно эту цитату вспоминают теперь все, словно все запомнили ее по учебнику Поляк и Тагера.

Я знала, что Ахматова – это псевдоним (наверное, от бабушки-татарки!), и знала настоящую фамилию – Горенко, вероятно, из Литературной энциклопедии. И вот я пошла в справочное бюро – его будочки были тогда на многих улицах – и заполнила справку, и заплатила 20 копеек. И девушка в будочке сказала, чтобы я пришла через полчаса. Я погуляла полчаса по Невскому, все еще, как в первый день, изумляясь его огромности, простору, излишнему, ненужному: чувствуя, что опустел – опростался – опростился; опустел после тех лет, когда тут ходили другие люди. Вообще, Невский и потом меня этим поражал: не пустотой, а опустением.

Через полчаса я получила этот адрес: «Горенко Анна Андреевна, Фонтанка, 34, кв. 44». Помню адрес наизусть с той самой минуты – он легкий, много лет спустя в ее стихах я прочла: «Фонтанный дом». Это получалось вроде Бахчисарайского фонтана, загадочно, красиво, с нежным повтором полугласных «н». То был огромный грязный дом с огромным темным двором – и, кажется, даже не одним, и это был дом Главсевморпути, название, знаменитое в те годы. Главсевморпуть – это челюскинцы, Отто Юльевич Шмидт, капитан Воронин и девочка Карина, и отважные летчики, Герои Советского Союза, которые их спасали, – Молоков, Ляпидевский, Доронин, Леваневский… Господи, сколько же лет это сидит в моей голове! Факт тот, что тогда, в тридцать шестом, не было в Советском Союзе, за исключением разве НКВД, более популярного названия. Один из родительских друзей работал там и летал с Молоковым. Куда летал? На речку какую-то, где золотые прииски, на Колыму. Вот тогда я услышала первый раз это название.

И вот в доме с самым знаменитым, самым современным названием жила Анна Андреевна Горенко, обломок, остаток чего-то, бывшего так давно – еще до моего рождения! – что как бы почти не бывшего; Анна Андреевна Горенко, которую никто не вспоминал, вернее, не помнил, кроме меня и, может быть, еще нескольких человек, таких же несовременных и отсталых, как я.

Я поднималась по узкой черной лестнице куда-то высоко, и позади меня поднимался чужой человек с усами и чему-то усмехался, и я его спросила, не знает ли он, тут ли живет Анна Андреевна (я по-южному каждое «е» растянула, потом оказалось, что говорить надо «Андревна») Горенко. Он, кажется, не совсем сразу ответил: «Тут, тут». И потом, помедлив, спросил:

– А отчего это вы ее девичьей фамилией называете – Горенко?

И от этого вопроса я смутилась, я и так только сейчас начала думать: а зачем, собственно, я иду?

И, собственно, с этим недоумением и маленьким ужасом я вошла – вслед за усатым человеком, который, конечно же, там жил. Он мне не понравился – из-за усов, из-за маленького тика, который вздергивал его нос, из-за того, что напоминал мне диккенсовского негодяя-француза из «Крошки Доррит», у которого усы вздергивались к носу, а нос опускался над усами, и потому, что он не входил, никак не помещался в мое представление о маленькой комнатке, где совершенно одинокая, тихая и всеми забытая живет старушка Ахматова. Он оказался Николаем Николаевичем Пуниным. Отродясь я не слышала этого имени и уж совсем не могла понять, что он тут делает.

Комната, в которую он меня впустил, показалась мне огромной. Вообще, после Одессы ленинградские комнаты казались бальными залами. У нас тоже была когда-то гостиная, которая всем казалась большой, но какое же может быть сравнение! Хотя в Ленинграде жилплощадь измерялась по-современному – метрами, а в Одессе по-старому – саженями. Но вот эта комната… Светлая, и пол паркетный, не натертый, только паркетины тоже были другие, не как у нас – крупнее, и посреди комнаты стоял стол, тоже огромный, и на нем была куча не убранной чайной посуды, и были еще какие-то двери кроме той, в которую мы вошли. И там мимо дверей проносились какие-то старухи в капотах – или, может быть, одна и та же? – но мне казалось, что много старух вихрем проносятся мимо. И человек с усами весело и громко сказал: «Аня(!!!), к тебе».

Из другой двери – не той, где носились старухи в капотах, – вышла женщина, такая худая, каких я никогда не видела, с выпученными огромными светлыми глазами, с длинной шеей, с длинной

головой и с длинной сизой челкой, непричесанная, в каком-то халате безнадежного цвета.

Из всего, что я ожидала, подтвердилось одно: тишина. И то не тишина – молчанье. Никакой светской беседы. Вообще никакой беседы. Мы сидели рядом на диване – был, значит, в этой комнате старый диван, клеенчатый, – и я что-то лепетала, даже мне самой неинтересное, и только пялилась, пялилась на живую Ахматову, страшную, как баба-яга, которой детей пугают. Потом Гуковский мне сказал, что у нее базедова болезнь.

Меня особенно поразили в ее внешности тяжелые веки. Веки, которых хватало на то, чтобы прикрывать эти огромные вылезающие из орбит глаза. Теперь мне кажется, что она, ее внешность и неряшливый вид в том числе, и особенно эти веки, – что все это было воплощением, скульптурным выражением трагедии.

Я что-то лепетала или лопотала, – хотя, в общем, не очень-то умею это делать, но, вероятно, я бессознательно хотела казаться еще моложе, то есть притворялась, как могла, а она все молча слушала.

И только одну ее фразу я помню. Когда я сказала, что не верю себе, что вижу Ленинград, она ответила:

– Да, я тоже так, когда была в Париже.

Каковой фразой она меня окончательно добила, потому что Париж – это уже то, чего в реальности навсегда и окончательно нет. Только в книжках. Мы тогда все знали, что заграница – это миф о загробной жизни.

Были, в основном, ее молчания – она в ответ на мое негромкое лопотанье только опускала голову, как бы медленно кивала. Почти не улыбалась. Что-то вроде прошло около ее губ, когда я враждебно (тихо) спросила об усатом человеке: отчего он тут или зачем он тут?

А он был тут, веселый и довольный, и когда я собралась уходить, он весело говорил мне:

– Приходите, приходите к нам еще! Стихи почитаете!

Я всегда говорю, что никогда не писала стихов. Это не совсем правда. Пыталась – и все рифмовалось и ритмовалось, как надо, но даже меня эти мои стихи не интересовали; делала я это пото-

му, что хотела быть не хуже Лены Фельдман, девочки моего возраста, которая была прирожденным поэтом и, кажется, никогда не напечатала ни одной строчки. Но даже я даже тогда понимала, что ее и мои стихи из разного материала: мои как из детских кубиков, а ее словно бы сгущены из неких благородных газов, которые только по колдовству и могут быть соединены.

И я с ужасом еще раз подумала: ну, с чем я могу еще раз сюда прийти? Но неужели – никогда больше?

Едва выйдя, я стала думать словами: «Я видела Ахматову. Я видела Ахматову».

И девочкам в общежитии я рассказала: «Я видела Ахматову». Я рассказывала это всем сразу (нас было шестеро в комнате) и потом поодиночке, особенно напирая на тяжелые веки. И иногда, когда я прикрывала глаза (была у меня такая привычка – или появилась?), кто-нибудь говорил:

– Руфа опускает веки. Как Ахматова.

И еще рукой показывали, как я это делаю.

И все-таки со страхом и вожделением я думала о том, как опять пойду туда, в дом Главсевморпути.

У меня был номер ее телефона. Видимо, я тогда же и записала, не иначе – Пунин продиктовал. Усатый Пунин, который оказался не только мужем Ахматовой, – это я узнала довольно скоро, тоже от Гуковского, – но и знаменитым искусствоведом. Это я узнала гораздо позже, через годы. Тогда я даже слова этого не знала – «искусствовед».

Гуковский – несравненный, ни с кем не сравнимый, да никто и не пытался сравнивать, – только историки говорили: «А у нас Тарле!» – Гуковский читал у нас на первом курсе введение в литературоведение. Раз в неделю в Малом зале, который окнами выходил на Неву, и мы видели Исаакиевский собор и позднюю зарю за ним, и повторяли – всю зиму! – друг другу ахматовские строчки: «вновь Исаакий в облаченьи – из литого серебра». Потому что золотой его купол покрывался льдом и снегом. Лекции Гуковского были для нас, первокурсников, но в Малый зал (не такой уж малый, кстати!) набивались студенты со всех курсов, и красавица Таня Иванова неизменно садилась на подоконник, и ленинградское солнце бледно сияло в ее светлых волосах. Гуковский –

ему было тогда тридцать четыре года – говорил о ней старшим студентам, с которыми дружил: «Княгиня Волконская! Княгиня Волконская!».

Для введения Гуковский читал нам четырех поэтов: Пушкина, Державина, Маяковского и Блока. Как читал! Как рассказывал! Сейчас о нем говорят с придыханием, а в пятидесятом году он умер на Лубянке. Но тогда, в тридцать шестом, он еще только защитил диссертацию и стал доктором наук, и вся жизнь была впереди.

И вот, говоря о Маяковском, он вдруг сказал:

– Он был гораздо шире, чем его представляют теперь… Надо было видеть, как он носился с пастернаковскими «в тот день всю тебя от гребенок до ног…», говорил, что это можно сравнить только с пушкинским: «я утром должен быть уверен, что с вами днем (мы-то все ждем вечера, а тут – днем) увижусь я…». И Ахматову любил. Да-да, Ахматову! Удивляйтесь!

– И пел на мотив «Ухарь-купец»…

– Да-да, конечно, «Сероглазого короля». И это еще одно подтверждение.

Разговор пошел в сторону – так всегда у него бывало; потом он широким витком возвращался к предмету. Речь пошла о звукописи. Он сказал:

– Помню, Владимир Николаевич Шилейко, муж Анны Андреевны, все ее поддразнивал: «Мне дали имя при крещеньи Анна – сладчайшее для губ людских и слуха». И удивлялся: для губ, для губ!

Вот тут-то я и решила ей позвонить, обязательно. И услышала в трубке ее голос – глуховатый, носовой, очень, показалось мне, петербургский. Я спросила, можно ли прийти.

– Можно.

– А когда?

– Сейчас, – сказала она.

Через много лет я рассказывала об этом Лидии Корнеевне. Она усмехнулась:

– Она всегда так. Если можно – то сейчас!

И я помчалась. Все уже было знакомо – двор, лестница, темнота. Дверь открыл мне светловолосый молодой человек с аккурат-

ным бледным лицом, очень гладко причесанный, очень чужой. Он сказал: «Можно, можно!» – и повел меня в ту самую большую комнату. Кроме него, там никого не было.

– Мама сейчас выйдет, – сказал он. – Садитесь. Гумилев. Сын Гумилева. «Так, что сыплется золото с кружев…»

Он со мной разговаривал вежливо, без особого интереса, но очень вежливо. А я, конечно, пялилась. Как это возможно. Быть сыном Гумилева и Ахматовой. Я читала ростановского «Орленка». Там была строчка: «Мы, сыновья великих людей!».

Вот! Сын великих людей! Двух!

Отвлекусь. Потом оказалось, что Лев Гумилев бывает раз в неделю у нас на факультете. Он учился на историческом, но какие-то лекции историки слушали у нас. Я так думаю – политэкономию или, может быть, диамат-истмат. Потому что он эти лекции иногда пропускал (я свои тоже), и мы сидели на окне в коридоре и разговаривали. Правда, это не сразу наладилось. В первый раз я радостно поздоровалась, а он сделал вид, что меня не узнал. Я была оскорблена и унижена и на следующую неделю, когда он поздоровался, его не заметила. А коридор был вроде театрального фойе – все на переменах разгуливали там взад и вперед, и не встретиться несколько раз было невозможно.

Он громко сказал: «Здравствуйте». Я смотрела в другую сторону. На третий раз он меня остановил за локоть. Я локоть вырвала (семнадцать лет!), но остановилась. И он сказал мягко, убедительно, чуть шепелявым, очень чужим по интонации голосом:

– Вы меня не узнаете? Помните, вы к нам приходили?

И вот мы сидим на окне и разговариваем. Он рассказывает про своего лучшего друга («Николка мой»). Про этого Николку моя товарка по комнате, истеричка, рассказывала: «Он влюблен в такую девушку Нину и ходит за ней и повторяет: «Нина, вы – ландыш! Вы ландыш!». И я своему собеседнику это рассказываю, конечно, и он снисходительно смеется – «он у меня романтик!». Только теперь мне пришло в голову: может быть, этот «Николка мой» – Николай Давыденков, которого я никогда не видела, но о котором почему-то периодически что-то узнавала. В первый раз – вот тогда, в тридцать шестом году (если это он), потом

во время войны от жены его однодельца Али, или Шуры, как мы ее тогда звали (он сел в тридцать восьмом, с целой группой, но тут пришел Берия и выпустил эту группу), потом от мужа своего после лагеря (они вместе сидели в Карабасе), от Лидии Корнеевны, от Нины Николаевны Берберовой, наконец (она рассказала о нем в книге «Курсив мой»).

И если говорить о литературе, то надо сказать, что я читала его воспоминания об этом аресте, напечатанные при немцах под другой фамилией. Видимо, очень хотелось ему это напечатать, потому что он густо заправил книжку антисемитизмом – нельзя было без этого или полагалось так, или редактор потребовал? Между тем те, кого с ним вместе посадили, не все, вероятно, но именно тот, кого он в книжке вывел, – принадлежали к этому племени.

Той осенью в ленинградской газете появилось интервью с Анной Ахматовой!

Там она говорила о том, как ценит и уважает Пастернака, и цитировала свои строчки: «и вся земля была его наследством, а он ее со всеми разделил…». И в следующем, кажется, номере – ее стихи, может быть, именно эти, с обычным тогда: гонорар за эти стихи прошу передать в фонд помощи испанским детям.

В августе 1936 года, когда я сдавала экзамены, происходили три начала. Первый – процесс Зиновьева и Каменева; перелет Чкалова – Байдукова – Белякова. «Они опустились в заливе Счастья – Счастье – это не только залив», стихи Долматовского; видно, с этим полетом было не совсем благополучно, но все равно Чкалов стал чем-то вроде «советского Линдберга», его любил Сталин (даже как-то укрывал ему, сонному, ноги), о нем ходили легенды и снимались фильмы. Слава была больше гагаринской.

И вот третье – испанская гражданская война. Боже мой, сколько плохих стихов тогда было напечатано! Помню, Эренбург особенно злился, что имя Долорес (Ибаррури, конечно!), где ударение стоит на втором «о», «маниакально рифмуют со словом «наперерез». (Кстати, я знаю, почему «Долорѐс»: потому что «три красавицы небес» из знаменитой песенки требовали именно этой рифмы.) Но стихи низвергались потоком. Наша универси-

тетская поэтесса Серебровская, незадолго перед тем ставшая матерью, тоже написала стихи об испанских женщинах, и там даже была хорошая строчка: «две капли молока», которые выступили на кофточке у матери…

И вот Ахматова просит отдать гонорар испанским детям.

– Да, – говорит мой собеседник.

И рассказывает, что в доме не было ни копейки, и мать сказала: вот получу гонорар из газеты, купим водки, колбасы… И тут позвонили и говорят: Анна Андреевна, не хотите ли вы пожертвовать свой гонорар в пользу испанских детей? Ну что было делать?

И то, кажется, я в первый раз услышала, как это делается. И помню, меня очень поразило, что – «водки». В интеллигентной среде, кажется мне, тогда водку не очень пили, с радости, во всяком случае. Но – могу и ошибиться, будучи одесситкой. Тогда там считалось, что водку ни с того ни с сего пьют только биндюжники.

Он первый заговорил о своем отце, я бы, вероятно, не посмела. Он рассказал, как, когда ему было четыре года, отец дал ему какую-то очень серьезную книгу (не помню названия, потому что оно ничего мне не сказало), и он попытался ее читать. Ничего не понял и бросил. Отец очень сердился. Но через некоторое время он опять попросил какую-нибудь большую книгу, и отец дал ему толстенную книгу по истории…

– И вы опять не прочли?

– Нет, прочел. (Он самодовольно усмехнулся.)

– И не поняли?

– Все понял.

И тогда я его спросила:

– Ну, а если вас спросить, как детей спрашивают, кого вы больше любите, папу или маму?

(В детстве на этот вопрос полагалось отвечать: одинаково! И родители на ревнивые вопросы старших детей, кого ты больше любишь, меня или ее (его), отвечали: одинаково.)

Я, помню, сконфузилась, когда этот дурацкий по бестактности вопрос задала. Но, против ожидания, он ответил очень серьезно:

– Папу, разумеется.

Он еще что-то сказал, но я была оглушена ответом и тем, что он совпал с предвидением.

– Я все читала, – хвастала я, вероятно, ответив на вопрос, в свою очередь. – И «Стол», и «Мика», и даже статьи. Даже наизусть запомнила: «А что стихи есть более высокая ступень, знает каждый, кто, долго обтачивая кусок прозы, силится сдержать рождающийся ритм».

Я и сейчас эту цитату привела наизусть, так она меня когда-то поразила точностью наблюдения.

– А вот вы не читали «Стихи о голубой звезде». (Так мне запомнилось, наверное, он сказал «К синей», но я пишу только, как запомнилось.)

Я с огорчением призналась, что нет, не читала. Но он объяснил, что я и не могла читать, потому что вышла эта книжка за границей.

– А вы сами… вы пишете стихи?

– Пишу.

– Хорошие? (Это я спросила.)

– Хорошие, – сказал он убежденно.

Он держал себя так, как и должен был, вероятно, и произвел на меня впечатление абсолютного «контрика», и я – еще одесситка в душе, еще не ошарашенная тридцать седьмым и последующими тридцатыми годами, – приняла это тоже совершенно естественно.

Он рассказал мне анекдот про неверующего пономаря. Священник захотел просветить его душу: «Ну, вообрази, ты забрался на колокольню, упал оттуда и не разбился. Что это будет?». Пономарь ответил: «Случай». – «Ну, а если ты второй раз упадешь и не разобьешься, тогда что это будет?» – «Совпадение», – отвечает пономарь. У батюшки, видно, не было в запасе ничего другого. «Ну, а в третий раз упадешь, то это…» – «Это будет привычка», – ответил пономарь.

– И вот я тоже говорю: если меня в третий раз посадят, и я выйду – это будет привычка.

Я услышала в этих словах – пожалуй, тогда же услышала, – и браваду, и рисовку (привычную), и самую подлинную игру с огнем. И подумала с уважением: наследственное! И ужаснулась – вот к чему он себя готовит.

Я думаю, он не старался быть, как отец, но, скорее всего, судя по воспоминаниям о Гумилеве, которые мне довелось читать, он был на него человечески похож. Он, по-моему, был, как это в моем одесском детстве называлось, «фасонщик», в литературном переводе это означает, вероятно, – воображала. Только для того, чтобы соответствовать созданному образу, готовый на все. Но по собственному кодексу. Как-то наши встречи и разговоры тогда прекратились сами собой – по-видимому, историки стали слушать лекции в другом месте. А потом его и в самом деле арестовали в третий раз, в тридцать восьмом году. Потом я его видела всего однажды – после войны, на Дворцовом мосту. Он остановил Юру Макогоненко, с которым мы шли. Я сразу его узнала – он не изменился. Ему предстоял – но мы еще об этом не догадывались – еще один, четвертый арест. Наверное, он вспомнил пономаря тогда, когда в четвертый раз освободился. И может быть, признал, что это было чудо. Чудо смерти Сталина.

Признаюсь, вот этот второй свой приход я запомнила только как встречу с Левой. Вероятно, Ахматова, в конце концов, все-таки вышла в столовую. Ничего не помню, только Леву, вежливого и незаинтересованного, за обеденным столом.

Но зимой, в декабре, я опять позвонила и на вопрос «когда можно прийти?» услышала: «Сейчас».

И вот это была встреча, которая сохраняется в памяти, как в морозилке, но оживает во всей свежести. Несмотря даже на то, что я столько, так часто и так подробно о ней рассказывала. Я помню, вижу ее и слышу. И еще помню осязательно тепло и уют. Правда, не помню, на чем сидела, но это, думаю, от восторга.

Это была крошечная комнатка, в которой мы сидели, – туда попадали прямо из столовой, мимо стола, мимо дивана. И там горела одна лампочка в одну свечу, как мне показалось, и она освещала книги – мне страшно хотелось посмотреть, потрогать книги эти в каких-то несовременных переплетах; они были на этажерке. А над тахтой, где сидела Ахматова в синем трикотиновом платье, – была, была тогда такая материя, из которой в Советском Союзе шили платья, а на Западе – белье, – так вот, сидела она

в этом платье, и на плечах у нее была шаль, а на стене над тахтой были две картинки: на одной какие-то нарядные бабы, на другой – длинное некрасивое мужское лицо. Про лицо Анна Андреевна сказала, что это портрет Хлебникова работы Маяковского, а про баб – что это Судейкин. Имя Судейкина тогда мне ничего не говорило, но Маяковский, да и Хлебников – ого! Она небрежно сказала: Маяковский подарил.

Мы разговаривали. В первый раз. Я осторожно спрашивала, она легко отвечала. Я спросила, кого она любит из поэтов. Она сказала: Пастернака. Вы же, наверное, читали, в газете я приводила: «Он, сам себя сравнивший с конским глазом…».

И дочитала до конца четверостишие. Ее чтение мне не понравилось, хотя я много лет себе в этом не признавалась. Она не читала, не декламировала – она гудела, как-то в нос, на «у». Рот у нее был маленький и узкий – или таким мне казался, – и все гласные получались очень закрытые. Примерно: оун сом себио… И в этом роде. Никогда не слышала ни такого гуденья, ни такого произношения. Я уже слышала поэтов – и школьных, и университетских. У плохих была восторженная интонация, у хороших – задумчивая интонация, но никто не гудел, не «гундел». Правда, я сразу поняла, – и не скидку на это сделала, а скорее, «накидку», то есть прибавила цену: так это делали тогда.

Не так давно я прочла в воспоминаниях Бориса Анрепа: «Н. В. (Недоброво. – **Р. З.**) никогда не пел своих стихов, как большинство современных поэтов».

Это воспоминание относится к 1916 году. И об ахматовском чтении стихов в 1965 году: «Певучее чтение мне казалось вытьем, я так давно не слыхал ничего подобного».

Даже на чтение стихов существует мода. Помню, в начале семидесятых я прочитала дочери какие-то стихи. Она поморщилась: «Ты читаешь с выражением». Тогда – да, похоже, и сейчас – и в России, и на Западе стало модно читать стихи тихо и тускло. И не только стихи. Вероятно, в этом сказывается весьма почтенное нежелание навязывать свое понимание, свою волю.

Я спросила Анну Андреевну, любит ли она Блока. Рассказала, что у нас Гуковский читает Блока, – вы ведь знаете Гуковского?

– О, конечно! Он был мужем Наташи Рыковой, моей любимой подруги. Ему тогда было девятнадцать лет – но он уже и тогда был такой, как теперь. Все знал!

– А знаете, он на лекции рассказывал, как Шилейко (я не знала имени-отчества Шилейко, так бы я сказала, например, Дельвиг, – кто же его по отчеству?), как Шилейко про эти стихи: «Мне дали имя при крещеньи Анна, сладчайшее для губ людских и слуха…».

Она усмехнулась воспоминанию, но возразила:

– Я вовсе не хотела сказать, что это был губной звук.

Много – двадцать девять! – лет спустя я брала у нее интервью для журнала «Произведения и мнения» (на иностранных языках) – там оно в причесанном и отглаженном виде было напечатано. Так вот, когда я уже уходила, взяв интервью, она сказала:

– Только, пожалуйста, не давайте прямую речь. Это всегда… не точно.

Я обещала. И теперь, когда даю тут ее слова, то только те, что врезались. И то – стараюсь без кавычек.

Я рассказала, что, по слухам, жена Блока была очень красива. Женщина, видевшая их после свадьбы, восклицала: «Весна! Совершенная весна!». (Имела она в виду, вероятно, оперу «Снегурочка» – ее семья была музыкальная.) И Анна Андреевна возмутилась:

– Ну какая там красивая! Белая, толстая… купчиха… Нет, конечно!

И лучше, чем слова, помню голос, а лучше, чем голос, – телодвижение: передернула плечами. И на лице гримаса отвращения.

Не принимала. Потом, через десятилетия, я прочла в чьей-то статье (не Филиппова ли?), что Анна Андреевна не любила всех жен (Н.Я. Мандельштам, кажется, исключение единственное). От Гончаровой начиная, конечно, и кончая этой: «Красотка очень молода». Ревновала? Как бы это сказать поточнее: негодовала, что первые движения мысли, духа шли не туда, не по адресу, а в пропасть, в ничто. Безотчетно.

Марина Цветаева – тоже ревнивая – это очень понимала, и именно она нашла утешительный ключ: полнота стремится к пустоте.

Но одно дело в воображении, другое дело – в реальности, в быту, во всамделишности. Ведь она ее встречала, знала в лицо. Да и тогда, в тридцать шестом, Любовь Дмитриевна жила тут же, в Ленинграде. Басаргина, кажется, была ее сценическая фамилия? Толстая, белая…

Помню, про Есенина (я тогда доживала свою отчаянную в него влюбленность) сказала: с Клюевым приходил… Такой мальчик-мальчик…

И про Брюсова: это не поэт (кстати, от нее я впервые услышала слово «поэт» через полное, круглое «о» и сама стала так говорить, хоть и стеснялась. А сейчас все так говорят). Не поэт… (жест). Века и народы!.. Повторила: века и народы. И легко махнула рукой.

О Мандельштаме – ни слова. Я тогда и имени его не знала. До самого сорок третьего года, когда мне прочли «Волка».

И вдруг посреди разговора она сказала: – Хотите, я вам стихи почитаю? И мой чуть не вскрик.

Она прочитала четыре. Первое было «Когда я ночью жду ее прихода…». Это то самое, которое 28 лет спустя она читала в Италии, когда получала премию Таормина. (В прелестных воспоминаниях Ирины Пуниной (дочери Н. Н.) рассказывается, как это было. И как Твардовский одними губами беззвучно повторял: «Что почести, что слава, что свобода».) В ту минуту я не задумывалась, запоминала, присваивала, заглатывала – и для того, чтобы потом повторить другим, похвастать. Не собой, но все же…

И вот вошла. Откинув покрывало,
Внимательно взглянула на меня.
Ей говорю: «Ты ль Данту диктовала
Страницы Ада?» Отвечает: «Я».

Я думала тогда, это – личное. Про то, что тогда еще, кажется, не называлось «личная жизнь». Грядущий Ад еще не наступил – только кончался тридцать шестой. И несмотря на тот первый, августовский процесс, – становилось легче. И в высшие учебные заведения принимают по знаниям – ну, по отметкам, если хотите. И Демьяну Бедному попало за «Богатырей» –

историю как бы реабилитируют в ее классическом виде. И вот Ахматову напечатали…

– Ты вспомни, – сказали мне теперь, недавно, когда я об этом говорила, – ведь она-то все помнила, она же всех потеряла…

Да, но в это, как раз в это время, когда она прочла мне «страницы Ада», у нее-то пошло все лучше?

И все-таки, думаю – нет. Я знаю – поэты что-то слышат, чего не слышим мы. Чего не слышат другие. Словно бы себе напророчила и «Реквием», и «Падишаха», и блокаду… Потому что до этого – не было оснований узнавать в милой гостье дантовскую музу. А вот узнала. До всех очередей на улице Воинова.

И другое стихотворение – опять про Данте: «Он и после смерти не вернулся… в старую Флоренцию свою».

Сразу вспомнила ее голос, похожий на ветер в трубе. Этим голосом она говорила: «Я видела приговор… Он должен был пройти по улицам Флоренции босой, в рубахе, со свечой… Старинная бумага, очень плохая латынь…».

Странная вещь. В это время Данте в Ленинграде, да позволено мне будет так выразиться, «вошел в моду». Всюду говорили о переводе Лозинского. А немного раньше начинающий писатель Кронид Гарновский – я прочла об этом в его неопубликованной повести-воспоминании – стал переводить «Божественную комедию» в честь Ирины Кнорринг, своей Беатриче. (Ирина Кнорринг – не известная парижская поэтесса, а ее тезка и младшая современница, ленинградская студентка 30-х годов.) Гарновский перевел несколько песен, и хорошо перевел, и в издательстве понравилось, и ему сказали, что уже сдан в редакцию перевод Михаила Лозинского.

И это, ахматовское, осенью тридцать шестого года созданное «Он и после смерти не вернулся…».

Третье было: «Не прислал ли лебедя за мною…». Там были слова: «Ты весной шестнадцатого года…». Теперь это печатается иначе: не «ты», а «он». Но тогда было «ты». Кто? Откуда мне было знать тогда? Это теперь я знаю благодаря Филиппову и Струве, благодаря сэру Исайе Берлину, благодаря тартуской школе, благодаря времени, которое все засыпает своим песком, и сыпет, и сыпет, и сыпет, пока вдруг само не сдует его прочь. Но услышь

я тогда имя Бориса Анрепа, к которому эти стихи обращены, я бы не поверила. Это должен был быть кто-то знаменитый, кто-то вроде Блока. Первое, что я услышала об Ахматовой: «Она любила Блока». Легенда, к которой она, по-видимому, сама была причастна. Иначе откуда же у матери Блока рассказ:

«…Я все жду, когда Саша встретит и полюбит женщину тревожную и глубокую, а стало быть, и нежную… И есть такая молодая поэтесса, Анна Ахматова, которая к нему протягивает руки и была бы готова его полюбить. Он от нее отвертывается, хотя она красивая и талантливая, но печальная. Он этого не любит. Одно из ее стихотворений я Вам хотела бы написать, да помню только две строки первые:

Слава тебе, безысходная боль, –
Умер вчера сероглазый король…

Вот можете судить, какой склон души у этой юной и несчастной девушки. У нее уже есть, впрочем, ребенок».

Это из письма, написанного в начале 1914 года. Слухи, легенды, иная реальность.

А реальный Борис Анреп через шестнадцать лет после того, как Ахматова прочла мне эти поразившие меня стихи, увековечил ее лицо в мозаике.

А теперь обратно, в ту крошечную комнату. Последнее, что она прочла, было:

От тебя я сердце скрыла,
Словно бросила в Неву…
Прирученной и бескрылой
Я в дому твоем живу.

Тут уж, казалось мне, я поняла все: конечно, это «тому человеку», Пунину. «Одинокой и бескрылой я в дому твоем живу… одинокой и бескрылой»…

Так мне тогда запомнилось – «одинокой», и так я повторяла. Хотя «прирученной» куда лучше. Но, видно, «одинокой» больше соответствовало моему представлению.

Я шла домой и повторяла стихи – как оказалось потом, когда я прочла их глазами, почти не перевирая, только вот это – «одинокой»… Некоторые я вспомню вечером. Слова Ахматовой сами помогают себя вспомнить – уж очень они точные. Я вспоминала и повторяла. И ликовала: в первый раз мне в этом доме было хорошо. Как-то вдруг Ахматова и все, в чем она жила, перестало принадлежать к поколению родителей. Она стала такая же живая, как моя подруга… Словно вышла из портретной рамы – зашевелилась, потеплела, а потом и вовсе соскочила в нашу трехмерность из своего четвертого измерения. Потому что живет она там – в весне шестнадцатого года. А сюда соскочила на часок – ко мне.

И голос с подвывом, которым читались стихи… Когда я шла домой, это тоже стало подарком – вот никто не знает, как это делалось «тогда», а я знаю… Боже, сколько я узнала, сколько услышала, увидела, поняла, наконец. И обогрелась – у какого-то неожиданного, чуждого, странного, как бы иностранного, а может, инопланетного тепла…

И теперь вдруг понимаю – если так чувствовала я в тридцать шестом году, то что же это было через двадцать, двадцать пять лет для тех, новых, в тридцать шестом еще и не родившихся? Для тех, кого потом называли «ахматовские сироты», – для Бродского, Бобышева, Наймана, Рейна? Впрочем, они были поэты, а кроме того – ленинградцы, а кроме того, в памяти у них был не семнадцатый, а сорок шестой. И вообще – рука, протянутая через поколение, – не отцам, которых не приемлешь, а дедам, и в литературе, и в жизни несомненнее, как выбор, а не данность.

И еще одно важное. Они не только связи с прошлым искали. Помню, редактор последнего прижизненного сборника Ахматовой говорил ей:

– А не лучше ли вместо того, чтобы вводить все новые и новые стихи, расширять сборник за счет моих любимых старых – ну, например, этого: «Звенела музыка в саду…». Или, например, – «Ты верный и нежный…». Читатель ведь любит, их ждет…

Вероятно, такие изъявления любви особенно больно ранят поэта. Пушкин не хотел оставаться для новых поколений «певцом Людмилы и Руслана». Пастернак не любил своих моло-

дых стихов. Маяковский удивлялся, что его «Облако в штанах» еще помнят… Поэт может мечтать о славе или пресытиться ею, но ему важно быть живым среди живых. И четыре непочтительных мальчика не просто ловили слова и суждения Анны Ахматовой, не только читали ей свои стихи, но и, сознательно или бессознательно, включили ее в свое соперничающее содружество. Она стала не только центром этого маленького кружка, но и его равноправным членом, где ее поэтическое слово существовало, обрело существование в поэтической реальности шестидесятых и предстоящих годов.

Все это пришло мне в голову теперь, когда стала вспоминать. В 1936 году, выходя от Анны Ахматовой, я просто была счастлива – словно меду напилась.

Очень скоро после этой счастливой встречи начались зимние каникулы, и я уехала домой, и рассказывала тем, кому это могло быть интересно (их в Одессе тогда немного было – из этого города была выпущена литературная кровь), и читала наизусть то, что запомнила. Я вернулась в Ленинград только в марте 1937 года. Позвонила – «нет, сейчас нельзя». Еще позвонила, и еще – но ни разу не было: «Приходите сейчас!». Ни разу. И я отстала.

Шел тридцать седьмой год.

Тридцать седьмой год катился мимо меня. Собственно, по-настоящему все началось после того, как товарищ Сталин сказал, что нельзя объявлять троцкистом того, кто случайно по одной улице с троцкистом прошел. Это было весной, я слушала эту речь его по радио, раздававшемуся из соседней комнаты. В нашем лифлийском общежитии на Мытнинской набережной была хорошая слышимость. В соседней, 13-й комнате, жили мужчины, в том числе Ахилл Левинтон, скептический одессит. И когда речь закончилась, он, скептик, захлопал. Мы тогда еще не знали, даже Ахилл не знал, что каждое такое сталинское тактическое отступление, словесная рокировка – сигнал к избиению неверных, к варфоломеевской ночи на годы и годы; не умели еще расслышать «ату его!» в кавказском неторопливом голосе. Потом научились.

И все-таки и тридцать седьмой, и следующий – тридцать восьмой – а я до самого мая, до отъезда в Испанию провела его

в Ленинграде – прошли, прошли мимо, все-таки мимо, и это значит, не по костям. Я не была не только комсомолкой – меня даже в профсоюз не приняли. Единственный, пожалуй, на факультете случай: профорг нашей группы, очень активная девушка из Киева, совершенно неожиданно, когда на приемном собрании дошло до моей фамилии, сказала: «У меня есть отвод». Отвод за то, что у меня бывают пропуски (прогулы, по-тогдашнему). Я сказала – это же университет, не обязательно же на все ходить. Тут я сразу получила по рукам от секретаря профкома, тоже активистки: «…может быть, это очень милая наивная первокурсница, но…». И не приняли. В коридоре меня ждал будущий профессор Тураев: «Ну, приняли?» – «Нет». Он удивился безмерно, спросил: «Шутка?».

Это я к тому, что меня исключать было неоткуда, и об исключениях, которых становилось все больше и больше, так что к тридцать девятому году, по определению Ахилла Левинтона, двести пятьдесят человек исключило из своих рядов шестьсот, – так вот об этих исключениях я узнавала только из «рассказов по секрету». Комсомольцам не полагалось делиться своими делами с внесоюзной молодежью. Но, конечно, я читала объявления на стенах факультета.

На обойной бумаге, крупно: персональное дело… И еще крупнее – фамилия. Навеки запомнились две: Борщ и Гроза. Это были молдаване, их посадили. Как и немцев, как и финнов, и северян, и каких-то невнятных нацменов… Помню немца, Арно Плантнера: он был романтик, носил на груди в прямоугольном медальоне фотографию Тани Ивановой (той самой красавицы «княгини Волконской») и говорил: «Это моя иконка». Он исчез раньше всех, и я ничего не знаю о нем, кроме имени и этой знаменитой на факультете «иконки», но пусть сохранится его имя, пусть кто-нибудь подумает о нем хоть в эту минуту.

Из простенков университетского коридора исчезали портреты профессоров, пока, наконец, кто-то не догадался вообще уничтожить эту портретную галерею. Потом из витрины на Невском исчезли три маршала – осталось два. Время катилось под грохот и скрип невидимых тележек с приговоренными. И в это время пришлось нам жить, ходить на лекции Гуковского, целоваться

на спусках Невы – «у шаров», сдавать политэкономию но первому тому «Капитала», процарапывать первые углубления в стенах каменеющего общества – для будущей экологической ниши, хотя мы сами этого не понимали. Мы читали старые книги в то время не по курсу, не для экзаменов, не для наслаждения даже и не для эскепизма: мы искали и находили в книгах объяснения и исторические параллели.

…Я видела Ахматову несколько раз за тридцать последующих лет. В Ташкенте на улице, – если бы я не знала, что она там живет, может, и прошла бы мимо. Она пополнела и ничуть не была похожа на себя зимы тридцать шестого года: красивая элегантная старая дама. Благополучная. У меня была уже ее крошечная ташкентская книжка. Я знала, что раньше вышла в Ленинграде другая, – «Из шести книг». Это все было очень удивительно, и радостно, и почти невероятно. Я поздоровалась, остановилась, что-то сказала про то, как она прекрасно выглядит. Сказала, что приходила к ней в тридцать шестом году.

– Ах, да, – сказала она приветливо. – Вы, кажется, стихи читали.

И то сказать, зачем бы я приходила, если бы не свои стихи читать.

И еще раз я видела ее зимой сорок пятого – сорок шестого года в Ленинграде, в гостиной Дома ученых. Это был ее вечер. Горел камин, она читала стихи стоя; Борис Михайлович Эйхенбаум тогда говорил (почему-то мне кажется, после стихов) о том, что женщине дано сохранять и передавать память. Это были удивительно свежие слова – для меня, во всяком случае. Как сказали бы теперь, «нормальные». То есть естественные, выражавшие мысль, результат мышления. И это было удивительно, потому что несмотря на тихий жар камина и мягкую мебель, и даже приглушенное освещение, это было официальное «мероприятие» Дома ученых, внесенное в календарный план работы, и что бы ни читал приглашенный поэт, грусть даже Ахматова, но слова о ней ожидались привычные, клишированные, жестяные…

Через полгода был доклад Жданова и «Постановление», и там слова были уже не жестяные – свинцовые. Девять граммов свинца весило каждое слово.

Передавали: Сталин сказал, что он два года будет заниматься только идеологией. Кажется, так оно и было, ну, с некоторым перевыполнением. Два с половиной. До весны сорок девятого, когда закончился первый всплеск антикосмополитической кампании. Дальше он, видимо, пустил дело на самотек. И перешел к языкознанию.

И как-то очень быстро или, может быть, очень закономерно после сорок шестого наступил сорок девятый год и новый – по убывающей – всплеск террора, на этот раз нас с мужем не миновавший. В течение двух лет мы, каждый дорогами собственной лагерной судьбы, неуклонно двигались на восток; муж достиг Колымы, а меня остановило в Райчихинске: есть такой небольшой город в Уссурийском крае – там уголь залегает неглубоко, и его добывают не в шахтах, а в открытых «разрезах».

Вот там, в Райчихинске, девочки, с которыми мы вместе приехали из Чистюньских лагерей, решили раздобыть мне блатную работенку, чтобы я могла возглавить нашу театральную самодеятельность, которую они, конечно, называли «агиткой». Почему они так решили и как это сделали, – до сих пор не знаю, но меня вызвали к начальнику лагпункта на «интервью», чтобы сделать начальницей ларька.

Мне совершенно не хотелось никакого ларька, я денег боялась, как огня, и к счастью, начальство, проводившее интервью, сразу поняло, что я для этого не гожусь. Но первый вопрос, который был мне задан, заслуживает внимания.

Начальник, крупный мужчина, похожий на медведя, с медвежьей невнятной речью, спросил:

– Из Ленинграда, значит? И эту… Ахмакову… знаете?

На дворе уже был пятьдесят первый год, но для этого человека, вряд ли проводившего много времени за чтением художественной литературы, два понятия, нет, не понятия, просто два слова – «Ленинград» и «Ахматова» – слились воедино. Бедняга, он, конечно же, прорабатывал на партсобраниях «Постановление о «Звезде» и «Ленинграде» и задолбил фамилии Ахматовой и Зощенко… К тому времени никто уже не помнил, что Ленинград – колыбель революции. Ленинград был городом, про который надо было заучивать длинное и совершенно загадочное

постановление: ни шпионажа, ни вредительства, слова непонятные: «блудница», «моленная»…

И все-таки странно мне было услышать эту перевранную фамилию в семи часовых поясах от Невы.

Нет, я ни разу не встретилась с ней больше – до самого 1964 года. Когда она уже была в полной славе, когда уже был в ссылке Бродский, когда уже позади были и Таормина (первая и последняя полученная ею литературная премия), и Оксфорд, когда Вера Панова, услышав от Евгении Гинзбург, что она была у Ахматовой, спросила язвительно:

– Ну что, водила вас по себе, как по музею?

Меня не водила. Меня к ней послал журнал «Советская литература» на иностранных языках, точнее – его отросток, который назывался «Произведения и мнения» (тоже на иностранных языках). В общем, мое интервью с Ахматовой вышло в обоих одновременно – в марте 1965 года: очень скоро, необычно скоро после того, как я его взяла.

Интервью было как интервью, вопросы самые ординарные – над чем работаете, есть ли у вас определенные рабочие часы (ее этот вопрос даже развеселил – она ведь и за пять минут до того, как начнутся стихи, этого не предвидит!), правда ли, что она считает наше время золотым веком русской поэзии (да, потому что никогда не было к поэзии такого широкого, общего, универсального интереса. Попутно я узнаю от нее – опять узнаю! – что выражение «серебряный век» принадлежит Бердяеву). Я ушла довольно скоро, озабоченная тем, что надо будет прийти еще раз, чтобы авторизовать интервью и ни в коем случае не допустить там прямой речи. Я-то не допустила, но редактор немедленно преобразовал косвенную речь в прямую, – и убрал все мои реминисценции 1936 года. Лозунг в это время был «не надо сыпать соль на раны!».

Я пришла еще раз, прочла свой текст… Кстати, там было единственное наблюдение: классической челки не стало, лоб открыт… Я скосила глаза на Анну Андреевну и увидела: она с лукавой улыбкой выпускает челку на прежнее место.

Комната была не та, и Ахматова была не та, и окружена она была плотно молодыми поэтами, годившимися мне в сыновья, –

а у нее к ним возрастной ценз не применялся: она была в кругу поэтов. И в Италию она ездила, и в Оксфорд, и слава уже не погремушкой трещала, а облекла ее, как облако, и начальство преклонилось… Ей удалось немыслимое: она добилась у Суркова московской квартиры для Надежды Яковлевны Мандельштам. Она была этим смущенно счастлива, так мне показалось. Я сказала, что даже Фриде это не удалось. Она спросила с удивительной, незнакомой мне прежде, от глубин души, интонацией:

– Что с Фридой?

Она еще не знала, что у Фриды рак. Я сказала, что мы все надеемся.

Она показалась мне в тот раз счастливой. Во всяком случае, таким представлялось мне возможное счастье: человек чувствует себя уютно в собственной коже. И Модильяни – ее портретик – уже висел чуть не во всех интеллигентных обиталищах Ленинграда, вытеснив Хемингуэя. Она много улыбалась, шутила, охотно читала отрывки из своих литературоведческих штудий: «Не бойтесь, я не стану вас душить трагедией в углу», – и о Лермонтове фрагмент, не знаю, напечатанный ли когда: «В прозе он сам себя опередил на целое столетие…».

Прекрасный вечер жизни.

А вот стихи того времени. Того счастливого времени:

Как идола, молю я дверь:
Не пропускай беду!
Кто воет за стеной, как зверь,
Что прячется в саду?

Вспоминаю: зимой шестьдесят второго года в Комарове я спросила Лидию Корнеевну, кто это в «Поэме без героя» – «гость из будущего»? Она засмеялась и сказала:

– Английский лорд!

Я была так потрясена, что больше ни о чем не расспрашивала. Лет через пять в Зеленогорске на даче по Би-Би-Си – его не глушили, значит, это было до Чехословакии, – я услышала лекцию об «Отцах и детях» – да-да, просто о тургеневском романе. Голос был незнакомый, я включила радио с запозданием, так что знать

не знала, кто это так прелестно и умно, и даже весело о Тургеневе рассказывает. И язык был такой – не советский русский, но очень русский, прежний русский, и в манере говорить такая естественная свобода…

Потом, когда он закончил, диктор сказал, что лекцию об «Отцах и детях» прочел сэр Исайя Берлин. Он сказал о нем всего несколько слов – о его ученых заслугах и о том, что он ездил в Советский Союз вскоре после войны. Тут я поняла, кто же был «английский лорд». Мы встретились с сэром Исайей через много лет в Пизе, на симпозиуме по Просвещению. Пиза для меня – одно из сильнейших итальянских впечатлений. Во-первых, самое первое; во-вторых, Площадь Чудес, которая полностью оправдала свое название, реализовав детскую мечту о рафинадном городе; в-третьих, и, пожалуй, в самых главных, сэр Исайя. Нас к нему подвели во дворе университета. Его держал под руку кто-то из молодых профессоров, и я уже подготовилась к встрече с развалинами Помпеи. Худой, выше среднего роста, в темных очках… И тут он заговорил – весело, оживленно, засмеялся – не рассмеялся, а просто закатился смехом. Это когда его назвали Энеем.

– Эней? Да, да, я знаю, что я в Советском Союзе получил эту репутацию. Ну как же! В Лондоне живет Саломея Андроникова – может быть, слышали? Она не то чтобы красная, но, скажем, розовая. И вот она мне написала, что больше не может со мной поддерживать отношения, раз я так поступил с Ахматовой.

«…Всегда нарядней всех, всех розовей и выше…»

Знаменитая история о том, как сэр Исайя Берлин посетил Ахматову в Фонтанном доме (она считала, что именно это вызвало ждановское постановление и даже холодную войну), рассказана им самим, и этот рассказ вышел на русском языке (в переводе). Я впервые услышала эту историю из его уст тогда, в Пизе, а потом еще раз, десять лет спустя. Все дело в том, что крепко выпивший Рандольф Черчилль (сын Уинстона Черчилля!), который на беду в то время случился в Ленинграде, с решимостью британца среди ночи пришел искать Берлина во двор Фонтанного дома. Он не знал номера квартиры, более того, не знал, к кому тот от-

правился. Но он твердо решил его найти. И, остановившись посреди огромного двора, рявкнул что было мочи:

– Изайя!

– Представляете себе? Я своим ушам не поверил. Мы и знакомы-то почти не были. Но опять слышу свое имя. Выглянул в окно. Да, он, Рандольф Черчилль, стоит посреди двора. Ну, я, конечно, помчался вниз – он мог бы вызвать у вас новую революцию!

Если допустить, что по чьему-то недосмотру, – маловероятно, но все-таки! – за профессором Берлиным никто не пошел следом… Да нет, и этого не могло быть, конечно, кто-то потащился. Но уж Рандольф Черчилль, да еще и пьяный, не тот зверь, которого можно выпустить на ночные улицы Ленинграда без наблюдения. Интересно, сколько человек было поднято на это дело? И прочтем ли мы когда-нибудь в «Огоньке» их воспоминания?

Сэр Исайя и сейчас, сорок с лишним лет спустя, человек обаятельный, притом из тех, кто никаких усилий к этому не прилагает. Ему просто очень интересен тот, с кем он в данную минуту разговаривает; он без напряжения улавливает ход его мысли, мгновенно и деликатно угадывает подтекст, радуется шутке; он не монологист, хотя и великолепный рассказчик; он – собеседник, не подавляющий ни на минуту ни своей образованностью, ни своим изысканным чувством юмора. Тогда, в сороковые годы, он был уже очень знаменит в Англии; о нем рассказывали анекдоты (в пушкинском, старинном смысле), повторяли его словечки. Он был первым профессором Оксфорда – евреем, кем-то вроде Дизраэли от литературоведения. И он один из тех немногих, кто чувствует себя вполне уютно в собственной шкуре – ни кокетства, ни позы, а если и есть поза, то – «ваша правда, так надо играть». Когда его спросили, как его отчество, он сказал:

– О, меня называют и Максимовичем, и Михайловичем. А на самом деле я – Менделевич.

Умный человек. Умнейший. Прочно стоящий на земле, но понимающий тех, кто живет в ритмах и синкопах собственного воображения. Человек, ставший при жизни поэтической легендой, и этим нимало не озабоченный, слушающий, умеющий слышать других.

Но понял ли он, что и в самом деле стал Энеем? В поэтической реальности. И что розовая Саломея, давно уже «Тень», тут была права?

– Впрочем, мы с ней довольно скоро помирились, – сказал он.

Рассказывают, что он немало ей помогал в последние годы ее жизни. Как и многим другим, впрочем.

Года полтора назад мне опять посчастливилось увидеть этого удивительного человека в его кабинете в Оксфордском колледже Всех душ. Вот тогда-то он и велел посмотреть анреповские мозаики.

– Скажите там работникам, что вы от меня. Пусть они вам дадут фотографии этой мозаики. У них есть.

Он произнес «мозайки». С ударением на первом «и». Конечно, мы пошли в Национальную галерею на следующий же день. Стихов Ахматовой я не перечитывала давно, но дала себе слово – как только вернемся домой, непременно…

Вот эти стихи, которые я помнила (с пропусками) более пятидесяти лет:

Не прислал ли лебедя за мною,
Или лодку, или черный плот?
Он в шестнадцатом году весною
Обещал, что скоро сам придет.
Он в шестнадцатом году весною
Говорил, что птицей прилечу
Через мрак и смерть к его покою,
Прикоснусь крылом к его плечу.
Мне его еще смеются очи
И теперь, шестнадцатой весной.
Что мне делать! Ангел полуночи
До зари беседует со мной.

Под стихами стоит дата: «Февраль 1936». Через шестнадцать лет, в 1952 году в Лондоне состоялось открытие мозаики Бориса Анрепа, выложенной на полу вестибюля Национальной галереи. Он считал, что на полу мозаичные портреты доступнее смотрящему. Мозаика имела общее название – «Современ-

ные добродетели». Добродетелей – то есть сюжетов картин – пятнадцать. Это одновременно и портреты. Так, сюжет «Вызов» изображает Черчилля, который вызывает на бой чудовище в виде свастики, поднявшееся у белых скал Дувра; поэт Элиот (сюжет «Досуги») созерцает добродушное чудовище Лох-Несс; актриса Лоретта Янг (сюжет «Компромисс») олицетворяет англо-американскую дружбу; в сюжете «Сострадание» изображена Анна Ахматова.

Вот и не верь после этого в ритмическую мистику чисел. «Ты в шестнадцатом году весною» (то есть когда миновало 16 лет) – и открытие мозаики через шестнадцать лет после проставленной под стихами Ахматовой даты.

В брошюре, посвященной мозаикам Анрепа, – мы таки выпросили ее, сославшись на профессора Берлина, – об «ахматовском сюжете» говорится: «русская поэтесса Анна Ахматова, которую ангел спасает от ужасов войны».

Интересно, доложили ли тогда в Москву об этом? Пятьдесят второй год в Советском Союзе был мрачный…

Когда рассматриваешь «Сострадание», в первую минуту чувствуешь – это не то, чего вы ожидали. Вы думали увидеть сострадание ее, героини, к другим. И вдруг – она оказывается не субъектом, а объектом сострадания: среди скелетов и обрушившихся кирпичей блокадного Ленинграда ангел с опущенными крыльями и поднятыми, оберегающими руками отделяет упавшую, но живую женскую фигуру от хаоса смерти. Ахматова узнаваема, пожалуй, только по нехарактерной для времени челке и потому, что мы знаем, что это она.

Этот ангел – единственный, на других мозаиках – чудовища, злые и добрые, апокалиптические, сказочные, мифологические. А тут ангел, может быть, даже ангел полуночи, прилетевший сюда из стихов…

Конечно, Анреп мог знать эти стихи – они были напечатаны в сборнике 1940 года «Из шести книг». Мог и не знать – он был далек от русской эмиграции. Как бы то ни было, знал или не знал, он откликнулся. Ахматова же впервые услышала про этот свой портрет только в шестьдесят пятом году в Оксфорде, от сэра Берлина.

«Она ничего об этом не знала и была глубоко тронута», – вспоминает он.

В ахматовской поэтической реальности Анреп и Берлин, живущие в Англии, появившиеся там почти в одно время, давно уже бывшие и адресатами, и персонажами ее стихов и оказавшиеся почти рядом в «Поэме без героя», стали ее вечными космическими спутниками.

Всем обещаньям вопреки
И перстень сняв с моей руки,
Забыл меня на дне… –

писала она об Анрепе в 1961 году. И Анреп, когда в 1966 году Глеб Струве переслал ему эти стихи, отозвался: «Одно из самых мучительно-трогательных стихотворений А. А. Почти каждое слово основано на пережитом, одето пронзительной фантазией, незабвенным чувством».

Основано на пережитом – и одето пронзительной фантазией.

И о Берлине:

Он не станет мне милым мужем,
Но мы с ним такое заслужим,
Что смутится Двадцатый век.

Я уже говорила: Анна Андреевна считала, что встреча сорок пятого года положила начало холодной войне. «Я не мог и подумать, чтобы возразить ей, – пишет Берлин. – …это был бы удар по историко-метафизическому видению, которым проникнуто так много ее стихов…»

И он же писал про ее «иронический юмор… сосуществовавший с представлением о мире… иногда – провидческим и пророческим».

Мне рассказывали, что Лев Николаевич Гумилев выступал по телевидению и сказал, что время все равно проходит через поэта, хочет он того или нет. И оно диктует поэту – поэт не «сам пишет».

Пожалуй, это верно.

Только слышит поэт во времени не всегда то, что слышат его современники, и очень редко то, что его заставляют слышать. Как бы ни старался.

Время – понятие для поэта странное. «Какое, милые, у нас тысячелетье на дворе?» Кажется, это самая расхожая, самая бытовая, самая реальная категория – бывает, что этой реальной категории он и не слышит.

Потому что и в самой бытовой реальности его реальность – другая.

1989

Руфь Александровна Зернова, прозаик, родилась в Одессе в 1919 году. Воспоминания своей матери об Анне Ахматовой предоставил нашему альманаху фотохудожник Марк Серман, Нью-Йорк.

Татьяна Щурова

Свидетели эпохи давней

К. Гампельн. М.С. Воронцов. 1820-е гг.

В 1829 году, когда молодой перспективный город Одесса отмечал свое 35-летие, генерал-губернатор Новороссийского и Бессарабского края граф М.С. Воронцов обратился к царю с просьбой об основании, как написал потом директор библиотеки профессор Н.Н. Мурзакевич, «в числе общеполезных учреждений, которые вмещает в себя Одесса, – публичной библиотеки». В сентябре того же года высочайший указ был подписан царем Николаем I. Это была вторая в Российской империи (после императорской в Санкт-Петербурге) городская публичная библиотека.

Прошло много времени. В следующем году Одесская национальная научная библиотека им. М. Горького, как она теперь называется, будет отмечать свое 185-летие. Накоплены уникальные разноплановые фонды, ставшие неотъемлемой частью культурного наследия не только Украины. Наши библиотечные раритеты занесены во многие мировые каталоги. Поработать с этими сокровищами приезжают исследователи со всех континентов. Очень хочется, чтобы и одесситы понимали и всегда пом-

нили, что имеют возможность общаться с удивительной книжной коллекцией в прекрасном здании, которое зачастую называют Храмом духовности. Сегодня наиболее «продвинутые» молодые ученые возвращаются к печатным изданиям, понимая, что всемирная сеть хороша лишь в сочетании с «живой» книгой. Шелест страниц не отменяется!

* * *

Известно, что в 1884 году семейная библиотека, находившаяся в доме Воронцовых в Одессе (13.690 названий на 26 языках), была передана в дар Новороссийскому университету и стала там составной частью Отдела редких книг. Об этом собрании писали академик М.П. Алексеев, известный библиограф В.С. Фельдман, позже этой темы коснулся доктор исторических наук Иосиф Шкляж (г. Николаев).

Однако мы знаем также, что светлейший князь М.С. Воронцов не только способствовал в свое время учреждению Городской публичной библиотеки и выделению ей здания в лучшей части города на Приморском бульваре, но и одним из первых подарил собрание

дорогих редких изданий – 600 томов французских классиков в роскошном издании Фирмена Дидо, что послужило хорошим примером для других состоятельных одесситов. Эта коллекция ждет своих исследователей.

П.Ф. Соколов. Портрет Е.К. Воронцовой
Около 1823 г.

Герб Воронцовых

Говорят, добро существует там, где его постоянно творят. Эти слова целиком можно отнести к чете Воронцовых, для которых благотворительность всегда была социальной нормой. К счастью, Одесса в 2005 году сумела вспомнить своих знаменитых филантропов, восстановила историческую справедливость и перезахоронила Воронцовых в воссозданном Спасо-Преображенском соборе, откуда их останки варварски были выброшены в 1936 году.

В последние десятилетия о Воронцовых довольно много пишут. Нам бы хотелось отослать читателя, прежде всего, к публикациям Олега Губаря и Оксаны Захаровой (Москва), известной исследовательницы жизни М.С. Воронцова и его отца. Появляются также любопытные материалы в «Воронцовских сборниках», которые выпускает ОНУ им. И.И. Мечникова. По этим книгам молодое поколение одесситов может узнать о беспримерной благотворительной и меценатской деятельности Михаила Семеновича и Елизаветы Ксаверьевны, которая всегда участвовала в созданных по инициативе супруга обществах и комитетах. Воронцова и сама постоянно учреждала новые организации. Новороссийское женское общество призрения бедных, многочисленные благотворительные балы, лотереи, концерты, издание двух
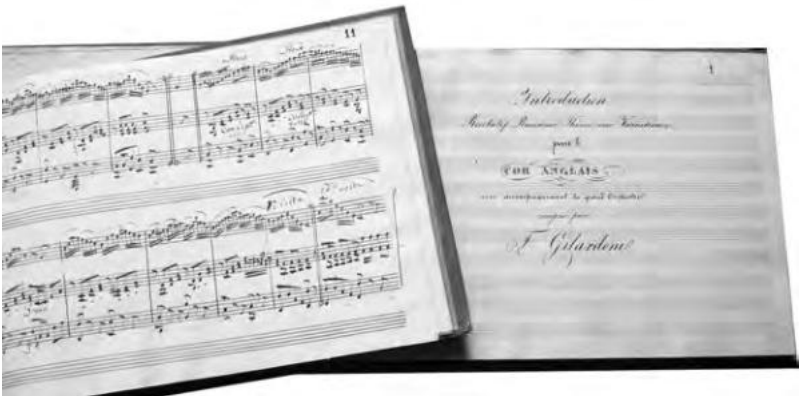
литературных альманахов на русском и французском языках и т. д. После смерти мужа она основала дом для мальчиков-сирот, который назвала в память о муже Михайло-Семеновским сиротским домом. В течение 20 лет Е.К. Воронцова была попечительницей одесской Стурдзовской богадельни сердобольных сестер, где периодически как рядовая сестра милосердия принимала участие в работе больницы при учреждении. В 1851 году Воронцова стала кавалерственною дамой – она была награждена орденом Святой Екатерины за обширную благотворительную деятельность и попечительство над приютами. Семья также славилась своим меценатством, покровительством художникам, архитекторам, музыкантам.

Большой пласт литературы посвящен взаимоотношениям Пушкина и Воронцовой и противостоянию поэта и генерал-губернатора. Снова отсылаем вас к документальному исследованию О.И. Губаря «Воронцов и Воронцова» (к сожалению, изданному в 1994 году к 200-летнему юбилею города очень скромным тиражом), где автор доказательно развенчивает миф об интимной связи Александра Сергеевича и Елизаветы Ксаверьевны, а также подробно и убедительно разбирает конфликт между Пушкиным и Воронцовым.

Известно, что удивительная женщина Е.К. Воронцова получала в своей жизни необыкновенные подарки. Например, по преданию, ей была посвящена Бульварная лестница (ныне Потемкинская), писались стихи и музыкальные произведения.

В музее книги Одесской национальной научной библиотеки им. М. Горького хранятся два редких издания с посвящением княгине Воронцовой. Это нотные альбомы: «Дивертисмент для английского рожка в сопровождении большого оркестра» и «Дивертисмент для английского рожка с форте-

Salutdiction
pour
COR ANGLAIS
F. Gilardeni

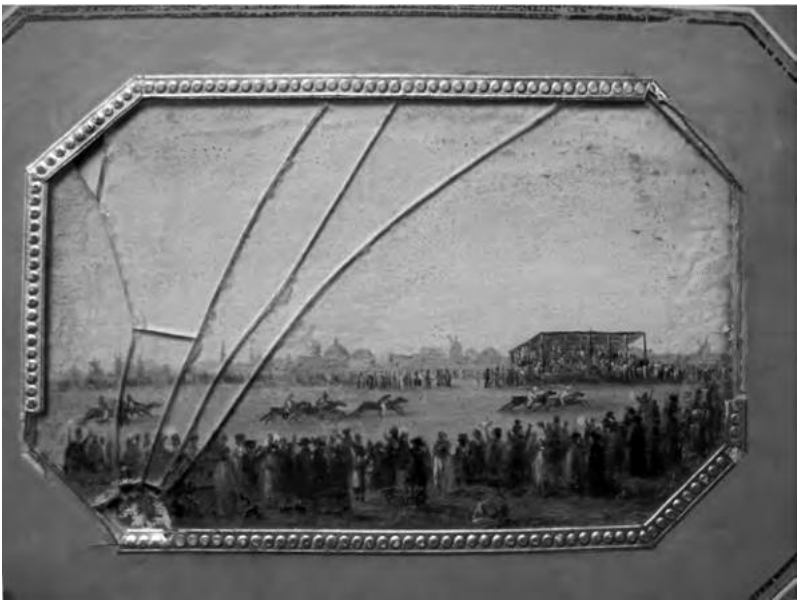

пиано». На французском языке черными чернилами написано: «Посвящено Воронцовой ее преданным поклонником F. Gilardoni» – и пером аккуратно выписаны ноты. Созданы эти альбомы в первой половине XIX в. Картонный переплет эффектно обтянут кожей; с золотым тиснением и золотым обрезом (сохранились фрагменты). Сзади на одной из обложек маслом дано изображение Приморского бульвара, а на другой – изображение скачек на одесском ипподроме. Работы

неизвестного художника. Альбомы сохраняют ауру ушедшего времени, как бы несут с собой отзвуки былых страстей, событий, переживаний, о которых мы сегодня можем лишь догадываться… Вспоминаются слова Уильяма Блейка: «Вечность влюблена в творения времени».

Феликс Кохрихт

Орлик и Крумлов

Пишу этот репортаж в начале 2013, заглядывая в заметки о путешествии, состоявшемся в конце прошлого года, и прислушиваюсь к телевизору. Ловлю новости из Праги, где в середине января прошел первый тур президентских выборов. Впервые главу государства выбирали не в парламенте, а всенародным голосованием. Для зарубежных политологов сенсацией стало второе место министра иностранных дел фон Шварценберга, а вот наш гид Ярослав был уверен в победе 75-летнего князя. Полностью его имя звучит так: Карел Иоганн Непомук Йозеф Норберт Вратислав Мена. Так водится у аристократов, чей род ведет начало с XII века.

Как видите, среди имен славянские и немецкие примерно поровну. Это соответствует месту семейства Шварценбергов в истории Германии, Австрии и Чехии, которым они служили на протяжении столетий, занимая самые видные места в табелях о рангах. Нынешний глава рода – князь Карел – говорит по-чешски с легким немецким акцентом. Родился в родовом замке Орлик на Влтаве в 1937 году. Его родители – крупнейшие магнаты, владельцы имений в трех упомянутых странах, наотрез отказались сотрудничать с гитлеровцами, за что впали в немилость, от которой их избавили весной 1945 года советские солдаты.

В 1948 году коммунистическое правительство Чехословакии взялось за аристократов, в том числе и за тех, кто проявил себя активными антифашистами. Шварценберги перебрались в Австрию, где Карел учился в университетах лесному делу и юриспруденции. С середины 60-х он становится главой рода и, по сути, собственником огромной недвижимости, живет в Вене, занимается наукой, но главным делом считает помощь постра-

давшим от вторжения в Чехословакию войск стран Варшавского договора. Политзаключенным и эмигрантам. Среди них был и будущий президент страны, выдающийся борец с тоталитаризмом, гуманист и интеллектуал Вацлав Гавел, с которым они стали друзьями. Несколько лет Карел Шварценберг возглавлял международный Хельсинкский комитет по правам человека, а в 1989 году вернулся в Чехию. Стал сенатором от партии Зеленых, а нынче является вице-президентом страны и министром иностранных дел.

Вот в гости к этому яркому и знаменитом у человеку мы и отправились, выслушав по дороге в автобусе историю рода Шварценбергов, которая напоминает увлекательный исторический роман. Причем в гости – в прямом смысле: князь и его семья живут то в Праге, то в Вене, то в Баварии, то в замке Орлик, – мы уже подошли к нему по дорожке, усыпанной гравием, по которой бродят павлины.

Замок – собственность князя, но он разрешает возить сюда экскурсантов, а сам живет не в парадных покоях, а в доме по со-

Дворец Шварценбергов украшает Пражский Град

седству, в котором находится и его кабинет главного лесного начальника Моравии – почетная должность.

Орлик был сооружен в XIII веке как бастион на крутом берегу Влтавы и охранял границы княжеских владений. Сегодня он, белоснежный и отреставрированный, мог бы стать местом действия увлекательных кинолент, в нем – покои первых владельцев, зал с деревянным резным потолком и библиотека с редкостными книгами, в которые я бы с наслаждением заглянул.

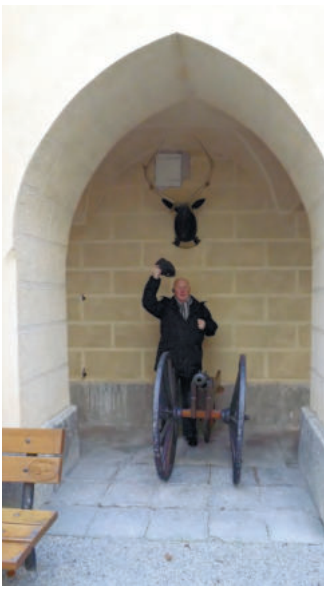
По легенде, когда-то на скале над замком свили гнездо орлы, – откуда и пошло его имя. Но мне почему-то Орлик представился не грозной птицей, а лошадкой, мирно пасущейся на лугу…

В замке Орлик – арсенал, каменная кладка. В старой церкви – полумрак, теплится лампадка. Полон гулкий коридор охотничьих трофеев. Вот из этого ружья подстрелили фею… А когда-то было здесь и тепло, и сладко. Зеленел пред замком луг, бегала лошадка… Говорили чехи мне, мол, они читали, что в честь этого конька где-то в Средние века цитадель назвали…

Кони – белые, черные, рыжие, пегие – пасутся на полянах, на опушках лесов, через которые идет дорога от Орлика в городок, сюзереном которого и сегодня по традиции является князь Шварценберг. Среди его титулов есть и такой: герцог Крумловский, а это и большая честь, и огромная ответственность. Чешский Крумлов – один из самых живописных, самых романтичных городов Европы, он находится под эгидой ЮНЕСКО как мировое культурное наследие. Совершенный архитектурный ансамбль – шедевр зодчества эпохи чешского Возрождения, дивный природный ландшафт, организованный рекой и предгорьями, делают это место неповторимым…

Шпили церквей, башни замков, звонницы монастырей, мосты, перекинутые через горный поток… Дома горожан, присутственные здания, кварталы ремесленников, рыночная площадь – все это не только дышит историей, но и является площадкой, где развертывается ежедневное представление, в котором участвуют и хозяева, и гости… Есть здесь и магазин, в котором торгуют продукцией старой чешской фирмы «Кохинор» – с детства мы обожали эти карандаши, казавшиеся волшебными, а в студенческие годы – всякие чертежные прибамбасы… В результате глобали-

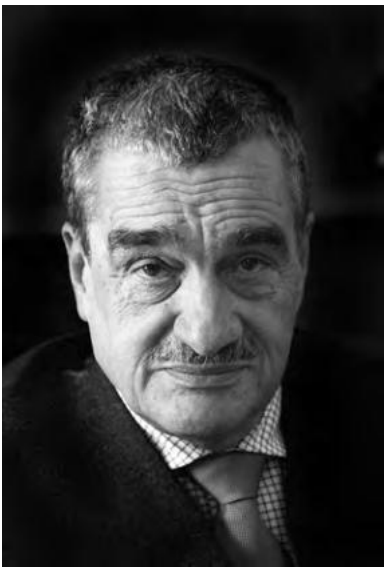

Князь Карел Шварценберг

зации «кохиноры» исчезли – я не встречал их даже в Праге, а вот в Крумлове они есть: в эту лавку стоит огромная очередь туристов со всего света…

Перед Рождеством нас угощали медовой настойкой на травах, пряниками, по которым можно читать легенды и сказки Моравии, свежесваренным пивом (особый ячмень, особая вода, особые заговоры), сосисками, жаренными на решетках (местные кузнецы – мастера этого жанра, а колбасники – подавно)…

В предгорьях Моравии живет в достатке-здравии Чешский Крумлов – городок, он и низок, и высок. Башня к облакам стремится, речка – словно поясок. Ты взобрался на пригорок, от усталости промок… Будет долго Крумлов сниться, и воспоминаний птица нежно клюнет твой висок…

…Есть у князя еще один дворец – он входит в ансамбль Пражского Града, вблизи собора Святого Вита. Фасад XVI века расписан в сложнейшей итальянской технике сграффито, что делает его как бы объемным. Здесь проходят крупнейшие международные встречи, саммиты, в залах – художественные выставки.

Дворец Шварценбергов соседствует с президентским. Кто знает, может быть, князь Карел все же сменит место жительства – для этого ему нужно просто перейти улицу.

К тому времени, когда выйдет эта книга альманаха, мы уже будем знать результаты второго тура.

Фото автора и Татьяны Вербицкой

Иван Липтуга

Путешествие в мою Одессу

Вы любите путешествовать? Много путешествовали в своей жизни? Что для вас значит путешествие?

Для одного это походы с рюкзаком за спиной и ночлег в палатке на вершине горы. Для другого – бизнес-класс, лимузин и пятизвездочный отель. Для третьего – толпы паломников и Стена плача. Для четвертого – яхта и острова. Для пятого – домик в деревне. У каждого это слово ассоциируется с чем-то своим.

Для меня путешествия стали и работой, и наукой, и увлечением, и общественной деятельностью. Я отношусь к путешествиям как к источнику вдохновения, знаний, опыта, новых знакомств, нейронных связей и всего того, что человек не может получать, сидя на одном месте. Кроме этого международный туризм стал одной из самых умиротворяющих отраслей нашей цивилизации и одной из ее основополагающих ценностей. Путешествия и туризм возможны только там, где нет войн, беспорядков и диктатуры. Сегодня даже многие «закрытые» страны, понимая значимость стремительного роста населения и развития туризма, открывают свои границы, меняя отчасти свою внутреннюю культуру. Постиндустриальное общество становится обществом знаний, культуры и путешествий. Поскольку это так, то можно полагать, что в недалеком будущем путешествия будут играть главную роль в жизни людей. К такому развитию событий нужно быть готовым всем странам и городам, которые нацелены на развитие экономики за счет туризма и гостеприимства.

Туризм можно условно поделить на природный и урбанистический, то есть городской. Эти два вида имеют существенные отличия в организации и обеспечении. То, что нам подарила при-

рода, – солнце, воздух, моря и океаны, горы, леса и поля, было создано без участия людей, и задача стран, которым эти богатства достались в награду, ограничивается лишь тем, что нужно содержать их в максимально первозданном виде, бережно к ним относиться и приглашать всех в гости. В противоположность природному городской туризм представляет ценности, созданные человеком. Улицы, дома, мосты, лестницы, парки, сады, памятники, скульптуры, малые архитектурные формы – это все накопленный труд людей, принадлежавших ко многим поколениям. В зависимости от того, как каждое поколение относится к наследству предков, и выглядят их города. Если все ценное сохраняется, по возможности улучшается и преумножается, город постепенно превращается в музей под открытым небом. Или наоборот – если каждая новая революция уничтожает подчистую все, что было создано ранее, и начинает строить все с нуля, то и результат соответствующий, и до боли нам знакомый. Разумеется, сегодня есть яркие примеры современных городов, которые повырастали в пустыне буквально на глазах и стали туристическими эпицентрами. Время покажет, что их ожидает в будущем. Если верить древним китайцам, то хорошо растет то, что растет медленно.

Одесса выросла довольно быстро. Нашему городу во многом везло. Во-первых, с основателями – их международный альянс, в котором и был тот самый накопленный опыт поколений, по-

множенный на дарованную свободу в реализации проекта, сделал возможным создание принципиально нового города в России той эпохи. Во-вторых, повезло с людьми, которых свозили, или они сами съезжались из разных уголков России и Европы, благодаря чему появилась новая генерация, говорящая на разных языках и принимающая религию соседа, как свою. Повезло на ранних этапах развития и с властями, которые дали Одессе независимость и не скупились на средства для развития порта и города. Весь этот первоначальный замес определил ход дальнейших везений Одессы и обусловил популярность нашего города во все времена. И даже несмотря на старательное затирание роли Одессы в жизни независимой Украины, наш город по-прежнему остается ярким, самобытным и притягательным для миллионов людей.

Нас цитируют словами Бабеля, Ильфа и Петрова, Жванецкого. Нас снимают в кино с завидной для любого другого постсоветского города регулярностью. На любого одессита по-прежнему смотрят в предвкушении того, что он сейчас скажет что-то важное и одновременно смешное, и главное – не пропустить этот момент и понять, что он имел в виду. О нас говорят с ностальгией в голосе и хотят снова и снова к нам приезжать. Совершенно очевидно то, что пока мы имеем успех. И, как говорил великий администратор одесской филармонии Дмитрий Козак молодым Жванецкому, Карцеву и Ильченко, пока у вас есть успех, вам простят все. Вот и Одессе пока за успех многое прощают.

Но успех не вечен. Его нужно регулярно подпитывать, культивировать, создавать благоприятные условия для его поддержания. Само собой ничего не произойдет. Выезжать на вчерашнем дне нам долго не удастся. Поэтому нам нужен план на завтрашний день. Он не может быть копией вчерашнего, переделанной под копирку. Это должен быть план, в котором на первом месте будут сохранение нашей аутентичности и всестороннее развитие новых идей.

Мы все говорим, что любим Одессу, гордимся своим наследием, посвящаем ей книги, фильмы, фестивали. Так же говорят наши родители, бабушки и дедушки. Но давайте взглянем правде в глаза и посмотрим на Одессу такую, какова она есть. Корабли распилены, пароходство закрыто, порт приватизирован. Про-

мышленность уничтожена и распродана под склады и торговые площади. Здравоохранение и курорты доживают свой век на последних процентах амортизации основных фондов. Наука никому не нужна в принципе. Система образования с горем пополам тянет лямку за счет контрактов. Культура в полном забытье – как слово, так и сфера. Зато есть множество бизнесменов, как говорил Бабель, – продавцов воздуха. Почти никто ничего не создает, зато все что-то продают. Вот красота! Мы умудрились за какие-то двадцать лет довести себя до послевоенного состояния. И при этом продолжаем делать вид, что ничего страшного не происходит, и что мы знаем, куда идем. Воровать уже практически нечего, и если кто-то, не приведи Господь, начал успешное дело, на него, как вампиры, тут же сбегаются все инстанции и сосут все соки, пока тот не отчаивается и не закрывает дело. Все это знают и все это принимают, по крайней мере, до тех пор, пока это не начинает

касаться их лично. Это система. Бороться с ней в одиночку невозможно. Надеяться на политические изменения – только самого себя обманывать. Единственный выход для тех, кто решил все-таки остаться и не эмигрировать, это объединяться и начинать шаг за шагом строить ту Одессу, которую мы хотим увидеть через десять, двадцать, пятьдесят лет. Настойчиво бороться изо дня в день с беспределом, хамством, безграмотностью, невежеством и безвкусицей. Надеяться не на кого, кроме нас этого больше никто не сделает, но наши дети и внуки, по крайней мере, будут нам благодарны, что мы не все спихнули на них.

В условиях развала экономики и отсутствия средств на восстановление капиталоемких отраслей приоритетными направлениями для Одессы должны стать те, которые обусловлены нашими природными и территориальными преимуществами. На поверхности лежат два направления – транспортная логистика и туризм. Одесса строилась в голой степи как главный порт и южные ворота Российской империи, и выход к морю – это наш главный козырь. А туризм, для которого транспортная отрасль важнее, чем, например, промышленность, может развиваться параллельно и привлекать гостей для отдыха, культурного обогащения, деловых мероприятий и различных событий, проходящих в городе.

В первую очередь, Одесса должна уделить внимание инфраструктуре. Какой уже год мы слышим о реконструкции одесского аэропорта? Сколько псевдоинвесторов презентовали многомиллионные проекты по строительству новой взлетной полосы и терминалов? К сожалению, пока так ничего и не сдвинулось с мертвой точки. Терминал, достойный в лучшем случае периферийного аэродрома, и взлетная полоса 1961 года выпуска, напоминающая больше полосу для самолетных крэш-тестов. Уже только по состоянию аэропорта многие туристы делают общее заключение о городе. Достаточно приземлиться на нашу полосу, пообщаться с «непредвзятыми» таможенниками, подождать минут тридцать-сорок багаж и прорваться сквозь непробиваемую шеренгу таксистов с золотыми зубами, чтобы уже пропало желание путешествовать. Дороги наши заслуживают отдельного рассказа, как по состоянию, так и по организации

ODESSA

ТЕАТРЪ.
THEATER.
HAFEN.
ПОРТЪ
ОДЕССА.
ODESSA.
LENGERON.

По плану Франца де Волана
строилась молодая Одесса

движения. Отели и рестораны в своем большинстве, конечно, стараются, но уровень культуры сервиса пока еще за редким исключением далек идеала.

Для выбора туризма в качестве приоритетного вектора развития города нет необходимости смотреть на примеры Барселоны, Дубая или Сингапура. Есть более близкий и понятный нам пример по соседству – Батуми. Правительство Грузии несколько лет назад объявило туризм приоритетным направлением. Это были не просто красивые слова, а планомерно реализуемая программа по изменению облика города. Реконструкция улиц, бульваров, набережных, парков, строительство новых объектов. Были предоставлены выгодные условия для крупных международных цепочек отелей и созданы организации, продвигающие город на международном туристическом рынке. За пять лет Батуми из полуразрушенного городка пре-

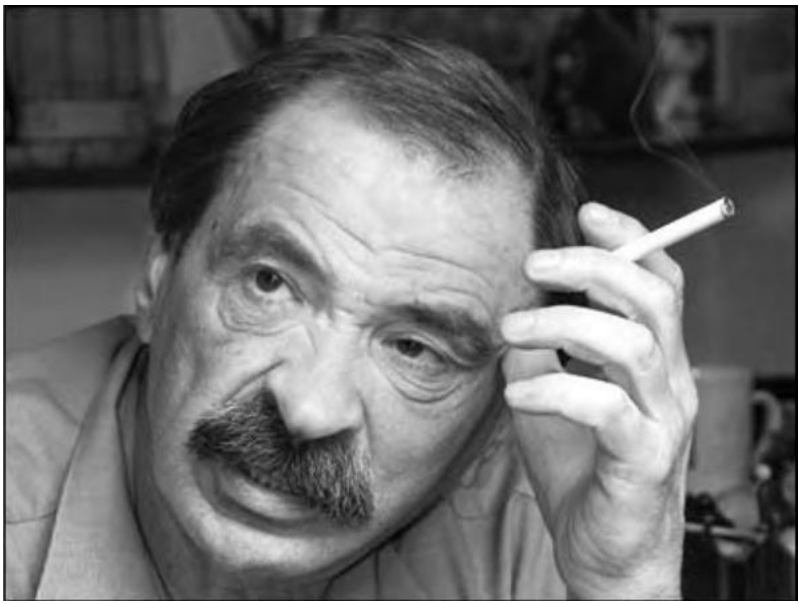

вратился в один из лучших черноморских курортов. Нужно было лишь желание и политическая воля.

Мысль материальна. Чтобы что-то изменить, нужно сначала иметь желание. Желание – это уже пятьдесят процентов успеха. Если есть желание, то нужно иметь видение, то есть идею и представление ее воплощения в жизнь. Видение – это еще двадцать пять процентов. Оставшиеся же двадцать пять – дело техники: постановка целей, составление планов и четкое их выполнение. Давайте начнем с вами менять Одессу прямо сейчас – с пробуждения у себя желания.

«Я хочу, чтобы в Одессе был современный большой аэропорт, в который бы прилетали самолеты из ста пятидесяти стран мира. Чтобы на морской вокзал заходило пятьсот круизных судов ежегодно. Чтобы вдоль моря шла прибрежная линия отелей с красивыми пляжами общего пользования. Чтобы в Одессе круглый год, а не только летом, проходили различные выставки, конгрессы, фестивали и другие мероприятия. Чтобы открылся самый большой и современный выставочный комплекс с конгресс-центром. Чтобы работали парки аттракционов, современные спортивные арены, театры, музеи и галереи. Чтобы на улицах было много красивых скульптур и малых архитектурных ансамблей. Чтоб Одесса стала гастрономической Меккой и экспортировала нашу кухню во все страны мира. Чтобы в Одессу ежегодно приезжало десять миллионов туристов. Да, и чтобы бренд Одессы стал чуть более узнаваем, чем бренд Нью-Йорка!»

Он делал нашу жизнь радостнее

Городок осиротел. Не стало Ильи Олейникова…

Рано утром 11 ноября 2012 года остановилось доброе сердце великого артиста. С июня он тяжело болел, но мужественно сражался за жизнь, работал, продолжая доставлять людям радость. И уже казалось, что болезнь начала отступать. Но 31 октября – экстренная госпитализация и…

Пока даже трудно себе представить, что мы все потеряли с уходом Артиста. Разделяем это огромное горе с женой, сыном и внуком нашего дорогого Ильи, с его партнером и другом Юрием Стояновым, всем коллективом «Городка».

Есть люди, которым надо жить вечно. И не потому, что им неплохо живется. А потому, что без них плохо живется всем нам… Много лет Илья делал нашу жизнь радостней. Пусть немного радостней. Но немного радости десяткам миллионов людей – это ведь даже не всякий бюджет и не всякой страны может доставить. И вот первый раз Илья принес миллионам из нас печаль. Огромную печаль. Единственный раз в его жизни. Которая для нас все равно будет вечной.

Владимир Трухнин, Ирина Полторак

Прости нас, Ян

Яна Альбертовича нашли в Одессе с проломленной головой.
Из электронной почты

Поезд пятой линии парижского метро заскрипел тормозами, замедлил ход и остановился. Вошедший в вагон скрипач поклонился, прикрыл глаза и заиграл «Comme d'habitude» – «Как обычно» – Клода Франсуа.

Все будет, как обычно, Ян, только тебя с нами уже не будет.

Прости нас за это.

За то, что не помогли, не уберегли, не смогли сделать так, чтобы ты, талантище, блестящий выдумщик и гениальный репризер, невероятный рассказчик, болтун, рифмоплет, стал тем, кем ты должен был стать, – гордостью страны (здесь ты бы точно спросил, какой), любимцем женщин (здесь ты бы, пожалуй, попросил, чтобы не всех сразу), кумиром молодежи (этот пункт ты бы, скорее всего, предложил объединить с предыдущим). И это притом, что тебя и так знала вся страна от Таллинна до Владивостока – та еще страна; да что там говорить – страна: страны, от Америки до Австралии через Казахстан и обратно через Новую Зеландию.

Мы, конечно, недосмотрели, Ян.

Не поддержали, не поверили, оставили одного.

Так что ты прости нас, если можешь. Теперь ты, наверное, можешь все – не то, что раньше, когда ты все никак не мог начать это и бросить то, помириться с этими и расстаться с теми, вернуться сюда и уехать оттуда.

Ян Гельман (слева) и Александр Масляков (справа). 1970-е годы

Мы действительно виноваты, Ян, что у тебя не получилось стать самым-самым, как ты этого заслуживал. И что в то же время это получилось у некоторых других, большинство из которых рядом с тобой просто не существовали.

Хотя если говорить совсем начистоту, то больше всего мы виноваты в том, что это не получилось ни у кого из нас. У нас, таких блистательно остроумных, веселых и находчивых, удививших когда-то огромную страну. Таких неприлично молодых, решительных и смелых, не боявшихся говорить о том, о чем долгие годы страшно было даже подумать. Таких необычных, великолепных и ярких, по сравнению с которыми всех остальных было трудно заметить, – конечно, кроме классиков, но ведь они были старше, и кто же должен был стать классиками вслед за ними, если не мы?! И в первую очередь ты, такой незаурядный, изобретательный и эрудированный.

Но мы не стали классиками, нас едва хватило на современников, нам недостало чего-то – конечно, не таланта, его у нас всегда было с запасом, а чего-то другого, того, чему никто из нас никогда

не придавал значения. Чего-то невеселого, скучного, практичного – того, что некоторые вокруг, которых мы долгое время не замечали, а когда заметили, уже было поздно, называли умением жить, или чего-то еще в этом роде.

Мы всегда были слишком мягкими, интеллигентными, воспитанными и вежливо пропускали вперед тех, кого, как оказалось, нельзя было даже подпускать на близкое расстояние. И в первую очередь, ты, слишком воспитанный, обидчивый и ранимый.

Мы были абсолютно уверены, что нашего таланта хватит на все, что мы все успеем и у нас все сложится. Не хватило, не успели и не сложилось. И в первую очередь, у тебя. Не только потому, что из всех нас, таких гениальных, талантливых и в крайнем случае, очень способных, ты был одним из самых-самых. А в первую очередь потому, что у нас еще есть немного времени, чтобы попытаться это исправить, а у тебя – уже нет.

Хотя, может, нам просто не хватило характера, упорства и веры в себя.

Вместо того чтобы и дальше шутить смешнее всех, прогуливаясь по бульвару, глядя в небо и думая о чем-то своем, мы зачем-то разъехались по всему миру, научились говорить на разных языках и занялись непонятно чем под странным названием «Проекты». И в первую очередь, ты, который постоянно убегал от этого обратно на бульвар – убегал, убегал, пока не убежал навсегда, глядя в небо и думая о чем-то своем.

Никто из нас не был готов умереть за свой талант. Что ж, пришлось умирать неизвестно за что, за что-то такое, что теперь не может найти даже милиция.

В общем, прости нас, Ян, – оттуда, где ты сейчас, в звездной системе 54 созвездия Рыб или на экзопланете HD 217107b.

Прости.

Мы виноваты перед тобой.

Ну, а всех нас перед всеми нами придется прощать совсем в другом месте.

Анатолий Контуш

Париж, 25 ноября 2012

«Так вот что музыкою было, которая и в тишине – слышна…»

Фламенко

Анатолию Шевченко

Всего лишь несколько начальных фраз.
Гитара, словно раненная, вскрикнет.
На Пушкинской в Одессе в этот час
Испания во всей красе возникнет.
Бесцеремонно, ласково и властно
к гитаре прикасается рука,
любовника рука, что жаждет страстно
ответной ласки, бурной, как река,
рокочущей в ущельях и теснинах…
Приникнуть, трепетную влагу пить,
как будто бы пришел из мест пустынных…
И жажды сей – вовек не утолить!
И это поединок, а не танец.
И ставка – жизнь, а выигрыш – любовь.
Ты сух, как спичка серная, испанец.
В глазах огонь, воздел надменно бровь.
Мелодия упорная окрепла.
Замрешь на миг – в предчувствии, в тоске.
Ты вспыхнешь и сгоришь. Лишь горстка пепла.
Обугленное сердце на песке.
Оно еще не до конца остыло.
Как яростна любовь! Как смерть нежна!

Жизнь, смерть… Так вот что музыкою было,
которая и в тишине – слышна.

2003

* * *

Гитара, увы, не спасает от смерти.
(И чудная скрипка, рояль – не спасают!)
Но, слушая музыку, смерти не верьте,
ведь души всего лишь тела покидают.
И музыка их провожает до края,
но здесь остается. Но музыка – длится.
И будет гитара рыдать, умирая,
и вновь воскресать, ликовать и молиться.

2012

Илья Рейдерман

Анатолий Горбатюк

Мелодии и кумиры эстрады моей юности

Получив одобрение редактора альманаха «Дерибасовская – Ришельевская» Феликса Кохрихта на продолжение воспоминаний полувековой давности, связанных с выискиванием в памяти оставивших след полузабытых (а иногда и вовсе забытых) мелодий и их исполнителей, я установил точку отсчета – 1954 год, год окончания школы, когда детство уже закончилось, и начиналась романтическая юность. Итак…

Конечно, начинать нужно с мэтра – певца с не слишком большим голосом, но с огромным наполненным любовью к слушателям сердцем. Многие поняли, что разговор пойдет о нашем земляке, родившемся в конце XIX столетия с именем Лейзер Вайсбейн, а завоевавшем любовь миллионов поклонников как Леонид Утесов.

Удивительно многогранен талант этого одессита: артист кино и театра, поэт, композитор, дирижер, музыкант-исполнитель, куплетист, но главное – певец. Хрипловатый баритон его – это целая эпоха советской эстрады. Головокружительная карьера молодого Утесова началась в 1929 году, когда он начал выступать с созданным им джаз-оркестром под названием «Теа-джаз» – на манер услышанного в Париже оркестра знаменитого американского джазмена Теда Льюиса. Оркестр играл западные джазовые мелодии, а также специально написанные для коллектива инструментальные композиции и песни, постепенно отдавая предпочтение последним.

Значительную роль в судьбе Леонида Осиповича сыграла его дружба и творческий союз с талантливейшим композитором Исааком Дунаевским, венцом которых стала музыкальная кино-

комедия «Веселые ребята» с утесовским оркестром, снятая Григорием Александровым в 1934 году, где главные роли исполнили наш герой и восходящая звезда кинематографа Любовь Орлова (она же – супруга Александрова). Все песни, написанные для фильма И. Дунаевским на слова В. Лебедева-Кумача, и сегодня пользуются колоссальным успехом.

В 1939 году Утесов с оркестром снялся в первом в СССР музыкальном клипе с песней «Пароход»:

…Ах, не солгали предчувствия мне,
Да, мне глаза не солгали:
Лебедем белым скользя по волне,
Плавно навстречу идет пароход…

В годы Великой Отечественной войны оркестр Утесова постоянно выезжает на передовую, где дает концерты, часто прерываемые бомбежками и артиллерийскими обстрелами. В этих концертах обязательно звучат песни-пародии и куплеты, написанные на злобу дня и едко высмеивающие Гитлера и его камарилью. Вспомним хотя бы «Барона фон дер Пшика» (композитор Шалом Секунда – поэт Александр Фидровский): «…Бравый фон дер Пшик надет на русский штык, не русский, а немецкий вышел шпиг…»). А в небе летают два истребителя, купленные на средства оркестрантов. Рассказывали, что лично И.В. Сталин разрешил назвать их «Веселые ребята»…

Репертуар оркестра огромен. В нем и лирические песни, и шуточные, и песни-баллады, и приводящие в ужас советских идеологов блатные шлягеры, такие, как «Мурка», «Лимончики», «С одесского кичмана…». Кстати, о последнем бандитском хите. После того как лично товарищ Сталин попросил Утесова исполнить его на одной из вечеринок, для певца всякие запреты на исполнение «блатняка» вообще перестали существовать: «Сам товарищ Сталин разрешил мне играть это», – безапелляционно заявлял Утесов бдительным борцам за социалистическую культуру любого уровня.

Не брезговал знаменитый певец и пустяковыми песенками, которые нравились неизбалованному слушателю. Напри-

мер, «Мишка», сиюминутный шлягер, написанный куплетистом Вениамином Нечаевым на стихи (позволим себе употребить этот термин) Георгия Титова: «Ты весь день сегодня ходишь дутый, / даже глаз не хочешь поднимать…». Публика, как правило, смеялась…

Особое место в творчестве Утесова занимают песни, посвященные нашему городу. Это и знаменитая «У Черного моря» («Есть город, который я вижу во сне…»), написанная композитором Модестом Табачниковым на текст поэта Семена Кирсанова, и «Ах, Одесса моя!» Андрея Эшпая на слова Виктора Котова («Ах, Одесса моя ненаглядная! / Без тебя бы не смог, вероятно, я / Ни душою молодеть, ни шутить, ни песни петь!..»), и – из военных лет – «Одессит Мишка» (М. Табачников – В. Дыховичный) («Ты ж одессит, Мишка, а это значит…»), и «Одесский порт» (М. Табачников – И. Френкель), полюбившийся всем одесситам, но в пух и прах раскритикованный теми же идеологами («Пойдешь домой, / Махнешь рукой, / Выйдешь замуж за Ваську-диспетчера…»), и «Растаяла Одесса за кормой» (М. Табачников – Л. Куксо) («Растаяла Одесса за кормою, / Флотилия снялася с якорей…»), и давно ставшая народной «Привет тебе, Одесса-мама!» («Привет тебе, Одесса-мама! / Спасибо, что меня ты родила!..»). Всего же в репертуаре Леонида Осиповича было несколько сотен песен разных жанров!

Одесситы во все времена с трепетом относились к своему знаменитому земляку – вне зависимости от политики власть предержащих, и до боли жаль, что из-за деяний нескольких проходимцев, растащивших ценные экспонаты, Одесса осталась без музея Утесова – искренне любившего ее поистине народного артиста!

Ярчайшее впечатление произвел приезд в Одессу зимой 1954 года джаз-оркестра под управлением Эдди Рознера. Как его встретила Одесса! Оркестр был великолепен. Большой музыкант Рознер пополнил свой «ветеранский» состав (Цейтлин, Маркович и др.) талантливой молодежью, среди которой особенно ярко сверкали новые звезды джаза – барабанщик Борис Матвеев и певица Нина Дорда. Не успел еще этот замечательный коллектив уехать из нашего города, как вся Одесса уже пела – вслед за Дордой – «Моя родная Индонезия» и «Стиляга»… Впрочем, эта

самобытная певица, по меркам эстрады, была не так уж и молода – вот-вот 30 лет исполнится. Однако можно с уверенностью сказать: рождение популярнейшей певицы Нины Дорды произошло именно у Рознера, хоть до этого были и оркестр под управлением Дмитрия Покрасса, и гремевший на всю «столицу нашей Родины» оркестр ресторана «Москва». Кстати, тогда Нина вдохновила юного Василия Аксенова к написанию «Московской саги», где певица явилась прототипом героини Веры Горды. Впоследствии эта повесть была экранизирована.

Мы не случайно столько внимания удивляем творчеству Нины Ильиничны: именно она была первым исполнителем таких хитов (тогда этого термина и в помине не было), как «Ландыши», «Мой Вася», «В нашем городе дождь», упомянутого выше «Стиляги». Боже, сколько неподдельной ярости проливалось критиками от искусства – верными сатрапами Отдела культуры ЦК КПСС – и на исполнителей, и на авторов этих совершенно безобидных песен!..

Вот, например, «Ландыши»*, написанные композитором Оскаром Фельцманом** на стихи поэтессы Ольги Фадеевой в 1955 году:

Ты сегодня мне принес
Не букет из пышных роз,
Не тюльпаны и не лилии.
Протянул мне робко ты
Очень скромные цветы,
Но они такие милые.

Вот таких три простеньких куплета, не о Политбюро ЦК КПСС, не о правительстве – о цветах, и такой же незамысловатый припев:

Ландыши, ландыши –
Светлого мая привет.
Ландыши, ландыши –
Белый букет.

* Некоторые источники называют первой исполнительницей Гелену Великанову. Думаем, они неправы.

** Оскар Фельцман скончался 3 февраля 2013 г., но дожив 15 дней до своего 92-го дня рождения.

И – смешно сказать – из-за этой милой пустышки, очень полюбившейся, кстати, народу (тогда говорили «простому советскому человеку»), прославленный композитор-песенник О. Фельцман больше двух десятков лет находился в опале!

А вот другой, тоже бешено популярный шлягер, «Мой Вася». Написан в 1956 году, авторы: Оскар Фельцман и поэтесса Галина Ходосова. Три, как говорят в Одессе, ерундовых куплета, даже без «самостоятельного» припева:

Весенний цвет легко роняет липа.
За ним к тебе летят мои мечты.
В кино смотрела я вчера Жерар Филиппа,
А все казалось мне, что это ты,
Мой Вася! Мой Вася!
А все казалось мне, что это ты.

Как нежный плеск веселого фонтана,
Любимый голос песенки хорош.
И если слушала я даже Ив Монтана,
То мне казалось, это ты поешь,
Мой Вася! Мой Вася!
Ведь мне казалось, это ты поешь…

Третий куплет – про футбол – такой же не слишком высокой поэзии. Ну и что?!

А «Стиляга» – шлягер, написанный молодым композитором Вадимом Людвиковским для оркестра Эдди Рознера в 1954 году? Здесь Людвиковский явно схитрил: откровенно джазовую мелодию, да еще в ритмах буги-вуги, никакая комиссия, принимавшая программу, ни за что бы не пропустила, вот и был написан под нее текст, обличающий «стиляг», – появившихся на улицах больших и малых городов страны, вдохновенно строящей коммунизм, молодых людей, своим внешним буржуазным видом явно бросавших вызов советской идеологии. Длинноволосых юнцов, натягивающих на себя яркие просторные пиджаки в клеточку, неимоверно узкие брюки-дудочки, длиннющий яркий галстук и башмаки на толщенной каучуковой подошве, высмеивали

и проклинали во всех средствах массовой информации. Для борьбы с этим вредоносным явлением повсеместно были организованы на общественных началах молодежные отряды «Легкой кавалерии», которые при поддержке милиции затаскивали юнцов в свои «штабы», где принудительно стригли и распарывали ненавистные «дудочки». Более того, на центральных улицах устанавливались внушительных размеров стенды «Они позорят наш город» с фотографиями несчастных «стиляг»… Вот на волне этой бескомпромиссной борьбы с тлетворным влиянием Запада и выскочила песня-памфлет, припев из которой мы приводим:

Ты его, подружка, не ругай,
Может, он залетный попугай.
Может, когда маленьким он был,
Кто-то его на пол уронил,
Может, болен он, бедняга?
Нет, он просто-напросто стиляга!

А то, что, не вслушиваясь в обличающий текст, этот захватывающий танец (буги-вуги, будь они неладны!) вдохновенно танцевали сами «стиляги», – борцы за чистоту рядов как-то упустили из вида.

Конечно, в репертуаре этой выдающейся певицы были и полюбившиеся ценителям разных возрастов и глубоко лиричные песни: «Была весна», написанная П. Креудером в содружестве с Н. Коваль («Была весна, когда мы встретились с тобой, / Цвели сады в аллеях парка над рекой…»), «Синие сумерки» Т. Бромберг и И. Алешковского («Синие сумерки – это / теплые встречи влюбленных…»), «Старый клен» А. Пахмутовой и М. Матусовского («…Отчего, отчего, отчего так хорошо? / Оттого, что ты идешь по переулку…»). Ныне здравствующая Нина Ильинична с удовольствием слушает песни из своего богатейшего репертуара в исполнении юных коллег. А то, что ее «репертуарные проказы» в молодости сходили ей с рук, объясняет просто: «Ко мне всегда был благосклонен Леонид Ильич»…

Рассказывая о песнях моей юности, с восторгом и болью вспоминаю замечательную эстрадную певицу Майю Кристалинскую.

С восторгом – потому что не было, очевидно, еще такого искренне звучащего небольшого, но удивительно проникновенного голоса на нашей эстраде. С болью – потому что знаю, что этой самобытной певице, любимице миллионов советских людей, пришлось перенести и откровенные гонения со стороны махрового антисемита, всемогущего председателя Гостелерадио Сергея Лапина, и длительную бескомпромиссную борьбу с тяжелейшей болезнью, оборвавшую ее жизнь в возрасте 53 лет…

Самая главная песня в ее творчестве – это «Нежность», написанная композитором Александрой Пахмутовой на стихи Николая Добронравова в 1966 году, когда певице уже исполнилось 34 года: «Опустела без тебя Земля… / Как мне несколько часов прожить?..». Тогда же Майя Владимировна была признана лучшей певицей года, а «Нежность» становится ее творческой визитной карточкой. Впрочем, известность певица приобрела за шесть лет до этого как исполнительница песни Маши в кинофильме «Жажда», снятом на Одесской киностудии (музыка Андрея Эшпая, текст Григория Поженяна): «Мы с тобой два берега у одной реки…».

Репертуарный список Майи Кристалинской огромен, подавляющее большинство песен вслед за ней поет вся великая страна. Это и «Я тебя подожду» (Аркадий Островский – Лев Ошанин); и «Царевна Несмеяна» (автор музыки и слов Г. Шангин-Березовский): «Ты стоишь у окна, небосвод высок и светел…»; и «Ты не печалься» (Микаэл Таривердиев – Николай Добронравов): «Ты не печалься, / Ты не прощайся, – / Все впереди у нас с тобой…»; и «Присядем, друзья, перед дальней дорогой» (Матвей Блантер – Владимир Дыховичный, Михаил Слободской): «Присядем, друзья, перед дальней дорогой, / пусть легким окажется путь!..»; и «Мосты» (Арно Бабаджанян – Виктор Орлов): «Всю ночь над городом ненастье, / всю ночь колдует темнота…»; и «Белый свет» (Михаил Танич – Оскар Фельцман): «На тебе сошелся клином белый свет…». Нет, не случайно Роберт Рождественский назвал Майю Кристалинскую «эхом нашей юности»!

В 1950-60-е гг. весьма популярна у любителей эстрады была Гелена Великанова, певица с нежным мягких голосом. Интеллигентное исполнение и сдержанные манеры на сцене способствовали этой популярности – скорее не у «массового» зрителя,

а у публики интеллигентной. До появления на эстрадных подмостках Гелена Марцелиевна успешно окончила Московское музыкальное училище имени Глазунова, а затем эстрадное отделение Школы-студии МХАТ – редкий случай образованности для эстрадной певицы.

В 1950 году Г. Великанова становится солисткой Всесоюзного гастрольно-концертного объединения. В ее репертуар (заметим в скобках: не слишком обширный) входят, в основном, так называемые жанровые песни. Это «Маринике» румынского композитора Генри Малиняну (русский текст – Гарольда Регистана): «Снова солнце над землею рано встало, / Снова вместе на работу мы идем…»); «Маленькая Мари» французского композитора Н. Барси, к которой русский текст написал поэт Николай Доризо, муж певицы: «Да, Мари всегда мила, / Всех она свела с ума…»; финская народная песня «Рула те рула», русский текст к которой написал Владимир Войнович: «Если тебе одиноко взгрустнется, / Если в твой дом постучится беда…».

Конечно, не обошлось без шлягеров: те же «Ландыши», та же песня Маши к кинофильму «Жажда»… Однако с годами главным в репертуаре певицы становятся лирические песни, такие, как «Идут белые снеги» композитора Евгения Гришмана на стихи Евгения Евтушенко («Чьи-то души бесследно, / растворяясь вдали, / словно белые снеги, / идут в небо с земли…»), а также циклы песен на стихи Сергея Есенина и Новеллы Матвеевой. Близкие друзья Гелены Великановой утверждают: на формирование вкусов певицы, ее избирательную строгость при выборе песен значительное влияние оказал ее супруг – известный поэт Николай Доризо.

В 1965 году Гелена Марцелиевна переходит в Москонцерт, но неудачная операция на связках через несколько лет посадила ее высокий голос. Все реже выступает она в сольных концертах, начала падать и популярность. Впоследствии она перешла на преподавательскую работу. Впрочем, в начале 1990-х, при возрождении ретро на эстраде, Г. Великанова возвращается на сцену, ей присваивают звание народной артистки России, но повторный триумф продлился недолго.

Весной 1998 года на Аллее звезд возле концертного зала «Россия» состоялась торжественная закладка именной звезды певи-

цы, а через полгода, 10 ноября, она готовится к «прощальному», по ее словам, концерту. За два часа до его начала сердце Гелены Великановой остановилось…

Николай Щукин. Начиная с середины 1960-х – кумир публики всех возрастов. Успеха он добился еще в начале 50-х годов, но это был успех, так сказать, местного масштаба в славном городе Ростове-на-Дону, где играло довольно большое количество джаз-оркестров. С одним из них – под управлением трубача Иосифа Стельмана, выступавшего в ресторанах, на танцплощадках, на сценах дворцов культуры, – и начался в 1950-х стремительный рост популярности певца, выступавшего под псевдонимом Ника Стефан. Тщательно отрепетированный акцент, с которым он исполнял советские и зарубежные мелодии, должен был создавать таинственный образ иностранца, загадочным образом свалившегося на эстрадные подмостки Ростова-на-Дону. Так воспитанник детского дома, никогда так и не узнавший свою настоящую фамилию, инвалид Великой Отечественной, потерявший ногу и ходивший, слегка прихрамывая, на протезе, кстати, кавалер двух орденов Славы, выдвигался на передовые рубежи советской эстрады…

Из Ростова Николай Щукин переезжает в Киев. Выступая с прекрасным биг-бендом Вадима Людвиковского, он покоряет столицу Украины. В течение десяти лет Николай Николаевич (отчество тоже придумано в детском доме) с блеском гастролирует под эгидой Укрконцерта, всегда собирая переполненные залы. Его настоящей «фишкой» (в таком контексте это слово тогда не употреблялось) становится песня Алехандро-Домиана Домингеса «История одной любви» («Первая встреча») из репертуара знаменитого в то время латиноамериканского ансамбля «Трио Лос-Панчос». У Щукина в авторском переводе на русский язык Гарольда Регистана она называлась «Прощай!». С нахлынувшей ностальгией привожу припев:

Вернись, тебя любовь зовет, вернись!
Ты вспомни, как сердечно
Мы в чистой, вечной
Любви клялись.

Вернись, я вновь и вновь зову: вернись!
Одно твое лишь слово
Вернет нам снова
Любовь и жизнь!..

Уже первые слова из «Прощай!» («Вечер… Шумит у ног морской прибой. / Грустно поют о прошлом волны...») вызывали в зале длительную овацию. Думается, не было концерта, в котором певцу не приходилось бы исполнять эту песню дважды…

В Москонцерт в 1969 году Николай Щукин переходит уже в качестве ветерана и работает с ансамблем великолепного саксофониста Георгия Гараняна. Он, как и прежде, обаятельный и элегантный, сходу покоряет зал фирменной («голливудской») улыбкой. Теперь он все чаще возвращается к теме прошедшей войны и все чаще поет для ветеранов-фронтовиков.

Но у Николая Николаевича в его солидном репертуаре был еще один шлягер – песня Анатолия Горчинского на слова Леонида Татаренко «Чужая милая» («Здравствуй, чужая милая, / Та, что была моей…»), тоже попавшая на грампластинки, с неимоверной скоростью раскупавшиеся почитателями певца. По рассказам очевидцев, были случаи, когда ревущий зал заставлял Щукина исполнять ее три, а иногда – и четыре раза подряд!

На стыке 1960-1970-х гг. во время одесских гастролей Николая Щукина мне несказанно повезло. Однажды мы, то есть мой друг Толя Кравченко и я, оба молодые инженеры, работавшие в Одесском морском порту, а все свободное время уделяющие любимому хобби – джазу, после концерта нашего оркестра в Портклубе зашли «погреться» в ресторан «Красный». Был пятничный вечер, зал ресторана был заполнен, но у нас имелся блат – официантка Тася, так что столик для нас нашелся. Через полчаса Тася попросила нас потесниться: ей нужно было усадить «важного», как она сказала, гостя. Это был… Николай Щукин! Представляете?! Оказывается, он тоже после концерта зашел «погреться», благо филармония находилась через дорогу.

Видя, что мы слегка робеем, знаменитый гастролер в элегантном сером костюме, тщательно причесанный, с безукоризнен-

ным пробором в черных, как смоль, но с заметной проседью набриолиненных волосах, первым завел разговор:

– Чем занимаемся, молодые люди? – спросил он.

– Музыканты мы…

– Так мы – коллеги! – обрадовался Щукин.

– Нет, – опрометчиво возразил кто-то из нас, – мы джаз играем…

Наш собеседник как-то хмыкнул, налил себе рюмку водки и выпил. Один. Повисла неловкая пауза. Потом Щукин, прищурившись, обвел нас внимательным взглядом.

– Джаз – это хорошо. Я по молодости, когда в Ростове жил, тоже увлекался джазом – Синатра, Армстронг, Кросби… Но быстро сообразил: джазом семью не прокормишь. Об этом вы подумали? Ладно, хватит о грустном. Хотите, расскажу смешную историю недельной давности? Мы в Виннице работали, и после концерта попал я в гости к одной милой блондинке. Часа в четыре утра засобирался в гостиницу и решил дорогу сократить – пошел огородами. Вдруг откуда ни возьмись собака из темноты выскакивает – и на меня! Я и так, и этак – не отстает, зараза, вот-вот вцепится, а куда я денусь – на одной-то ноге? Поворачиваюсь к ней, поднимаю штанину и сую ей в пасть протез – мол, на, сука, жри! Она – хвать протез клыками, да как завизжит – и в кусты! Зубы, что ли, обломала?

Мы расхохотались, представив себе эту трагикомическую сцену: ночь, огород на окраине Винницы, а на нем – дворняга, грызущая искусственную ногу знаменитого певца. Обстановка за столом разрядилась, одно воспоминание следовало за другим. В общем, вечер удался.

В середине 1980-х Щукин становится заслуженным артистом РСФСР, через десять лет – народным артистом России, но разве можно званиями измерить любовь и почитание миллионов поклонников?! Летом 1999 года певца не стало. Ему было 75 лет.

…Никак нельзя не вспомнить Лидию Клемент – певицу, чье удивительно теплое сопрано звучало на профессиональной сцене до обидного мало, всего несколько лет, но сразу же стало узнаваемым и любимым миллионами слушателей. Вся короткая жизнь Лидии проистекала в городе на Неве, называвшемся тогда

Ленинградом. Несмышленым ребенком перенесла она страшнейшую блокаду. Будучи студенткой Ленинградского инженерно-строительного института, пела с институтским джаз-оркестром. Работая с 1960 года инженером-проектировщиком, выступала с огромным успехом с эстрадным оркестром Дома культуры им. Серго Орджоникидзе под управлением Наума Темкина, потом – с оркестром Ленинградского театра комедии (руководитель – В. Федоров).

Специально для молодой певицы, ставшей очень быстро невероятно популярной, сначала в Ленинграде, потом в огромной стране, писали песни известнейшие композиторы: Василий Соловьев-Седой, Андрей Петров, Александр Колкер, Сергей Пожлаков, Георгий Портнов… Огромными тиражами расходятся грампластинки с ее песнями, что неудивительно: яркий голос, прекрасная музыка, высокая поэзия. Назову несколько из исполненных Лидией песен: «Когда вам 20 лет», музыка В. Соловьева-Седого на стихи М. Матусовского («Как хорошо мечтать вдвоем, когда вам двадцать лет…»); «Дождь на Неве», музыка В. Шеповалова, слова А. Гершта и Н. Григорьева: «Дождь по асфальту рекою струится, / Дождь на Фонтанке и дождь на Неве… / Вижу родные и мокрые лица, / Голубоглазые в большинстве…»; «Звезды в кондукторской сумке» (А. Петров – Л. Куклин): «…Я зимою и летом / Отрываю билеты / И мечтаю в вечернем вагоне пустом…».

Но истинными хитами певицы стали две песни, спетые Л. Клемент в 1964 году, незадолго до безвременного трагического ухода из жизни. Первая из них – «Карелия», написанная композитором А. Колкером на стихи поэта К. Рыжова:

Долго будет Карелия сниться,
Будут сниться с этих пор
Остроконечных елей ресницы
Над голубыми глазами озер…

И наконец, не менее лиричная, но с глубоким гражданским пафосом песня композитора А. Петрова на слова поэтессы Ю. Друниной «На кургане»:

…У подножья обелиска
В карауле молодые деревца.
Сядем рядом, сядем близко,
Так, чтоб слышать друг друга сердца…

Лидия Ричардовна Клемент скончалась от саркомы 16 июня 1964 года, не дожив один месяц до своего 27-летия. С тех пор прошло – страшно подумать! – почти полвека. Но проникновенный голос этой очаровательной певицы помнят не только ее пожилые поклонники. Глубоко символично, что нынешняя королева эстрады Алла Пугачева посвятила светлой памяти Л. Клемент одну из своих песен, написанную на стихи Осипа Мандельштама, – «Ленинград» (второе название – «Монолог Лиды»):

Ленинград, Ленинград!
Я еще не хочу умирать,
У меня еще есть адреса,
По которым найду голоса.
Ленинград, Ленинград!
Я еще не хочу умирать,
У тебя телефонов моих номера,
Я еще не хочу умирать…

Памятник Лидии Клемент на ее могиле на Богословском кладбище Санкт-Петербурга выполнен в виде грампластинки с нависшим над ней тонармом*. Грампластинки с песнями, которые мы никогда уже не услышим…

* * *

Но читатель едва ли поверит мне, если я скажу, что наши музыкальные запросы ограничивались только отечественной эстрадой. Да ничуть не бывало!

Буквально фурор произвел попавший в 1955 году на советские экраны аргентинский фильм «Возраст любви» («La edad

* Тонарм – рычаг на проигрывателе грампластинок, на который крепится головка с иглой.

del amor»), где в главной роли блистала красавица Беатрис Мариана Торрес, более известная под псевдонимом Лолита Торрес. Ее зажигательные танцы, а особенно песни («Коимбро – город студентов», «Прощай!») композитора Рамона Сарсосо благодаря сочному контральто аргентинской кинодивы сводят советскую публику с ума. Начиная с 1962 года, Лолита Торрес с неизменным успехом четырнадцать раз гастролировала в СССР!

Вслед за певицей Александрой Коваленко, для которой поэтесса Л. Давидович написала русский текст, «Коимбро» исполняется в Советском Союзе повсеместно и долго: «Коимбро – ты город студентов. / В мире нет милей тебя и краше…».

Долгие годы (можно сказать, по сей день) не сходит с эстрады бессмертная «Bésame mucho» («Целуй меня крепче») – песня на испанском языке, написанная в 1940 году мексиканкой Консуэло Веласкес Торрес. В Советском Союзе ее исполняли всюду – в концертах, в кинотеатрах перед началом сеансов, в ресторанах и на танцплощадках – и, как правило, в оригинале – на испанском языке. У меня долго хранилась «сорокопятка»** с этой песней в ритме болеро в исполнении Романа Романова. Перед исполнением песни певец с помощью кем-то написанного четверостишья вводил слушателя «в курс»:

Не спится юному ковбою,
Разлука с милой парня мучит,
И шепчет он: «Побудь со мною,
Целуй меня, bésame mucho!..»

Или вот «Мамбо итальяно»:

Hey, mambo! Mambo Italiano,
Hey, mambo! Mambo Italiano,
Go, go, go, you mixed up sicialiano,
All you calabraise-a do the mambo like a crazy…

Перевод текста на русский язык никого не интересовал, и слава Богу – полная абракадабра, убедитесь сами:

** Грампластинка на 45 оборотов в минуту.

Эй, мамбо! Итальянское мамбо,
Эй, мамбо! Итальянское мамбо,
Давай, давай, вперед, ты перепутал с сицилиано,
Все перепутал – ну и танцуй мамбо, как сумасшедший…

А мелодия, хоть и весьма бесхитростная, но до чего зажигательная! А ритмы какие! В 1954 году автор, Боб Мерилл, создал этот шедевр, можно сказать, мгновенно, сидя за столиком в одном из итальянских ресторанчиков Бродвея, и по настенному телефону-автомату напел его своему пианисту в студию. «Мамбо итальяно», исполненное певицей Розмари Клуни, стало хитом в течение первого же месяца. Потом в исполнении Дина Мартина, знаменитого американского джазового певца и актера итальянского происхождения, оно просочилось и в СССР, где заняло достойное место в числе других хитов «музыки на костях»… А-а, кто-то не знает, что это такое – «музыка на костях»? Уже рассказываю.

В далеких 1950-х, когда полным ходом шла бескомпромиссная война советской идеологии с одним из тлетворных проявлений буржуазной морали – джазом, советским любителям этого полузапрещенного вида искусства пришлось совсем туго: никакой информации из-за рубежа. Только начиналась джазовая программа по «Голосу Америки» знаменитого радиоведущего Уиллиса Кларка Коновера, как сразу же включались все радиоглушилки Комитета государственной безопасности. То, что Уиллис Коновер отлично знал свое дело, говорит хотя бы такой непреложный факт, как его работа продюсером джазовых концертов в Белом доме и на Ньюпортском джазовом фестивале. Не случайно специалисты называли Коновера «наиболее значимым человеком в интернациональном джазе». Но не хуже (а может быть, и получше) знали свое дело глушители-комитетчики: как там ни умничал заокеанский знаток джаза, все равно, разобрать можно было только отдельные фрагменты, а чтоб записать какой-нибудь блюз – и речи не могло идти. Но одно дело победить пропагандиста ненавистного джаза, а другое – многие десятки тысяч любителей этой проклятой напасти. На всем пространстве Советского Союза было налажено подпольное изготовление джазовых грампласт-

тинок, на которые переписывалась музыка с привозимых «из-за бугра» дипломатами (иногда – моряками) фирменных дисков. А исходным материалом для кустарных пластинок служили использованные рентгеновские снимки. Посмотришь через такую пластинку на свет Божий – увидишь чью-то поломанную ключицу или смещенные диски позвоночника, а поставишь на электропроигрыватель – услышишь захватывающую музыку в исполнении Диззи Гиллеспи* или другого Каунта Бейси**… Так что более остроумного названия, чем «музыка на костях», придумать трудно.

Так через загубленные рентгеновские снимки у меня и таких же юных моих друзей, фанатирующих джазом, появились записи из замечательного американского фильма «Серенада Солнечной долины» с эпохальным биг-бендом Гленна Миллера и другие шедевры джазового искусства. Еще чуть-чуть, и мы познакомимся с творчеством Луи Армстронга, Френка Синатры, Дюка Эллингтона, Эллы Фитцджеральд, других корифеев джаза, но не будем спешить, ибо наступает уже другое время – время возмужания автора этих записок…

* Диззи Гиллеспи (наст. имя Джон Биркс Гиллеспи) – выдающийся джазовый трубач, композитор, аранжировщик.

** Каунт Бейси (наст. имя Уильям Джеймс Бэйси) – джазовый пианист, знаменитый руководитель биг-бенда.

Владимир Трухнин, Ирина Полторак

«Городок» – пятый угол!

Городок для общей пользы

Утром по аллее парка бежит Мужчина в спортивном костюме. Его останавливает уже слегка поддатый Субъект затрапезного вида с саженцем дерева в руках.

Субъект. Стойте! Товарищ! Можно к вам обратиться как к гражданину?

Мужчина. В каком смысле?

Субъект. В самом высоком. В гражданском… Вот вы зачем тут бегаете?

Мужчина. Ну как… Бег полезен! И кислородом подышать – тоже польза. (*Шумно пару раз делает вдох носом, выдох ртом.*)

Субъект. Это вы делаете для вашей личной пользы, да? Каждое утро! А для общей пользы что вы делаете? Кислород-то, он, между прочим, общий. А вы им, извините, дышите… Через ваш личный нос, через ваш личный рот…

Мужчина. Послушайте, а вы, собственно, кто?

Субъект. Я – гражданин! И думаю не о своей пользе, а об общей! Каждое утро! И я предлагаю вам посадить дерево. Чтоб давало кислород всем. У меня тут все наготове.

Мужчина. Хм… Действительно, почему бы и не посадить? Для общей пользы.

Субъект. Согласны? Тогда держите! (*Дает саженец.*) С вас триста рублей.

Мужчина. Ага… И это называется для общей пользы? А триста рублей, значит, вам?

Субъект. Да! Каждое утро я безвозмездно работаю для общей пользы. Но потом люблю вкусненько пообедать!.. Ну, тоже, извините, через рот…

Они идут вглубь парка. Вдруг Субъект останавливается.

Субъект. Слушайте, а может, вы не будете себя утруждать, а? Свое время тратить?

Мужчина. Как это?

Субъект. Я за вас это дерево могу посадить! Мне обычно дают еще 300 рублей за работу для общей пользы и бегут себе дальше по своим личным делам… Я посажу. Честно!

Мужчина. Нет, я должен сам… Но какой вы честный, благородный человек! А мне вначале показалось, что вы аферист. Сори. Сейчас столько аферистов – примеры, ну, на каждом шагу!

Субъект. Да, зачем далеко ходить… Я по себе знаю…

Идут дальше, думая каждый о своем.

Мужчина. Как же вы правы! Надо думать не только о своей пользе, но и об общей…

Субъект. Вот! А главная польза – это здоровье! Представьте, лет через десять сядут под вашим деревом люди, разложат закусочку и выпьют водочки за ваше здоровье. Хорошо!

Мужчина. Выпьют?!.. Не вижу в этом занятии никакой пользы!

Субъект. Не нравится? Вычеркиваем! Тогда так: сядут под вашим деревом люди… И будут сидеть, сидеть, сидеть… Как дураки. Водочку-то за ваше, между прочим, здоровье мы вычеркнули. Хотя, если честно… Ну, нельзя так со своим здоровьем! Нельзя!

Они подошли к месту посадки. Там воткнута лопата и стоит ведро с водой.

Субъект. Вот здесь. Ямку будете лопатой рыть? Или, может, ручками?

Мужчина. Почему вы спрашиваете? Лопатой, конечно.

Субъект. Ну… Просто эта лопата стоит 300 рублей. Так значит, берете?

Мужчина. Еще 300? Дороговато… И что я с ней потом буду делать?

Субъект. Ладно… Я у вас ее потом обратно откуплю. За 100…

Мужчина. Гранд мерси! Сейчас порядочного человека редко встретишь. Я в рекламе работаю. В агентстве, размещаем рекламу на рекламоносителях. Все дурят! Все!

Субъект. О! Коллега! Я тоже работаю в рекламе. У меня даже есть четыре своих рекламоносителя.

Мужчина. Вы?! Работаете в рекламе?

Субъект. Ну да, в рекламе. Спереди на тебя надевают рекламу, сзади… и весь день ее носишь. У меня вся семья – рекламоносители. Теща, жена, брат и я. Можем сотрудничать!

Мужчина начинает копать, Субъект закуривает.

Мужчина. Как я рад, что встретил такого человека! Который прямо с утра думает, не как себе зенки залить или, скажем, денег нахапать, а об общей пользе!

Субъект. Ну да… Есть немного… Соображаем чуть-чуть.

Мужчина. Таких людей, как вы, надо почаще по телевизору показывать. Принципиальных, думающих об общем благе! Бескорыстных… Ну, практически…

Субъект. Не, спасибо, конечно. Но по телевизору меня лучше не надо…

Мужчина. Понимаю… Да еще таких вот беспредельно скромных, как вы!

Субъект. Не. Лучше чаще показывать по телевизору таких вот беспредельно умных, как вы…

Мужчина выкопал ямку. Субъект прикуривает одну сигарету от другой.

Мужчина. Ой, как вы много курите…

Субъект. Работа у меня такая. Нервная.

Мужчина. Теперь мне надо налить в ямку воды, да?.. (*Показывает на ведро с водой*.)

Субъект. Да, но вода, понимаете…

Мужчина. Понимаю! Доставка, бензин подорожал, амортизация ведра… И почем у вас водичка?

Субъект. 10 рублей… (*Спохватывается*.) Литр!

Мужчина. Так дешево?!.. Давайте всю! Мое деревце хочет пить! Природе надо помогать!

Субъект. Пожалуйста! Я могу еще десяток ведер притащить. Мне для родной природы никаких ваших денег не жалко! Это получится… (*Соображает*.) Тысяча рублей получится.

Мужчина. Давайте пока будем немного экономить. Для пользы общего дела. Если дождь не польет, закажу у вас на завтра три ведра воды на общую сумму 300 рублей.

Субъект. Это просто сказка какая-то… А если дождь польет, тогда два ведра, хорошо?

Мужчина поливает. Субъект курит.

Мужчина. Как я вам благодарен! Напомнили мне о самых простых истинах. Что мужчина должен посадить дерево, построить дом, родить сына… И не просто напомнили! Вот, я уже сажаю дерево. Жаль, таких людей у нас мало. Может, вы еще кого-нибудь знаете?

Субъект. Ну… В этот парк одна женщина иногда по утрам выходит.

Мужчина. Тоже за 300 рублей предлагает посадить дерево?

Субъект. Нет, она предлагает родить сына… Но за те же деньги… Правда, это такая двухметровая тетка, весом килограммов двести, кулачищи во…

Мужчина. Ой… И что? Неужели кто-то соглашается?

Субъект. Все отказываются. Но у нее отказаться стоит намного дороже, чем согласиться…

Мужчина. Ой… Хорошо, что она мне не попадалась…

Субъект. Так у вас, как говорится, все еще впереди.

Мужчина что-то поправляет на деревце и любуется своей работой.

Мужчина. Прекрасно! А я ведь даже не спросил, как зовут такого замечательного человека!

Субъект. Та зачем вам это? (*Закуривает.*) Ну, Федя…

Мужчина. Опять курите… А по батюшке?

Субъект. Ну, Иваныч. Только меня так никто не зовет. У меня с детства погоняло Фуфик.

Мужчина. Послушайте, Фуфик, то есть Федор Иваныч. Я вам ответственно заявляю, что вы есть замечательное явление нашей общественной жизни. Человек, который хотя бы думает об общем благе. Поэтому предлагаю раскручивать вас на должность мэра.

Субъект. Чего?.. Не, не надо мне этого. Там же столько работы, столько работы…

Мужчина. Ой, слушайте… Какая вам разница, где курить? (*Дает деньги.*) Это вам…

Мужчина рассчитывается, и Субъект порывается уйти.

Субъект. Ну, я пошел. Значит, завтра я водичку для вашего деревца приношу, да?

Мужчина. Погодите, Фуфик. Насчет мэра – это я серьезно.

Субъект. Не-не-не… Зачем мне это?

Мужчина. Для общей пользы! Вы думаете, я дурак? Знаете, они там тоже, видно, думают, что я дурак. Но я считать умею. И не дурак. Уже. Вот вы сегодня получили от меня 300 за саженец, 200 за лопату, 100 за воду… Итого 600 рублей. Вы довольны?

Субъект. Конечно, спасибо вам.

Мужчина. В месяц это до 15 тысяч. А у нынешнего мэра зарплата 100 тысяч. Значит, с вами мы 85 тысяч нашему городу сэкономим? Для общей пользы! Дальше. Только что мы за 600 рублей реально посадили дерево. А у нынешнего фуфика… (*Поправляется.*) то есть мэра, на одно дерево по смете выходит три тысячи. Причем еще не факт, что деревья посадят. И последнее. Вот если вам можно будет украсть денег, ну, сколько хочешь, то вы сколько стибрите?

Субъект. Сколько захочу? И мне за это ничего не будет?.. Миллион!!

Мужчина. Все! Вы как новый мэр в год сэкономите миллиардов пять!.. Для нашей общей пользы…

Субъект. Да?! Ну, тогда… Пойдемте куда-нибудь, обсудим… (*Удаляются, оживленно обсуждая.*) А из этой вот экономии, ну, что вы сказали, можно будет что-нибудь… того?.. Естественно, для нашей общей пользы. То есть раздерибанить на двоих, а?

Мужчина. Да я смотрю, вы прирожденный политик! Умный, перспективно мыслящий! Обсудим, обсудим…

Евгений Голубовский

Книжный развал

Издано в Одессе

Материалы международной конференции «Возвращение авангарда» Одесса, Издательский центр Deluxe, 2012

Девять лет прошло с тех дней, когда в Одесском литературном музее состоялась конференция, приуроченная к 100-летию со дня рождения Николая Ивановича Харджиева, крупнейшего исследователя русского авангарда, чьи первые шаги в литературу проходили в нашем городе.

Мне довелось участвовать в этой конференции, выступать на ней, и могу свидетельствовать, что это было огромное событие в культурной жизни Одессы. Усилиями оргкомитета, куда входили А. Парнис (председатель), Дж.Э. Боулт (сопредседатель) и Т. Липтуга (сопредседатель), удалось привлечь в Одессу вершинные имена как в искусствоведении, так и в литературоведении.

Понадобились годы, чтобы издать большой том, вобравший все интересное из того, что прозвучало на конференции. Но книга не устарела. Заботами ответственного редактора Т. Лип-

туги, научного редактора А. Парниса, составителей А. Яворской и А. Парниса многие ученые предложили обновленные редакции текстов.

Мне представляется, что этот сборник на полке любителей искусства и литературы встанет в один ряд с «Черным квадратом над Черным морем», библиографическим справочником Ольги Барковской о Товариществе независимых художников, исследованием С. Лущика о Салонах Издебского.

С.А. Гешелин
Очерки воспоминаний
Одесса, ВМВ, 2012

Мне кажется, что в нашем обществе в последние годы заметно вырос интерес к документальной прозе, к мемуарам. Выяснилось, что историю последнего столетия мы знали хуже, чем пушкинскую эпоху. И это касалось и России в целом, и Украины, и Одессы. Поэтому книга одного из известнейших хирургов, доктора наук, профессора Сергея Александровича Гешелина была… обречена на успех.

Естественно, в этой книге много интересного рассказывается о медицине и врачах. Ведь Сергей Александрович – врач в третьем поколении. И его дед, и его отец работали, преподавали в Одессе, их живые портреты безусловная заслуга автора. Одна из интереснейших глав книги посвящена выдающемуся хирургу Б.Е. Франкенбергу, учеником которого был Сергей Гешелин.

Но не только медицинская Одесса оживает в этой книге. Изначально автор не знал, кем станет – хирургом или музыкантом. И поступил одновременно в медин и консерваторию. И хоть пианистом не стал, но музыка сыграла и играет большую роль в его жизни. И поэтому с интересом читаются музыкальные

главы книги, а ведь учителем С.А. Гешелина был великий пианист Эмиль Гилельс.

Эта книга не только воспоминаний, но и размышлений. К примеру, статью – публицистическую и яркую – о значении русского языка я когда-то публиковал во «Всемирных одесских новостях», она вошла в этот том, что делает всю книгу полемичной, острой и вызывающей читательский интерес.

Три + Три
Библиотека «Зеленой лампы»
Одесса, ВМВ, 2012

Четвертая книга вышла в «Библиотеке «Зеленой лампы». Если сборник «Сто» из этой серии представлял сто стихотворений двадцати поэтов, то сборник «Три + Три» – рассказы шести прозаиков, участников «Зеленой лампы» при Всемирном клубе одесситов.

Все авторы очень разные, невозможно спутать социальный абсурд в прозе Игоря Божко с психологическими рассказами Виктории Колтуновой, сложные эксперименты Ольги Ильницкой с нарочитой простотой жизненных историй, поведанных Яной Желток, фантасмагории Наиля Муратова с антиностальгическим рассказом Евгения Деменка. Но именно их разность – и тематическая, и стилистическая, и, конечно же, уровень профессиональности и делает этот сборник срезом сегодняшнего состояния дел в одесском литературном цехе.

В оформлении книги автор дизайна Анна Голубовская использовала серию гравюр Альбины Ялозы «Свет». Ассоциации естественные: «Зеленая лампа» – источник света, каждый автор по-своему освещает нашу жизнь. Но эти ассоциации необязательны.

Книга с жестким названием «Три + Три» предполагала конструктивное решение, а этому и способствовала конструктивистская графика Альбины Ялозы.

Франсуаза Оз
«Книга экспериментов»
и «Все золото в нас»
Одесса, 2012

Две книги стихов вышли у одесской художницы Франсуазы Оз. По сути, это рукотворная работа. Стихи вписаны в рисунки, коллажи не менее поэтичны и ироничны, чем поэтические строки.

На обложке «Книги экспериментов» Франсуаза написала: «Все важное внутри, но туда нужно пускать только тех, кто знает, что там».

В начале 2012 года я составлял сборник стихов, авторами которых являлись художники, связанные с Одессой, – от Василия Кандинского до Ольги Котовой, за весь XX век. К сожалению, я не знал тогда стихорисунков, стихоколлажей Франсуазы Оз. Безусловно, включил бы ее – самую молодую и самую авангардную – в эту антологию.

«Придумай непридуманное», – требует Франсуаза.

Или вот такие желания:

Никогда не говори всегда,
Всегда говори никогда
И рисуй летние пейзажи
На замерзшем окне.

Все это написано, а не набрано на компьютере, все это поверх графики – в этом магия простых и поэтичных заклинаний.

Светлана Нисилевич
Ты кто?
Одесса, Астропринт, 2012

Это уже не первая книга стихов Светланы Нисилевич, но для детей она написала книгу впервые. И возможно, в этом ее подлинное призвание. Здесь сплавлены и доброта, и юмор, и понимание детской души. В книге нет назидательности, которой часто грешат детские поэты, а есть фантазия, на которой, как на дрожжах, растут детские души, есть парадоксальность, вызывающая улыбку радости.

Приключений ищет гусь,
Бродит по дороге.
Но его я не боюсь,
У меня есть ноги.

* * *

Белокрылый пеликан
Рядом с чайкой – великан!
Убегают рыбки
От его улыбки.

Будем ждать от Светланы Нисилевич новых детских книг.

Издано в Киеве

Сергей Радченко
Записки музыканта
Киев, Видавництво Жупанського, 2012

Записки Сергея Николаевича Радченко, уроженца Одессы (1907 г. р.) подготовила к печати и издала его дочь Татьяна Сергеевна Радченко. Мне представляется, что всегда нужно благодарить тех детей, кто продолжает дело родителей, воплощает их замыслы в жизнь. Это как раз такой случай.

Сергей Радченко с детских лет дневал и ночевал в Одесском оперном театре, где работал его отец, в семь лет мальчик начал выступать, а в четырнадцать уже дирижировал оркестром. О самом Сергее Радченко можно найти статьи в одесских газетах, но вот мир музыкальных кумиров его глазами… Среди тех, кого знал, о ком писал С. Радченко, к примеру, Борис Тюнеев, обучавший музыке и его, и Святослава Рихтера, Николай Голованов…

Но не только музыкантов знал и не только о музыкантах писал Радченко. Среди героев книги академики В.П. Филатов и А.А. Богомолец. И конечно же, друг его юности Валентин Глушко, ставший впоследствии одним из отцов космонавтики. Так получилось, что оба бредили космосом и музыкой. Но если Глушко ушел из одесской консерватории и уехал в Ленинград, чтобы стать инженером, то Сергей Радченко бросил одесский политехнический, чтобы навсегда связать свою жизнь с музыкой.

Сейчас, когда Одесский оперный театр создал свой музей, думается, эта книга может стать для музейщиков путеводителем по поиску экспонатов.

Издано в Каменец-Подольском

Игорь Померанцев
Черновцы
Издание Международного
поэтического фестиваля
Meridian Cernowitz, 2012

Игорь Померанцев – многолетний друг и автор нашего альманаха. Он родился в 1948 году в Саратове, но его отец родом из Одессы. Вырос Игорь в Черновцах, но впервые КГБ брал его в Одессе. К тому времени в самиздате ходили его стихи и повесть «Читая Фолкнера». Эмигрировал в 1978 году. С 1980 года и по сегодняшний день работает на радио «Свобода».

В книгу повестей и эссе Игоря Померанцева вошли и самиздатовская повесть «Читая Фолкнера», и его размышления о сегодняшней жизни и о городе, где прошли его детство и юность, – о Черновцах.

Для нас, одесситов, феномен многонационального города, каким были Черновцы, очень интересен. Этот город дал миру плеяду талантливейших людей. Достаточно назвать Ольгу Кобылянскую и Юрия Федьковича – классиков украинской литературы; Михая Эминеску – выдающегося румынского поэта; Розу Ауслендер и Пауля Целана – еврейских поэтов, писавших на немецком языке, приобретших мировую известность.

Может, потому так уютно чувствует себя Игорь Померанцев и в Лондоне, и в Праге, и в Одессе, он во многом воспитан Черновцами, в нем сохранилась аура Черновцов.

Олег Губарь

Ностальгия по солнцу

Людмила Кияновская
В начале жизни школу помню я…
Одесса, Печатный дом «Фаворит», 2012

Записки учителя-словесника с 45-летним стажем. Замечательные «наук и светлых чувств питомники» – 9-я, 116-я, 121-я одесские общеобразовательные школы. Известный всему городу литературный клуб «Парус». Пушкинское краеведение – литературное и биографическое. Увлекательные конкурсы «Пушкинского ориентирования»: памятник Поэту на Приморском бульваре – отели в домах Рено и Сикара – канцелярия градоначальника – особняк Фундуклея – дом Бларамберга… Творческие сочинения. Сотрудничество с Пушкинской комиссией Дома ученых. Всесоюзные праздники пушкинской поэзии. «Маленький Пушкинский театр», который оказался не так уж мал… Сколько жизнеутверждающей доброты, сколько стремления к свету в этой искренней исповедальной книге Учителя с прописной буквы!

Планируя этот выпуск альманаха, мы снова печалились о невосполнимых культурных потерях, в том числе связанных

и со школьным образованием и воспитанием. Невольно вырвалась ироническая, однако на самом деле более чем серьезная фраза: у нас не только многое потеряно, но кое-что и утрачено.

Это ностальгическое издание Людмила Павловна Кияновская посвятила памяти своих дорогих родителей. Пусть даже оно только что-то воскресит, восстановит, всколыхнет, восполнит в сознании читателей, но разве не в том назначение книги как таковой?

Содержание

От редакции 3

Михаил Жванецкий
Тяжесть души 5

История, краеведение

Сергей Решетов
Потомки и родственники М.И. Голенищева-Кутузова и Наполеона Бонапарта в Одессе 8

Александр Третьяк
Коцюбиев, или История фальшивки 25

Олег Губарь
Пушкин на берегу Черного моря 54

Галина Семыкина
Одесские очерки П.П. Свиньина 65

Екатерина Ергеева
Французский взгляд на бомбардировку Одессы 86

Евгений Деменок
Одесские пассажиры философского парохода 91

Владимир Варна
Первые кладбища Одессы 113

Одесский календарь

Юрий Дикий
Новосельского угол Дворянской. 120

Проза

Женя Голубенко
Марики 130

Владимир Наумец
Сколько цветов у боли ... 164

Валентина Силантьева
Коррекция любви ... 173

Нина Данилова
Бебино наследство ... 183

Анатолий Контуш
Тени ... 188

Поэзия

Игорь Потоцкий
«Опять случилось чудо...» ... 194

Эвелина Шац
Proemio, или Возможное не ... 198

Александр Мардань
«Остаться бы самим собой...» ... 203

Леонід Якубовський
«Легкой не була дорога...» ... 206

Первые шаги

Син Ричи
Размышления о себе и о других ... 212

Искусство – жизнь – искусство

Эгиз в гостях у Айвазовского. ... 216
Публикация Марины Верховецкой

Ирина Озерная
Для тех, «кто разбирается в нашей словесности» ... 222

Феликс Кохрихт
Прогулки одинокого мечтателя ... 230

Наталья Панасенко
«Обыкновенная буржуазная семья» ... 233

Ростислав Александров
Ночь надвигается, фонарь качается ... 238

Михаил Обуховский
Одесса – Париж – Освенцим ... 248

Нина Аловерт
Талант в карман не спрячешь ... 263

Елена Шелестова
Вечная тема 269

Александр Галяс
Соперница Райкина 273

Публикации

Руфь Зернова
Иная реальность 286

Сокровища из сокровищницы

Татьяна Щурова
Свидетели эпохи давней 316

Путешествие

Феликс Кохрихт
Орлик и Крумлов 326

Иван Липтуга
Путешествие в мою Одессу 330

Память

Владимир Трухнин, Ирина Полторак
Он делал нашу жизнь радостнее 338

Анатолий Контуш
Прости нас, Ян 340

Илья Рейдерман
«Так вот что музыкою было, которая и в тишине – слышна…» 343

Ах, Одесса

Анатолий Горбатюк
Мелодии и кумиры эстрады моей юности 346

Владимир Трухнин, Ирина Полторак
«Городок» – пятый угол! 362

Издано…

Евгений Голубовский
Книжный развал 368

Олег Губарь
Ностальгия по солнцу 375

Одесский
коллекционер
№52
12.2018

ДЕРИБАСОВСКАЯ — РИШЕЛЬЕВСКАЯ